

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 3 (19) 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Сапожников И.В.** Хроностратиграфическое обоснование для общей и региональных периодизаций позднего палеолита Евразии 2

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае 12
Вишняцкий Л.Б. Опыт эволюционного ранжирования индустрий конца среднего и ранней поры верхнего палеолита 41

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Молодин В.И.** Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения 51

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Кубарев В.Д.** Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая 65
Самашев З.С., Бородавский А.П. Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя 82
Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святилище Нарийн Хурумта: древние европеиды в центре Азии 88
Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории Древней Бактрии 98
Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. Технология изготовления бронзовых изделий с могильника Танай-7 106

ЭТНОГРАФИЯ

- Черная М.П.** Русский город конца XVI – XVII в. как новый символ в картине мира сибирского общества 121
Баулю А.В. Связь времен и культур (серебряное блюдо из Верхнего Нильдина) 127

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

- Кеты Енисея** 137

АНТРОПОЛОГИЯ

- Буговская М.Л., Левашова В.В.** Скорость движения и язык тела пешеходов в условиях современного города: этологический анализ 147

ПЕРСОНАЛИИ

- “Цветущие персики и сливы” профессора **Ань Чжиминя** (к 80-летию со дня рождения) 157

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 902.62

И.В. Сапожников

*Институт археологии НАН Украины
Отдел Северо-Западного Причерноморья
ул. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина
E-mail: igors@ilyichevsk.net*

ХРОНОСТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОБЩЕЙ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЗАЦИЙ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

Решение проблем культурно-исторической интерпретации и реконструкции экономики позднего палеолита не представляется возможным без разработки более или менее детальной периодизации, которая должна быть взаимосвязана как с основными этапами глобальных климатических процессов, так, по возможности, и с региональными изменениями природной обстановки, в т. ч. с эволюцией уровня Мирового океана и, соответственно, с переуглублением прибрежных речных долин на протяжении позднего плейстоцена.

Региональные геохронологические схемы

При всем обилии и разнообразии общих и региональных хроностратиграфических схем, построенных на разных принципах и материалах, лучшей и основополагающей является детальная схема эволюции лессово-почвенной формации Восточной Европы М.Ф. Веклича, в значительной мере разработанная на основе разрезов Степной Украины. Литолого-стратиграфические, геологические и даже палинологические исследования на целом ряде палеолитических стоянок зоны степей были проведены на ее основании, в некоторых случаях – самим М.Ф. Векличем либо при его участии. Кроме того, разрезы многих памятников, открытых и раскопанных в 1920–1940-х гг. (главным образом в Днепровском Надпорожье), описаны его предшественниками – В.И. Крокосом, Л.А. Лепикашем, В.В. Ризниченко и другими украинскими геологами.

В 1970–1980-х гг. именно схема М.Ф. Веклича, уточненная ведущими украинскими геологами, почвоведом и палинологами [Веклич и др., 1984], была принята Украинской межведомственной стратиграфической комиссией в качестве обязательной при проведении инженерно-геологических изысканий на территории всей Украины. В последние 20–30 лет эта схема успешно используется многими палеолитоведами [Кротова, 1988, 1994; Анисюткин, 1994; Дворянинов, Сапожников, 2002; Колесник, 2003; Сапожников, 2002а, б; 2003а, б; и др.].

Исходя из датировок начала верхнего палеолита Европы в данной схеме нас могут интересовать лишь три самых поздних ее горизонта: бугский (bg, 50–30 тыс. л.н.*), точнее, верхняя его часть, дофиновский (df, от 30–32 до 22) и причерноморский (рч, 22–10 тыс. л.н.). Первый из них делится на два подгоризонта, остальные на три [Веклич, 1982, с. 49, 189–191, табл. 5].

Верхний бугский подгоризонт представлен лессами, накопившимися во время средневюрмского оледенения (W-II), в нижнем кроме лессов отмечается до трех эмбриональных почв общей мощностью 0,1–0,2 м. Слой бугских отложений в Восточной Европе достигает 6–8 м при среднем показателе 4–5 м. Дофиновский горизонт представлен мощной погребенной почвой (почвами), которая сформировалась в ус-

* В статье использованы только “некалиброванные” абсолютные даты.

ловиях теплого климата. В регионе лучше всего выражены средне- (df_b) и позднедофиновские (df_c) почвы, достигающие суммарной мощности 1,5–2,0 м. Первые имеют буровато-коричневую окраску и относятся к типу южных черноземных солонцеватых, вторые, как правило, характеризуются признаками бурых полупустынных почв. Литологическая структура причерноморского горизонта более сложная. В целом он сформировался в период последнего наступления ледника (W-III), но ранний подгоризонт (pr_1), представленный лессами, соответствует наиболее холодным природным условиям среднего этапа верхнего палеолита. Средний подгоризонт (pr_2) связан с одной (редко двумя) светло-бурой почвой полупустынного типа, а верхний (pr_3) – снова с лессами. Суммарная мощность причерноморских отложений на юге Украины составляет от 0,3 до 3,5 м и крайне редко превышает 2,5–3,0 м. Наименее выражен верхнепричерноморский подгоризонт (pr_3), на который повлияли процессы голоценового почвообразования. Часто он вообще отсутствует в разрезах или составляет всего 0,3–0,5 м. Максимальная мощность лессов этого подгоризонта, известная по опорным разрезам, 0,8–1,1 м. Такую же, а чаще меньшую мощность имеет и среднепричерноморская почва (pr_2). Лессы (pr_1), как правило, не намного мощнее, особенно когда в разрезе есть сразу все три причерноморских подгоризонта [Веклич, 1968; Веклич и др., 1977; Веклич, Сиренко, 1976].

Схема М.Ф. Веклича была дополнена Н.П. Герасименко, которая в ряде разрезов Донбасса, в т. ч. на позднепалеолитических памятниках Роголикско-Передельского района, выделила в лессах, точнее, в верхней гумусированной части верхнепричерноморских отложений (на основании литологии и палинологии) две маломощные почвы. Она сопоставила их с теплыми периодами беллинг и аллеред схемы Блитта–Сернандера [Веклич, 1987, с. 151–152, рис. 56]. Соответственно, там же ею были описаны отложения дриаса Ic, II и III [Герасименко, 1997, с. 13–20, рис. 3–6, 8]. Совсем недавно на основании данных исследований следы аллередского почвообразования были выявлены в разрезе трехслойной финальнопалеолитической стоянки Михайловка (Белолесье) в Днестро-Дунайском междуречье [Сапожников, 2004]. По сути, эти выводы базируются на последних трудах М.Ф. Веклича, разработавшего и детальную схему палеоклиматической этапности голоцена, а также позднеледниковья (от начала беллинга). Весь отрезок времени от 13,3 тыс. л.н. до начала голоцена ок. 10,3 тыс. л.н. рассматривается им как один период (наноклиматохрон II – h_{a1}), который в схеме Блитта–Сернандера делится на четыре этапа: беллинг (Bl – h_{a1-1}), дриас II (Dr-II – h_{a1-2}), аллеред (Al – h_{a1-3}) и дриас III (Dr-III – h_{a1-4}). Однако надо иметь в виду, что в отличие

от Н.П. Герасименко М.Ф. Веклич не назвал в разрезах Украины ни одного стратотипа, соответствовавшего либо позднеледниковью целиком, либо хотя бы одному из четырех названных этапов в отдельности [1987, с.149–165, рис. 61].

Следует отметить, что ряд других, разработанных российскими учеными, схем, в первую очередь, основанных на материалах Восточно-Европейской равнины, в общих чертах (если не вдаваться в проблемы датирования их этапов) неплохо коррелируется со схемой М.Ф. Веклича. Так, А.И. Москвитин валдайскую эпоху (70–10 тыс. л.н.) подразделил на три этапа: ранний – калининское оледенение (70–50 тыс. л.н.; с рядом фаз и интерстадиалов); средний – молодого-шекснинское межледниковье (50–24 тыс. л.н.; с тремя климатическими оптимумами) и поздний – ошашковское оледенение (24–10 тыс. л.н.). Последний, в свою очередь, разделен на ледниковый (с двумя фазами, ошашковской и валдайской, и мазурским интерстадиалом между ними) и постледниковый (фазы финская и поморская) периоды [Москвитин, 1967; и др.]. До недавнего времени именно эта схема, во многом благодаря тому, что на ее основании была описана стратиграфия позднепалеолитических поселений Костенково-Борщевского района [Грищенко, 1976], имела широкое распространение среди палеолитоведов “ленинградской школы”. В несколько упрощенном и модифицированном виде она использована в монографии “Палеолит СССР” [Праслов, 1984; Рогачев, Аникович, 1984; и др.].

Схема М.Ф. Веклича в той или иной степени коррелируется и с другими схемами [Величко, 1982, 1989; Величко, Морозова, 1982; Величко и др., 1997, 1999; Чеботарева, Макарычева, 1982; Арсланов, 1975, 1992*; Никифорова, Кинд, Краснов, 1984; Никифорова, Иванова, Кинд, 1987; Заррина, Краснов, 1977; Заррина, Краснов, Спиридонова, 1980; Чичагова, 1972; Фаустова, 1994; и др.]. Речь идет о сопоставлении этапов и событий позднего плейстоцена, имевших место в позднем палеолите.

То же самое можно сказать и о схеме французского ученого Ф. Джинджана, которая разработана на обширнейших материалах Западной Европы с привлечением большого числа абсолютных дат археологических памятников [Djindjian, 2002a, б; Djindjian, Kozlowski, Otte, 1999, p. 39–47]. В последнее время она получает все большее признание, а сам автор включил в нее и ряд позднепалеолитических стоянок Центральной и Восточной Европы. Поэтому остановимся на этой схеме подробнее. Природные изменения на протяжении 45–11 тыс. л.н. подразделены

* Эти схемы недавно проанализировала А.А. Кротова [2003].

на шесть периодов: 1) теплый внутривюрмский плени-интергляциал (45,0–34,0 тыс. л.н.); 2) более холодный (осцилляция) препленигляциал (34,0–28,0 тыс. л.н.); 3) древний верхний пленигляциал (28,0–22,0 тыс. л.н.); 4) максимум гляциала (22,0–16,5 тыс. л.н.); 5) поздний верхний пленигляциал (16,4–13,5 тыс. л.н.); 6) позднеледниковье (тардигляциал; 13,5–11,0 тыс. л.н.). На этом фоне выделяются краткосрочные фазы потеплений: меерсхофд (ок. 43–41 тыс. л.н.); хенгело (ок. 39 тыс. л.н.); лез коте (ок. 34–35 тыс. л.н.); а также более известные и датированные арси (индекс 2В; 32,0–30,0 тыс. л.н.), мезье (2D; 29,0–28,0 тыс. л.н.), тюрсак (3В; 25,0–24,0 тыс. л.н.), ложери (4С; 20,0–19,0 тыс. л.н.), ляско (4Е; 18,0–16,5 или 18,0–17,0 тыс. л.н.), беллинг (6А; 13,5–12,5 тыс. л.н.) и аллеред (6С; 12,0–10,8 тыс. л.н.). Все эти фазы разделены более холодными периодами. Замечу, что в данной схеме дриас I следует непосредственно за ляско, причем до беллинга никаких других теплых фаз нет.

Не трудно убедиться, что схема как в основных, так и в частных моментах коррелируется со схемой М.Ф. Веклича (см. *таблицу*). Так, ее фазы 2В–2D и весь третий период суммарно можно сопоставить с дофиновским горизонтом (он же – паудорф, дунаевское потепление и др.), четвертый (без ляско) – с раннепричерноморским, а ляско – со среднепричерноморским подгоризонтом, пятый и шестой – с верхнепричерноморским. Что касается теплых фаз арси, мезье и тюрсак, то их вполне можно соотнести с тремя почвами (подгоризонтами) дофиновского горизонта, а меерсхофд и хенгело – с эмбриональными почвами нижнего бугского подгоризонта.

В свое время Н.А. Хотинский писал, что факты заставляют отказаться от представлений о полной синхронности климатических колебаний (особенно кратковременных) в глобальном масштабе [1977, с. 184]. Но он же убедительно доказал наличие фаз схемы Блитта–Сернандера во всей Северной Евразии, а М.Ф. Веклич привел примеры соответствия этой схеме в Сибири, на Дальнем Востоке, в Японии, Канаде, США и даже в Колумбии и Чили [1987, с. 152–154, рис. 58].

Сказанное дает основания для того, чтобы ввести в схему М.Ф. Веклича (как и в схему Ф. Джинджана) еще одну теплую фазу – раунис (мстинский интерстадиал; 14,5–13,0 тыс. л.н.). В таком случае холодный период между ляско и раунисом будет отвечать вепсовской (южно-литовской, поморской, померанской) стадии (15,5–14,5 тыс. л.н.) [Хотинский, Девириц, Маркова, 1966; Фаустова, 1994; Лисицын, 2000], иногда называемой дриасом Ib. К слову сказать, так же называют период между максимумом оледенения и началом потепления ляско [Dansgaard et al., 1993; Djindjian, Kozlowski, Otte, 1999, fig. 2.3], которого нет в схеме Ф. Джинджана.

Таким образом, в схеме М.Ф. Веклича, построенной на детальном анализе лессово-почвенных отложений Украины, пока не нашли отражения теплые фазы лез коте, ложери и раунис. Подчеркну, что литологически они никак не выражены в нашем регионе. Однако и ложери, и раунис изредка прослеживаются другими методами, в частности палинологическими исследованиями. Скорее всего, в зоне степей Восточной Европы эти природно-климатические события были менее заметны и (или) кратковременны.

Учтя достоинства и недостатки охарактеризованных выше схем, а также используя имеющиеся абсолютные даты, в т. ч. по позднему палеолиту Степной Украины (на сегодня более 70 дат для 25 памятников) [Синицын и др., 1997; Кротова, 2003; Степанчук и др., 2004], я разработал обобщенную хроностратиграфическую колонку, которая публикуется впервые (см. *таблицу*).

В последние годы ряд украинских геологов занимается разработкой новой схемы лессово-почвенной формации Украины. Я имею в виду исследования П.Ф. Гожики и В.Н. Шелкопляса с соавторами, представленные преимущественно в тезисной форме. В них есть существенные различия, говорящие о том, что создание новой схемы еще не завершено. Тем не менее некоторые палеолитоведы уже начали ее использовать [Кротова, 2003], поэтому стоит рассмотреть эту гипотезу хотя бы в общих чертах.

Названные авторы предложили выделять в позднем плейстоцене два горизонта: брянский (витачевский), датированный ок. 45–35 тыс. л.н., и бугский – 35–10 тыс. л.н. В последний входят бугский, дофиновский и причерноморский горизонты схемы М.Ф. Веклича, но уже в ранге подгоризонтов. При этом хронологические рамки последних прямо не указаны [Шелкопляс и др., 1986, с. 17, 34–36, табл. 4]. По другим данным, погребенные почвы (с прослойками лессов) витачевского горизонта датируются 45–30 тыс. л.н., бугский лесс – 27–17 (отмечается, что он достигает мощности 12–18 м), дофиновская почва (или почвы) – 16,1–13,7 (или 17,1–15,3), а причерноморский лесс – от 15,3–13,7 до 10,0 тыс. л.н. [Гожик и др., 2000; Gozhik et al., 2001; Кротова, 2003, табл. 1].

На основании этой схемы описан один из наиболее полных лессовых разрезов Украины – у с. Роксоланы на левом берегу Днестровского лимана, – общая мощность четвертичных отложений которого достигает 48–51 м. Бугские лессы (мощность ок. 10 м) датированы там 25,1–16,17 тыс. л.н., дофиновская почва, сопоставляемая с потеплением раунис, – 13,7 тыс. л.н. Выше залегают причерноморские лессы мощностью 10,1 м, в которых есть две погребенные почвы. Из них верхняя датируется ок. 10,0, а нижняя – 11,5 тыс. л.н. В другом разрезе, располо-

**Корреляция геохронологических колонок с общей схемой периодизации
позднего палеолита***

Схема М.Ф. Веклича				Схема Ф. Джинджана			Общая схема периодизации		
Время тыс. л. н.	Горизонт	Подгоризонт	Отложения и события	Период	Индексы фаз	Фазы	Пора	Уровень	События и фазы
10,3	Причерноморский (рç)	рç ₃	Позднеледниковые Al, Dr-III, Dr-II, BI	6	AD	Dr-II, AI, BI	Поздняя	Верхний	Dr-III Dr-II, AI BI
15		рç ₂	Лессы	5		Нет фаз Dr-I		Средний	Dr-Ic Раунис Dr-Ib
20			рç ₁	Почва (ляско)	4	4E	Ляско	Нижний	Ляско
		4D		Maximum		Верхний	Dr-Ia		
		4C		Ложери		Средний	Maximum Ложери		
		4B		Maximum		Нижний	Начало гляциала		
25	df _c	Почва	3	3C	Тюрсак	Ранняя	Верхний	Тюрсак	
	df _b	Почва		3B			Средний		
				3A					
30	Часть бугского (bg)	df _a	Почва	2	2D	Мезье	Начальная	Нижний	Мезье
bg ₂		Лессы	2C		Арси	Арси			
			2B						
35		bg ₂	Лессы	1	Нет индексов	Лез коте			Лез коте
40									

* Составлено по: [Веклич, 1982, 1987; Djindjian, 2002; Dansgaard et al., 1993; Сапожников, 2003].

женном на берегу Черного моря между селами Курортное и Приморское в Днестро-Дунайском междуречье, бугские лессы (мощность 4,6 м) датируются 26,1–21,3 тыс. л.н., дофиновская нижняя (из двух зафиксированных) почва – 16,3, а причерноморские лессы – 12,6–9,5 тыс. л.н. [Шелкопляс и др., 1986, с. 93–95, рис. 11, 12].

Нельзя не заметить, что подобные “абсолютные даты” (полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н.Н. Ковалюхом) не вписываются во все представленные выше геохронологические схемы и явно существенно “омоложены”, это сразу же отметили ведущие специалисты [Никифорова, Иванова, Кинд, 1987, с. 21]. Вызывают сомнения явно преувеличенная мощность причерноморских лессов в роксолановском разрезе, ряд других моментов и в целом правильность всей этой схемы.

Проблемы абсолютного датирования природных этапов и событий

Определившись с основными фазами климатических изменений для позднего палеолита, рассмотрим проблемы их абсолютной датировки. Сразу же замечу, что анализ может иметь лишь самый общий характер, поскольку число разных дат, приведенных в различных схемах, слишком значительно. Однако одна из первых сводных работ на эту тему, появившаяся 30 лет назад, до сих пор не утратила своей научной ценности. В ней Н.В. Кинд собрала и проанализировала опубликованные к началу 1970-х гг. абсолютные даты, полученные в разных регионах Евразии и в Северной Америке [1974].

Исследовательница привела данные о том, что аналогу дофиновского горизонта схемы М.Ф. Веклича (липовско-новоселовское потепление Сибири, интерстадиал фармадейл, пампойнт и др. в США) датируются в интервале 30,0–22,0 тыс. л.н., раннепричерноморского (гыданская стадия сартанского оледенения, осташковское оледенение, соответствующие стадии валдая, вислы, подвижки ледника в Северной Америке и др.) – от 22,0 до 16,5–16,0 тыс. л.н., а его максимум оледенения приходится на 20,0–18,0 тыс. л.н. Следующий за ним интерстадиал (среднепричерноморский подгоризонт), зафиксированный в Евразии и Северной Америке (ласско, лейк-эри и др.), датируется в Сибири и США – 16,0–15,0, а в Западной Европе – 16,5–15,5 тыс. л.н. Поздние интерстадиалы имеют даты: раунис (сусака, плюсский, кери-порт-гурон и др.) – от 13,7–13,6 до 13,2 тыс. л.н.; беллинг (стадия фьерес, кокорев) – от 13,0–12,8 до 12,0; аллеред (таймырское потепление) – 11,8–11,4 тыс. л.н. [Там же, с. 227–228, табл. 17].

Приведенные даты довольно точно соответствуют датировке позднеплейстоценовых этапов геохронологической схемы М.Ф. Веклича. Однако в ряде работ верхняя временная граница дофиновского горизонта (аналоги – штилфрид В, брянская почва, РК-I, лаудорф, денекамп и др.) [Величко, 1982, с. 67] опускается до 24–23, а нижняя – до 32 и даже 33 тыс. л.н. [Заррина, Краснов, 1979; Величко, Морозова, 1982, с. 118–119; Чеботарева, Макарычева, 1982, с. 24, рис. 2; Иванова, 1986, с. 166–167 и др.; Никифорова, Иванова, Кинд, 1987, с. 20–21; Величко и др., 1987, с. 25; и др.]. Западные исследователи, основываясь на геохронологии Центральной Европы, нередко удревняют верхнюю границу этого горизонта до 25 [Hoffecker, 1987, 1988, p. 242] или даже до 27 тыс. л.н. [Soffer, 1985, fig. 2.9], что, в принципе, близко к датировке Х.А. Арслановым дунаево-брянского потепления (32,0–25,0 тыс. л.н.) [1992].

Датировка верхней границы раннепричерноморского горизонта (деснинский горизонт, валдайский лесс II и др.), по мнению большинства авторов, соответствующей началу интерстадиала ласско, более проблематична. Сама А. Леруа-Гуран, выделившая ласско в начале 1960-х гг., датировала его ок. 16 тыс. л.н. [Leroi-Gouran, Brezillon, 1965; Soffer, 1985, fig. 2.9]. Отмечены тенденции к удревнению ласско до 18,0–16,0 [Burdakiewicz, 1987, S. 66–67], 18,0–16,5 тыс. л.н. [Djindjian, 2002a, p. 26] или, наоборот, к его “омоложению” до 16,0–15,5 [Долуханов, Пашкевич, 1977] и даже до 15,0 тыс. л.н. [Праслов, 1984, с. 4]. Еще недавно в Восточной Европе многие исследователи определяли рубеж ласско (р_{с2}, трубчевский интерстадиал) как 17–16 тыс. л.н. [Иванова, 1986, с. 167; Никифорова, Иванова, Кинд, 1987, с. 20; Величко и др., 1987, с. 25, рис. 1; Пашкевич, 1984; и др.], а позже Х.А. Арсланов отнес его к 16,5–15,0 тыс. л.н. [1975, с. 25; 1992, с. 17]. Понятно, что верхняя временная граница ласско совпадает с нижней верхнепричерноморского подгоризонта схемы М.Ф. Веклича (алтыновский горизонт, валдайский лесс III и др.).

Что касается датировки максимума позднеюрмского (валдайского) оледенения, имевшего место во время формирования раннепричерноморского подгоризонта, то здесь исследователи более единодушны. Так, по мнению П.М. Долуханова, пик этого события приходится на 20 тыс. л.н. [1972, с. 20]. Другие авторы склоняются к дате 20–18 [Кинд, 1974, рис. 56; Иванова, 1986, с. 167; Никифорова, Иванова, Кинд, 1987, с. 20; и др.] или 20–17 тыс. л.н. [Заррина, Краснов, 1979, с. 37]. Существует мнение, что “самый мощный среди позднеплейстоценовых лессовых горизонтов лесс-II (деснинский) сформировался около 23–17 тыс. лет

назад”*, а само похолодание не имело пиковой фазы [Величко и др., 1987, с. 25; и др.]. Замечу, что за пределами перигляциальной области, например на Ближнем Востоке, похолодание и аридизация климата начались ок. 36 тыс. л.н., а их апогей приходился на период 22–18 тыс. л.н. [Долуханов, 1989, с. 80]. Ведущие американские климатологи на основании обобщенных данных относят максимум гляциала (висконсина) к 22,0–14,0 тыс. л.н., его пиковую фазу – к 18,0, а период дегляциализации – к 14,0–10,0 тыс. л.н. Подчеркивается, что в Антарктике первые признаки сокращения ледников датируются 18,0–17,0 тыс. л.н. [Crowley, North, 1991, p. 47, 62]. К близким взглядам пришли и палинологи. Так, Г.А. Пашкевич датирует последнее оледенение 25,0–17,0, а его пиковый максимум – 18,0 тыс. л.н. [Пашкевич, 1984].

Согласно выводам Ф. Джинджана, максимальная фаза оледенения, по крайней мере в Западной Европе, имела два пика, разделенные упоминавшимся выше эпизодом ложери. Первый из них датируется 21,0–20,0, а второй – 19,0–18,0 тыс. л.н. [Djindjian, 2002a, p. 25]. Такой подход соответствует выделению мазурского интерстадиала А.И. Москвитиным [1967], а также выводам Е.А. Спиридоновой, которая на основании анализа палинологической колонки Мураловской стоянки в Приазовье проследила в середине валдайских отложений (23,5–17,0 тыс. л.н.) фазу потепления и датировала ее ок. 21 тыс. л.н.** [Спиридонова, 1991, с. 129, рис. 32].

Дополнительные факты для датировки максимума оледенения дают данные о частоте встречаемости датированных памятников Восточно-Европейской равнины, собранные П.М. Долухановым. На составленном им графике отчетливо видно почти полное отсутствие памятников с абсолютными датами от 19,0 до 18,0 тыс. л.н. Однако при этом автор делает прямо противоположный вывод, т. к. в той же работе относит пик оледенения к 22,0 тыс. л.н. [Долуханов, 2000, рис. 3.9, с. 79].

Этим можно было бы и завершить обзор проблем абсолютного датирования интересующих нас горизонтов и подгоризонтов позднего плейстоцена и их аналогов, но существует еще одна группа радиоуглеродных дат, связанных с общепланетарными колебаниями в по-

зднем плейстоцене уровня Мирового океана вообще и Черного моря в частности. Так, Н.В. Кинд, кроме всего прочего, обобщила данные по этому вопросу и пришла к выводу, что ок. 35–30 тыс. л.н. уровень морей и океанов был близок к современному. После этого он неуклонно понижался, достигнув минимума –115 (–90 ?) м во время максимума оледенения 20–18 или 17–16 тыс. л. н. [Кинд, 1974, с. 213, табл. 17].

Позднее регрессия Мирового океана стала оцениваться значениями –125...–130 м и даже более и датироваться 20–18 тыс. л.н. Однако в Черном море уровень вод не мог достичь таких низких отметок, поскольку был четко ограничен максимальными глубинами проливов Босфор и Дарданеллы, которые, по уточненным данным, не превышали 90–110 м [Благоволин и др., 1982, с. 11–12]. Ф.А. Щербаков оценил максимально низкий уровень Черного моря цифрой ок. –90 м и на основе абсолютных дат отнес “подолу черноморского новозвксина” (грань пика регрессии и начала трансгрессии) к 18–17 тыс. л.н. [1982, с. 113–115; 1983, с. 19, 107, рис. 26]. Л.Р. Серебряный попытался “омолодить” максимум регрессии до 15 и даже до 14 тыс. л.н. [1982, с. 161–163], с чем вроде бы согласился П.Ф. Федоров [1982, с. 151].

Чуть позже была опубликована целая серия дат по ^{14}C для образцов (раковин моллюсков), отобранных В.А. Карповым из донных скважин на внешнем шельфе Черного моря. Наиболее ранние из них датируют низы новозвксинских отложений, прослеженных в скважинах, заложенных на глубинах от 90 до 100 м. В целом они укладываются в промежуток от 17,98–17,78 до 17,30 тыс. л.н. и фиксируют самое начало поднятия уровня моря после максимума регрессии [Гожик и др., 1987, с. 27, табл. 7]. Эти данные надежно датируют конец максимума оледенения ок. 18 тыс. л.н. и опровергают точку зрения Л.Р. Серебряного. В то же время глубины, с которых брались образцы, свидетельствуют о том, что максимально низкий уровень Черного моря не мог быть менее –100 м.

Теперь, не вдаваясь в анализ различных (главным образом в мелких деталях) датировок событий после- и позднеледникового, приведу схему, которая недавно была использована С.Н. Лисицыным: 15,5–14,5 тыс. л.н. – вековская стадия (дриас Ib, южно-литовская, поморская и др.) – субарктический климат; 14,5–13,0 тыс. л.н. – раунис (мстинский интерстадиал); 13,0–12,8 тыс. л.н. – похолодание древнего дриаса (дриас Ic, крестецкая стадия, хаанья, средне-литовская); 12,8–12,3 тыс. л.н. – беллингское потепление (плюсский интерстадиал); 12,3–12,0 тыс. л.н. – похолодание среднего дриаса (дриас II, лужская и невская стадии, северолитовская и др.); 12,0–11,0 тыс. л.н. – аллередское потепление (интерстадиал); 11,0–10,3 тыс. л.н. – похолодание молодого дриаса (дриас III) [Лисицын, 2000; Фаустова, 1994; и др.].

* В 1910–1920-х гг. М. Миланкович на основе математического анализа вековых колебаний солнечной активности с учетом изменения эклиптики Земли определил дату максимума вюрма III для средних широт Северного полушария в 25–24 тыс. л.н. [1939, с. 155, 172–173, диагр. II–IV], что близко к калиброванным датам.

** По явному недоразумению автор назвала эту фазу “межстадиалом тюрсак” (на самом деле это может быть только ложери – см. *таблицу*), а весь максимум оледенения валдая – “вековской стадией”, что также не соответствует действительности.

Еще одним этапом, который довольно часто используется в археологии для того, чтобы подчеркнуть специфику памятников самого конца позднего палеолита, является т. н. финальный палеолит. Его нижний рубеж часто сопоставляется с началом дриаса Ic, а иногда с концом беллинга. В то же время, согласно работам М.Ф. Веклича, если уж выделять особый период “позднеледниковье”, то надо его нижнюю границу соотносить с началом потепления беллинг и включать в него дриас II, аллеред и дриас III, особенно потому, что первый из них был очень кратковременным [Веклич, 1987, с. 164, рис. 61].

Таким образом, приведенные выше факты и абсолютные даты показывают необходимость уточнения нижней временной границы дофиновского горизонта (начала раннего этапа позднего палеолита – 30 или 32 тыс. л.н.* исходя из датировок фазы арси), некоторой корректировки верхней и нижней раннепричерноморского подгоризонта, а также начала максимума оледенения, т. к. время его окончания можно считать установленным довольно точно. Остается сказать еще об одном аспекте, связанном с проблемой соотношения абсолютных дат, полученных по ^{14}C , с реальными календарными, т. к. известно, что первые нуждаются в корреляции и калибровке [Stuiver, Kromer, Becker, 1986; и др.]. В настоящее время такая корреляция (по дендробразцам) возможна лишь до 18 тыс. л.н. Установлено, что радиоуглеродные даты в интервале 20–10 тыс. л.н. “моложе” календарных в среднем на 800–1000 лет, в интервале 30–20 тыс. л.н. – на 1,5 тыс. лет, а даты в пределах 35–29 тыс. л.н. практически соответствуют календарным [Свеженцев, 1997]. Существует мнение, что для времени последнего ледникового (22–14 тыс. л.н.) разница между радиоуглеродными и реальными датами в некоторых регионах может достигать 3,5 тыс. лет [Crowley, North, 1991, p. 47].

Думается, что необходимость проведения всеобщей калибровки радиоуглеродных дат позднего палеолита Евразии еще не назрела, тем более что среди них немало явно “заказных” или просто некачественных [Синицын, 1997]. В их число следует включить даты Мураловки, Золотовки I, Говорухи, Федоровки, Нововладимировки II, нижнего слоя Вознесенки IV, Сюрени I, значительную часть дат Каменной Балки II и др. [Сапожников, 2003а, с. 230; Sapozhnikov, 2003; и др.], а также проанализированные выше даты Н.Н. Ковалюха по естественным разрезам у Роксолан и Приморского. Выявление таких и подобных несоответствий и ошибок является, на мой взгляд, одной из первоочередных задач, поскольку без этого, даже имея в основе верную хро-

ностратиграфическую колонку, будет просто невозможно разрабатывать надежные рабочие периодизации.

Выводы

Таким образом, проблемы абсолютного датирования основных горизонтов, подгоризонтов и фаз рассмотренных схем по целому ряду названных, а также неназванных (преимущественно зональных эколого-географических) [Дмитриев, Белокобыльский, 1989] причин еще далеки от окончательного решения. Однако, несмотря на это, общая хроностратиграфическая колонка позднего палеолита благодаря работам многих ученых вырисовывается сейчас довольно стройной и логичной (см. *таблицу*). Исходя из проведенного выше анализа абсолютных дат ее основные периоды и уровни можно датировать следующим образом:

начальная пора (додофиновский или добрянский верхний палеолит) заканчивается ок. 32 тыс. л.н.;

ранняя пора (= дофиновскому горизонту) – 32–22 тыс. л.н., в ней можно (пока условно) выделить три уровня: нижний – ок. 32–29 тыс. л.н., средний – 29–25 и верхний – 25–22 тыс. л.н.;

средняя пора (= раннепричерноморскому подгоризонту) – 22,0–16,5 тыс. л.н., здесь также три уровня: нижний – 22–20 тыс. л.н., средний – 20–18 и верхний (= дриасу Ia) – 18,0–16,5 тыс. л.н.; как особое событие можно выделить ледниковый максимум (= максимальной регрессии Мирового океана) – 19–18 тыс. л.н., а фаза ложери (20–19 тыс. л.н.) в материалах Украины пока не фиксируется;

поздняя пора (= суммарно средне- и верхнепричерноморскому подгоризонтам) – 16,5–10,3 тыс. л.н. Три уровня: нижний (= ляску) – 16,5–15,5 тыс. л.н., средний (= суммарно дриасу Ib, раунису и дриасу Ic) – 15,5–13,0 и верхний – 13,0–10,3 тыс. л.н. (= суммарно беллингу, дриасу II, аллереду и дриасу III; может быть охарактеризован как финальный поздний палеолит) [Сапожников, 2002а, б; 2003а, с. 230; Sapozhnikov, 2003].

Подчеркну, что имеющейся на сегодня точности датировок основных этапов, уровней, фаз и отдельных событий вполне достаточно для использования представленной схемы в качестве основы для детальных (общей и региональных) периодизаций. Именно эти, если можно так выразиться, “рубежные” даты в совокупности с данными по стратиграфии, палинологии, а в некоторых случаях – палеонтологии и морфологии кремневого инвентаря являются своеобразными реперами для более надежной датировки культурных слоев конкретных стоянок и помогают при выявлении некорректных абсолютных дат.

* Дату ок. 32 тыс. л.н. допускал и сам М.Ф. Веклич [1982, с. 190].

Данная схема уже была использована при разработке детальной периодизации памятников позднего палеолита Степной Украины [Сапожников, 2003а, с. 230, 289 и др.]. В то же время очевидно, что ее возможности выходят за рамки этого региона, поскольку целый ряд ее дефиниций отражает природные события, имевшие общематериковый (в границах Евразии), а некоторые и общепланетарный характер.

Приведенные выше факты говорят в пользу не традиционного трехступенчатого, а четырехступенчатого деления позднего палеолита. Имеется в виду выделение особой поры (ступени) начального (добрянского) позднего палеолита [Гладких, 1991; Аникович, 2000; и др.], которая представляется сейчас преимущественно периодизационным явлением, не наполненным пока историко-культурным содержанием.

Список литературы

- Аникович М.В.** Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Stratum plus*. – 2000. – № 1. – С. 11–30.
- Анисюткин Н.К.** Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины // *Археологические вести*. – 1994. – № 3. – С. 6–15.
- Арсланов Х.А.** Радиоуглеродная геохронология верхнего плейстоцена европейской части СССР // *Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода*. – 1975. – № 43. – С. 3–25.
- Арсланов Х.А.** Геохронологическая шкала позднего плейстоцена Русской равнины // *Геохронология четвертичного периода*. – М.: Наука, 1992. – С. 9–20.
- Благоволлин Н.С., Леонтьев О.К., Муратов В.М., Островский А.Б., Рычагов Г.И., Серебрянный Л.Р.** Морские бассейны и положение береговых линий Восточной Европы в плейстоцене и голоцене // *Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-монография*. – М.: Наука, 1982. – С. 9–15.
- Веклич М.Ф.** Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. – Киев: Наук. думка, 1968. – 238 с.
- Веклич М.Ф.** Палеоэталпность и стратотипы почвенных формаций верхнего кайнозоя. – Киев: Наук. думка, 1982. – 202 с.
- Веклич М.Ф.** Проблемы палеоклиматологии. – Киев: Наук. думка, 1987. – 190 с.
- Веклич М.Ф., Сиренко Н.А.** Плиоцен и плейстоцен левобережья нижнего Днепра и равнинного Крыма. – Киев: Наук. думка, 1976. – 187 с.
- Веклич М.Ф., Сиренко Н.А., Адаменко О.М.** Палеогеографические этапы и детальная стратиграфическая схема плейстоцена Украины. – Киев: Наук. думка, 1984. – 140 с.
- Веклич М.Ф., Сиренко Н.А., Матвишина Ж.Н.** Плейстоценовые палеоландшафты порожистого и надпорожистого Приднепровья // *Палеогеография. Палеоландшафты*. – Киев: Наук. думка, 1977. – С. 69–111.
- Величко А.А.** Периодизация событий позднего плейстоцена в перипатияльной области // *Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-монография*. – М.: Наука, 1982. – С. 67–70.
- Величко А.А.** О геохронологии и геоэкологии заселения Русской равнины в позднем плейстоцене // *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: Тез. докл. советско-американского симпозиума*. – Л.: Наука, 1989. – С. 34–37.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Губонина З.В., Маркова А.К., Морозова Т.Д., Певзнер М.А., Чепалыга А.Л.** Лессово-почвенная формация Восточно-Европейской равнины: Палеогеография и стратиграфия. – М.: Изд-во РАН, 1997. – 198 с.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю.** Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // *Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене*. – М.: Ин-т географии РАН, 1999. – С. 19–50.
- Величко А.А., Маркова А.К., Морозова Т.Д., Ударцев В.П.** Методы абсолютной и относительной геохронологии в лессово-почвенной стратиграфии и ее корреляция с ритмикой донных осадков океана // *Новые данные о геохронологии четвертичного периода*. – М.: Наука, 1987. – С. 23–31.
- Величко А.А., Морозова Т.Д.** Изменения природной среды в позднем плейстоцене по данным изучения лессов, криогенных явлений, ископаемых почв и фауны // *Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-монография*. – М.: Наука, 1982. – С. 115–120.
- Герасименко Н.П.** Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // *Археологический альманах*. – 1997. – № 6. – С. 3–64.
- Гладких М.І.** Історична інтерпретація пізнього палеоліту (за матеріалами території України). – Київ: Б.и., 1991. – 43 с.
- Гожик П.Ф., Карпов В.Г., Иванов В.Г., Сибирченко М.Г., Гранова А.К.** Голоцен северо-западной части Черного моря: расчленение, радиоуглеродное датирование, корреляция разрезов. – Киев: Ин-т геол. наук АН УССР, 1987. – 45 с.
- Гожик П.Ф., Шелкопляс В.Н., Комар Н.С., Матвишина Ж.М., Передерий В.І.** Путівник Х польсько-українського семінару “Кореляція лесів і льодовикових відкладів Польщі і України”. – Київ: Б.и., 2000. – 76 с.
- Грищенко М.Н.** Плейстоцен и голоцен бассейна верхнего Дона. – М.: Наука, 1976. – 228 с.
- Дворянинов С.О., Сапожников І.В.** Про час появи геометричних мікролітів у кам'яному віші Дніпровського Надпорожжя // *Кам'яна доба України*. – 2002. – [Вип. 1]. – С. 116–120.
- Дмитриев В.Е., Белокобыльский Ю.Г.** Палеогеографические аспекты археологии каменного века // *Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии*. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 261–283.
- Долуханов П.М.** Хронология палеолитических культур // *Проблемы абсолютного датирования в археологии*. – М.: Наука, 1972. – С. 11–27.
- Долуханов П.М.** Климатические колебания в аридной зоне Старого Света (по палеогеографическим и археологическим данным) // *Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена*. – М.: Наука, 1989. – С. 80–85.
- Долуханов П.М.** Истоки этноса. – СПб.: Европейский дом, 2000. – 221 с.

Долуханов П.М., Пашкевич Г.А. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена – голоцена и развитие хозяйственных типов на юго-востоке Европы // Палеоэкология древнего человека. – М.: Наука, 1977. – С. 134–145.

Заррипа Е.П., Краснов Н.И. Стратиграфическая корреляция четвертичных отложений европейской части СССР // Тр. ВСЕГЕИ. – 1977. – Т. 222. – С. 18–24.

Заррипа Е.П., Краснов Н.И. Стратиграфия и палеогеография центральных областей Русской равнины в эпоху позднего палеолита // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины: Тез. докл. совещания. – Воронеж, 1979. – С. 31–37.

Заррипа Е.П., Краснов Н.И., Спиридонова Е.А. Климато-стратиграфическая корреляция позднего плейстоцена северо-запада и центра Русской равнины // Четвертичная геология и геоморфология. – М.: Наука, 1980. – С. 46–50.

Иванова И.К. Палеоэкология мустье Приднестровья и стратиграфия верхнего плейстоцена перигляциальной зоны юга европейской части СССР // Исследования четвертичного периода. – М.: Наука, 1986. – С. 156–167.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса. – Донецк: Лебедь, 2001. – 294 с.

Кротова О.О. Про господарську діяльність пізньопалеолітичного населення степової зони Східної Європи // Археологія. – 1988. – Вип. 64. – С. 1–11.

Кротова О.О. Виробництво та суспільні відносини населення Північного Причорномор'я в добу пізнього палеоліту // Археологія. – 1994. – № 1. – С. 19–31.

Кротова О.О. Проблеми датування та періодизації пам'яток степової зони доби верхнього палеоліту // Кам'яна доба України. – 2003. – Вип. 4. – С. 183–198.

Лисицын С.Н. Финальный палеолит и ранний мезолит Днепр-Двинско-Волжского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук – СПб.: СПб ун-т, 2000. – 18 с.

Миланкович М. Математическая климатология и астрономическая теория колебания климата. – М.; Л.: Гос. об-д. науч.-техн. изд-во, 1939. – 207 с.

Москвитин А.И. Стратиграфия плейстоцена европейской части СССР. – М.: Наука, 1967. – 212 с.

Никифорова К.В., Иванова И.К., Кинд Н.В. Актуальные проблемы хроностратиграфии четвертичной системы // Новые данные о геохронологии четвертичного периода. – М.: Наука, 1987. – С. 15–23.

Никифорова К.В., Кинд Н.В., Краснов Н.И. Хроностратиграфическая шкала четвертичной системы (антропогена) // Четвертичная геология и геоморфология. – М.: Наука, 1984. – С. 22–32.

Пашкевич Г.О. Природне середовище в епоху палеоліту – мезоліту на території України // Археологія. – 1984. – Вип. 47. – С. 1–13.

Праслов Н.Д. Геологические и палеогеографические рамки палеолита: Развитие природной среды на территории СССР и проблемы хронологии и периодизации палеолита // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 17–40.

Рогачев А.Н., Аникивич М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 162–271.

Сапожников И.В. Велика Аккаржа та періодизація пам'яток середнього етапу пізнього палеоліту азово-при-

чорноморських степів // Археологія. – 2002а. – № 3. – С. 68–80.

Сапожников И.В. Сюрень I – “кримська загадка” або закономірне явище у пізньому палеоліті Південної України // Кам'яна доба України. – 2002б. – [Вип. 1]. – С. 43–56.

Сапожников И.В. Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины. – Киев: Шлях, 2003а. – 304 с.

Сапожников И.В. Природная обстановка на западе степной зоны Восточной Европы в палеолите // Археологический альманах. – 2003б. – № 13. – С. 199–217.

Сапожников И.В. Стратиграфія та датування культурних шарів стоянки Михайлівка (Білолісся) // Кам'яна доба України. – 2004. – Вип. 5 (в печати).

Свеженцев Ю.С. Радиоуглеродная хронология в археологии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. – СПб.: Академ-Принт, 1997. – С. 11–15.

Серебряный Л.Р. Колебания уровня Черного моря в послеледниковое время и их сопоставление с историей оледенения высокогорного Кавказа // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М.: Наука, 1982. – С. 161–167.

Синицын А.А. Археологическая хронология и калибровка времени // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. – СПб.: Академ-Принт, 1997. – С. 16–20.

Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержинский Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. – СПб.: Академ-Принт, 1997. – С. 21–66.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. – М.: Наука, 1991. – 222 с.

Степанчук В.М., Коен В.Ю., Герасименко Н.П., Дамблтон Ф., Езартс П., Журавльов О.П., Ковалюх М.М., Петрунь В.Ф., Плехт Й., Пучков П.В., Рековень Л.Л., Тернер Х.Г. Багатошарова стоянка Міра на середньому Дніпрі: основні результати розкопок 2000 року // Кам'яна доба України. – 2004. – Вип. 6 (в печати).

Фаустова М.А. Ледниковые ритмы на рубеже послеледниковья и голоцена // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15 000 лет. – М.: Наука, 1994. – С. 94–103.

Федоров П.В. Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 000 лет // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М.: Наука, 1982. – С. 151–156.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 200 с.

Хотинский Н.А., Девири А.Л., Маркова Н.Г. Некоторые черты палеогеографии и абсолютной хронологии послеледникового времени центральных районов Русской равнины // Верхний плейстоцен: Стратиграфия и абсолютная хронология. – М.: Наука, 1966. – С. 140–151.

Чеботарева Н.С., Макарычева И.А. Геохронология природных изменений ледниковой области Восточной Европы в валдайскую эпоху // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-мопография. – М.: Наука, 1982. – С. 16–27.

Чпачгова О.А. Возраст верхнеплейстоценовых ископаемых почв по радиоуглеродным данным // Лессы, погребен-

ные почвы и криогенные явления на Русской равнине. – М.: Наука, 1972. – С. 119–137.

Шелкопляс В.Н., Гожик П.Ф., Мацуй В.М., Христофорова Т.Ф., Чугунный Ю.Г., Палатная Н.Ф., Шевченко А.И., Морозов Г.В., Лысенко О.Б. Антропогенные отложения Украины. – Киев: Наук. думка, 1986. – 152 с.

Щербаков Ф.А. Отражение изменений уровня Черного моря в разрезах позднечетвертичных морских отложений // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М.: Наука, 1982. – С. 112–120.

Щербаков Ф.А. Материковые окраины в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1983. – 214 с.

Burdukiewicz J.M. Późnoplejstocenyjskie zespoły z jednozadziurcami w Europie Zachodniej. – Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1987. – 223, LXXXVIII, 40 s.

Crowley T.J., North G.R. Paleoclimatology. – N.Y.: Clarendon Press, 1991. – 349 p.

Dansgaard W., Johnsen S.J., Clausen H.B., Dahlisen D., Gundestrup N.S. Evidence for General Instability of Past Climate from a 250 kyr Icecore Record // Nature. – 1993. – N 364. – P. 63–65.

Djindjian F. Peuplements & adaptations au paléolithique supérieur en Europe Occidentale // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: Академ-Принт, 2002а. – С. 20–26.

Djindjian F. Ruptures et continuités dans les industries du maximum glaciaire en Europe Centrale et Orientale: la question de l'épigraevette // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Академ-Принт, 2002б. – С. 53–62.

Djindjian F., Kozlowski J., Otte M. Le paléolithique supérieur en Europe. – P.: Armand Colin, 1999. – 474 p.

Gozhik P., Matviishina Zh., Shelkoplyas V., Palienko V., Rekovets L., Gerasimenko N., Korniets N. The Upper and Middle Pleistocene of Ukraine // International Union for Quaternary research. INQUA Commission of Stratigraphy SU. – Kyiv: S.n., 2001. – P. 3–37.

Hoffecker J.F. Upper Pleistocene Loess Stratigraphy and Paleolithic Site Chronology on the Russian Plain // Geoarchaeology. – 1987. – Vol. 2, N 4. – P. 259–284.

Hoffecker J.F. Early Upper Paleolithic Sites of the European USSR // The Early Upper Paleolithic: Evidens from Europe and the Near East. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1988. – P. 237–272.

Leroi-Gouran A., Brezillon M. The Wurm climate during the Upper Paleolithic from 36000–8000 B.C. // Abstracts VII INQUA Congress. – Boulder, Colorado, 1965. – P. 290.

Sapozhnikov I.V. Some Problems of the Early Upper Paleolithic of the South Ukraine // 9th Annual meeting European Assosiations of Archaeologist: Final Programme and Abstracts. – St.-Pb., 2003. – P. 71.

Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – San Diego: Academic Press, 1985. – 539 p.

Stuiver M., Kromer B., Becker B. Radiocarbon Age Calibration Back to 13000 year BP and the ¹⁴C Age Matching of the German oak and U.S. Bristlesone Pine Chronologies // Radiocarbon. – 1986. – Vol. 28. – P. 969–979.

Материал поступил в редколлегию 27.02.04 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: shunkov@archaeology.nsc.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НА АЛТАЕ*

Введение

Обсуждение проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту предполагает анализ широкого спектра вопросов преистории, связанных с физической эволюцией человека и закономерностями развития его культуры. От общего уровня их разработанности в значительной мере зависит полнота представлений о становлении, распространении и региональном проявлении палеолитических культурных традиций и анатомическом типе их носителей.

Современный уровень знаний позволяет считать, что среднепалеолитические индустрии могли принадлежать представителям не только неандертальского морфологического типа, а распространение верхнепалеолитических инноваций напрямую не связано с расселением человека современного физического облика. Другими словами, тесная взаимосвязь археологического и антропологического компонентов этой проблемы не столь очевидна, как казалось в недавнее время [Mellars, 1973; White, 1982]. Скорее наоборот, процессы культурной и биологической эволюции человека развивались относительно независимо и были обусловлены разными факторами, сущность которых достаточно сложна и противоречива.

Археологический контекст начала верхнего палеолита в наиболее хорошо изученных районах Европы и Ближнего Востока формируют материалы, как прави-

ло, двух основных технологических традиций. Первая, хронологически более ранняя, представлена индустриями шательперрон и улуццо в западной части Европы [Hartold, 1989; Bietti, 1997], селет в ее центральных районах [Svoboda, Siman, 1989; Oliva, 1991], ахмариан в Леванте [Marks, Ferring, 1988; Gilead, 1991]. Эти индустрии формировались, по мнению специалистов, в период от 43 до 38 тыс. л.н. на автохтонной основе в ходе последовательной трансформации региональных среднепалеолитических технологий. Правда, в рамках этого процесса отмечены локальные исключения, например, индустрии Богунице в Моравии [Svoboda, 1988; Valoch, 1989], Бачо-Киро на Балканах [Kozlowski et al., 1982], Бокер-Тахтит в Негеве [Marks, Kaufman, 1983; Marks, 1988], материалы которых выглядят несколько обособленно в общерегиональных тенденциях культурного развития. Возможно, эти индустрии относятся к особой эволюционной стадии в процессе становления верхнего палеолита [Kozlowski, 1992; Demidenko, Usik, 1993].

Вторая традиция получила воплощение в индустриях ориньякоидного облика, которые отдельные исследователи [White, 1989, 1993; Mellars, 1989, 1996; Otte, 1990; Kozlowski, Otte, 2000] считают для данных территорий явлением интрузивным, стимулировавшим развитие местных верхнепалеолитических технокомплексов. Происхождение ориньякоидных индустрий эти специалисты связывают с западными районами Азии, в частности с Иранским нагорьем, где ранний верхний палеолит представлен выразительной

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 04-01-00537.

барадостской индустрией в горах Загроса [Olszewski, Dibble, 1994]. Гипотеза о переднеазиатских корнях индустрий ориньякоидного круга в значительной мере опирается на относительно ранние даты загросского ориньяка [Hole, Flannery, 1967], возраст которого, видимо, не менее 36–38 тыс. лет.

Важно, что сегодня географические рамки проблемы перехода к верхнему палеолиту существенно расширились за счет материалов палеолитических стоянок Центральной и Северной Азии. Среди наиболее значимых результатов исследований, которые проводятся в последнее время в центральной части Азии, особый интерес вызывают новые хронологические определения и данные о характере каменной индустрии палеолитической стоянки в гроте Оби-Рахмат, расположенной на территории Узбекистана [Деревянко, Кривошапкин, Аношкин и др., 2001]. В средней части многометровой культурно-стратиграфической колонки Оби-Рахмата выделена каменная индустрия, сочетающая признаки хорошо выраженной пластинчатой технологии и немногочисленных леваллуазских приемов обработки камня. Несмотря на определенную видовую специфику (региональное своеобразие или функциональная специализация), эта индустрия в целом имеет переходный характер и соответствует, скорее всего, начальному этапу раннего верхнего палеолита. Согласно AMS-датам, полученным для средней части отложений грота Оби-Рахмат, становление верхнего палеолита в западных районах Центральной Азии началось не позднее 48 тыс. лет.

Далее на восток наиболее подробную и содержательную картину перехода к верхнему палеолиту демонстрируют материалы палеолитических стоянок Горного Алтая, расположенных на границе Центральной и Северной Азии [Derevianko et al., 2001]. В последние годы на этой территории исследованы многослойные комплексы, которые в совокупности представляют достаточно протяженную во времени стратиграфическую колонку нижнего, среднего и верхнего плейстоцена, отражающую развитие культуры первобытного человека от ранней поры до заключительной стадии палеолита.

К самому древнему этапу проникновения палеолитического человека на Алтай относятся архаичные изделия, обнаруженные в красноцветных отложениях нижнего плейстоцена на стоянке Карамы. Среди каменных изделий преобладают нуклеидно обколотые гальки с признаками параллельного расщепления, скребла и чоперы, характерные для раннепалеолитических индустрий галечного типа.

Следующая ступень в развитии палеолита Алтая представлена раннеустыерскими индустриями из отложений среднего плейстоцена, выполняющих основную роль в разрезе Денисовой пещеры и стоянки Усть-Каракол-1. Для этих индустрий характерны признаки

леваллуазского и параллельного расщепления, преобладание в орудийном наборе скребел и изделий зубчато-выемчатых форм.

Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий связано с первой половиной верхнего плейстоцена. Оно проходило в рамках единой культурной традиции, внутри которой выделены два основных технических варианта – денисовский и кара-бумовский. Главные особенности индустрий денисовского варианта выражаются в наличии признаков использования преимущественно параллельного и радиального расщепления, преобладании в составе инвентаря скребел разных модификаций и присутствии относительно небольших, но достаточно выразительных наборов леваллуазских изделий. Несколько иной характер имеют индустрии кара-бумовского варианта. Для первичной обработки камня в них использовалось главным образом леваллуазское расщепление, в основном техника пластинчатого скола. Типологический облик инвентаря определяли леваллуазские формы, которые сочетались с орудиями зубчато-выемчатой и верхнепалеолитической групп.

Переход к верхнему палеолиту на Алтае начался 50–40 тыс. л.н. на основе постепенной эволюции местных среднепалеолитических традиций. Этот процесс развивался по двум самостоятельным линиям – кара-бумовской и усть-каракольской. Первый индустриальный вариант ранней поры верхнего палеолита имеет хорошо выраженный пластинчатый облик и представляет дальнейшее развитие кара-бумовского технокомплекса, сложившегося в эпоху среднего палеолита. Основной технологический процесс был направлен на серийное получение крупных удлиненных сколов. Вместе с тем в этих индустриях появились признаки микропластинчатого расщепления. В составе орудий наиболее показательны изделия на пластинчатых заготовках. В индустриях усть-каракольского варианта раннего верхнего палеолита для получения заготовок активно использовались нуклеусы призматических, конусовидных и торцовых форм, в т.ч. предназначенные для снятия микропластин. В составе каменного инвентаря самые яркие серии образуют орудия ориньякского облика и бифасиальные остроконечники листовидной формы. Важной особенностью этих индустрий является присутствие многочисленных костяных орудий и украшений из кости, бивня мамонта, зубов животных, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и поделочного камня.

Следующий этап развития верхнего палеолита на Алтае относится к 28–23 тыс. л.н. В эту эпоху основные технические показатели каменных индустрий оставались в рамках традиции параллельного расщепления, предназначенного для скалывания пластин небольших и средних размеров с плоскостных, призматических и торцовых нуклеусов. Наиболее

Денисова пещера

Ануй-3

Усть-Каракол

Кара-Бом

Рис. 1. Карта-схема расположения опорных палеолитических комплексов Алтая.

выразительным компонентом инвентаря, определяющим специфику среднего этапа верхнего палеолита, являются миниатюрные орудия, среди которых имеются изделия граветтоидных форм.

На заключительном этапе верхнего палеолита каменные индустрии в целом сохранили основные параметры технокомплекса предшествующего этапа. В ходе первичной обработки камня производилось в основном параллельное скалывание заготовок, в т.ч. микропластинчатое расщепление. В составе каменного инвентаря заметно увеличилась доля изделий на пластинах, появились вкладышевые орудия и сопутствующие им геометрические микролиты.

Таким образом, благодаря широкому временному охвату и большому объему фактического материала культурно-хронологическая последовательность алтайского палеолита может рассматриваться в качестве базовой модели перехода к верхнему палеолиту в восточных районах первобытной ойкумены. Наиболее наглядно этот процесс иллюстрируют материалы многослойных комплексов Денисовой пещеры, стоянок Усть-Каракол-1 и Ануй-3, расположенных на северо-западе территории, в пределах 2-километрового участка долины р. Ануй, а также стоянки Кара-Бом в центральной части Алтая (рис. 1).

Стратиграфическая, геохронологическая и палеогеографическая характеристики

Согласно хронологическим показателям и стратиграфической последовательности в разрезах, начальная ступень верхнего палеолита на Алтае относится к каргинской эпохе верхнего плейстоцена, что соответствует стадии 3 изотопно-кислородной шкалы SPECMAP.

В плейстоценовой толще Денисовой пещеры (рис. 2) к каргинскому времени относятся пять литологических горизонтов слоя 11, выполненных легкими суглинками серых тонов с включением щебнисто-дресвянистого материала. Для них получено два радиоуглеродных определения: $>37\ 235$ л.н. (СОАН-2504) для средней части слоя и $29\ 200 \pm 360$ л.н. (АА-35321) для его кровли. Сверху эти отложения перекрыты тонким горизонтом сильновыветрелого уплотненного щебня с рассеянными железомарганцевыми новообразованиями (слой 10) и палевыми лессовидными суглинками (слой 9) сартанского времени (изотопная стадия 2). Снизу их подстилает толща линзовидно-слоистых пестроцветных суглинков с обильным содержанием щебнисто-дресвянистого материала (слои 12–20). Для верхней половины толщи (кровля слоя 14) получена РТЛ-дата 69 ± 17 тыс. л.н. (РТЛ-611). Нижняя ее граница отмечена четким горизонтом темноцветного суглинка, насыщенным углесто-сажистым веществом и мелким растительным

детритом (слой 21). Этот горизонт датируется 155 ± 31 тыс. л.н. (РТЛ-546). В основании разреза залегают тяжелые охристо-палевые суглинки, умеренно обогащенные обломочным материалом (слой 22). Возраст базальных отложений пещеры установлен в пределах 282 ± 56 тыс. лет (РТЛ-548) – 171 ± 43 тыс. лет (РТЛ-737).

Судя по сумме палеогеографических признаков, стратиграфическим аналогом слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры являются сероцветные суглинки слоя 7 на ее предвходовой площадке (рис. 3). Они залегают в средней части толщи склоновых отложений (слои 5–10), состоящей из переслаивающихся суглинистых и щебнисто-дресвянистых осадков, неравномерно насыщенных мелким и средним щебнем. Верхняя часть склоновой толщи (слои 1–4) выполнена грубообломочными глыбово-щебнистыми отложениями с суглинистым заполнителем. Нижняя часть разреза (слои 11–15) представлена чередованием прослоев мелко- и тонкозернистых песков, отмытых супесей и флюидально-слоистых глин. Их формирование связано с длительным существованием у входа в пещеру локального слабопроточного водоема, питавшегося родниковыми водами. Геологический возраст выделенных в разрезе предвходовой площадки стратиграфических подразделений опирается на три геохронологических репера. Согласно РТЛ-дате отложений кровли слоя 14 – 163 ± 40 тыс. л.н. (РТЛ-610), накопление субаквальных осадков нижней части разреза проходило во второй половине среднего плейстоцена. Для отложений кровли слоя 11 и слоя 10 установлен эпизод обратной намагниченности Blake в пределах 104–120 тыс. лет, что позволяет связывать начало образования склоновых отложений разреза с казанцевским временем верхнего плейстоцена (изотопная подстадия 5e). Верхний возрастной рубеж формирования склоновой толщи определяют радиоуглеродные даты литологического слоя 1: $10\ 800 \pm 40$ л.н. (СОАН-2865) – $9\ 890 \pm 40$ л.н. (СОАН-2864).

В строении разреза многослойной стоянки Усть-Каракол-1 (рис. 4), расположенной в 2 км от Денисовой пещеры, материалы ранней поры верхнего палеолита зафиксированы в четырех горизонтах слаборазвитых погребенных почв каргинского времени (слои 11–8). Возраст этих отложений определен в хронологическом диапазоне от 50 ± 12 тыс. лет (РТЛ-660) до $29\ 720 \pm 360$ лет (СОАН-3359). Верхняя часть палеопочвенного комплекса (слои 7–5) датирована по образцам из кровли: от $27\ 020 \pm 435$ л.н. (СОАН-3356) до $26\ 305 \pm 280$ л.н. (СОАН-3261). Она перекрыта лессовидными сартанскими суглинками коричнево-палевых тонов с глыбово-щебнистым горизонтом в основании (слои 4–2). Каргинский педокомплекс залегает на тяжелых красновато-коричневых суглинках

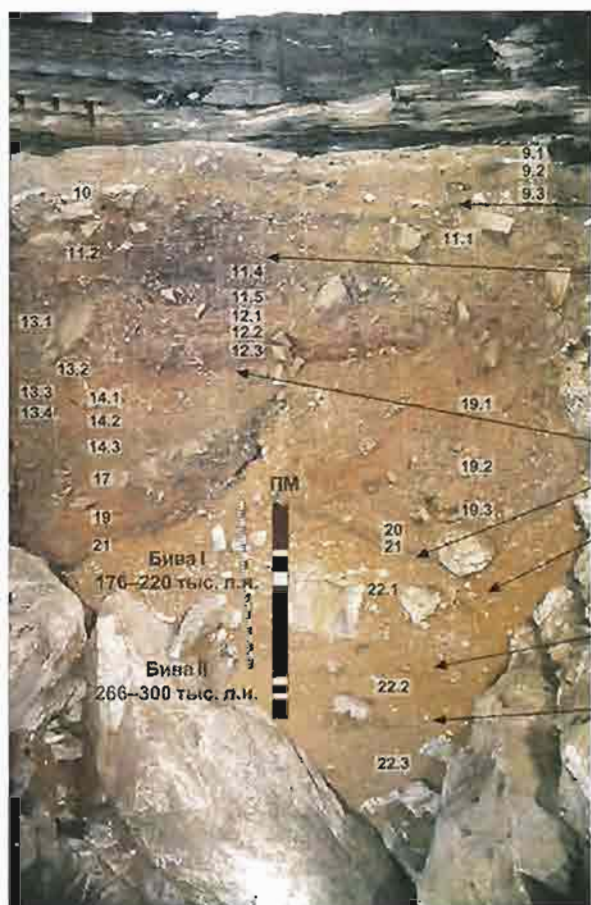

Рис. 2. Плейстоценовые отложения в центральном зале Денисовой пещеры.

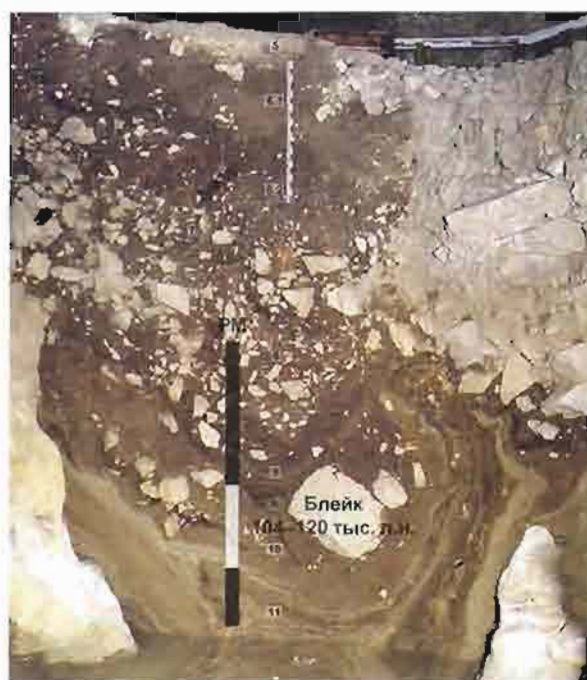

Рис. 3. Верхняя часть плейстоценовых отложений на предвходовой площадке Денисовой пещеры.

¹⁴С-даты

29 200 ± 360 л.н.

>37 235 л.н.

РТЛ-даты

69 ± 17 тыс. л.н.

155 ± 31 тыс. л.н.

171 ± 43 тыс. л.н.

182 ± 45 тыс. л.н.

223 ± 55 тыс. л.н.

224 ± 45 тыс. л.н.

282 ± 56 тыс. л.н.

с линзами и прослоями глыбово-щебнистого материала (слои 17–12). Эту толщу подстилают гидроморфные пойменные почвы (слой 18), для них установлены РТЛ-даты: 100 ± 20 тыс. л.н. (РТЛ-659) для подошвы слоя и 90 ± 18 тыс. л.н. (РТЛ-658) для его кровли. Основание разреза формирует валунно-галечный алювиальный материал с песчано-суглинистыми осадками в понижениях. Для кровли алювиальной толщи (слой 19) получена дата 133 ± 33 тыс. л.н. (РТЛ-661), а для ее русловой фации (слой 20) – 210 ± 42 тыс. л.н. (РТЛ-640).

Аналогичен по строению и, видимо, близок по хронологической последовательности разрез стоянки Ануй-3 (рис. 5), расположенной в 1,3 км ниже устья р. Каракол [Деревянко, Шуньков, 2002]. В основании разреза вскрыта кровля руслового галечника разнообразного петрографического состава с супесчаным заполнителем (слой 21). Поверхность галечника перекрыта тонкослоистыми пойменными опесчаненными суглинками с включением отдельных галек и линз гравия (слои 20–18). Слои 19 и 18 являются

палеопочвами, вовлеченными в склоновое смещение материала. Средняя часть разреза представлена толщей суглинков тяжелых, пестро окрашенных, слоистых, с горизонтами щебня и глыб известняка (слои 17–13) и суглинков средних, коричнево-палевых, с редким включением щебнистого материала (слои 12–10). Далее по разрезу расположена толща слоев 9–5, образованная чередованием горизонтов щебнисто-дресвянистого материала и прослоев плотных суглинков с линзами и локальными пятнами гумусированного вещества. Верхняя часть разреза (слои 4–2) выполнена легкими лессовидными суглинками палевых тонов. В колонке плейстоценовых отложений этой стоянки каменные индустрии начала верхнего палеолита зафиксированы в толще слоев 12 и 11, для подошвы которой установлена РТЛ-дата – 54 ± 13 тыс. л.н. (РТЛ-962).

Палеогеографические данные условий формирования слоя 11 в Денисовой пещере, слоя 7 на ее предвходовой площадке и толщ слоев 11–8 стоянки Усть-Каракол-1, включавших археологический материал ранней поры верхнего палеолита, свидетельствуют, что эти отложения накапливались в эпоху относительно прохладного и влажного климата [Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003]. Пыльцевые спектры слоя 11 в Денисовой пещере указывают на гос-

подство еловых лесов с участием кедра. Береза, ольха и лещина в это время практически полностью исчезли из состава дендрофлоры, а количество сосны находилось у своего минимального предела. Для фауны мелких млекопитающих отмечено снижение численности лесных форм и увеличение доли пивальских видов. Однако эти процессы не были однонаправленными. На фоне общего прохладного климата регистрируются относительно теплые эпизоды. В средней части слоя II отмечено повышенное количество костей цокора, что отражает увеличение площади луговых биотопов. Кровля слоя, видимо, отвечает наиболее теплой фазе данного периода. Для нее характерно увеличение численности крота и лесных полевок, присутствие полевки-экономки и летяги. В составе населения птиц преобладали виды открытых ландшафтов, среди которых только в толще слоя II (в единственной части всего разреза) зафиксированы останки представителей луговых биотопов. Сообщество крупных млекопитающих в это время отличалось заметным своеобразием. Высокая численность сибирского горного козла, архара, сайги и дзерена сочеталась с обилием шерстистого носорога, бизона и марала. Среди хищников доминировала гиена, присутствовало два вида медведей, единично отмечен песец. Подобное сочетание в эту эпоху в составе крупных млекопитающих представителей различных экологических групп, а также динамика развития сообщества мелких млекопитающих свидетельствуют о высокой степени мозаичности ландшафтов.

По данным палинологии, формирование слоя 7 на предвходовой площадке Денисовой пещеры проходило в разнообразной климатической обстановке. Ее начало выражено резким увеличением пыльцы ели и отчасти сосны, а также значительным сокращением количества пыльцы березы, а среди кустарников – боярышника и волчника. В средней части слоя хорошо представлена пыльца березы, почти исчезает пыльца ели и сосны, всплеску дает пыльца ольхи и с некоторым запозданием – волчника. Причем здесь по сравнению с другими частями разреза обилие пыльцы *Daphne mesereum* достигает максимума. Из группы широколиственных пород в нижней части слоя еще встречается единичная пыльца вяза, в средней – липы, а в верхней – лещины. Судя по составу фауны мелких

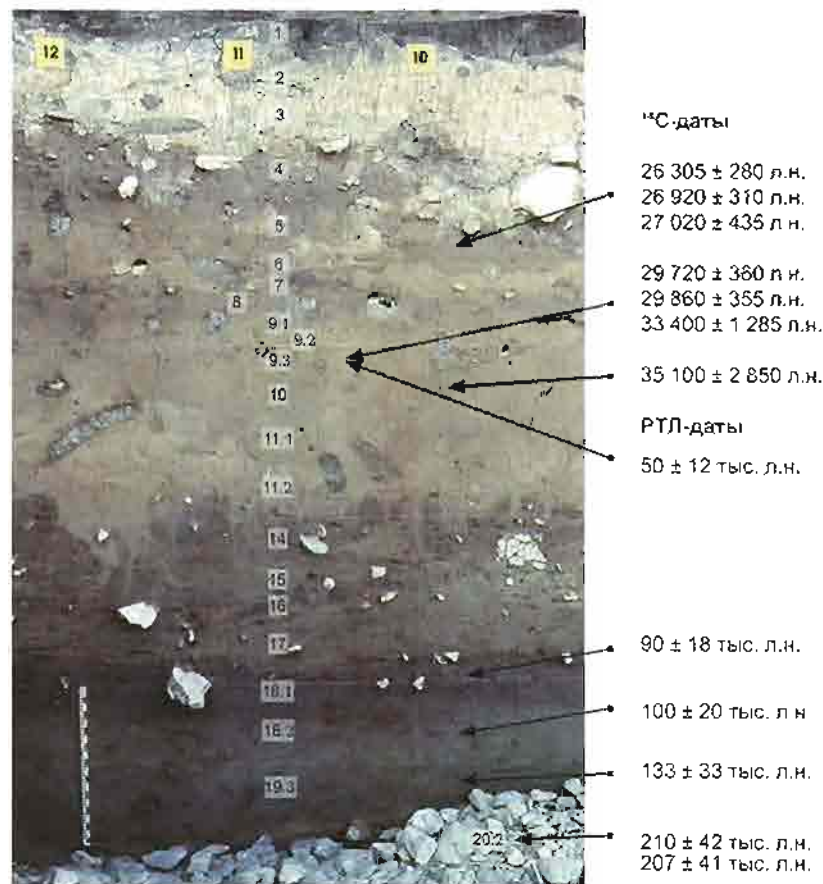

Рис. 4. Плейстоценовые отложения стоянки Усть-Каракол-1.

млекопитающих, в это время несколько увеличилось площадь лесов и заметно расширились луговые биотопы. При большой численности лесных полевок, полевки-экономки и крота резко возросла популяция цокора. Одновременно уменьшилась численность сусликов, скальных полевок, степной пеструшки и пищухи. Среди останков птиц абсолютное большинство приходится на виды альпийской группы, при этом более половины всех костей принадлежит белой куропатке. Для населения крупных млекопитающих характерны относительное снижение численности степных форм и общее увеличение группы лесных и лесостепных видов животных.

Более отчетливо фаза прохладного и влажного климата прослежена по материалам толщи слоев II–8 стоянки Усть-Каракол-1. Данные палинологии и останки мелких млекопитающих из этой толщи фиксируют значительное расширение общей площади лесных и луговых сообществ. В пыльцевых спектрах отмечено резкое увеличение доли пыльцы темнохвойных пород – ели и кедровой сосны. Согласно показателям численности мелких млекопитающих, в это время существенно уменьшилась популяция сусликов

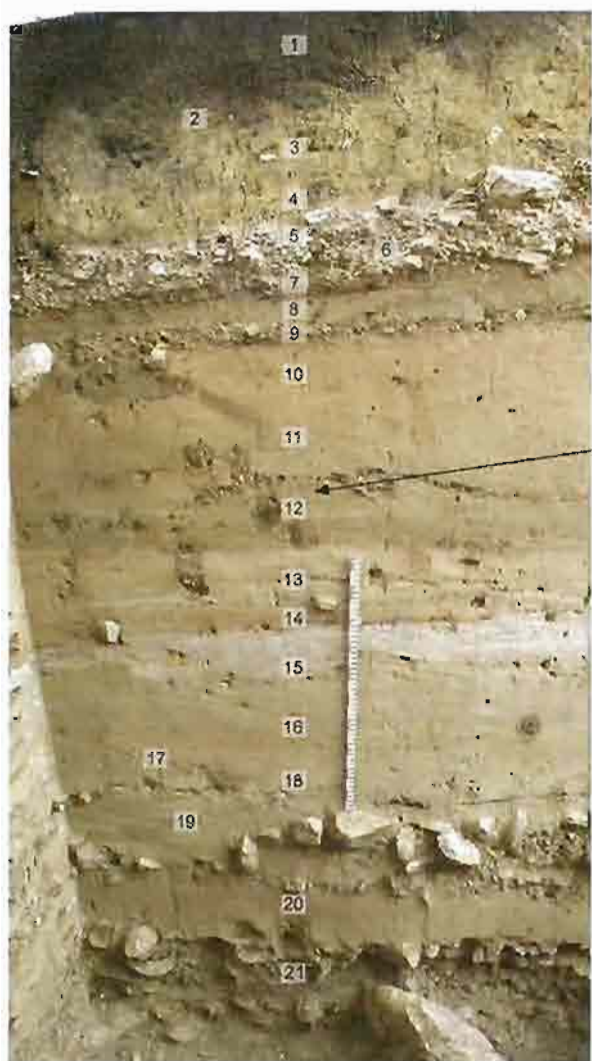

Рис. 5. Плейстоценовые отложения стоянки Ангуй-3.

и заметно увеличилось количество землероев – крота и цокора, появились лесные полевки *Clethrionomys*, отмечены белка *Sciurus* и лемминги трибы *Lemmini*. Среди моллюсков преобладали виды, характерные для подстилки лиственных и смешанных лесов в условиях умеренного увлажнения, – *Pupilla muscorum* и *Vallonia tenuilabris*.

В составе тафоценоза мелких млекопитающих стоянки Ангуй-3 [Агаджанян, Шуньков, 1999] в среднем интервале разреза (слои 12–5) по сравнению с ниже- и вышележащими отложениями заметно возросла популяция землероев – крота и особенно цокора, увеличилась численность рода *Lagurus*, постоянно присутствовали лесные полевки *Clethrionomys* и скальные полевки *Alticola*. Стабильное положение в сообществе мелкой фауны стала занимать пищуха *Ochotona*. Подобные изменения в структуре насе-

ления мелких млекопитающих указывают на общее улучшение природной обстановки в эпоху накопления этой толщи, на более благоприятные климатические условия по сравнению с предшествующим и последующим периодами.

В культурно-стратиграфической колонке палеолитической стоянки Кара-Бом (рис. 6), расположенной в среднегорной зоне Центрального Алтая, к ранней стадии верхнего палеолита относятся шесть уровней обитания, образующих два археологических комплекса. Верхний комплекс включает уровни обитания 4–1 (литологические слои 5 и 4), датированные методом акселераторной масс-спектрометрии в хронологических пределах от $34\,180 \pm 640$ л.н. (GX-17595-AMC) до $30\,990 \pm 460$ л.н. (GX-17593-AMC). Для отложений самых древних верхнепалеолитических уровней 6 и 5 (литологический слой 6) получено два возрастных показателя: $43\,300 \pm 1\,600$ лет (GX-17596-AMC) и $43\,200 \pm 1\,500$ лет (GX-17597-AMC) [Goebel, Derevyanko, Petrin, 1993]. Ниже по разрезу, в пределах литологического слоя 9 залегают два среднепалеолитических горизонта. Для верхнего из них получены две открытые радиоуглеродные даты: >42 тыс. л.н. (AA-8873) и >44 тыс. л.н. (AA-8894). Возраст нижнего среднепалеолитического горизонта, по данным ЭПР-датирования, находится в границах 62,2–72,2 тыс. лет [Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998].

По данным изучения пыльцевой флоры из отложений стоянки Кара-Бом [Симоков, Малаева, Куликов, 1998], растительный покров в каргинское время составляли в основном полынно-разнотравные и петрофитные степные ассоциации. Среди древесной растительности преобладали сосново-березовые и смешанные широколиственные леса с включением ольхи, лещины, вяза, клена и липы. Большинство из этих пород входило в состав смешанных лесов среднегорья до начала последнего крупного похолодания плейстоцена. Северные склоны горных хребтов занимали лесные массивы с участием ели, кедра и лиственницы. При этом роль темнохвойных лесов в течение каргинского времени неуклонно возрастала. Судя по видовому составу костных остатков млекопитающих [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000], в это время в окрестностях стоянки обитали пещерная гисна, лошадь,

РПД-дата

54 ± 13 тыс. л.н.

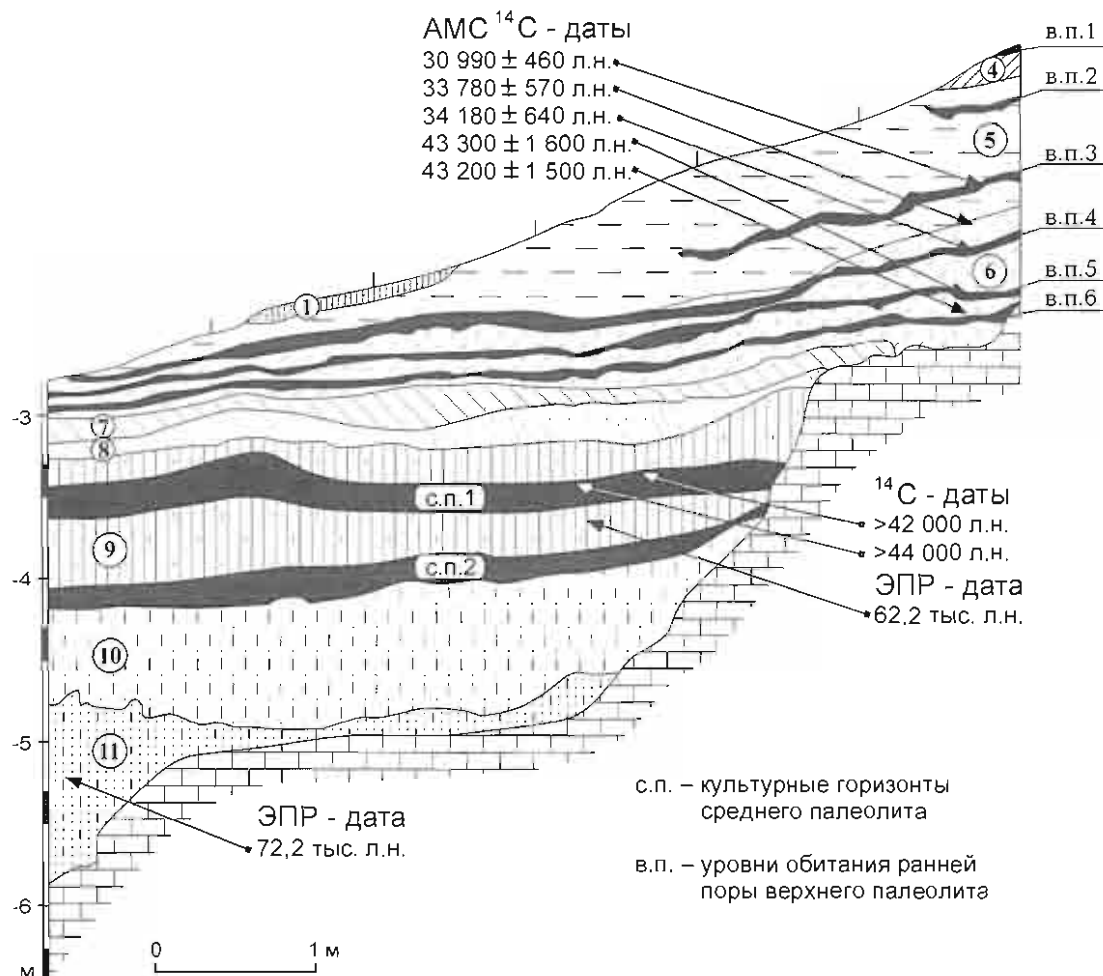

Рис. 6. Разрез плейстоценовых отложений стоянки Кара-Бом.

плейстоценовый осел, первобытный бизон, сибирский козел, а также суслики и тушканчик. В целом сообщество млекопитающих характерно для открытых биотопов со степной и лугово-степной растительностью, только сибирский козел тяготеет к скалистым горным склонам.

Археологические материалы

Археологическая картина перехода к верхнему палеолиту в алтайских многослойных комплексах отражает последовательное развитие технологических традиций от среднепалеолитических к ранним верхнепалеолитическим приемам обработки камня с постоянным использованием одной и той же базы исходного каменного сырья.

Для каменных индустрий палеолитических обитателей долины Ануя основным материалом служили гальки и валуны осадочных и вулканических пород из

русловых отложений главного водотока и его притоков [Деревянко, Кулик, Шуньков, 2000а; Кулик, Шуньков, 2000]. Использовались преимущественно осадочные породы, среди которых предпочтение отдавалось алевритам и мелкозернистым песчанникам. Около половины артефактов изготовлено из палеотипных афировых и порфировых эффузивов. Реже использовались контактово-измененные породы – роговики, яшмоиды и жильный кварц. В составе галечного материала отсутствовал какой-либо один тип высококачественного сырья. Поэтому из материала разного петрографического состава первобытный человек отбирал лучший по петрофизическим свойствам. Чаше использовались наиболее прочные и однородные гальки удобной при расщеплении брусковидной или параллелепипедной формы.

С ранним этапом верхнего палеолита связаны единичные орудия из яшмоидов сургучного цвета, а также горного хрусталя и раухтопаза, ближайшие выходы которых находятся в 30–50 км от Ануйского ком-

плекса. По высокой (7 по шкале Мооса) твердости, однородности при раскалывании и способности давать прочный режущий край яшмоиды превосходят все местные породы, служившие материалом для палеолитических индустрий. Однако незначительное расширение сырьевой базы носило эпизодический характер и в целом не изменило сырьевую стратегию первобытного населения долины Ануя: доля орудий из яшмоидов в индустриях верхнего палеолита не превышала 3,5 %.

В верховьях р. Урсул, где расположена стоянка Кара-Бом, геологическую позицию источников каменного сырья определяет широкое распространение вулканических пород среднего девона [Деревянко, Кулик, Шуньков, 2000б]. В целом доминируют кислые породы – риолитовые и риолито-дацитовые порфиры. В мелких тектонических клиньях присутствуют осадочные породы, в основном девонские песчано-сланцевые отложения со значительной долей туфогенного материала. Петрографический анализ артефактов стоянки Кара-Бом показал, что в качестве сырья использовалось немного пород, главным образом отдельные разновидности кислых афировых эффузивов, представляющих собой по существу раскристаллизованное вулканическое стекло.

Ближайшие выходы кислых вулканических пород находятся на господствующей вершине – г. Аптырга. В коренных выходах и курумах, покрывающих верхнюю часть склона горы, эффузивы демонстрируют отчетливую плитчатую отдельность, образованную в результате рассланцевания по тектоническому нарушению. Плоскопараллельные обломки этой породы сносились осыпями в верховья руч. Алтайры, откуда водными потоками перемещались в долину. В процессе переноса происходило своеобразное обогащение галечного материала обломками, монолитными и наиболее пригодными к использованию в качестве сырья для изготовления орудий. Среди обломков эффузивов палеолитический человек целенаправленно выбирал афировые разновидности: в составе каменных индустрий стоянки они превышают 80 %. При этом он отдавал предпочтение галькам удобной для расщепления плитчатой формы. Главными достоинствами этого сырья следует считать высокую степень однородности, слабую флюиальность и чрезвычайную тонкозернистость в сочетании с достаточно высокой (6,5 по шкале Мооса) твердостью.

Наиболее длительный отрезок палеолитического времени связан с плейстоценовой толщей в центральном зале Денисовой пещеры. Здесь отложения с индустрией ранней поры верхнего палеолита (слой 11) залегают на мощной толще среднепалеолитических культурных напластований (слои 22–12), формирование которой началось ок. 280 тыс. л.н.

Среднепалеолитический комплекс пещеры представлен индустриями в техническом отношении нелеваллуазскими, непластинчатыми и нефасетированными, со следами применения разнообразных приемов расщепления, среди которых преобладало параллельное скалывание заготовок. Типологическую основу инвентаря составляют скребла. Их удельный вес в орудийном наборе индустрий колеблется в пределах 27–34 %. Изделия леваллуа представлены достаточно выразительными формами (рис. 7, 13), в основном остроконечниками (рис. 7, 7), однако в целом эта группа, доля которой 7–12 %, не оказала заметного влияния на типологию индустрий. В среднепалеолитической группе орудий, составляющей 28–36 %, доминируют скребла (рис. 7, 11), главным образом простых модификаций (рис. 7, 12); мустьерские остроконечники (рис. 7, 5) присутствуют в единичных экземплярах. Также единичны в составе инвентаря двусторонне обработанные изделия (рис. 7, 14). Верхнепалеолитическая группа, на которую приходится 10–17 %, включает скребки (рис. 7, 2), резцы (рис. 7, 4, 6), проколки (рис. 7, 1), тронкированные сколы, а также пластину с притупленным краем (коллекция слоя 12). Зубчатые (рис. 7, 9), выемчатые (рис. 7, 10) и близкие к ним по морфологии клыковидные (рис. 7, 3, 8) формы образуют наиболее многочисленную (36–41 %) группу изделий. По основным типологическим показателям эти материалы можно рассматривать как своеобразные варианты среднепалеолитических индустрий с хорошо выраженным зубчато-выемчатым компонентом, заметной долей разнообразных верхнепалеолитических форм, относительно небольшим количеством леваллуазских изделий и присутствием единичных орудий со следами бифасиальной обработки.

Переход к верхнему палеолиту в археологической колонке Денисовой пещеры достаточно отчетливо фиксируют материалы из литологического слоя 11, отложения которого непосредственно перекрывают толщу среднепалеолитических слоев. В индустрии из этого слоя первичная обработка камня велась с использованием преимущественно параллельной техники, реже – радиального и леваллуазского расщепления. Большинство сколов составляют отщепы с параллельно ограниченным дорсалом и гладкой ударной площадкой. Технические индексы определяют индустрию как нефасетированную и непластинчатую; вместе с тем среди удлиненных сколов отмечена небольшая серия микропластин.

Характерной чертой данной индустрии является пропорциональное участие в составе орудий средне- и верхнепалеолитических форм. Мустьерские остроконечники и скребла среди ретушированных изделий составляют 22 %. В среднепалеолитической группе традиционно преобладают скребла (21 %), в основном

продольных однолезвийных вариантов (рис. 8, 13, 14). Эту группу орудий дополняет небольшая (2,5 %), но типологически выдержанная серия леваллуазских острокопечников (рис. 8, 15). Заметную долю (25 %) составляют зубчатые, выемчатые и клювовидные изделия. Однако наиболее крупной является группа верхнепалеолитических орудий (30 %). Скребки (рис. 8, 3, 5, 7), резцы, проколки (рис. 8, 2, 4), ретушированные пластины (рис. 8, 6, 11, 12) и микропластины с притупленным краем (рис. 8, 1) обладают чертами бесспорной верхнепалеолитической типологии и составляют самый выразительный компонент индустрии. Еще одной особенностью этого технокомплекса является присутствие в инвентаре ярких образцов листовидных бифасов (рис. 8, 8–10).

Важным аргументом в пользу ранней верхнепалеолитической атрибуции этой индустрии служат сопутствующий костяной инвентарь и украшения из кости, скорлупы, бивня мамонта и зубов животных. Набор обработанной “кости” из слоя 11 включает бо-

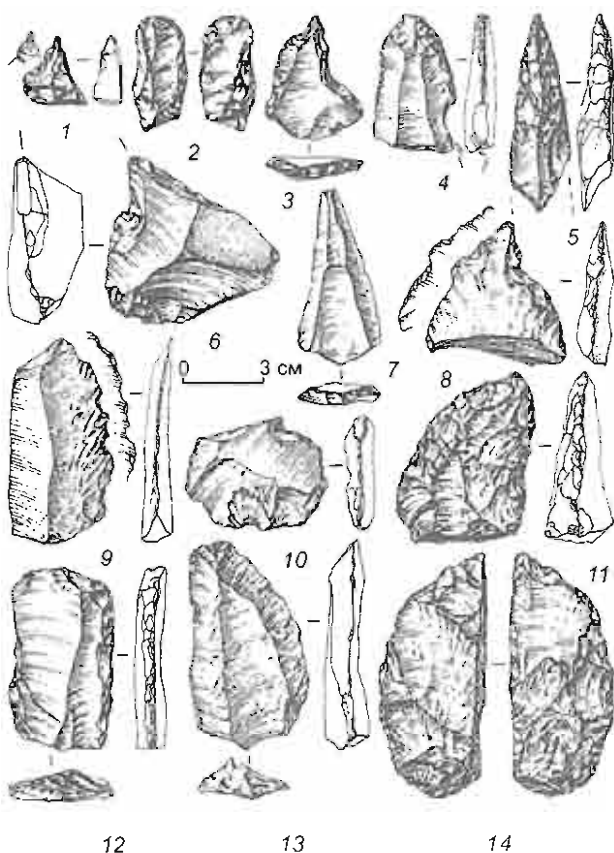

Рис. 7. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита.

Центральный зал Денисовой пещеры.

1 – проколка; 2 – скребок; 3, 8 – клювовидные орудия; 4, 6 – резцы; 5 – мустьерский острокопечник; 7 – острокопечник леваллуа; 9 – зубчатое орудие; 10 – выемчатое орудие; 11, 12 – скребла; 13 – пластина леваллуа; 14 – бифасиальное изделие.

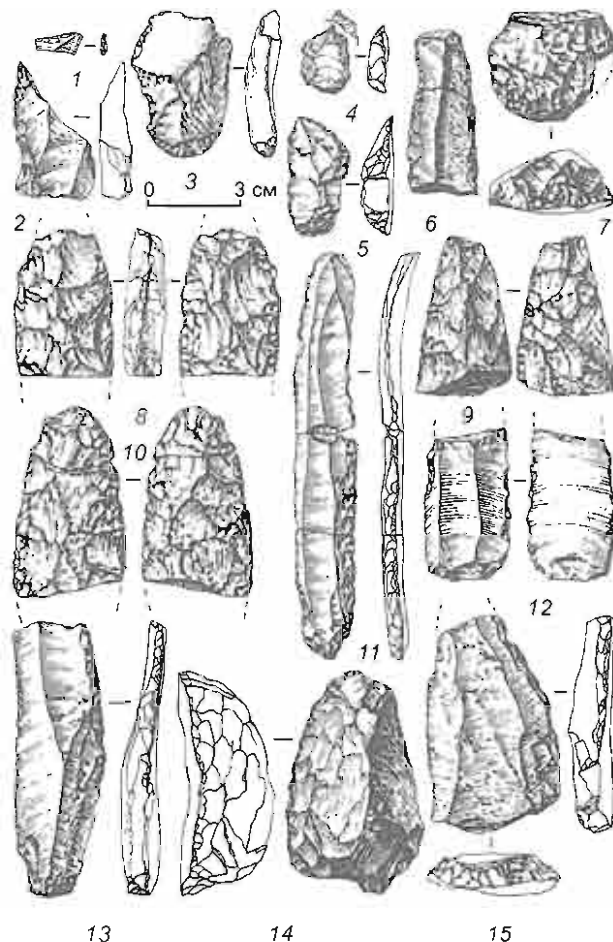

Рис. 8. Каменный инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Центральный зал Денисовой пещеры.

1 – микропластина с притупленным краем (масштаб 1:2); 2, 4 – проколки; 3, 5, 7 – скребки; 6, 11, 12 – ретушированные пластины; 8–10 – листовидные бифасы; 13, 14 – скребла; 15 – острокопечник леваллуа.

лее 60 изделий. В составе коллекции – миниатюрные иглы с ушком (рис. 9, 1–3, 5), в т.ч. уплощенное изделие с обломленным острием, на обе плоскости которого нанесено по ряду точечных углублений (рис. 9, 4); остроя-проколки из обломков трубчатых костей крупных млекопитающих (рис. 9, 6–12); подвески из зубов лисицы, бизона и оленя с биконическим просверленным отверстием (рис. 10; 11, 1, 2, 4–7) или с прорезанной по периметру бороздкой (рис. 11, 3) в корневой части; пронизки из полых трубчатых костей, в т.ч. орнаментированные симметрично расположенными рядами глубоких кольцевых нарезок (рис. 12); фрагмент кольца из бивня мамонта; бусина из бивня мамонта с естественным “орнаментом” по внешнему диаметру, тщательно заполированной поверхностью и биконическим просверленным отверстием (рис. 13, 6); небольшие плоские бусины из обломков трубчатых костей (рис. 13, 2); заготовки бусин (?) – фрагмент

Рис. 9. Костяной инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Центральный зал Денисовой пещеры.
1-5 – иглы с ушком, 6-12 – острия-проколки.

Рис. 10. Подвески ранней стадии верхнего палеолита из зубов животных. Центральный зал Денисовой пещеры.

Рис. 11. Подвески ранней стадии верхнего палеолита из зубов животных. Центральный зал Денисовой пещеры.
1, 2, 4-7 – с биконически просверленным отверстием;
3 – с прорезанной по периметру бороздкой.

Рис. 12. Костяные орнаментированные пронизки ранней стадии верхнего палеолита. Центральный зал Денисовой пещеры.

Рис. 13. Украшения ранней стадии верхнего палеолита из кости (1, 2, 4, 5, 7, 8), бивня мамонта (6) и скорлупы (3).

Центральный зал Денисовой пещеры.

1, 4, 5, 7 – заготовки бусин (?); 2 – бусина из обломка трубчатой кости; 3 – бусина из скорлупы яйца страуса; 6 – бусина из бивня мамонта; 8 – фрагмент ребра крупного млекопитающего с искусственными нарезками.

бивня мамонта с двумя просверленными широкими отверстиями и вырезанной между ними перемычкой (рис. 13, 7) и обломки бивня мамонта и трубчатой кости неправильно-овальной формы с тщательно заполированной поверхностью и широким отверстием посередине (рис. 13, 1, 4, 5); тонкостенное колечко, образованное поперечным срезом с трубчатой кости крупной птицы; фрагмент ребра крупного копытного с тремя веерообразно расположенными нарезками (рис. 13, 8); стержни из стенок трубчатых костей млекопитающих, в т.ч. медиальные фрагменты с полированной поверхностью и дистальный фрагмент с уплощенным окончанием; фрагменты костей крупных млекопитающих с просверленным отверстием. Отдельно следует отметить украшение в виде плоской бусинки-колечка (рис. 13, 3) из уникального для палеолита Алтая материала – скорлупы яйца страуса.

Другой примечательный компонент этой коллекции составляют украшения из поделочного камня и раковин моллюсков: фрагментированные подвески из каолинистого агальматолита (рис. 14, 8) и талькостеатита (рис. 14, 6, 7) с биконически просверленным отверстием у одного из поперечных краев изделия; бусины из талька (рис. 14, 3), серпентина (рис. 14, 2) и глинистого сланца (рис. 14, 1), а также украшения

Рис. 14. Украшения ранней стадии верхнего палеолита из камня (1–3, 6–8) и раковин моллюсков (4, 5). Центральный зал Денисовой пещеры.

1–3 – бусины из камня, 4, 5 – украшения из раковин моллюсков; 6–8 подвески из камня.

из раковин пресноводных моллюсков *Corbicula tibetensis* с просверленным отверстием в основании (рис. 14, 4, 5).

Во многом сходную картину становления верхнепалеолитических традиций демонстрируют материалы с предвходовой площадки Денисовой пещеры. В строении разреза предвходовой площадки наиболее древние уровни обитания (слои 10 и 9) связаны с жизнедеятельностью среднепалеолитического человека в начале верхнего плейстоцена. Для индустрий этих слоев характерно параллельное, леваллуазское и радиальное расщепление, причем преобладало параллельное скалывание заготовок. Технические индексы леваллуа, фасетирования и пластин не превышают средних значений, только в индустрии слоя 9 доля пластинчатых сколов относительно высока – 21 %. Типологический облик индустрий формируют разные виды скребел (слой 10 – 26 %, слой 9 – 18 %) (рис. 15, 12, 13, 15, 17, 18) и мустьерских остроконечников (рис. 15, 9), изделия леваллуа (соответственно 22 и 23 %) (рис. 15, 4, 8,

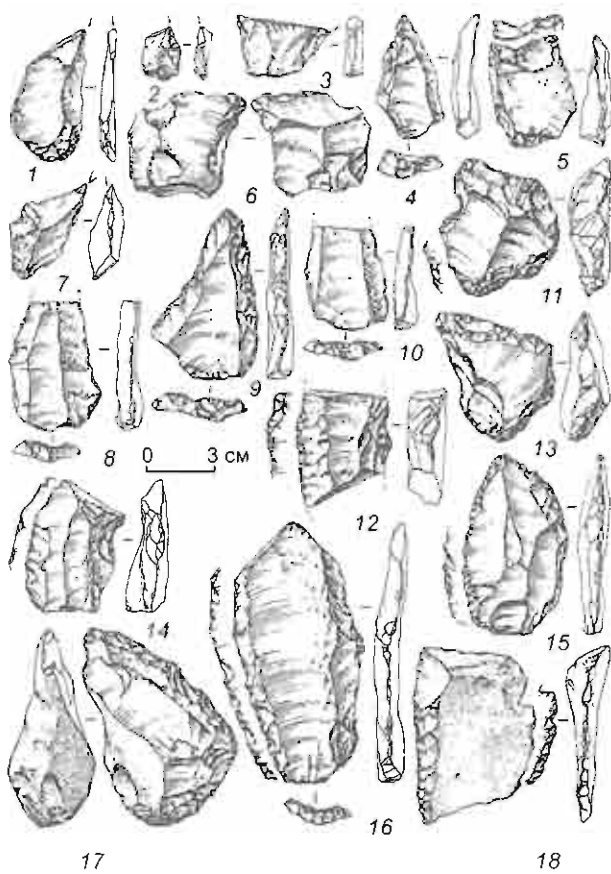

Рис. 15. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита.

Предвходовая площадка Денисовой пещеры.

1–3, 7 – резцы; 4, 8 – остроконечники леваллуа; 5, 6, 14 – клювовидные орудия; 9 – мустьерский остроконечник; 10, 16 – пластины леваллуа; 11 – выемчатое орудие; 12, 13, 15, 17, 18 – скребла.

10, 16), зубчато-выемчатые (рис. 15, 11) и клювовидные (рис. 15, 5, 6, 14) формы (соответственно 37 и 29 %). К орудиям верхнепалеолитической группы в коллекции слоя 10 относится угловой резец (рис. 15, 3), а в индустрии слоя 9 верхнепалеолитический компонент (22 %) представлен разнообразными резцами (рис. 15, 1, 2, 7), боковыми скребками, проколками и тронкированными сколами.

Начальный этап постепенного перехода к верхнему палеолиту отражают материалы слоя 8. В составе инвентаря этого слоя по сравнению с индустриями нижележащих горизонтов резко уменьшилась доля леваллуазских изделий (до 4 %). Практически в равных значениях представлены орудия среднепалеолитической (26 %) и верхнепалеолитической (27 %) групп. Среди орудий первой группы преобладают скребла (рис. 16, 9–12), а в составе второй присутствуют скребки (рис. 16, 3–5, 7), резцы (рис. 16, 1), проколки (рис. 16, 6) и ретушированные пластины (рис. 16, 2, 8) с хорошо выраженными верхнепалеолитическими чертами. На долю зубчато-выемчатых форм приходится 24 % орудий. Таким образом, индустрия слоя 8, оставаясь в рамках среднего палеолита, была заметно насыщена типично верхнепалеолитическими элементами.

Характер индустриального развития на ранней стадии верхнего палеолита в стратиграфическом разрезе предвходовой площадки отражают материалы литологического слоя 7. Все нуклеусы из этого слоя выполнены в технике параллельного расщепления, в т.ч. небольшой нуклеус из сургучной яшмы с негативами серийного снятия микропластин (рис. 17, 6). В составе типологически выраженного инвентаря наиболее показательной является группа верхнепалеолитических орудий (30 %), в которой преобладают скребки (рис. 17, 2), резцы (рис. 17, 1, 3) и ретушированные пластины (рис. 17, 4, 5). Эти орудия имеют устойчивые признаки верхнепалеолитической морфологии и хорошо согласуются с развитой техникой пластинчатого скола, включающей элементы микропластинчатого расщепления. Среднепалеолитический компо-

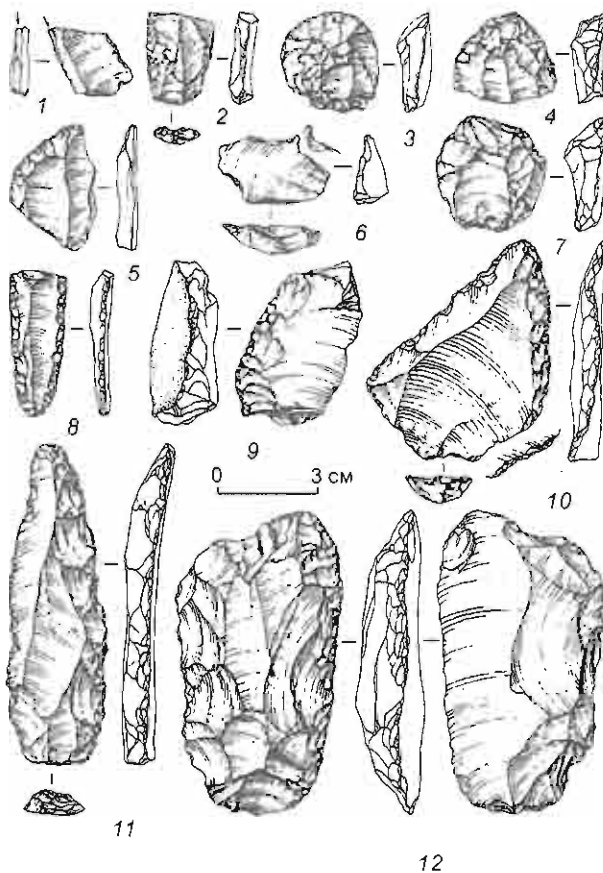

Рис. 16. Каменный инвентарь финала среднего палеолита – начала перехода к верхнему палеолиту. Предвходовая площадка Денисовой пещеры.

1 – резец; 2, 8 – ретушированные пластины; 3–5, 7 – скребки; 6 – проковка; 9–12 – скребла.

мент (17 %) представлен типологически разнообразным набором скребел (рис. 17, 8, 9), а леваллуазская группа (5 %) – относительно небольшой серией острокопечников (рис. 17, 7) и пластин. По-прежнему заметное место среди орудий (39 %) занимают зубчато-выемчатые и клювовидные изделия.

Дополняют коллекцию раннего верхнепалеолитического инвентаря из слоя 7 подвески из зубов косули (рис. 18, 1), лошади (рис. 18, 7) и обломка трубчатой кости травоядного животного (рис. 18, 3), бусины-кольчатки, изготовленные из бивня мамонта (рис. 18, 5), скорлупы яиц страуса (рис. 18, 4) и трубчатой кости крупного млекопитающего (рис. 18, 6), а также фрагмент иглы с просверленным и обломанным ушком (рис. 18, 2).

Другим наглядным примером последовательной эволюции палеолитических традиций служат материалы многослойной стоянки Усть-Каракол-1. Среднепалеолитический комплекс стоянки формируют

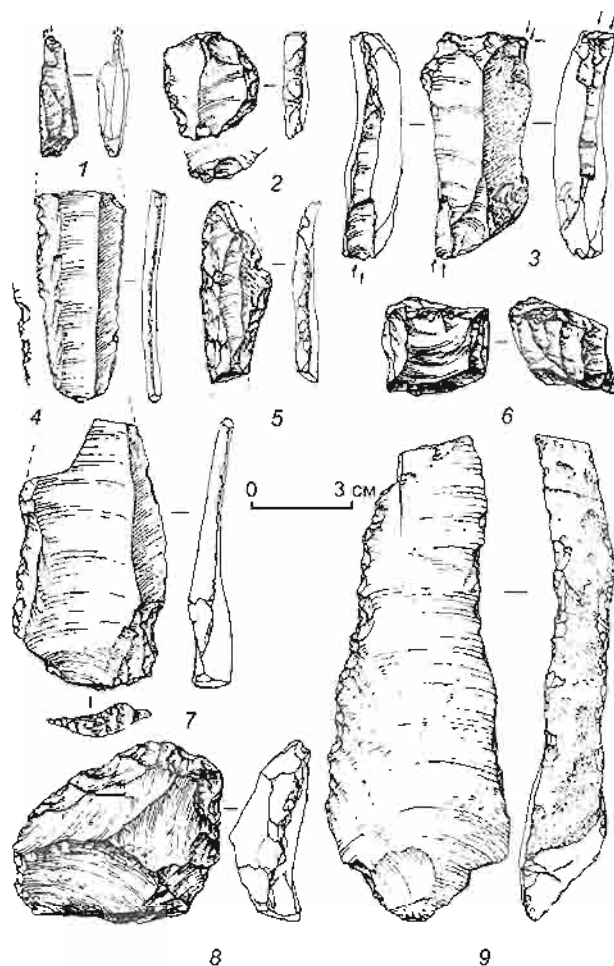

Рис. 17. Каменный инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Предвходовая площадка Денисовой пещеры. 1, 3 – резцы; 2 – скребок; 4, 5 – ретушированные пластины; 6 – нуклеус для микропластин; 7 – острокопечник леваллуа; 8, 9 – скребла.

Рис. 18. Украшения (1, 3–7) и костяной инвентарь (2) ранней стадии верхнего палеолита. Предвходовая площадка Денисовой пещеры.

1 – подвеска из зуба косули, 2 – игла с ушком, 3 – подвеска из трубчатой кости крупного млекопитающего, 4 – бусина из скорлупы яйца страуса, 5 – бусина из бивня мамонта, 6 – бусина из трубчатой кости крупного млекопитающего, 7 – подвеска из зуба лошади.

индустрии из отложений нижней половины разреза (слои 19–13), среди них наиболее показательной в технико-типологическом отношении является коллекция из литологического слоя 18, возраст которого установлен в пределах 90–100 тыс. лет. Технической основой этой индустрии служило рекуррентное леваллуазское расщепление (рис. 19, б), использовались также приемы параллельного скалывания заготовок (рис. 19, 8). Среди продуктов расщепления преобладают сколы с параллельно ограниченным дорсалом. Леваллуазские заготовки в общем количестве сколов составляют 13 %. На долю пластин приходится третья часть всех заготовок, что свидетельствует о развитии техники пластинчатого скола.

В типологическом списке инвентаря самую многочисленную группу образуют изделия, выполненные в технике леваллуа (34 %), среди которых преобладают острокопечники (рис. 19, 1, 2, 5, 7) и удлиненные сколы (рис. 19, 3). Следующая по значению группа зубчато-выемчатых изделий (20 %) состоит преимущественно из выемчатых и клювовидных орудий, оформленных, как правило, клектонскими анклами. Орудий верхнепалеолитических типов вдвое больше (10 %), чем собственно среднепалеолитических

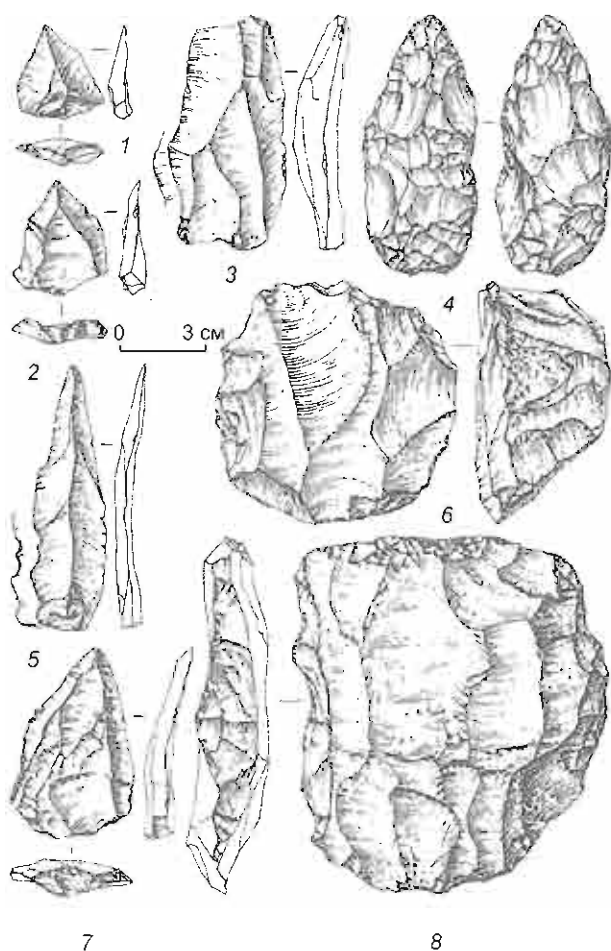

Рис. 19. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита.

Стойка Усть-Каракол-1.

1, 2, 5, 7 – остроконечники леваллуа; 3 – пластина леваллуа; 4 – листовидный бифас; 6 – леваллуазский нуклеус; 8 – параллельный (пропризматический) нуклеус.

форм. К верхнепалеолитической группе относятся угловые резцы, боковой скребок, угловая проколка и тронкированные изделия. Среднепалеолитические формы представлены небольшой серией скребел с продольно расположенным лезвием.

В целом для среднепалеолитических индустрий стоянки наиболее характерны изделия с леваллуазской морфологией – монофронтальные одно- и двуплощадочные нуклеусы с негативами треугольных и пластинчатых снятий; остроконечники, пластины и отщепы леваллуа без признаков вторичной обработки, а также леваллуазские сколы, обработанные ретушью и анкошами. Среди особенностей индустрий следует отметить присутствие в составе инвентаря нуклеусов с признаками параллельного расщепления и двусторонне обработанных изделий, в т.ч. листовидного бифаса треугольной формы (рис. 19, 4).

Выше толщи среднепалеолитических отложений на стоянке Усть-Каракол-1 залегают слои 11–8 с индустриями ранней поры верхнего палеолита, возраст которых определен в диапазоне 50–29 тыс. лет. Обработка камня в этих индустриях велась в основном в системе параллельного расщепления. Эпизодически применялась техника леваллуа. Использовались главным образом одно- и двуплощадочные нуклеусы, включая призматические формы со следами циркумфронтального скалывания заготовок (рис. 20, 5). Особую группу составляют конусовидные (рис. 20, 1, 2) и клиновидные (рис. 20, 3, 4) нуклеусы небольших размеров, предназначенные для снятия микропластин. Доля удлиненных сколов среди продуктов расщепления достигает 30 %. В составе индустрий выделяют устойчивые серии микропластин.

В наборе инвентаря преобладают орудия верхнепалеолитической группы. Различные типы скребков, резцов, проколов, ретушированные пластины и тронкированные сколы составляют в индустриях от 32 до 38 %. К самым выразительным изделиям относятся концевые скребки на пластинах (рис. 21, 6, 9, 11) и скребки высокой формы типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями (рис. 21, 8, 12); угловые и срединные (рис. 21, 7) резцы; крупные призматические пластины с регулярной ретушью продольных краев (рис. 21, 10, 14) и микропластины с притупленным краем (рис. 21, 1–3). Менее представительным, но типологически значимым компонентом являются зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия (18–23 %), образованные в основном ретушированными анкошами. Среди других категорий каменного инвентаря серийно представлены скребла продольных разновидностей, ножи с естественным обушком и обушком-гранью, проколки и шиповидные изделия. Кроме того, необходимо отметить бифасиальные орудия листовидной формы (рис. 21, 4, 13), а также изделие из плотного поделочного камня – серпентина с биконически просверленным отверстием (рис. 21, 5).

Близкие по характеру развития палеолитические традиции нашли отражение в строении археологического разреза многослойной стоянки Ануй-3. В нижней части плейстоценовых отложений стоянки (слои 18–13) залегают каменные артефакты с хорошо выраженными среднепалеолитическими признаками. Для получения заготовок в этих индустриях использовалось главным образом леваллуазское и параллельное расщепление с одноплощадочных монофронтальных нуклеусов (рис. 22, 11). Иногда производилось радиальное скалывание с бифронтальных ядрищ. Большинство сколов составляют отщепы с параллельно ограниченным дорсалом и гладкой ударной площадкой. Доля пластин в индустриях достигает 17 %, а леваллуазских заготовок – не более 11 %.

Среди типологически выраженного инвентаря наибольшее распространение получили леваллуазские формы (16–22 %) – ретушированные пластины (рис. 22, 1, 6) и удлиненные остроконечники (рис. 22, 3) леваллуа. Вторую позицию в орудейном наборе (до 18 %) занимают зубчатые и выемчатые изделия, оформленные в основном клетонскими анкошами. В среднепалеолитическую группу орудий (ок. 10 %) входят мустьерские остроконечники, представленные в укороченном (рис. 22, 4) и удлиненном (рис. 22, 2) вариантах, а также скребла с продольно (рис. 22, 5), диагонально и поперечно (рис. 22, 10) расположенным лезвием. Верхнепалеолитическая группа (10–16 %) включает боковые скребки, угловые и поперечные резпы, угловые проколки и тронкированные сколы. Самым ярким компонентом каменного инвентаря, определяющим типологическую самобытность этого техноконплекса, является выразительная серия двусторонне обработанных орудий из коллекции слоя 18, среди которых совершенством формы выделяются листовидные острия (рис. 22, 7–9).

Среднепалеолитические слои стоянки Ануй-3 залегают под толщей культурных напластований ранней поры верхнего палеолита (слои 12 и 11), формирование которой началось 54 тыс. л.н. Состав относительно небольших наборов артефактов из толщи слоев 12 и 11 свидетельствует о высоком развитии техники параллельного расщепления с использованием нуклеу-

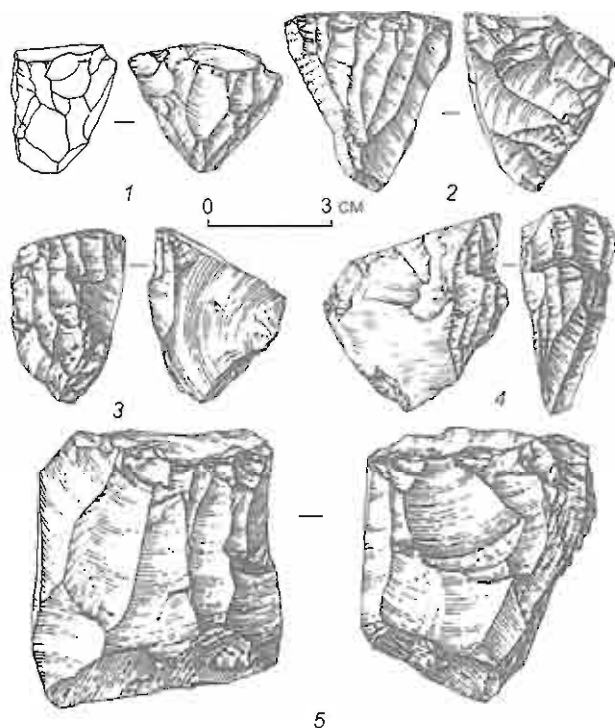

Рис. 20. Нуклеусы ранней стадии верхнего палеолита. Стоянка Усть-Каракол-1.

1, 2 – конусовидные; 3, 4 – клиновидные; 5 – призматический.

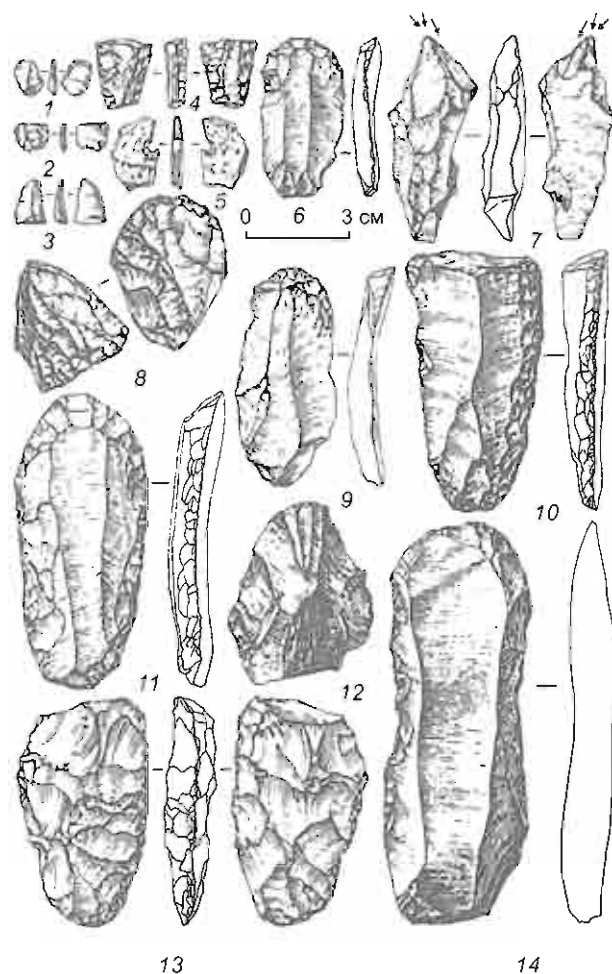

Рис. 21. Каменный инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Стоянка Усть-Каракол-1.

1–3 – микропластины с притупленным краем; 4, 13 – листовидные бифасы; 5 – изделие из серпентина; 6, 9, 11 – концевые скребки; 7 – резец; 8, 12 – скребки высокой формы; 10, 14 – ретушированные пластины.

сов призматической формы (рис. 23, 17). В коллекции сколов заметная доля принадлежит удлиненным заготовкам, в т.ч. продуктам микропластинчатого расщепления (рис. 23, 6). Типологический облик этих индустрий определяют верхнепалеолитические формы, при этом среднепалеолитическая и зубчато-выемчатая группы представлены единичными орудиями. Среди основных компонентов каменного инвентаря наиболее выразительны концевые скребки на отщепках (рис. 23, 8, 12, 14) и пластинах (рис. 23, 13, 16), скребки высокой формы типа карене (рис. 23, 9–11), асимметричные острия на ретушированных пластинах (рис. 23, 15) и микропластины с притупленным краем (рис. 23, 1–5, 7).

Особый индустриальный вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту демонстрируют материалы многослойной стоянки Кара-Бом [Деревянко, Петрин,

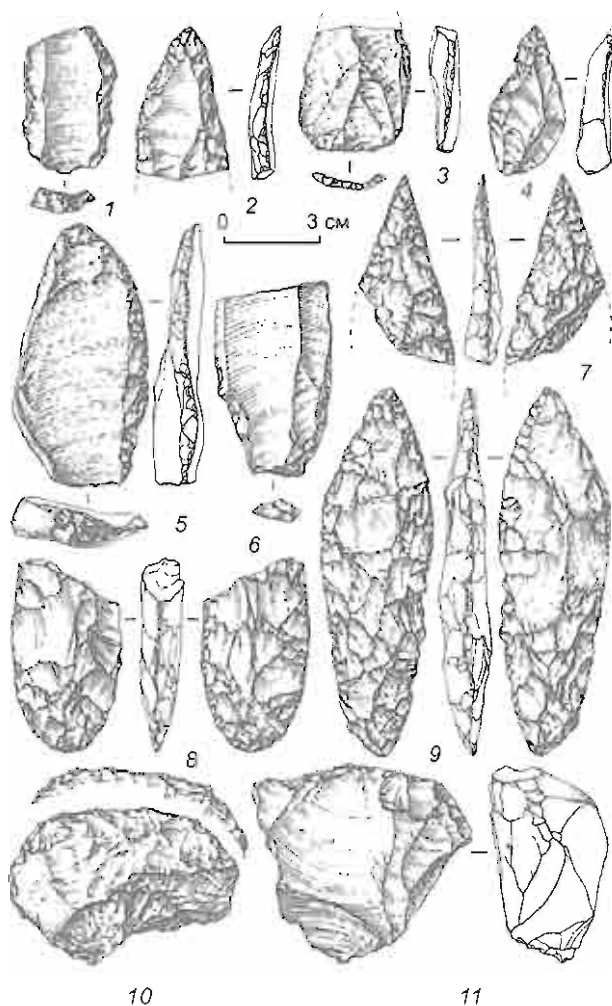

Рис. 22. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита. Стоянка Ануй-3.

1, 6 – ретушированные пластины леваллуа; 2, 4 – мустьерские острокопечники; 3 – фрагмент острокопечника леваллуа; 5, 10 – скребла; 7–9 – листовидные бифасы; 11 – параллельный (протопризматический) нуклеус.

Рыбин, 2000]. Среднепалеолитический базис стоянки состоит из двух культурных горизонтов. Нижний из них датирован в пределах 62–72 тыс. лет, а возраст верхнего горизонта оценивается древнее 42–44 тыс. лет. В индустриях этих горизонтов использовалась главным образом система рекуррентного леваллуазского расщепления с чередованием приемов параллельного и конвергентного скалывания заготовок (рис. 24, 6, 7). Среди продуктов первичного расщепления выделяется группа пластин, на долю которой в нижнем горизонте приходится 33 %, а в верхнем – 46 % всех сколов. В совокупности эти заготовки образуют самую представительную выборку удлиненных сколов в алтайских среднепалеолитических коллекциях. Также необычно многочисленны пластины, использовавшиеся в качестве заготовок орудий, их доля в нижнем горизонте

достигает 34 %. Технический индекс сколов леваллуа не превышает среднего уровня, однако в типологическом списке инвентаря нижнего горизонта леваллуазские изделия составляют более половины набора орудий, а в коллекции верхнего горизонта – почти третью часть инвентаря. Наиболее устойчивую серию в этой группе представляют острокопечники леваллуа без признаков систематической вторичной обработки (рис. 24, 4, 5, 8). Не менее значимым компонентом инвентаря являются зубчатые и выемчатые (рис. 24, 1) изделия (нижний горизонт 32 %, верхний – 52 %), оформленные, как правило, ретушированными анкошами. Следующая по значению группа верхнепалеолитических орудий (соответственно 16 и 21 %) включает боковые (рис. 24, 3), угловые и срединные резцы, ретушированные пластины (рис. 24, 2), а также несколько маловыразительных скребков и проколов. Собственно среднепалеолитические формы не получили заметного распространения в составе этих индустрий.

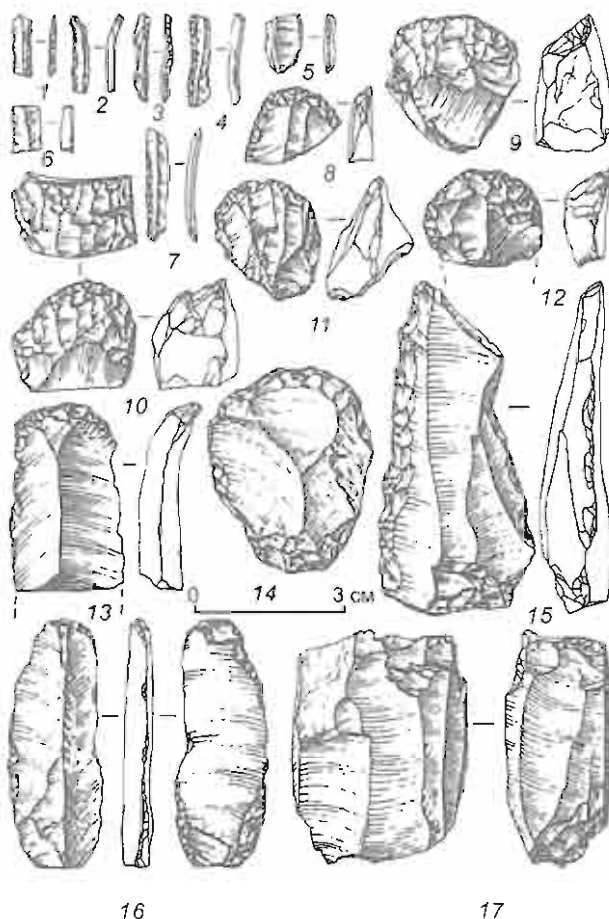

Рис. 23. Каменный инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Стоянка Ануй-3.

1–5, 7 – микропластины с притупленным краем; 6 – микропластина; 8, 12–14, 16 – концевые скребки; 9–11 – скребки высокой формы; 15 – острие на ретушированной пластине; 17 – призматический нуклеус.

Среднепалеолитический комплекс стоянки Кара-Бом перекрыт толщей из шести уровней обитания ранней поры верхнего палеолита, возраст которых составляет 43–30 тыс. лет. Технические особенности ранних верхнепалеолитических индустрий носят отчетливо выраженный пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет признаки параллельного огранения и предназначена для получения удлиненных сколов (рис. 25, 9), при этом сохраняют свое значение отдельные элементы техники леваллуа. Вместе с тем появляются новые технические приемы, направленные на скалывание микропластин, в т.ч. с торцовых разновидностей нуклеусов (рис. 25, 8). Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на долю которых в индустриях приходится от 56 до 62 %. На крупных пластинчатых заготовках оформлено более половины орудий. В составе инвентаря заметное место сохраняют зубчато-выемчатые формы (28–35 %). Относительно небольшими сериями представлены леваллуазские остроконечники и скребловидные формы. Среди орудий преобладают изделия верхнепалеолитической группы

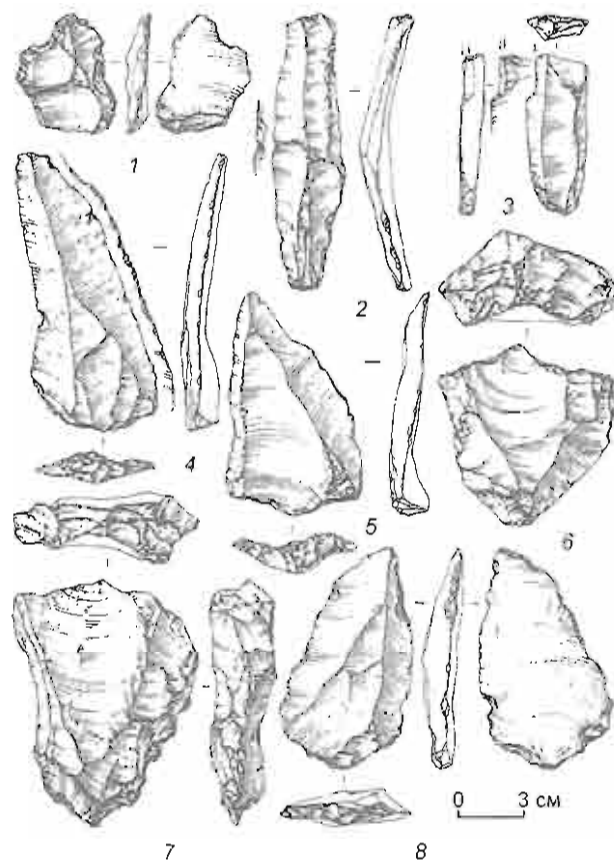

Рис. 24. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита. Стоянка Кара-Бом.

1 – выемчатое орудие; 2 – ретушированная пластина; 3 – резец; 4, 5, 8 – остроконечники леваллуа; 6, 7 – леваллуазские нуклеусы.

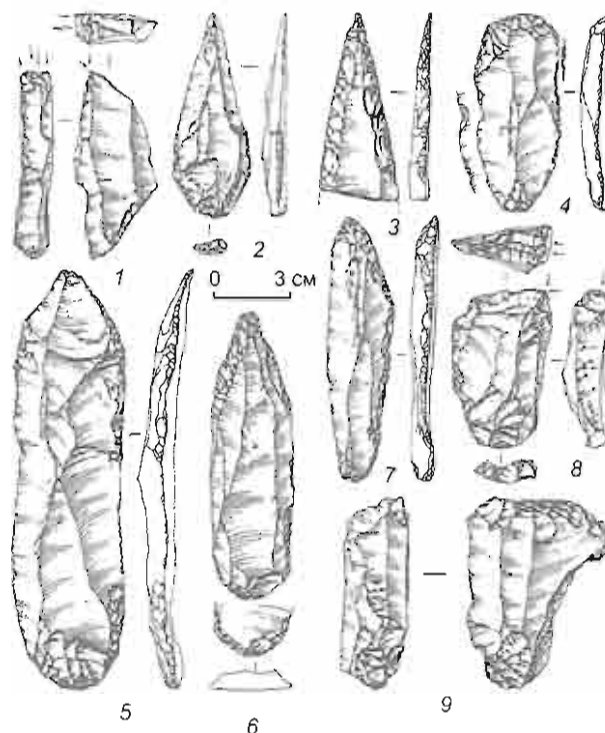

Рис. 25. Каменный инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Стоянка Кара-Бом.

1 – резец; 2, 3, 5 – остроконечники; 4 – концевой скребок; 6 – остроконечник с вентрально утонченным основанием; 7 – ретушированная пластина; 8, 9 – нуклеусы.

(32–39 %) – концевые (рис. 25, 4) и боковые скребки, срединные асимметричные (рис. 25, 1) и угловые резцы, ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники (рис. 25, 2, 3, 5), в т.ч. с вентрально утонченным основанием (рис. 25, 6), и пластины со следами регулярной ретуши по продольному краю (рис. 25, 7). С отложениями наиболее ранних верхнепалеолитических уровней стоянки связаны подвески из лучевой кости, зубов животных и плоской удлиненной гальки, один из торцов которой несет следы минерального красителя охристого цвета [Деревянко, Рыбин, 2003].

Обсуждение

Тенденция постепенной эволюции палеолитических индустрий на территории Алтая прослежена также по материалам многослойных комплексов в пещере Страшная и на стоянке Ушлеп-6.

В отложениях пещеры Страшная ранний этап верхнего палеолита представлен артефактами из слоя 4 и двух нижних культурных горизонтов слоя 3 с открытой радиоуглеродной датой $>27\,360 \pm 430$ л.н. [Derevianko, Zenin, 1997]. В составе инвентаря

из этих горизонтов по сравнению с индустриями из нижележащих среднепалеолитических слоев заметно увеличивается доля заготовок-пластин, уменьшается общее количество леваллуазских изделий, появляются продукты микропластинчатого скалывания и образцы обработанной кости, например игла с ушком, подвеска из зуба марала и фрагменты костей крупных млекопитающих с биконически просверленным отверстием.

На стоянке Ушлеп-6 вскрыта последовательность из восьми культурно-стратиграфических подразделений, которые, как считают исследователи памятника [Кунгуров, Маркин, Семибратов, 2003], охватывают заключительный период среднего палеолита и практически все основные этапы верхнепалеолитического времени. В рамках начальной поры верхнего палеолита они рассматривают коллекцию из культурного слоя 5 [Кунгуров, 1998]. Однако, с нашей точки зрения, этому времени, скорее всего, соответствуют материалы слоя 8, датированные по кости >42 тыс. л.н. (СО РАН-5045). Среди находок из этого слоя выделяются острия из бивня мамонта и трубчатых костей крупных млекопитающих, скребла высокой формы, скребки типа карене, концевые скребки на пластинах и бифасиальное изделие овальных очертаний.

Помимо материалов многослойных комплексов к ранней поре верхнего палеолита относятся индустрии еще нескольких алтайских стоянок, функционально принадлежащих к типу временных охотничьих лагерей. Первую позицию среди них занимают материалы из литологического слоя 3 стоянки Кара-Тенеш, изотопный возраст которого определен в диапазоне от $42\,165 \pm 4\,170$ лет (СОАН-2485) до $26\,875 \pm 625$ лет (СОАН-2134) [Деревянко, Петрин, Николаев и др., 1998]. Характерной технической особенностью этой индустрии является широкое использование в качестве основы для изготовления орудий крупных пластин. В типологическом списке инвентаря преобладают ретушированные пластины и разнообразные скребки, немалую долю составляют скребла и бифасиально обработанные изделия. Особый колорит индустрии придает выразительная серия удлиненных остроконечников с утонченным основанием.

Аналогичные острия обнаружены также в отложениях Малояломанской пещеры ниже стратиграфического уровня с радиоуглеродной датой $33\,350 \pm 1\,145$ л.н. (СОАН-2500) [Археология..., 1998]. Небольшая коллекция артефактов из нижней части пещерных отложений помимо удлиненных остроконечников с подтесанным основанием включает зубчато-выемчатые орудия, единичные скребла и леваллуазские острия, окрашенную охрой расколотую гальку и подвеску из клыка марала с насечками на дистальном крае.

Своеобразный технико-типологический характер имеет индустрия местонахождения Тюмечин-4 [Шуныков и др., 1998]. В стратиграфической колонке этого памятника палеолитический материал зафиксирован в позднекаргинских суглинках под криогенными структурами сартанского времени. В каменной индустрии Тюмечина-4 преобладала техника параллельного расщепления, основным продуктом которой являлся отщеп средних размеров. В составе инвентаря среди единичных остроконечников леваллуа, продольных и поперечных скребел, шиповидных и выемчатых изделий выделяются морфологически выразительные серии концевых скребков, скребков высокой формы, многофасеточные резцы, а также набор двусторонне обработанных изделий, состоящий из бифасов листовидной формы.

Кроме того, по оценкам некоторых специалистов, к начальной поре верхнего палеолита, возможно, относятся каменные изделия из литологических подразделений 6 и 7 палеолитического объекта Ануи-1 [Деревянко, Зенин, 1990], материалы из стратиграфических слоев 4 и 5 нового разреза в Усть-Канской пещере [Деревянко, Агаджанян, Кулик и др., 2001] и часть разнообразной по хронологической принадлежности коллекции из пещер бийкинской группы [Нохрина и др., 2000]. Однако геохронологическая позиция вскрытых на этих памятниках плейстоценовых отложений определена пока недостаточно отчетливо, а культурно-хронологическая интерпретация палеолитических артефактов опирается главным образом на их морфологические признаки.

Таким образом, начало верхнепалеолитической эпохи на Алтае представлено материалами разнотипных и неравнозначных по объему информации стоянок, среди которых выделяются хорошо стратифицированные археологические колонки многослойных комплексов. Материалы многослойных комплексов наглядно демонстрируют преемственность технологических традиций среднего и верхнего палеолита. Ранние верхнепалеолитические индустрии формировались на основе местного среднепалеолитического технокомплекса, сохраняя при этом ряд общих технических компонентов. Так, у средне- и верхнепалеолитических индустрий была единая база каменного сырья, основу которой составляли гальки осадочных и вулканических пород из русловых отложений местных водотоков. Правда, на раннем этапе верхнего палеолита древние обитатели Северо-Западного и Центрального Алтая эпизодически стали использовать более качественный материал, который доставлялся на стоянки в виде галек яшмоидов сургучного цвета [Постнов, Анойкин, Кулик, 2000; Рыбин, 2002]. Однако это обстоятельство, хотя и явилось определенным маркером перехода к качественно новому этапу обработки камня, тем не менее практически не изме-

нило сложившихся принципов отбора каменного сырья, направленных на утилизацию главным образом местного галечного материала.

Другим общим показателем для индустрий среднего и верхнего палеолита является перманентное использование техники параллельного расщепления. Параллельное скалывание заготовок с плоских площадочных нуклеусов активно применялось начиная с ранней стадии среднего палеолита наряду с леваллуазским и радиальным расщеплением. В последовательном развитии приемов параллельного расщепления переход к верхнему палеолиту отмечен серийным скалыванием заготовок с объемных нуклеусов призматической, конусовидной и клиновидной формы, включавшим торцовое микропластинчатое расщепление.

Главным типологическим показателем, отражающим преемственность культурных традиций среднего и верхнего палеолита, следует считать, вероятно, широкое распространение изделий зубчато-выемчатой группы. Относительно высокая доля зубчатых и выемчатых форм в составе орудийных наборов является одним из основных признаков, определяющих индивидуальный типологический облик как средне-, так и верхнепалеолитических индустрий. Более отчетливо типологическая связь с ранним этапом верхнего палеолита прослеживается в индустриях финальной стадии среднего палеолита. Лучше всего она представлена в массовых материалах из слоя 12 в центральном зале и слоя 8 на предвходовой площадке Денисовой пещеры. В этих индустриях выделяются орудия с хорошо выраженной верхнепалеолитической типологией, в т.ч. концевые и стрельчатые скребки, угловые, поперечные и двойные резцы, угловые проколки, ножи с ретушированным обушком, крупные ретушированные пластины и небольшие пластинки с притупленным краем. Еще одним связующим звеном с индустриями предшествующего периода в коллекциях ранней поры верхнего палеолита являются немногочисленные, но достаточно выразительные изделия, выполненные в канонах техники леваллуа.

Материалы многослойных комплексов свидетельствуют о том, что в период от 50 до 40 тыс. л.н. на Алтае в ходе последовательной трансформации среднепалеолитических культурных традиций формировались индустрии ранней поры верхнего палеолита. Для индустриальных комплексов этой эпохи, несмотря на ряд общих технологических признаков, характерны индивидуальные черты, которые позволяют выделить две самостоятельные линии развития – усть-каракольскую и кара-бумовскую [Деревянко, Шуньков, 2002].

Усть-каракольский вариант развития объединяет индустрии Усть-Каракола-1, Денисовой пещеры, Ануя-3, Тюмечина-4 и, видимо, Ушлепа-6 и пещеры Страшная. В системе первичного расщепления в этих

индустриях вместе с техникой параллельной редукции леваллуазских и простых площадочных нуклеусов начинают широко использоваться приемы серийного снятия удлинённых заготовок с призматических, конусовидных и торцовых нуклеусов, в т.ч. клиновидной формы. Прямым следствием прогрессивных технологических процессов явилось зарождение техники микропластинчатого расщепления, применявшейся как для получения собственно микропластин, так и для подготовки специальных форм верхнепалеолитических орудий.

В типологических списках этих индустрий заметную роль играют скребла, в основном продольных вариантов, и зубчато-выемчатые орудия. В небольших количествах присутствуют изделия леваллуа. Самую выразительную часть орудийного набора образуют изделия верхнепалеолитических типов. Среди них наиболее показательны т.н. ориньякские формы – концевые скребки на пластинах; скребки высокой формы, образованные микропластинчатыми снятиями; срединные резцы, в т.ч. многофасеточные; крупные пластины с регулярной ретушью по продольному краю, а также микропластины с притупленным краем. Характерным элементом этих индустрий являются орудия со следами двусторонней обработки, в первую очередь выразительные бифасы листовидной формы. Важно отметить присутствие в ранней верхнепалеолитической коллекции Денисовой пещеры орудий из кости и украшений, которые практически полностью повторяют традиционный набор ориньякских изделий из классических комплексов Западной Европы и Ближнего Востока, – подвески из зубов животных, костяные пронизки с симметричными рядами глубоких широких нарезок, раковины моллюсков с искусственным отверстием, а также подвески из мягкого поделочного камня. На сегодняшний день набор индивидуальных украшений из Денисовой пещеры является наиболее представительным и древним в палеолите Северной и Центральной Азии.

Кара-бумовский вариант развития ранней верхнепалеолитической традиции представлен индустриями Кара-Бума, Кара-Тенеша и, возможно, Малояломанской пещеры. Их технические особенности носят отчетливо выраженный пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет параллельные грани и предназначена для получения удлинённых сколов. Сохраняют свою роль отдельные элементы техники леваллуа. Вместе с тем отмечены признаки использования новых технических приемов, характерных для скалывания микропластин, в т.ч. с торцовых разновидностей нуклеусов. Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на которых оформлено более половины орудий. В орудийном наборе заметное место занимают зубчато-выемчатые формы. Однако ведущими в составе инвентаря являются орудия верх-

непалеолитической группы, оформленные главным образом на крупных пластинчатых заготовках: концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники с центральным уплощением основания и пластины с ретушью продольных краев. В этих индустриях отмечены также отдельные ориньякские элементы, единичные образцы бифасиальных изделий и личных украшений, однако они встречаются эпизодически и не образуют устойчивых технико-типологических сочетаний. В целом облик кара-бомовского индустриального варианта определяется прежде всего серийным производством крупных пластин и на их основе – орудий.

Развитие на ранней стадии верхнего палеолита двух индустриальных вариантов проходило на базе единой среднепалеолитической культуры. Правда, внутри этого культурного единства выделяются индустрии с преобладанием собственно мустьерского компонента (денисовский вариант) и с хорошо выраженным леваллуазским инвентарем (кара-бомовский вариант) [Деревянко, Шуньков, 2002]. Это разделение было обусловлено различиями в соотношении общего набора технических и типологических элементов, а главным определяющим признаком являлась разная степень использования техники леваллуа.

Данные по геохронологии и хроностратиграфии многослойных алтайских комплексов свидетельствуют о параллельном существовании двух среднепалеолитических вариантов на протяжении как минимум первой половины верхнего плейстоцена. Не имея серьезных оснований связывать эти технические варианты с обособленными группами первобытного населения – носителями самостоятельных культурных традиций, можно предположить, что индустриальные различия отражали, скорее всего, разные сочетания природно-климатических, производственно-хозяйственных, геолого-петрографических и других факторов. Вывод о развитии алтайских индустрий в пределах единого культурного поля косвенно подтверждается данными о том, что каждый из двух вариантов ранней поры верхнего палеолита не обязательно напрямую был связан с более близким ему вариантом среднепалеолитической технологии. Например, если каменные индустрии нижних культурных слоев стоянок Усть-Каракол-1 и Ануй-3 принадлежали кара-бомовскому варианту среднего палеолита, то на раннем этапе верхнего палеолита эти индустриальные цепочки должны были логично продолжить кара-бомовскую техническую традицию, однако этого не произошло, и дальнейшее развитие технологического процесса на этих многослойных стоянках пошло по усть-каракольской линии. Такие отклонения возможны только в рамках единой системы культурного развития.

В этой связи особый интерес вызывает проблема антропологической принадлежности носителей этих культурных традиций. На Алтае останки ископаемых гоминидов представлены одонтологическими материалами из двух пещер – Денисовой и Окладникова. По определению Е.Г. Шпаковой [2001], в отложениях Денисовой пещеры в горизонте 22.1 обнаружен второй нижний левый молочный моляр m_2 ребенка 7–8 лет, а в отложениях слоя 12 – первый верхний левый медиальный постоянный резец I^1 взрослого человека. Из мустьерских слоев пещеры Окладникова получено пять зубов подростков 12–14 лет и детей 5–7 лет: второй нижний правый молочный моляр m_2 (слой 7), первый нижний левый премоляр P_1 , первый (второй?) нижний левый постоянный моляр $M_{1(2)}$, третий нижний правый постоянный моляр M_3 (слой 3) и третий нижний левый постоянный моляр M_3 (слой 2). Этот материал имеет чрезвычайно важное значение для изучения вопросов, касающихся последовательности заселения территории Алтая представителями рода *Homo*. Поэтому образцы зубов из алтайских пещер исследовались несколькими специалистами, в результате чего были получены три разные интерпретации таксономической принадлежности одонтологического материала.

Согласно первому заключению, которое дал К. Тернер, зубы ископаемых гоминидов из алтайских пещер имеют ряд хорошо выраженных черт неандертальского одонтологического комплекса, тяготеющего к представителям европейских, а не азиатских групп *Homo sapiens neandertalensis* [Turner, 1988, 1990а, б]. В.П. Алексеев, занимавшийся позже изучением этих находок, считал, что малочисленность и состояние образцов не позволяют однозначно определить их таксономическую принадлежность. По его мнению, морфологические особенности этих зубов допускают их связь с ископаемым человеком современного физического типа [Alekseev, 1998].

Наличие двух разных интерпретаций послужило поводом для проведения Е.Г. Шпаковой детального анализа морфологических особенностей зубов. По метрическим показателям и описательным признакам она установила, что, несмотря на отдельные архаичные черты, одонтологический материал из алтайских пещер связан, скорее всего, с представителями ископаемого человека современного физического типа – ранним *Homo sapiens sapiens* [Шпакова, 2001].

Мнение К. Тернера о таксономической принадлежности одонтологического материала из пещер Горного Алтая с момента его опубликования широко цитировалось в различных исследованиях по антропогенезу и упоминалось в энциклопедических изданиях (см., напр.: [Encyclopedia..., 2000]). Однако сегодня более аргументированным следует признать заключение, которое дала Е.Г. Шпакова. Она уточнила по-

зицию молочного моляра из Денисовой пещеры на челюсти и доказала, что этот зуб является вторым нижним левым моляром. К. Тернер определил его как первый правый моляр. Размеры второго молочного моляра у гоминидов, как правило, превышают размеры первого и, выбиваясь из вариационного ряда метрических характеристик первых моляров, сближаются с зубами неандертальских форм. Если рассматривать эти размеры в вариационном ряду вторых моляров, то они соответствуют параметрам зубов ископаемых людей современного физического типа. Кроме того, соотношение горизонтальных диаметров коронки исследованного зуба отражает редукцию вестибулолингвального диаметра. Подобная тенденция отмечена и у представителей ископаемых форм *Homo sapiens sapiens*.

Форму лингвальной поверхности медиального резца взрослого субъекта Е.Г. Шпакова считает нехарактерной для пренеандертальских и неандертальских групп, у которых не зафиксирован мощный мезиальный краевой гребень при отсутствии дистального, как на резце из Денисовой пещеры.

Хорошая сохранность эмали резца и отсутствие на ней следов гипоплазии свидетельствуют, по мнению Е.Г. Шпаковой, о достаточно стабильном биологическом развитии субъекта, которому принадлежал зуб. Согласно этим признакам, палеолитические обитатели Денисовой пещеры жили, вероятно, в относительно комфортных условиях окружающей среды, без сильных физиологических стрессов, которые могли быть связаны с длительным голоданием или хроническими болезнями [Шпакова, Деревянко, 2000].

Перечисленные аргументы ставят под сомнение первоначальное определение К. Тернера и позволяют считать более обоснованным заключение Е.Г. Шпаковой о принадлежности одонтологических материалов из алтайских пещер представителям ископаемого человека современного физического типа – ранним *Homo sapiens sapiens*. Окончательное решение этого вопроса будет опираться на результаты палеогенетического анализа.

Заключение

Для изучения закономерностей перехода к верхнему палеолиту и выяснения региональных особенностей этого процесса важно располагать данными о возможных связях, путях и характере распространения выделенных на стадийном уровне культурных компонентов. Так, индустрии начальной поры верхнего палеолита с индикаторными показателями усть-каракольской технической традиции за пределами Алтая отмечены еще в двух районах Южной Сибири.

Первый из них находится в Кузнецком Алатау, где на стоянке Мохово-2 в отложениях каргинского педокомплекса, датированных $30\,330 \pm 445$ л.н. (СОАН-2861), собрана коллекция верхнепалеолитических материалов с выразительной серией овальных и листовидных бифасов [Деревянко, Маркин, 1998]. Вторым является Дербинский археологический район на севере Минусинской котловины. Здесь индустрии начальной поры верхнего палеолита зафиксированы в экспонированном залегании на техногенных пляжах Красноярского водохранилища в зоне размыва каргинских суглинков. В составе дербинских индустрий выделены торцовые нуклеусы для снятия микропластин, скребки высокой формы и листовидные остря-бифасы [Махлаева, 2000; Махлаева и др., 2000]. Восточнее долины Енисея эти компоненты отмечены только в более поздних культурных комплексах средней и заключительной стадий верхнего палеолита. Принимая во внимание сравнительно ранний возраст алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита, можно предположить, что становление усть-каракольской традиции явилось основным импульсом для распространения верхнепалеолитических индустрий с признаками торцового микрорасщепления и листовидными бифасами из юго-западных районов Сибири в дальневосточном и северо-восточном направлениях; в этот ареал последовательно вошли практически весь восток Азии и север Американского материка.

Кара-бумовский вариант формирования верхнепалеолитических традиций тесно связан с распространением на территории Северной и Центральной Азии пластинчатых индустрий. Развитие пластинчатых технологий на ранней стадии верхнего палеолита помимо Алтая прослежено в ряде других ключевых археологических районов Сибири.

На территории Прибайкалья одним из бесспорных стратифицированных объектов древнейшего этапа верхнего палеолита является стоянка Макарово-4, расположенная в долине верхнего течения Лены. Геологический возраст культуросодержащих отложений стоянки по совокупности данных, в т.ч. по результатам AMS-датирования – >38 тыс. л.н. (АА-8879) и >39 тыс. л.н. (АА-8880), определен первой половиной каргинского (изотопная стадия 3) времени [Goebel, Aksenov, 1995]. Однако с учетом особенностей геологической позиции и степени эоловой корразии находок для макаровских артефактов был предложен более ранний возраст – древнее нижней хронологической границы изотопной стадии 3 [Медведев, 1983; Аксенов и др., 1987]. Для этой индустрии характерно главным образом параллельное и субпараллельное расщепление, направленное на серийное получение пластин с плоских монофронтальных нуклеусов. Среди заготовок выделяются не-

большие и средние по размерам удлинённые сколы с параллельными гранями на дорсальной поверхности. Удлинённые сколы служили основой для изготовления продольных разновидностей скребел, концевых скребков, поперечных резцов, ножей и проколов. Достаточно представительную группу образуют пластины, ретушированные по одному из продольных краёв. Особо выразительна в составе орудий серия листовидных остроконечников на удлинённых сколах средних размеров с бифасиально уплощённым основанием [Аксенов, Шуньков, 1978; Аксенов, 1987]. Напомним, что специальное утончение основания являлось характерным техническим приемом оформления остроконечников в индустриях кара-бомовского типа.

В Прибайкальском регионе к начальной стадии верхнего палеолита, возможно, относятся также скопления расщепленного камня на местонахождении Арембовского, зафиксированные в каргинских отложениях высокой террасы Ангара [Воробьева, Семин, 1990]. Это местонахождение является, скорее всего, специализированной палеолитической мастерской, расположенной недалеко от выходов аргиллита. Материалы местонахождения представлены в основном продуктами первичного расщепления плиток аргиллита, среди которых устойчивые группы образуют плоские удлинённые нуклеусы и заготовки-пластины. Типологически выраженный инвентарь включает небольшие наборы концевых скребков, скребел и остроконечников, оформленных на удлинённых сколах, а также серию ретушированных пластин.

В Забайкалье наиболее близкими в хронологическом и техническом отношении к кара-бомовской индустриальной традиции являются материалы стоянок Толбага (слой 4), Варварина Гора (слой 3), Каменка (комплекс А), Хотык (уровень 3) и Подзвонка [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Ташак, 2003]. Геологически стоянки приурочены к пролювиально-делювиальным отложениям древних конусов выноса или склоновых шлейфов террасоувалов. Согласно стратиграфической позиции в разрезах и данным радиоуглеродного датирования, формирование этих отложений происходило в каргинское время, а самые ранние даты установлены для нижнего культурного комплекса стоянки Подзвонка – $43\,900 \pm 960$ л.н. (СОАН-4445) [Ташак, 2002а] и для комплекса А стоянки Каменка – $40\,500 \pm 3\,800$ л.н. (АА-26743) [Лбова, 2002]. Технологической основой забайкальских индустрий служили приемы параллельного скалывания с нуклеусов уплощенной и протопризматической формы, включавшие элементы торцовых снятий. Система параллельного расщепления обеспечивала широкий выбор пластин в качестве заготовок орудий. На удлинённых сколах крупных и средних размеров оформлено подавляющее большинство

орудий, в составе которых серийно представлены остроконечники и резцы, концевые скребки и проколки, долотовидные изделия и ретушированные пластины. Характерным компонентом этих комплексов является набор т.н. предметов неутилитарного назначения, включающий подвески, бусины и пронизки, изготовленные из трубчатых костей птиц, скорлупы яиц страуса и мягкого поделочного камня [Лбова, Волков, Базаров, 2002; Ташак, 2002б], а также уникальное скульптурное изображение головы медведя, вырезанное палеолитическими обитателями Толбаги из зубовидного отростка шейного позвонка шерстистого носорога [Константинов и др., 1983]. Следует отметить, что некоторые поделки, как и персональные украшения кара-бомовского круга, были обнаружены в сходном планиграфическом контексте возле очагов или других хозяйственно-бытовых объектов.

Достаточно близкое сходство с материалами кара-бомовской традиции обнаруживают ранние верхнепалеолитические комплексы Монголии. Важное место среди них занимает пещера Цаган Агуй в Гобийском Алтае, в плейстоценовой толще которой зафиксирована стратиграфическая последовательность генетически связанных материалов раннего, среднего и верхнего палеолита [Деревянко, Олсен, Цзвээндорж и др., 2001]. Ранняя верхнепалеолитическая индустрия Цаган Агуя (Большой грот, слой 3) датирована AMS-методом в диапазоне от $33\,840 \pm 640$ л.н. (АА-23158) до $30\,942 \pm 478$ л.н. (АА-26589). Для нее характерно устойчивое развитие техники параллельного расщепления с нуклеусов левааллуазских, протопризматических и торцовых форм, ориентированной на скалывание пластин и удлинённых конвергентных заготовок. Более наглядно эта традиция представлена в материалах средних культурных горизонтов стоянок Орхон-1 и 7 [Деревянко, Петрин, 1990а; Деревянко, 2001]. Верхнепалеолитические горизонты стоянок связаны с покровными суглинками второй надпойменной террасы р. Орхон, формирование которых происходило в период от $39\,970 \pm 815$ л.н. (СОАН-2884) до $29\,465 \pm 449$ л.н. (СОАН 2886) [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992; Асташкин и др. 1993]. В этих индустриях преобладало параллельное расщепление с уплощенных или подпризматических нуклеусов, включавшее элементы левааллуазского и торцового скалывания. Среди каменного инвентаря самые представительные серии образуют скребла и скребки разнообразных типов, ретушированные пластины и зубчато-выемчатые орудия.

Сходные тенденции в развитии ранних верхнепалеолитических традиций прослеживаются по слабодефигированным артефактам из поверхностных сборов на местонахождениях северной периферии Долины Озер (Орок-Нор-1, 2) [Деревянко, Петрин, 1990б], восточ-

ных предгорий хр. Арц-Богдо (Мухар-Булаг, Их-Булаг) [Деревянко, Кривошапкин, Ларичев и др., 2001] и южного фаса Гобийского Алтая (Кремневая долина, локусы 1–5) [Деревянко, Зенин, Олсен и др., 2002].

В целом, по сравнению с алтайскими комплексами, монгольские материалы ранней поры верхнего палеолита выглядят более архаично и занимают относительно позднюю хронологическую позицию. Этот вывод находит свое подтверждение в материалах пещеры Чихэн в Гобийском Алтае с ^{14}C -датой $27\,432 \pm 872$ л.н. (AA-26580) [Деревянко, Гладышев, Олсен и др., 2001], а также стоянки Шуйдунгоу в Ордосе, датированной $26\,230 \pm 800$ л.н. [Jia Lanpo, Huang Weiwen, 1985; Yamanaka, 1995]. На этих стоянках в рамках одного индустриального ансамбля активно использовались приемы как леваллуазского, так и призматического скалывания заготовок, в т.ч. микропластинчатых технологий. В типологическом списке инвентаря продукты леваллуазского расщепления сочетались с типично верхнепалеолитическими модификациями скребков, резцов, удлинённых острий и ретушированных пластин.

В западной части Центральной Азии основным пунктом, наиболее отчетливо демонстрирующим культурные параллели с алтайскими индустриями кара-бумовского типа, является многослойный комплекс грота Оби-Рахмат в Западном Тянь-Шане [Деревянко, Кривошапкин, Аношкин и др., 2001]. Для средней части (слои 14–8) многометровой толщи культурных напластований грота установлен AMS-возраст в пределах: $48\,800 \pm 2\,400$ лет (AA-36746) – $42\,100 \pm 1\,700$ лет (AA-31581). В этом интервале разреза зафиксирована каменная индустрия с ярко выраженными чертами пластинчатой технологии. Среди нуклеидных изделий преобладают вторичные нуклеусы на крупных удлинённых сколах со следами торцового снятия заготовок, в т.ч. нуклеусы-резцы. Типологический облик инвентаря определяют серии ретушированных пластин, в т.ч. остроконечных, и орудия с резцовым сколом при относительно небольшом количестве леваллуазских форм, представленных в основном удлинёнными остроконечниками. Особый интерес оби-рахматские материалы вызывают в связи с находками в отложениях среднепалеолитического слоя 16 одонтологических и краниологических останков ископаемых гоминидов, в морфологии которых, согласно предварительной классификации, отмечены сапиентные черты [Деревянко, Кривошапкин, Славинский и др., 2003].

Не менее примечательно бесспорное сходство алтайских материалов усть-каракольской традиции с индустриями барадостского типа из пещеры Шанидар (слой С), грота Варваси и других памятников т.н. загросского ориньяка на Иранском нагорье [Olszewski, Dibble, 1994; Olszewski, 1999]. Судя по серии радио-

углеродных дат, накопление слоя С в пещере Шанидар проходило в хронологических рамках от $35\,440 \pm 600$ л.н. до $28\,700 \pm 700$ л.н. [Hole, Flannery, 1967]. Характерной особенностью индустриальных комплексов барадоста, как и усть-каракольской традиции, является использование для производства небольших пластинок нуклеидных изделий высокой формы. Основной типологический ряд в этих индустриях составляют специфические орудия ориньякской группы – скребки карене; многофасеточные резцы; пластины, обработанные ретушью, пластинки типа Дюфур, а также продольные разновидности скребел, зубчатые и выемчатые орудия.

Во многом близкие алтайским закономерности перехода к верхнему палеолиту демонстрируют многослойные комплексы Восточного Средиземноморья. В составе раннего верхнего палеолита Леванта выделено три основных технокомплекса: переходная, или начальная верхнепалеолитическая, эмиранская индустрия и две собственно ранних верхнепалеолитических – ахмарская индустрия и левантский ориньяк [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1999]. Если эмиранскую и ахмарскую индустрии рассматривать как две последовательные фазы эволюции одной культурной традиции, то ее основные компоненты в виде параллельных площадочных нуклеусов с элементами леваллуазской пластинчатой технологии, многочисленных заготовок-пластин и самих орудий на пластинах, включая специфические формы остроконечников с вентрально утонченным основанием (т.н. эмирейские острия), отчетливо просматриваются в индустриальной последовательности кара-бумовского варианта перехода к верхнему палеолиту на Алтае. Технологическая преемственность между эмиранской и ахмарской индустриями лучше всего прослежена на севере Леванта в культурно-стратиграфических колонках грота Кзар-Акил (слои XXV–XVI) в Ливане [Ohnuma, Bergman, 1990] и пещеры Учагизли (слои H–B) в Анатолии [Kuhn, Stiner, Guleç, 1999]. По оценкам специалистов [Mellars, Tixier, 1989; Bar-Yosef, 2000; Kuhn et al., 2001], начало этого процесса может быть датировано 50–40 тыс. л.н., а последующий ахмарский эпизод укладывается в интервал 42–30 тыс. л.н.

Согласно стратиграфической позиции в многослойных пещерных комплексах Кзар-Акил (слои XIII–VI) [Bergman, 1987], Кебара (слои 2 и 1) [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1996], Хайоним (слой D) [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1981], ориньякские индустрии сложились позднее ахмариана. Пока самые ранние даты для них находятся в границах от 36 до 32 тыс. л.н. [Bar-Yosef et al., 1996]. Несмотря на значительную степень межкомплексной вариативности, классический левантский ориньяк с развитыми приемами микропластинчатого расщепления, относительно небольшим количеством крупных

пластин, типологически разнообразными скреблами и основным набором характерных ориньякских орудий в целом демонстрирует достаточно близкое сходство с алтайскими индустриями усть-каракольской традиции.

Следует отметить, что азиатские аналогии на стадильном уровне могут быть продолжены в европейском направлении. Например, индустрии кара-бумовского круга по основным техническим и морфологическим показателям удивительно близки к переходной индустрии Богунце в Моравии, возраст которой установлен в пределах 43/42–34 тыс. лет. [Svoboda, Škrdl, 1995; Svoboda, 2003]. Технологическая идентичность между ними проявляется в особой роли леваллуа-пластинчатого расщепления, включавшего приемы биполярного скалывания, в серийном производстве заготовок-пластин, их широком использовании для изготовления орудий, в т.ч. остроконечников и зубчато-выемчатых форм.

Для усть-каракольской традиции ближайшими культурными параллелями с европейскими комплексами ранней поры верхнего палеолита, помимо самобытной коллекции из слоя 3 Костенок-1 с AMS-датой $32\,600 \pm 1\,100$ л.н. (OxA-7073) и некоторых материальных проявлений спицынской культуры из слоя 2 Костенок-17 с изотопной датой $36\,780 \pm 1\,700/1\,400$ л.н. (GrN-12596), могут служить новейшие находки из долины верхнего течения Дона [Sinitsyn, 2003a, б]. Недавно на стоянке Костенки-14 из культурного слоя в вулканическом пепле, датированного $32\,420 \pm 440/420$ л.н. (GrA-18053), получена коллекция классического ориньякского облика с микропластинками Дюфур, скребками карене, украшениями из раковин Neritidae, клыков песка и трубчатых костей зайца, а также подвеской из ископаемого коралла. Не вдаваясь в подробности оживленной дискуссии о путях становления верхнего палеолита на территории Европы [D'Errico et al., 1998; Mellars, 1999; Zilhão, D'Errico, 1999, 2003; Conard, Bolus, 2003; и др.], ограничимся пока формальной констатацией североазиатско-европейских параллелей, которые могут гипотетически указывать на взаимосвязанные культурные процессы.

Основные параметры и характер распространения палеолитических индустрий в западных, центральных и северных районах Азии позволяют предположить, что в эпоху раннего верхнего палеолита здесь было единое культурное пространство, в котором технокомплексы развивались на основе местных культурных традиций в процессе постоянных контактов различных групп первобытного населения. К сожалению, в настоящий момент у нас нет надежного исследовательского инструмента в виде достаточно дробной хронологической шкалы, способной с необходимой точностью фиксировать процесс перехода к верхне-

му палеолиту. Тем не менее появление в многослойных алтайских комплексах в интервале между 50 и 40 тыс. л.н. признаков отжимного микрорасщепления, наборов личных украшений и следов символической деятельности в совокупности четко фиксирует начало качественно нового культурно-хронологического этапа – верхнего палеолита. Тесные генетические связи с культурой предшествующего хронологического периода как усть-каракольской ориньякоидной, так и кара-бумовской пластинчатой традиций бесспорно указывают на их автохтонное происхождение, без заметных признаков культурной интервенции.

На азиатской территории распространения ранних верхнепалеолитических традиций, включавшей Ближний Восток, Переднюю Азию, Западный Тянь-Шань, Алтай, последний регион можно обозначить как восточный рубеж, где прослежена наиболее полная картина переходного периода. К востоку от него – в Монголии и в Прибайкальской Азии – достоверные комплексы ранней поры верхнего палеолита представлены уже редуцированным набором характерных для этой эпохи технико-типологических показателей.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за предоставленную информацию и консультации по отдельным разделам статьи своим коллегам А.К. Агаджанян, А.Н. Зенину, А.И. Кривошапкину, Н.А. Кулик, Е.П. Рыбину и Т.А. Чикишевой. Особая признательность А.В. Абдульмановой, М.Ю. Зобниной и Н.М. Шуньковой за компьютерную обработку аналитических данных, подготовку и оформление иллюстративного материала.

Список литературы

- Агаджанян А.К., Шуньков М.В. Остатки мелких млекопитающих из отложений палеолитической стоянки Ануи-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 6–10.
- Аксенов М.П. Инвентарный комплекс Макарово-IV // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1987. – С. 23–25.
- Аксенов М.П., Бердников М.А., Медведев Г.И., Пержаков С.Н., Федоренко А.Б. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря “макаровского палеолитического пласта” // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1987. – С. 26–30.
- Аксенов М.П., Шуньков М.В. Новое в палеолите верхней Лены (предварительные данные об исследовании Макарово IV) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1978. – Вып. 4. – С. 31–55.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденева, И.В. Фофонова, М.В. Шуников. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Асташкин А.В., Деревянко А.П., Милов А.Д., Николаев С.В., Петрин В.Т., Цветков Ю.Д. ЭПР-датирование: сравнение данных по датированию костных остатков на археологическом памятнике Орхон-7 (Монголия) методом ЭПР и ^{14}C // *Altaica*. – 1993. – № 3. – С. 9–16.

Воробьева Г.А., Семин М.Ю. Стоянка Арембовского // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1990. – С. 67–71.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Кулик Н.А., Мартынович Н.Д., Оводов Н.Д., Постнов А.В., Сердюк Н.В., Чевалков Л.М. Основные результаты изучения многослойного памятника Усть-Канская пещера в 1998–2001 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 109–114.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я. Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25–39.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 31–42.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой долины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 288 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 42–63.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Палеолит восточных предгорий Арц-Богдо (Южная Гоби). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 152 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Славинский В.С., Анойкин А.А., Чикишева Т.А., Врини П., Милотин К.И., Колобов К.А. Анализ каменной индустрии и антропологических находок из слоя 16 грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – С. 63–73.

Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуников М.В. Геологические факторы развития палеолитических индустрий Северо-Западного Алтая // Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 2000а. – С. 143–147.

Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуников М.В. Геолого-петрографический контроль качества сырья палеолитических индустрий Северо-Западного и Центрального Ал-

тая // III века горно-геологической службы России. – Томск: ГалаПресс, 2000б. – Т. 1. – С. 5–7.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саян // РА. – 1998. – № 4. – С. 17–34.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 91 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990а. – С. 161–173.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Своеобразная каменная индустрия с северного побережья Долины озер // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, – 1990б. – С. 3–39.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Кривошапкин А.И., Чевалков Л.М. Стоянка Кара-Тенеш – памятник начальной поры позднего палеолита // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 205–238.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33–52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуников М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–41.

Деревянко А.П., Шуников М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН; – Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – 180 с.

Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М. Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. – 1983. – № 173. – С. 78–81.

Кулик Н.А., Шуников М.В. Предварительные результаты петрографического изучения палеолитических изделий стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 156–160.

Кунгуров А.Л. Пятый культурный слой палеолитического поселения Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 119–124.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Восьмой культурный слой многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, Ч. 1. – С. 159–62.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 59–75.

Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А. Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 101–103.

Махлаева Ю.М. Поздний палеолит Малтатского залива // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – Т. 1. – С. 84–86.

Махлаева Ю.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Поздний палеолит залива Малтата // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – Т. 3. – С. 25–31.

Медведев Г.И. Палеолитические обитатели юга Сибирского плоскогорья и древние культуры Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 36–41.

Нохрина Т.И., Дергачева М.И., Петрин В.Т., Николаев С.В. Бийкинский пещерный комплекс на средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – Вып. 11. – С. 77–79.

Постнов А.В., Аношкин А.А., Кулик Н.А. Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 18–30.

Рыбин Е.П. Поведенческие стратегии и системы мобильности древнего человека на рубеже среднего и верхнего палеолита Горного Алтая (стоянка Кара-Бом) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 183–188.

Симонов Ю.Г., Малаева Е.М., Куликов О.А. Палинология, закономерности динамики палеорастительности и возрастные рамки палеоклиматических фаз по разрезу многослойной стоянки Кара-Бом // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 155–159.

Ташак В.И. Подзвонкая: палеолитические материалы нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2002а. – С. 25–33.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. – Т. 2. – С. 159–164.

Ташак В.И. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древ-

него населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 70–78.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64–76.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125–138.

Шуныков М.В., Николаев С.В., Кривошапкин А.И., Феденева И.Н., Петрин В.Т., Дергачева М.И. Геология, палеогеография и археология палеолитического местонахождения Тюмечин-4 // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 259–282.

Alekseev V. The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia. – Urbana; Chicago: Univ. of Illinois Press, 1998. – P. 329–335.

Bar-Yosef O. The Middle and Early Upper Paleolithic of southwest Asia and neighboring regions // The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 2000. – P. 107–156. – (Peabody Museum Bull.; N 8).

Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Houseley R., Laville H., Meignen L., Vogel J.C., Vandermeersch B. The dating of the Upper Palaeolithic Layers in Kebara Cave, Mt. Carmel // J. of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23. – P. 297–306.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. Another look at the Levantine Aurignacian // The Colloquia of the XIII International Congress of the Prehistoric and Protohistoric Sciences. – Forlì, 1996. – Vol. 6: The Upper Paleolithic. – P. 139–154.

Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Aurignacian at Hayonim Cave // Paléorient. – 1981. – Vol. 7, N 2. – P. 19–42.

Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Levantine Aurignacian: 60 years of research // Dorrothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 118–134.

Bergman C. Ksar Akil, Lebanon: a Technological and Typological Analysis of the Later Upper Palaeolithic Levels. – Oxford: BAR, 1987. – 333 p. – (BAR. International Ser.; N 329).

Bietti A. The transition to anatomically modern humans: the case of Peninsular Italy // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. – N.Y.: Aldine de Gruyter, 1997. – P. 132–147.

Conard N.J., Bolus M. Radiocarbon dating the appearance of modern humans and timing of cultural innovations in Europe: new results and new challenges // J. of Human Evolution. – 2003. – Vol. 44, N 3. – P. 331–371.

D'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // Current Anthropology. – 1998. – Vol. 39, suppl. – P. S₁–S₄₄.

Demidenko Y., Usik V. The Problem of Changes in Levallois Technique during the Technological Transition from the Middle to Upper Palaeolithic // Paléorient. – 1993. – N 19 (2). – P. 5–15.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic transition through the example of the Altai cave and open air site // Suyanggae and Her Neighbours. – Chungju, 1997. – P. 241–254.

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V., Petrin V.T., Otte M., Sekiya A. Paleolithic of the Altai. – Brussels: Richard Liu Foundation, European Institute of Chinese Studies, 2001. – 311 p.

Encyclopedia of Human Evolution and Prehistory. – N.Y.; L.: Garland Publishing, Inc., 2000. – 753 p.

Gilead I. The Upper Palaeolithic Period in the Levant // *J. of World Prehistory.* – 1991. – Vol. 5, N 2. – P. 105–154.

Goebel T., Aksenov M. Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Palaeolithic in southeast Siberia // *Antiquity.* – 1995. – Vol. 69. – P. 349–357.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition at Kara-Bom // *Current Anthropology.* – 1993. – Vol. 34, N 4. – P. 452–458.

Harrold F.B. Mousterian, Chatelperronian and Early Aurignacian in Western Europe: Continuity or Discontinuity? // *The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans.* – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1989. – P. 677–713.

Hole F., Flannery K. The prehistory of southwestern Iran: A preliminary report // *Proceeding of the Prehistoric Society.* – 1967. – Vol. 33. – P. 151–206.

Jia Lanpo, Huang Weiwen. The Late Palaeolithic of China // *Paleoanthropology and Paleolithic Archaeology in the People's Republic of China.* – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 211–223.

Kozłowski J.K. The Balkans in the Middle and Upper Palaeolithic: the Gate to Europe or a Cul-de-Sac? // *Proceedings of the Prehistoric Society.* – 1992. – Vol. 58. – P. 1–20.

Kozłowski J.K., Dagnan-Ginter A., Gatsov I., Sirakova S. Upper Paleolithic assemblages // *Excavation in the Bacho-Kiro Cave (Bulgaria). Final Report.* – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1982. – P. 119–167.

Kozłowski J.K., Otte M. La formation de l'Aurignacien en Europe // *L'Anthropologie.* – 2000. – Vol. 104, N 1. – P. 3–15.

Kuhn S., Stiner M., Guleç E. Initial Upper Paleolithic in South-Central Turkey and its regional context: A preliminary report // *Antiquity.* – 1999. – Vol. 73, N 281. – P. 505–517.

Kuhn S., Stiner M.C., Reese D., Guleç E. Ornaments in the earliest Upper Paleolithic: New perspectives from the Levant // *Proceedings of the National Academy of Sciences.* – 2001. – Vol. 98 (13). – P. 7641–7646.

Marks A. E. The Middle to the Upper Paleolithic transition in the Southern Levant: Technological change as an adaptation to increasing mobility // *L'Homme de Néandertal.* – Liège: Univ. de Liège, 1988. – Vol. 8: La Mutation. – P. 109–123. – (ERAUL; N 35).

Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant // *The Early Upper Paleolithic: Evidence from Europe and the Near East.* – Oxford: BAR, 1988. – P. 43–72. – (BAR International Ser.; N 437).

Marks A., Kaufman D. Boker Tachtit: The Artifacts // *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel.* – Dallas: Southern Methodist Univ. Press, 1983. – Vol. 3: The Avdat/Aqev Area, Part. 3. – P. 69–126.

Mellars P.A. The character of the Middle-Upper Palaeolithic transition in south-west France // *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory.* – L.: Duckworth, 1973. – P. 255–276.

Mellars P.A. Major issues in the emergence of Modern Humans // *Current Anthropology.* – 1989. – Vol. 30, N 3. – P. 349–385.

Mellars P.A. The Neanderthal Legacy. An Archaeological Perspective from Western Europe. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1996. – 471 p.

Mellars P.A. The Neanderthal problem: Replies to D'Errico and colleagues // *Current Anthropology.* – 1999. – Vol. 40, N 3. – P. 341–364.

Mellars P., Tixier J. Radiocarbon-accelerator dating of Ksar' Aqil (Lebanon) and the chronology of the Upper Palaeolithic sequence in the Middle East // *Antiquity.* – 1989. – Vol. 63, N 241. – P. 761–768.

Ohnuma K., Bergman C.A. A Technological Analysis of the Upper Paleolithic Levels (XXV – VI) of Ksar-Akil, Lebanon // *The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective.* – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1990. – P. 91–138.

Oliva M. The Szeletian in Czechoslovakia // *Antiquity.* – 1991. – Vol. 65, N 247. – P. 318–325.

Olśzewski D.I. The Early Upper Paleolithic in the Zagros Mountains // *Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic.* – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 167–180.

Olśzewski D.I., Dibble H.L. The Zagros Aurignacian // *Current Anthropology.* – 1994. – Vol. 35, N 1. – P. 68–75.

Otte M. From the Middle to the Upper Palaeolithic: the Nature of the Transition // *The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective.* – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1990. – P. 438–456.

Sinitsyn A.A. Palaeolithic "Pompeii" at Kostenki, Russia // *Antiquity*, 2003a. – Vol. 77. – N 295. – P. 9–14.

Sinitsyn A.A. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Paleolithic of northern Eurasia // *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating. Stratigraphies. Cultural implications.* – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003b. – P. 89–107. – (Trabalhos de Arqueologia; N 33).

Svoboda J. Early Upper Paleolithic industries in Moravia: A review of recent evidence // *L'Homme de Néandertal.* – Liège: Univ. de Liège, 1988. – Vol. 8: La Mutation. – P. 169–192. – (ERAUL; N 35).

Svoboda J. The Bohunician and the Aurignacian // *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating. Stratigraphies. Cultural Implications.* – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 123–132. – (Trabalhos de Arqueologia; N 33).

Svoboda J., Siman K. The Middle-Upper Paleolithic transition in Southeastern Central Europe (Czechoslovakia and Hungary) // *J. of World Prehistory.* – 1989. – Vol. 3, N 3. – P. 283–322.

Svoboda J., Škrdl P. The Bohunician technology // *The definition and interpretation of Levallois technology.* – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 429–438.

Turner C.G. II. Physical anthropology in the U.S.S.R. today. Part II // *Quarterly Review of Archaeology.* – 1988. – Vol. 8, N 3. – P. 4–6.

Turner C.G. II. Paleolithic teeth of the Central Siberia Altai Mountains // *Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America.* – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy Sib. Br. USSR Acad. Sci., 1990a. – P. 239–243.

Turner C.G. Paleolithic Siberian Dentition from Denisova and Okladnikov Caves, Altaiskiy Kray, USSR // *Current Research on the Pleistocene.* – 1990b. – N 7. – P. 65–66.

Valoch K. The Early Upper Palaeolithic in the Eastern part of Central Europe // *Anthropologie* (Brno). – 1989. – Vol. 27, N 2/3. – P. 89–91.

White R. Rethinking the Middle-Upper Paleolithic transition // *Current Anthropology*. – 1982. – Vol. 23, N 2. – P. 169–192.

White R. Production complexity and standardization in early Aurignacian bead and pendant manufacture: Evolutionary implications // *The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1989. – P. 366–390.

White R. Technological and social dimensions of ‘Aurignacian-age’ body ornaments across Europe // *Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Palaeolithic*. – N.Y.: CRC Press, 1993. – P. 277–299.

Yamanaka I. L’industrie lithique du site de Shuidonggou (Choei-tong-keou) dans l’Ordos en Chine // *Research Summary*,

Kyoto University College of Literature. – 1995. – N 32. – P. 105–154.

Zilhão J., D’Errico F. The Chronology and Taphonomy of the Earliest Aurignacian and Its Implications for the Understanding of Neandertal Extinction // *J. of World Prehistory*. – 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 1–68.

Zilhão J., D’Errico F. The chronology of the Aurignacian and Transitional technocomplexes. Where do we stand? // *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating. Stratigraphies. Cultural implications*. – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 313–349. – (Trabalhos de Arqueologia; 33).

Материал поступил в редколлегию 17.05.04 г.

УДК 902

Л.Б. Вишняцкий

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, С.-Петербург, 191186, Россия
E-mail: paleo@lv8699.spb.edu*

ОПЫТ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАНЖИРОВАНИЯ ИНДУСТРИЙ КОНЦА СРЕДНЕГО И РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА*

Проблема

Несмотря на известные всем многочисленные различия средне- и верхнепалеолитической эпох (см., напр.: [Bar-Yosef, 2002, p. 365–369]), на практике вопрос об отнесении той или иной конкретной индустрии к среднему или верхнему палеолиту нередко вызывает серьезные разногласия. Это касается не только памятников с бедным инвентарем и неясной хронологией, но и вполне представительных, относительно надежно датированных комплексов и даже целых культур. До сих пор, например, существует проблема статуса шательперрона, который одни авторы (большинство) относят к верхнему палеолиту, а другие – к среднему. То же можно сказать о селете и еще ряде индустрий, относящихся к хронологическому диапазону 50–30 тыс. л.н., т.е. к периоду перехода от среднего палеолита к верхнему.

Особенно сложна ситуация на востоке Евразии, где в последние годы в результате новых раскопок и/или

пересмотра старых материалов был выделен целый ряд далеко не бесспорных “переходных” и “ранневерхнепалеолитических” комплексов. Таков, например, нижний слой стоянки Мастеров Ключ, зачисленный в верхний палеолит [Goebel, Waters, Meshcherin, 2001], но характеризующийся плоскостным расщеплением, ориентированным в основном на получение отщепов, и почти полным отсутствием среди орудий выразительных верхнепалеолитических форм. Такова и каменная индустрия Шуйдунгоу, которую раньше называли “развитым мустье” [Bordes, 1968, p. 129–130], а теперь стали рассматривать как ранневерхнепалеолитическую [Brantingham et al., 2001]. Судя по опубликованным описаниям и немногочисленным рисункам, все нуклеусы в Шуйдунгоу плоские, орудий верхнепалеолитических типов крайне мало, площадки сколов в основном фасетированные, так что едва ли не единственным аргументом в пользу отнесения этой индустрии к верхнему палеолиту служит сравнительно поздняя радиоуглеродная дата [Madsen et al., 2001].

Хочу подчеркнуть, что я вовсе не утверждаю, будто Мастеров Ключ и Шуйдунгоу – это непременно средний палеолит. Оба примера использованы здесь лишь для того, чтобы показать, что проблема различия, идентификации средне- и верхнепалеолитических индустрий существует и что на востоке Евразии она стоит особенно остро. Возможно, авторы указанных выше работ правы, и оба памятника, о которых шла речь (и с материалами которых я знаком лишь по публикациям), действительно следует считать верхнепалеолитическими. Однако должного обоснования этот тезис не получил, и потому вопрос остается открытым. То же можно сказать и о многих других ин-

* Исследование выполнено благодаря поддержке фонда Фулбрайта и программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии” (№ 23, проект “Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса”). За доступ к коллекциям и содействие в работе приношу искреннюю благодарность А.А. Анойкину, О. Бар-Йозефу, А.П. Деревянко, А.И. Кривошапкину, С.В. Маркину, Э. Марксу, Е.П. Рыбину и М.В. Шунькову. Полезные критические замечания при обсуждении рукописи были сделаны М.В. Аниковичем, П.Е. Нехорошевым, Е.П. Рыбиным и А.А. Синицыным.

дустриях Центральной Азии и Сибири. В качестве одного из возможных путей решения проблемы я предлагаю способ количественной оценки степени “продвинутой” среднепалеолитических и ранневерхнепалеолитических индустрий. В настоящей статье излагаются результаты применения этого способа к материалам из разных регионов и на основании полученных характеристик рассматривается вопрос о статусе индустрий Оби-Рахмата (слои 2–14) и Кара-Боба (“уровни обитания 5, 6”).

Метод

Общие принципы предлагаемого здесь метода в тезисной форме уже были изложены мной ранее [Вишняцкий, 2002], после чего они успели получить применение (и долю критики) в работах ряда других исследователей [Рыбин, 2003; Анисюткин, в печати]. В первоначальный вариант я внес некоторые изменения, но они касаются деталей и не затрагивают сути. В целом речь идет о попытке создания системы эволюционного ранжирования среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических индустрий, с помощью которой можно было бы определить, какое место тот или иной комплекс или группа схожих комплексов занимает в последовательности переходных состояний, располагающихся между двумя крайними полюсами – идеальным средним палеолитом и идеальным верхним палеолитом.

Каждый из двух названных полюсов характеризуется идеальным набором неперекрывающихся состояний признаков. При этом в расчет принимаются только такие параметры индустрий, которые можно более или менее уверенно оценить на материале любого сколько-нибудь представительного памятника. Это прежде всего основные особенности каменного и костяного инвентаря. В идеале средний и верхний палеолит различаются по технологии первичного расщепления, технике скола, характеру заготовок, типологическому составу орудийного набора, технологии изготовления составных орудий и обработки кости,

наличию свидетельств символизма (табл. 1). Другие различия, включаемые порой в перечень черт, разделяющих средний и верхний палеолит (изменение структуры поселений, методов и стратегий жизнеобеспечения и т.д.), гораздо менее четко представлены в археологическом материале, так что не только их степень, но и само существование пока под вопросом.

Понятно, что полярные состояния признаков, показанные в табл. 1, отражают лишь общие тенденции изменений каменного и костяного инвентаря при переходе от среднего палеолита к верхнему. В реальности все гораздо сложнее и большинство конкретных индустрий располагается между идеальными полюсами. Тем не менее ни пластинчатые мустьерские комплексы, ни верхнепалеолитические комплексы со скреблами и плоскими нуклеусами, ни другие отклонения от нормы эту норму все же ни в коей мере не отменяют, и, как правило, сравнивая средне- и верхнепалеолитические памятники, мы наблюдаем эволюцию от плоскостного расщепления к объемному, от некраевого скалывания к краевому, от оббитых костяных изделий к вырезанным, выструганным и шлифованным, от скребла к скребку и от отщепы к пластине, а не наоборот. Оценив состояние индустрии в каждом из перечисленных отношений, можно вывести количественный показатель степени ее эволюционной “продвинутой”.

Оценка каждого комплекса проводится по 11 позициям: 1) отщепы, 2) плоскостное расщепление, 3) некраевое скалывание, 4) среднепалеолитические типы орудий, 5) пластины, 6) объемное расщепление, 7) краевое скалывание, 8) верхнепалеолитические типы орудий, 9) подготовка камня к креплению, 10) формальные костяные орудия, 11) символизм. В зависимости от степени выраженности каждого из этих признаков его состояние оценивается как 0; 0,5 или 1. Для признаков 1–8 оценка 0 означает, что данная черта в индустрии отсутствует или встречается крайне редко, 0,5 – обычна, 1 – типична. Черта считается редкой или отсутствующей, если ее индекс менее 10 %, обычной – когда он составляет от 10 до 30 %, и типичной при индексе свыше 30 %. Для признаков 9–11 индексы не выводятся. Здесь 0 соответству-

Таблица 1. Различия среднего и верхнего палеолита

Параметр	Идеальный средний палеолит	Идеальный верхний палеолит
Заготовки	Отщепы	Пластины
Нуклеусы	Плоские	Объемные
Техника скола	Некраевая	Краевая
Орудия	Остроконечники, скребла, зубчато-выемчатые и др.	Скребки, резцы, долотовидные и др.
Каменные орудия с подготовкой к креплению	Нет или редки	Обычны
Формальные костяные орудия	То же	»
Свидетельства символизма	»	»

ет полному отсутствию данной черты в комплексе, 0,5 означает, что она встречается, а 1 – обычна. Все значения, полученные для признаков 1–4, берутся со знаком минус, а для признаков 5–11 – со знаком плюс. Таким образом, идеальная среднепалеолитическая индустрия будет иметь итоговую оценку –4, а верхнепалеолитическая – 7.

Рубежи в 10 и 30 % были выбраны исходя из предшествующего опыта работы с коллекциями и литературными данными. Разумеется, они субъективны, но, как показала специально проведенная проверка, замена их, скажем, на 8 и 25 % влечет за собой крайне мало изменений в итоговых оценках индустрий. Тем не менее, когда для той или иной черты мы получаем значение, близкое к пограничному, недобором или перебором в десятки доли процента, в принципе, можно либо пренебречь (скажем, пластины составляют всего 9,5 % заготовок, но при этом морфологически они весьма совершенны), либо дать двойную оценку (0–0,5 или 0,5–1). Что касается трехчастной системы оценки, то она, конечно, не является единственно возможной, но мне кажется наиболее предпочтительной. Двухчастная система (0 или 1) слишком груба и не способна отразить многие важные нюансы, а более дробная градация оценок сделала бы их настолько субъективными, что сопоставление данных разных авторов стало бы попросту пустой тратой времени.

Индекс отщепов и пластин (признаки 1 и 5) – это их процент от общего числа заготовок (включая использованные для изготовления орудий). Технические сколы и отщепы длиной менее 2 см из подсчета исключаются.

Индекс плоскостного и объемного расщепления (признаки 2 и 6) – это процент соответственно плоских и призматических нуклеусов от общего числа определимых ядрищ. Среди последних всегда есть переходные, промежуточные формы, которые нельзя с уверенностью отнести ни к первому типу, ни ко второму (таковы, например, в большинстве своем торцовые нуклеусы), они тоже включаются в подсчет.

Индексом краевого скалывания (признак 7) я предлагаю называть процент точечных и линейных площадок среди всех определимых ударных площадок сколов. Этот показатель очень важен, поскольку краевое скалывание в гораздо большей степени характерно для верхнего, чем для среднего палеолита, и даже индустриям ранней поры верхнего палеолита оно далеко не всегда свойственно в полной мере. Другой возможный путь определения индекса краевого скалывания – подсчет процентной доли редуцированных площадок [Нехорошев, 1999, с. 14–23]. Мне такой способ кажется более сложным и потому менее предпочтительным, хотя, как показывает опыт, результаты в обоих случаях часто оказываются весь-

ма близкими. Это вполне естественно, поскольку сколы, снятые с редуцированной площадки, как правило, имеют тонкий проксимальный конец.

При определении индексов средне- и верхнепалеолитической групп орудий (признаки 4 и 8) учитываются лишь изделия со вторичной обработкой. Формы без таковой, традиционно включаемые в тип-листы (например, неретушированные леваллуазские острия или ножи с естественным обушком и необработанным лезвием), в расчет не принимаются. Среднепалеолитическую группу орудий составят скребла, острокопечники, лимасы, зубчато-выемчатые изделия (с некоторыми исключениями), бифасиальные (микокские) ножи, рубила; верхнепалеолитическую – скребки (с некоторыми исключениями), резцы (кроме плоских), долотовидные изделия, ножи и острия некоторых типов (шательперрон, эль-вад и т.д.), листовидные и черешковые наконечники, типичные проколки, геометрические орудия и ряд специфических форм, имевших ограниченное распространение во времени и пространстве (например, орудия с поперечной желобчатой фаской – *pièces à chanfrein*). Многие изделия со вторичной обработкой не попадут ни в первую группу, ни во вторую, но при подсчете общего количества орудий они обязательно учитываются.

Разумеется, при работе с коллекциями нельзя подходить к определению состава средне- и верхнепалеолитической групп формально. Приведу в качестве примера зубчато-выемчатые изделия и скребки. Зубчато-выемчатые формы больше характерны для среднепалеолитических индустрий, но все же само по себе наличие выемки или зубчатости еще не влечет автоматически включение в первую группу. Скажем, пластина с “талией”, несмотря на наличие двух выемок, типично верхнепалеолитическая форма, а пластины и отщепы с изолированными ретушными выемками в равной мере обычны в комплексах и среднего, и верхнего палеолита. Это же касается и т. н. атипичных скребков, которые также правильной оставлять в нейтральной группе. Конечно, при решении такого рода вопросов неизбежны определенные расхождения между разными исследователями, но вряд ли их влияние на итоговые оценки будет значительным.

При определении индекса верхнепалеолитической группы орудий надо иметь в виду, что каждый учтенный признак должен работать не более одного раза. Поэтому в данную группу не включаются, скажем, пластины с ретушью, верхнепалеолитический облик которых определяется характером не вторичной обработки, а заготовки, т.е. чертой, уже учтенной как признак 5.

Каменные орудия со специальной подготовкой для крепления (признак 9) – это разнообразные черешковые формы, наконечники с утончением основания (стрелецкие, эмирейские и т.д.), пластинки и микропластинки с притупленным краем и вообще с рету-

шью, геометрические микролиты и т.д. Они характерны в основном для верхнего палеолита и крайне редко встречаются в предшествующие эпохи. Конечно, относительно правомерности включения в эту группу некоторых из перечисленных форм возможны сомнения (например, пластинки дюфур, по мнению ряда исследователей, слишком изогнуты, чтобы использоваться в качестве вкладышей). Большинство орудий с подготовкой для крепления будет работать и на типологический индекс верхнего палеолита (признак 8), поскольку, как правило, их верхнепалеолитический облик определяется не только наличием черешка или утонченного основания, но и морфологией других, неаккомодационных частей. Например, атерийский скребок и без черешка останется скребком и будет смотреться вполне уместно в верхнепалеолитическом контексте, как и большинство известных типов наконечников. Одним из возможных исключений являются эмирейские острия, которые, не будь у них бифасиальной подтески основания, выглядели бы как чисто среднепалеолитическая форма.

Формальные костяные орудия (признак 10) – это изделия из кости, рога или бивня, изготовленные не оббивкой (как делали в нижнем и среднем палеолите), а посредством шлифовки, резания, строгания, сверления. Сам термин, представляющий собой кальку с английского *formal bone tools*, по-русски звучит не очень хорошо, и я пользуюсь им лишь за неимением лучшего.

Свидетельства символизма (признак 11) – это украшения, орнаменты, сюжетные изображения. То обстоятельство, что данному признаку придается здесь не больший вес, чем всем остальным, может вызвать и наверняка вызовет возражения, но в контексте занимающей нас в данном случае проблемы такой “уравнительный” подход оправдан. Единственное, что, возможно, имело бы смысл сделать, – это отделить сюжетные изображения (живопись, графика, скульптура) от украшений (бусы, подвески и т.д.), что дало бы нам два признака вместо одного. В любом случае, наличие или отсутствие свидетельств символизма работает не столько на различение средне- и верхнепалеолитических комплексов, сколько на ранжирование культур в рамках уже верхнего палеолита.

Важно отметить, что среди перечисленных признаков практически нет таких, между которыми существовала бы жесткая взаимозависимость. Правда, объемное расщепление, как правило, предполагает преобладание среди заготовок пластин, но последнее нередко имеет место и при плоскостном раскалывании. Кроме того, с объемным расщеплением часто связан еще такой признак, как краевое скалывание, и все же первое не обязательно влечет за собой второе, особенно на ранних стадиях перехода к верхнему палеолиту.

Самая серьезная проблема, которая возникает при переходе от теории к практике, т.е. при попытках применить описанную выше систему оценки к конкретным палеолитическим комплексам, это проблема репрезентативности имеющихся материалов. Во-первых, вряд ли стоит анализировать описанным способом небольшие коллекции. Во-вторых, при сопоставлении оценок, полученных для разных памятников, обязательно следует учитывать функциональный характер последних. Мастерские по первичной обработке сырья, вероятно, лучше вообще исключить из анализа. Наконец, необходимо принимать в расчет возможное действие тафономических факторов. Особенно это касается признаков 10 и 11, нулевое значение которых часто может объясняться плохой сохранностью органических материалов, а не отсутствием формальных костяных орудий или украшений в культуре обитателей данной стоянки. Например, на большинстве известных памятников ахмариана вследствие особенностей вмещающих отложений костяные изделия отсутствуют, но в тех редких случаях, когда тафономические условия позволяют органике сохраняться в ископаемом состоянии, и орудия из кости, и украшения на местонахождениях ахмариана представлены.

Еще одна проблема связана с невозможностью дать полную оценку многих комплексов по литературным данным. К сожалению, в публикациях, даже монографических, далеко не всегда можно найти все необходимые для характеристики каменной и костяной индустрии сведения. Однако в данной статье я опираюсь преимущественно на материалы, с которыми имел возможность познакомиться непосредственно (это не относится лишь к последнему ее разделу).

Материалы

Изложенные выше принципы были использованы первоначально при обработке части коллекций Кзар-Акила (слои 27–22), хранящихся в музее Пибоди в Гарварде. Несмотря на то что этот материал происходит из довоенных раскопок и подвергся сортировке, в результате которой часть вещей не была сохранена, в целом он все же достаточно репрезентативен, чтобы дать возможность оценить интересующие нас параметры индустрий. Материалы из слоев 27 и 26 относятся к финалу среднего палеолита, из слоев 25–22 – к началу верхнего палеолита*. Они наверняка представляют раз-

* Об индустрии слоев 26, 27 можно получить некоторое представление еще из статьи Э. Маркса и П. Волкмана [Marks, Volkman, 1986], тогда как ранневерхнепалеолитическая часть гарвардской коллекции остается практически неопубликованной и неопищенной. Известные работы И. Аззури [Azouri, 1986] и К. Онумы [Ohnuma, 1988] базировались исключительно на материалах лондонской коллекции.

витие единой традиции обработки камня, о чем свидетельствует не только преемственность в технологии, но и наличие в мустьерском слое 26 такой специфической формы, как *pièce à chanfrein* (2 экз.), которая затем в большом количестве появляется в вышележащих слоях (оба изделия этого типа из слоя 26 сделаны на отщепах, тогда как начиная со слоя 25 основной заготовкой для них становятся пластины). Помимо Кзар-Акила, единственный известный мне пример нахождения *pièce à chanfrein* в мустьерском слое дает грот Кеуэ на севере Ливана [Nishiaki, Copeland, 1992], причем соответствующие комплексы этих памятников близки и по всем другим параметрам.

В ходе командировки в Новосибирск осенью 2003 г. мне удалось также довольно подробно ознакомиться со значительной частью коллекций Кара-Боба, хранящихся в Институте археологии и этнографии СО РАН. Ниже приводятся данные, полученные по большой выборке из среднепалеолитических слоев этого памятника (“горизонты 1, 2”), а также по тем материалам из раскопок А.П. Окладникова 1980 г. (г. н. мастерская), которые, судя по стратиграфическим описаниям и результатам проведенного недавно ремонта, соответствуют “уровням обитания 5, 6” раскопок 1992–1993 гг. [Дервянко, Рыбин, 2003, с. 35].

Данные по Оби-Рахмату, используемые в этой работе, взяты из статьи, где описаны материалы, полученные до 1999 г. включительно [Дервянко и др., 2001]. Ее авторы придерживаются (или придерживались во время ее написания) мнения о ранневерхнепалеолитическом статусе индустрий из слоев 2–14 этого памятника, и потому особенно интересно посмотреть, насколько приводимые ими сведения работают на такую оценку.

Что касается абсолютного возраста рассматриваемых далее индустрий, то он, судя по имеющимся радиоуглеродным и другим определениям, приводит которые здесь нет смысла, составляет в целом от 40 до 50 тыс. лет. Это как раз соответствует периоду конца среднего и начала верхнего палеолита. Впрочем, возможно, что возраст индустрии из нижних слоев Кзар-Акила, Кара-Боба и Оби-Рахмата более 50 тыс. лет, но в данном случае это для нас не столь важно.

Результаты

Кзар-Акил

Слой 27. При обработке коллекции были объединены материалы горизонтов А и В. Индекс отщепов (Ио) – 77,4, пластин (Ипл) – 22,6. Индекс плоскостного расщепления (Ипр) близок к 100, объемного (Иор) – к 0. Индекс краевого скалывания (Икс) –

5,7. Индекс среднепалеолитической группы орудий (СПтип) – 61,5, верхнепалеолитической (ВПтип) – 13,3. Каменных орудий с подготовкой для крепления, формальных костяных орудий и свидетельств символизма нет.

Стоит отметить, что если там, где это возможно, использовать для определения интересующих нас показателей данные, содержащиеся в статье Э. Маркса и П. Волкмана [Marks, Volkman, 1986], то результаты окажутся очень близкими: Ипл – порядка 25, а ВПтип – порядка 22. В первом случае налицо почти полное совпадение, а во втором небольшое расхождение объясняется, возможно, тем, что типологические подсчеты американские исследователи проводили и по гарвардской, и по лондонской коллекциям (технологические – только по гарвардской). На оценке в итоговой таблице это расхождение никак не сказывается.

Слой 26. При обработке коллекции также были объединены материалы горизонтов А и В. Ио – 77,8. Ипл – 22,2. Ипр близок к 100. Иор близок к 0. Икс – 3,7. СПтип – 61,9. ВПтип – 5,2. Каменных орудий с подготовкой для крепления, формальных костяных орудий и свидетельств символизма нет.

Если использовать количественные данные, приводимые Э. Марксом и П. Волкманом [Ibid.], то Ипл составит порядка 22, а ВПтип – чуть меньше 10.

Слой 24*. Ио и Ипл > 30. Ипр – 20,8. Иор – 79,2**. Икс – 6,3. СПтип < 10. ВПтип > 30. Каменных орудий с подготовкой для крепления и формальных костяных орудий нет. Свидетельства символизма встречаются***.

Слой 23. Ио – 37,4. Ипл – 62,6. Ипр – 10,8. Иор – 89,2****. Икс – 4,7. СПтип – 7,7. ВПтип – 79,0. Каменных орудий с подготовкой для крепления и формальных костяных орудий нет. Свидетельства символизма встречаются.

Слой 22. Ио – 26,5. Ипл – 73,5. Ипр > 30 *****.

* Для слоя 25 подсчеты не проводились из-за малочисленности коллекции.

** В гарвардской коллекции нуклеусов из этого слоя мало, поэтому Иор и Ипр подсчитаны по данным, приводимым К. Онумой для лондонской коллекции [Ohnuma, 1988, tabl. 62]. Здесь, как и в других случаях, учитывались лишь определяемые нуклеусы, а предметы, зачисленные Онумой в группу “miscellaneous”, в подсчет не включались.

*** С. Кун с соавторами полагают, что часть раковин мелких моллюсков из верхнепалеолитических слоев Кзар-Акила использовалась в качестве бус [Kuhn et al., 2001].

**** В гарвардской коллекции нуклеусов из этого слоя мало, поэтому Иор и Ипр подсчитаны по данным, приводимым К. Онумой для лондонской коллекции [Ohnuma, 1988, tabl. 62].

***** Для лондонской коллекции [Ohnuma, 1988, tabl. 62] Ипр < 10. Это, кажется, единственный случай, когда оценки по двум коллекциям сильно расходятся.

Иор > 30. Икс – 6,9. СПтип – 3,3. ВПтип – 88,0. Каменных орудий с подготовкой для крепления и формальных костяных орудий нет. Свидетельства символизма встречаются.

Приведенные данные трансформируются в итоговую таблицу (табл. 2).

Кара-Бом

Горизонты 1, 2. Ио – 73,6. Ипл – 26,4. Ипр > 30. Иор < 10. Икс – 0,5. СПтип – 42,3. ВПтип – 12,7. Каменных орудий с подготовкой для крепления, формальных костяных орудий и свидетельств символизма нет.

Уровни обитания 5, 6. Ио – 22,5. Ипл – 77,5. Ипр > 30. 30 > Иор > 10. Икс – 13,7. СПтип – 15,6. ВПтип – 18,8. Каменных орудий с подготовкой для крепления и формальных костяных орудий нет. Свидетельства символизма встречаются.

Напомним, что приводимые здесь оценки для “уровней обитания 5, 6” получены по материалам из раскопок А.П. Окладникова 1980 г. Подсчет тех же индексов по данным, содержащимся в публикации материалов из раскопок 1992–1993 гг. [Деревянко и др., 1998, с. 76–78], дал довольно близкие результаты: Ио – 19,5 (не учитывались мелкие отщепы и чешуйки), Икс – 26,5 (расхождение в 2 раза, но в итоговой таблице оба значения транс-

формируются как 0,5), СПтип – 12,6 (выемчатые изделия по оговоренной выше причине не включались в среднепалеолитическую группу), ВПтип – 21,9.

Данные по Кара-Бому обобщены в табл. 3.

Итоговая оценка, полученная для материалов “уровней обитания 5, 6” Кара-Бомы, свидетельствует о стадильной близости этой индустрии к комплексам из слоев 24–22 Кзар-Акила и, таким образом, подтверждает ее переходный, ранневерхнепалеолитический статус. От среднепалеолитических индустрий обоих памятников ее в целом отделяет уже весьма солидная дистанция.

Оби-Рахмат

Посмотрим теперь, какое место среди представленных здесь среднепалеолитических и ранневерхнепалеолитических комплексов займут материалы Оби-Рахмата, а точнее, тех его слоев, стадильная принадлежность которых является предметом разногласий. Речь идет о слоях 2–14. Их принято делить на три пачки: верхняя – слои 2–5, средняя – 6–9, нижняя – 10–14. Используя для подсчета индексов данные, содержащиеся в недавней публикации [Деревянко и др., 2001], получаем оценки, приводимые в табл. 4.

Таблица 2. Итоговые оценки комплексов Кзар-Акила

Слой	Признак											Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
27	1	1	1	1	0,5	0	0	0,5	0	0	0	–3
26	1	1	1	1	0,5	0	0	0	0	0	0	–3,5
24	1	0,5	1	0	1	1	0	1	0	0	0,5	1
23	1	0,5	1	0	1	1	0	1	0	0	0,5	1
22	0,5	1	1	0	1	1	0	1	0	0	0,5	1

Таблица 3. Итоговые оценки индустрий Кара-Бомы

Горизонт (уровень)	Признак											Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1, 2	1	1	1	1	0,5	0	0	0,5	0	0	0	–3
5, 6	0,5	1	1	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0	0	0,5	0

Таблица 4. Итоговые оценки комплексов Оби-Рахмата

Слой	Признак											Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
10–14	1	1	1	1	1	0	0	0,5	0	0	0	–2,5
6–9	1	1	1	0,5	1	0	0	0,5	0	0	0	–2
2–5	1	1	1	0,5	1	0	0	0,5	0	0	0	–2

Таблица 5. Ранжирование индустрий Кзар-Акила (КА), Кара-Бомы (КБ) и Оби-Рахмата (ОБ)

Комплекс	Признак											Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
КА 27	1	1	1	1	0,5	0	0	0,5	0	0	0	–3
КА 26	1	1	1	1	0,5	0	0	0	0	0	0	–3,5
КБ 1, 2	1	1	1	1	0,5	0	0	0,5	0	0	0	–3
ОР 10–14	1	1	1	1	1	0	0	0,5	0	0	0	–2,5
ОР 6–9	1	1	1	0,5	1	0	0	0,5	0	0	0	–2
ОР 2–5	1	1	1	0,5	1	0	0	0,5	0	0	0	–2
КБ 5, 6	0,5	1	1	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0	0	0,5	0
КА 24	1	0,5	1	0	1	1	0	1	0	0	0,5	1
КА 23	1	0,5	1	0	1	1	0	1	0	0	0,5	1
КА 22	0,5	1	1	0	1	1	0	1	0	0	0,5	1

Следует иметь в виду, что в данном случае эти оценки скорее завышены, чем занижены. Как показало ознакомление со значительной частью старых и новых материалов Оби-Рахмата, вещи, которые определялись как боковые скребки, трудно считать скребками в собственном смысле. На мой взгляд, большую их часть правильнее было бы рассматривать как мелкие скребла и отщепы с ретушью, и потому вряд ли правомерно включать их в группу верхнепалеолитических орудий при подсчете индекса ВПтип. Если ввести эту поправку, то, вероятно, значение признака 8 придется исправить на 0, и тогда оценка комплексов из слоев 2–5 и 6–9 будет –2,5, а для индустрии из слоев 10–14 получим –3. Впрочем, на общей картине данное уточнение отразилось бы крайне мало, и потому в сводную таблицу (табл. 5) я переношу итоговые оценки из табл. 4 без изменений. Даже в этом случае, как легко заметить, они явно тяготеют к среднепалеолитическому “полюсу” и сильно не дотягивают до значений, характерных для переходных индустрий.

Обсуждение

Итак, если руководствоваться данными по 10 комплексам, перечисленным в табл. 5, то индустрию из слоев 2–14 Оби-Рахмата кажется наиболее естественным определять как среднепалеолитическую, а индустрию “уровней обитания 5, 6” Кара-Бомы – как ранневерхнепалеолитическую. Однако 10 комплексов – выборка не слишком представительная. Чтобы получить для наших выводов более солидную основу, попытаемся расширить круг сопоставляемых памятников. Как уже говорилось выше, в публикациях палеолитических материалов сведения, необходимые для их полной оценки по предлагаемой здесь системе, часто отсутствуют. Однако для ряда индустрий интересующего нас периода более или менее надежные оценки все же возможны. В табл. 6–8 представлены результаты, полученные для некоторых достаточно

подробно опубликованных комплексов атера, шательперрона и улуццо. Исходные данные я ради экономии места опускаю, указывая источники, откуда они были почерпнуты.

Таким образом, для атера – индустрии, которую принято считать среднепалеолитической (подробней см.: [Вишняцкий, 2000, с. 247–248]), – усредненная оценка несколько выше, чем для Оби-Рахмата. Если учесть информацию, что в атерских слоях Мнастры наряду с каменными изделиями были обнаружены и единичные формальные костяные орудия [Najraoui, 1994], то разница еще более возрастет. Что касается шательперрона, то оценки, полученные для разных его комплексов, очень сильно варьируют: наиболее ранние тяготеют еще к среднему палеолиту, более поздние – это уже явно верхний палеолит*. Сходная ситуация, как можно предполагать, имеет место и в случае с улуццо, но ни один из комплексов данной традиции, к сожалению, не описан настолько детально, чтобы можно было дать его полную оценку. Поэтому здесь приходится ограничиться усредненной оценкой индустрии в целом (см. также ее общее описание: [Palma di Cesnola, 1989]). Она аналогична значениям, полученным для слоев 24–22 Кзар-Акила и “уровней обитания 5, 6” Кара-Бомы.

Материалы, суммарная оценка которых варьирует примерно от –1 до 2–2,5, было бы, пожалуй, целесообразно обозначать термином “архаичный верхний палеолит”. В отличие от терминов “ранний” и “начальный верхний палеолит”, он указывает не на хронологию памятников, а на их специфический технико-типологический облик. Помимо рассмотренных выше комплексов в эту группу полностью или частично войдут, вероятно, селет, богунисьен, эмиран и еще ряд индустрий. Среди комплексов пе-

* К числу последних принадлежат, безусловно, и не вошедшие в таблицу шательперронские слои грота Оленя в Арси-сюр-Кюр с их многочисленным и разнообразным костяным инвентарем.

Таблица 6. Оценки атерских комплексов

Памятник	Признак											Сумма	Источник
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Аруаким	1	1	1	1	0	0	0	1	1	0	0	–2	Pasty, 1998
Эль-Азраг	1	1	1	1	0,5	0	0	0,5	1	0	0	–2	Pasty, 1997
Рафас	1	1	1	1	0	0	0	0,5	1	0	0	–2,5	Wengler, 1997
Вади Ган	1	1	1	1	0,5	0,5	0	1	1	0	0	–1	McBurney, Hey, 1955
Мнасра-1, сл. V	1	1	1	1	0	?	?	0,5	1	0	0	≥ –2,5	Bouzouggar, 1997
Мнасра-1, сл. III	1	1	1	1	0,5	?	?	0,5	1	0	0	≥ –2	Ibid.
Фум эль Хартани	1	1	1	1	0	?	0,5	0,5	1	0	0	≥ –2	Chavaillon, 1985

Таблица 7. Оценки шательперронских комплексов

Памятник	Признак											Сумма	Источник
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Ферраси, сл. L3b	1	1	1	1	0,5	0,5	0,5	0,5	0	0	0	–2	Tuffreau, 1984
Ферраси, сл. L3a	1	1	1	1	1	0,5	0,5	1	0	0	0	–1	Ibid.
Рок де Комб, сл. VIII	1	0–0,5	1	0,5	1	1	1	1	0,5	0	0	1,5–2	Pelegrin, 1995

Таблица 8. Оценки комплексов улуцо

Памятник	Признак											Сумма	Источник
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Кала	?	1	?	1	?	?	?	1	0,5	0	0	?	Benini, Boscato, Gambassini, 1997
Кастельвивита	?	?	?	1	0,5	?	?	1	0,5	0,5	0	?	Mussi, 2001
Кавалло, сл. II, I	1	?	?	0,5	1	?	0,5	1	0,5	0,5	0,5	?	Gioia, 1988
Кавалло, сл. III	1	?	?	1	0,5	?	0,5	1	0,5	0,5	0,5	?	Mussi, 2001
Фаббрика	1	1	1	1	0,5	?	0,5	1	0	0,5	0	?	Ibid.
Общая оценка	1	1	1	0,5–1	0,5–1	?	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0 ± 0,5	–

Таблица 9. Оценки некоторых комплексов ахмариана и ориньяка

Памятник	Признак											Сумма	Источник
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Тор Садаф (ахмариан)	0,5	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	4,5	Coinman, Fox, 2000
Абу Ношра II (ахмариан)	1	0	0	0	1	1	1	1	1	0,5	0	4,5	Phillips, 1988
Бокер А (ахмариан)	0,5	0	0	0,5	1	1	1	1	1	0	0	4	Работа с коллекцией (см. также: [Jones, Marks, Kaufman, 1983])
Грот Оленя, сл. 7 (ориньяк)	1	0	?	0–0,5	1	1	1	1	1	1	1	4,5–6	Schmider, 2002
Рипаро Мочи, сл. G (ориньяк)	1	?	?	0,5	1	1	?	1	1	1	1	4,5 ± 1	Kuhn, Stiner, 1998

реходного периода (50–30 тыс. л.н.) есть и такие, которые по сумме всех показателей уже весьма далеки от “архаичного”, промежуточного состояния, приближаясь к верхнепалеолитическому “полюсу” (табл. 9). Таковы, например, ахмариан, некоторые (но не все) раннеориньякские комплексы, “спицынская культура”, т.е. материал нижнего слоя Костенок-17 (предварительная оценка 6–6,5). Все они, конечно, тоже являются ранневерхнепалеолитическими, но лишь в хронологическом смысле.

Однако их подробное рассмотрение выходит за рамки этой статьи, посвященной индустриям со спорным стадийным статусом.

Разумеется, описанный здесь способ эволюционного ранжирования среднепалеолитических и ранневерхнепалеолитических индустрий не решает всех проблем и не может заменить традиционные методы анализа и интерпретации материала. Тем не менее я надеюсь, что, по крайней мере, в отдельных случаях он послужит небесполезным дополнением к этим ме-

тодам и поможет прояснить некоторые вопросы, часто вызывающие разногласия. Способ довольно прост, базируется на применении вполне традиционных критериев и хотя не исключает известную долю субъективности в оценках, все же дает некий "общий знаменатель" для сопоставления различных индустрий и данных разных авторов. Речь при этом, конечно, идет не о выявлении генетических связей и степени культурной близости разных комплексов, а лишь об их периодизации, эволюционном ранжировании и об оценке динамики развития культуры в среднем и верхнем палеолите. Не исключено, что подобным же путем имело бы смысл попытаться пойти и при решении вопроса стадийного упорядочения индустрий других эпох, например финального палеолита и мезолита, но насколько такая работа может быть перспективна – судить не мне.

Список литературы

- Анисюткин Н.К. Техника первичного расщепления камня на палеолитической стоянке Стинка-1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему // Археологический альманах (Донецк) (в печати).
- Вишняцкий Л.Б. "Верхнепалеолитическая революция": география, хронология, причины // *Stratum plus*. – 2000. – № 1. – С. 245–271.
- Вишняцкий Л.Б. Опыт ранжирования переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий: предварительные результаты // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С. 42–45.
- Деревянко А.П., Кривошапкин А.Н., Анохин А.А., Исламов У.Н., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 42–63.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.
- Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 174 с.
- Рыбин Е.П. О специфике переходных и ранневерхнепалеолитических индустрий Северной и Центральной Азии // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003. – С. 199–202.
- Azouri I. Ksar Akil, Lebanon: A Technological and Typological Analysis of the Transitional and Early Upper Paleolithic Levels of Ksar Akil and Abu Halka. – Oxford, 1986. – 473 p. – (British Archaeological Reports. Inter. Ser.; N 289).
- Bar-Yosef O. The Upper Paleolithic revolution // *Annual Review of Anthropology*. – 2002. – Vol. 31. – P. 363–393.
- Benini A., Boscato P., Gambassini P. Grotta della Cala (Salerno): industrie litiche e faune uluzziane ed aurignaziane // *Rivista di scienze preistoriche*. – 1997. – Vol. 48. – P. 37–95.
- Bordes F. The old stone age. – N.Y.: McGrawHill, 1968. – 256 p.
- Bouzouggar A. Économie des matières premières et du débitage dans la séquence atérienne de la grotte d'el Mnasra I // *Préhistoire Anthropologie Méditerranéennes*. – 1997. – T. 6. – P. 35–51.
- Brantingham P.J., Krivosheina A.I., Li J., Tseren-dagva Y. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia // *Current Anthropology*. – 2001. – Vol. 42, N 5. – P. 735–747.
- Chavallon N. L'Atérien du Foun el Hartani au Sahara nord-occidental (République Algérienne) // *Bull. de la Soc. Préhist. Fran.* – 1985. – T. 82, N 8–10. – P. 307–337.
- Coinman N.R., Fox J.R. Tor Sadaf (WHNBS 8): The transition to the Upper Paleolithic // *The Archaeology of the Wadi Al-Hasa, West-Central Jordan* / Ed by N.R. Coinman. – Phoenix: Arizona State University Press, 2000. – Vol. 2. – P. 123–142.
- Gioia P. Problems related to the origins of Italian Upper Palaeolithic: Uluzzian and Aurignacian. *L'Homme de Neandertal*. / Ed by J. Kozłowski. – Liège: Université de Liège, 1988. – Vol. 8: La Mutation. – P. 71–101.
- Goebel T., Waters M.R., Meshcherin M.N. Masterov Kliuch and the Early Upper Paleolithic of the Transbaikalia, Siberia // *Asian Perspectives*. – 2001. – Vol. 39, N 1 / 2. – P. 47–70.
- Hajraoui M.A. L'industrie osseuse atérienne de la grotte d'el Mnasra (Region de Temara, Maroc) // *Préhistoire Anthropologie Méditerranéennes*. – 1994. – T. 3. – P. 91–94.
- Jones M., Marks A.E., Kaufman D. Boker: The artifacts // *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel* / Ed by A. Marks. – Dallas: Southern Methodist University, 1983. – Vol. 3. – P. 283–329.
- Kuhn S.L., Stiner M.C. The earliest Aurignacian of Riparo Mochi (Liguria, Italy) // *Current Anthropology*. – 1998. – Vol. 39. – Suppl. – P. 175–189.
- Kuhn S.L., Stiner M.C., Reese D.S., Güleç E. Ornaments of the earliest Upper Paleolithic: New insights from the Levant // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2001. – Vol. 98, N 13. – P. 7641–7646.
- Madsen D.B., Li J., Brantingham P.J., Gao X., Elston R.G., Bettinger R.L. Dating Suidonggou and the Upper Paleolithic blade industry in North China // *Antiquity*. – 2001. – Vol. 75, N 290. – P. 706–716.
- Marks A., Volkman P. The Mousterian of Ksar Akil: levels XXVIA through XXVIII B // *Paléorient*. – 1986. – Vol. 12, N 1. – P. 5–20.
- McBurney C.B.M., Hey R. Prehistory and Pleistocene Geology in Cyrenaican Libya. – Cambridge: Cambridge University Press, 1955. – 315 p.
- Musi M. Earliest Italy: An Overview of the Italian Paleolithic and Mesolithic. – N. Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. – 399 p.
- Nishiaki Y., Copeland L. Keoue Cave, Northern Lebanon, and its place in the context of the Levantine Mousterian // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha, 1992. – P. 107–127.

Ohnuma K. A Technological Study of the Earlier Upper Palaeolithic Levels of Ksar Akil. Levels XXV–XIV. – Oxford, 1988. – 298 p. – (British Archaeological Reports. Inter. Ser.; N 426).

Palma di Cesnola A. L'Uluzzien: faciès italien du leptolithique archaïque // L'Anthropologie. – 1989. – T. 93, N 4. – P. 783–812.

Pasty J.-F. Étude technologique du site Atérien d'El-Azrag (Mauritanie) // Paleo. – 1997. – N 9. – P. 173–190.

Pasty J.-F. Étude du site Atérien d'Arouakim (Mauritanie) // L'Anthropologie. – 1998. – T. 102, N 3. – P. 241–263.

Pelegrin J. Technologie lithique: le Châtelperronien de Roc-de-Combe (Lot) et de La Côte (Dordogne). – P.: CNRS Editions, 1995. – 297 p.

Phillips J.L. The Upper Paleolithic of the Wadi Feiran, Southern Sinai // Paléorient. – 1988. – Vol. 4, N 2. – P. 183–200.

Schmider B. (dir.) L'Aurignacien de la Grotte de Renne. Les fouilles d'André Leroi-Gourhan à Arcy-sur-Cure (Yonne). – P.: CNRS Editions, 2002. – 309 p. – (Gallia Préhistoire; Suppl. 34).

Tufreau A. Les industries moustériennes et castelperroniennes de La Ferrassie // Le grang abri de La Ferrassie: Fouilles 1968 – 1973 / Ed. by. H. Delporte. – P.: Institut de Paléontologie Humaine, 1984. – P. 111–144. – (Études quaternaries; N 7).

Wengler L. La transition du Mousterien à l'Atérien // L'Anthropologie. – 1997. – T. 101, N 3. – P. 448–481.

Материал поступил в редколлегию 25.02.04 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903

В.И. Молодин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@ngs.ru*

НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Памяти Валерия Петрина посвящаяю

Введение

На территории Северной и Центральной Азии известно огромное количество памятников наскального искусства. На многих из них проведены исследования, материалы которых стали основой для многих книг и статей. Почти за столетнюю историю изучения этих памятников написано немало высококачественных научных сочинений, по праву вошедших в золотой фонд науки. Вместе с тем, к сожалению, далеко не все исследователи отдают себе отчет в том, что простота этого источника кажущаяся и для его изучения недостаточно располагать информацией только о конкретном памятнике наскального искусства, важно иметь знания в области археологии, этнографии; причем знания глубокие, охватывающие не отдельную эпоху, а все культурное наследие с момента появления человека на данной территории и до этнографической современности.

Данная статья адресована прежде всего археологам, в ней пойдет речь главным образом об отношении к наскальному искусству как к археологическому (историческому) источнику и о весьма специфических методах его изучения. Конечно же, далеко не все из предложенного будет однозначно воспринято научным сообществом и, возможно, вызовет дискуссию, на что и рассчитывает редколлегия журнала.

Обсуждение

Из истории проблемы

Желание редколлегии провести на страницах журнала дискуссию по данной проблеме проявилось уже в

одном из первых номеров [Шер, 2000б]. На мой взгляд, такая дискуссия более чем своевременна хотя бы потому, что плодотворных обсуждений многогранной проблематики, связанной с исследованием наскальных изображений, было, к сожалению, не так уж много.

В середине XX в. излишняя идеологизация, царившая в отечественной науке, порождала полемику прежде всего в контексте марксистско-ленинского учения. Например, между А.П. Окладниковым [1954] и И.Б. Астаховым [1953] развернулась дискуссия по поводу подхода к проблеме происхождения и сущности первобытного искусства, который А.П. Окладников определил как вульгарный. В аналогичном ключе написана и весьма резкая по тону статья А.Я. Брюсова [1953].

Наиболее значимой можно назвать проходившую в конце 1960-х – начале 1970-х гг. дискуссию, начатую на страницах журнала “Советская этнография”. В ней приняли участие А.А. Формозов [1967, 1969а], Г.И. Пелих [1968], Ю.А. Савватеев [1969], В.Н. Чернецов [1969], А.И. Мартынов [1971]. Полемика развернулась вокруг хронологии сибирских петроглифов. В той или иной степени затрагивались и другие проблемы, касающиеся первобытного искусства. Следует отметить появившуюся в ходе дискуссии монографию А.А. Формозова [1969б], в которой рассматривались методические ошибки, получившие отражение в трудах ряда ученых, занимавшихся данной проблематикой, а также обсуждались важные вопросы датировки наскальных изображений. “Необходимо выделить опорные, точно датированные памятники с четкой стратиграфией и безусловно одно-

временными комплексами, – писал А.А. Формозов. – Если же говорить только о петроглифах, то нам нужно найти среди них такие, которые хорошо датируются благодаря соотношению с бытовыми или погребальными комплексами или содержат сюжеты, знакомые нам по материалам стоянок, могил и других наскальных изображений, имеющих надежную датировку...” [Там же, с. 15]. (Эта поставленная исследователем задача остается актуальной и сегодня.) А.А. Формозов затронул также вопросы интерпретации семантической нагрузки наскальных изображений [Там же, с. 16–19], использования этнографического материала при изучении памятников первобытного искусства [Там же, с. 19–20] и т.д. Однако решения проблем, предлагавшиеся А.А. Формозовым на фоне критики подхода ряда ученых, прежде всего акад. А.П. Окладникова, далеко не всегда были удачными. Это отмечалось его оппонентами [Пелих, 1968, с. 68–71; Савватеев, 1969, с. 90–93, 98–99, 101; Чернецов, 1969, с. 110; Мартынов, 1971, с. 103–118]. Например, В.Н. Чернецов особо подчеркивал отсутствие “сколь угодно разработанных методов описания и анализа подобных памятников, а тем более сопоставления их между собой” [1969, с. 108]. А.И. Мартынов, по существу главный оппонент А.А. Формозова в этой дискуссии, выделил “пять основных источников, откуда можно брать опорные точки” для датировки сибирских петроглифов [1971, с. 106], а также отметил, что комплексный анализ всех доступных источников лежит в основе творческого метода А.П. Окладникова. А.И. Мартынов не без основания подчеркивал, что при определении хронологии наскальных рисунков конкретного художественного круга вполне правомерно использовать метод сравнительно-художественного анализа [Там же, с. 112].

Обстоятельный разбор целого ряда проблем, поднятых в дискуссии, дан в монографии Я.А. Шера [1980]. Исследователь активно обсуждает теорию неравномерного распространения памятников первобытного искусства [Там же, с. 176–181] и т.д., разрабатывая понятие “стиль” в первобытном искусстве [Там же, с. 40].

Критический анализ отдельных идей А.А. Формозова, выдвинутых в ходе упомянутой дискуссии, проводился мной и Д.В. Черемисиным [Молодин, Черемисин, 1999, с. 124–138].

Справедливости ради следует отметить, что поднятые в указанных работах А.А. Формозова и обсуждавшиеся с той или иной долей успеха его оппонентами проблемы остаются во многом актуальными и сегодня и вполне могут стать предметом продолжения дискуссии, развернувшейся в 1960–1970 гг. (см., напр.: [Bahn, 2002, р. 211–212; Шумкин, 2002, с. 194–195]).

В 1990-х гг. чрезвычайно широкая дискуссия развернулась в связи с открытием петроглифов Фош Коа* (Португалия). Обсуждались возможности их отнесения к плейстоцену, а также проблема сохранения этого уникального петроглифического оазиса, поскольку район сосредоточения петроглифов оказался в зоне затопления строившейся гидроэлектростанции. Обмен мнениями, происходивший непосредственно на объекте и в печати, представляется мне весьма продуктивным и достойным для подражания. Важно, что увидели свет не только итоги дискуссии [Dossier Côa, 1995], но и фундаментальная коллективная монография, посвященная этим удивительным памятникам [Arte rupestre..., 1997].

В связи с открытием в 1980-х гг. ряда памятников в Испании и Португалии (в т.ч. самого грандиозного из них – Фош Коа) между специалистами возникла полемика по вопросу о возможности отнесения к палеолиту изображений на открытых плоскостях (см.: [De Behrmann, González, Gómez, 1996, p. 103–105; Züchner, 1995, p. 18–19; Clottes, Lorblanchet, Beltrán, 1995, p. 19–21; Sacchi, 1996, p. 1–6; Zilhão, 1995, p. 3–44; 1995–1996, p. 114–116; Bednarik, 1995, p. 9–11]; подробнее об этой дискуссии см.: [Молодин, Черемисин, 1999, с. 98–102]). Например, Р. Дж. Беднарик выразил несогласие с палеолитической датировкой памятников пластического и монументального искусства Сибири [1991, 1992а, б] (подробнее см., напр.: [Молодин, Черемисин, 1999, с. 134–137]).

Уместно упомянуть о дискуссии, посвященной этическим аспектам изучения памятников наскального искусства, т.н. исследовательскому вандализму (см., напр.: [Bednarik, 1992; Clottes, 1992; Watchman, 1992]).

Следует указать также конференции, на которых весьма остро обсуждались многообразные проблемы первобытного искусства. К их числу относится, например, всесоюзная конференция “Актуальные проблемы изучения наскальных изображений в СССР”, проводившаяся в 1990 г. в Москве (в русле ее тематики было подготовлено несколько книг [Проблемы изучения..., 1990; Наскальные рисунки..., 1992], международный colloquium “Петроглифы Центральной Азии: методология изучения наскального искусства”, состоявшийся в 1995 г. в Париже (см.: [Черемисин, 1996, с. 122–125]), Международная конференция по первобытному искусству, которая проходила в 1998 г. в Кемерове (см.: [Варенов, Черемисин, 2000, с. 119–120], к ее началу был приурочен выпуск монографии “Первобытное искусство” [Бледнова и др., 1998], посвященной ряду фундаментальных проблем, в т.ч. непосредственно связанных с наскальным ис-

* В русскоязычных изданиях Foz Côa пишется как Фош Коа либо Фоз Коа.

кусством). Несомненная значимость названных и других подобных конференций заключается, конечно же, в оперативной постановке и обсуждении насущных проблем изучения первобытного искусства.

Особенности работы с наскальными изображениями

От фиксации до публикации

Все начинается с поисков памятников наскального искусства. Казалось бы, тут все просто – исследователь (или группа исследователей) целенаправленно осматривает намеченный горный массив или валуны морены, фиксируя обнаруженные рисунки. Однако уже на этом этапе чрезвычайно важно следовать определенным методическим установкам. И хотя они кажутся вполне очевидными, их придерживаются не все и далеко не всегда.

Во-первых, *необходим фронтальный осмотр объекта*. При изучении выбранного скального массива или валунов морены нельзя ограничиваться осмотром лишь привлекательных, с точки зрения удобства нанесения рисунков и их экспозиции, плоскостей, поскольку иногда изображения (порой наиболее интересные) оказываются в самых неожиданных местах. Важность фронтального осмотра доказал пример открытия, пожалуй, самой замечательной композиции в пещере Альтамиры на потолке, да еще ребенком! Следует иметь в виду, что живопись оставляли на неподходящих для этого, опять-таки по нашему мнению, породах, например гранитах.

Может быть, это совет прежде всего опытным профессионалам – не пренебрегать осмотром самых неподходящих, с современной точки зрения, плоскостей.

Во-вторых, *важно учитывать угол падения света на поверхность*. Осмотр скальных плоскостей рекомендуется проводить несколько раз в сутки – утром, вечером, в полдень, поскольку изображения видны именно под косыми лучами света, при ином освещении рисунки могут быть вообще незаметными. Такой осмотр иногда помогает семантической интерпретации памятника (см., напр.: [Кочмар, Пеньков, Кнуренко, 1996, с. 83–87]).

В-третьих, *следует использовать оптические приборы*. Осмотр скальных массивов, труднодоступных для визуального обследования с близкого расстояния, желательно проводить с помощью мощного бинокля или подзорной трубы; в таком случае у исследователя больше шансов обнаружить изображения, особенно нанесенные краской.

В-четвертых, *требуется провести анализ породы камня*, на котором сделан рисунок. Его результаты могут помочь при определении относительной хро-

нологии изображений [Марковин, 1973, с. 280–283]. Оценкой образцов должны заниматься специалисты-геологи.

В-пятых, *особые правила необходимо соблюдать при работе в пещерах*. К сожалению, здесь я не могу опереться на собственный опыт, ибо в тех пещерах, в которых мне доводилось работать, наскальные изображения обнаружены не были. Известно, что во франко-кантабрийской области в ряде пещер с изображениями во время осмотра специалисты находили порой в самых неожиданных местах новые рисунки, которые вряд ли мог обнаружить человек, не имеющий необходимых знаний (см., напр.: [Déconvertes..., 1984]). Такие примеры есть в истории открытий наскальных изображений в пещерах. Например, гравировки, относящиеся к ледниковой эпохе, впервые были обнаружены в 2003 г. в Англии [Bahn, Pettitt, Ripoll, 2003]. Нельзя не отметить, что при выявлении изображений во многих европейских пещерах значительная часть информации об их обитателях была утрачена. В очень немногих пещерах, открытых в первой половине XX в., хорошо сохранились все свидетельства деятельности первобытных людей, наиболее полно – в пещере Тюк д’Одубер (выявлена в 1912 г.), Фонтане (открыта в 1972 г.), а также в Эрберуа. Могли бесследно исчезнуть следы людей и изображения на глиняном полу пещер [Bahn, Vertut, 1988, p. 14]. Отрадно отметить, что сегодня имеются методы изучения наскальных рисунков, пагубные последствия применения которых минимальны. С привлечением этих методов исследованы такие памятники, как Коске (открыт в 1991 г.) и Шове (открыт в 1994 г.) [Clottes, Courtin, 1994; Chauvet, Deschamps, Hillaire, 1995].

Внимания заслуживает опыт В.Т. Петрина по изучению полихромных изображений в Игнатьевской пещере на Урале. До Валерия Трофимовича в этой пещере работали многие археологи, в т.ч. весьма опытные, тем не менее только ему удалось организовать поиск, результатом которого явилось блестящее открытие, несомненно, мирового класса, и провести на самом высоком уровне комплексные исследования памятника [Петрин, 1992; Petrine, 1997]. Может быть, потому что подобное изучение сибирских пещер, активно освоенных в плейстоцене, не проводилось, в них пока и не открыты наскальные изображения?!

Важнейшим этапом изучения наскальных изображений является их максимально точное копирование с целью дальнейшей публикации. Речь идет о методах копирования изображений. Детально об этом писали Я.А. Шер [1980, с. 60–78], М.А. Дэвлет [1998, с. 19–25] и Е.Г. Дэвлет [2002, с. 76–97]. Признаюсь, что я имею опыт копирования наскальных рисунков практически всеми известными и используемыми

на сегодняшний день способами – с помощью кальки, микалентной бумаги, прозрачной полиэтиленовой пленки, а также фотофиксацией.

Конечно, благодаря научно-техническому прогрессу наши возможности постоянно расширяются, и то, что стало обычным сегодня, было совершенно недоступно вчера. Еще в 1970-е гг. о микалентной бумаге или прозрачной пленке для копирования наскальных изображений исследователи и не мечтали. Рисунки копировали при помощи кальки, при этом изображения обводили чаще всего мелом. Разумеется, этот способ далек от идеального, при его использовании неминуемы погрешности: сначала искажения возникают при обводке рисунка мелом (особенно если это деликатное дело доверяли непрофессионалам), а затем – при копировании рисунка. Использование кальки едва ли возможно при работе с граффити. К тому же обводка рисунков любыми современными красящими материалами, по мнению ряда специалистов, может свести на нет возможность последующего контактного датирования методами естественных наук.

В конце XIX в. при копировании надписей и наскальных изображений хорошо зарекомендовал себя такой способ, как изготовление эстампажей [Шер, 1980, с. 67; Дэвлет М.А., 1996, с. 180]. По существу этот же способ, только с применением современных полимерных материалов, используется и сегодня, прежде всего для получения копий особо значимых изображений [Смирнов, Шер, 1965; Шумкин, 1985; Гурина, 1992; Ponti, Persia, 2002]. Этот метод тоже не идеален, но он незаменим в случаях, когда необходимо скопировать изображения памятника, которому грозит разрушение.

Специалисты всегда искали наиболее приемлемый для копирования материал, пробуя различные сорта бумаги. Использование микалентной бумаги стало новым шагом в деле копирования наскальных рисунков (см.: [Пяткин, Мартынов, 1985]). Создание микалентных копий – новый шаг в изготовлении эстампажей. Сам принцип не нов, он был применен еще в 1887–1889 гг. экспедицией Финского археологического общества под руководством И.Р. Аспелина в ходе работы в Сибири. Копированием на коленкор занималась экспедиция В.В. Радлова [1892].

Однако и способ копирования на микалент не лишен недостатков. Во-первых, после снятия копии переводимые на бумагу изображения желательно дополнительно обвести, причем делать это необходимо непосредственно у скалы, в противном случае есть риск упустить из вида очень важные детали, а значит, исказить копию и заложить основу для ее неверного толкования. Во-вторых, микалентная бумага не позволяет копировать крашенные рисунки или граффити (последние наиболее точно можно скопировать

прорисовкой на пленку (см., напр.: [Савватеев, 1970, с. 9]). В-третьих, красители, которые наносятся на микалент, проникают в саму поверхность скалы, что не только портит изображение (см.: [Беднарик, Дэвлет Е.Г., 1993, с. 40–41; Шер, 2000а, с. 34; Видаль, 1999]), но и исключает использование контактного способа датирования [Dorn, 1990]. В-четвертых, микалентные копии могут деформироваться, искажая пропорции фигур и размеры оригинала.

Появление тонкой, абсолютно прозрачной полиэтиленовой пленки, казалось бы, открыло новые возможности для копирования: новый материал был лишен недостатков, характерных как для кальки, так и для микалента. К тому же, использование тонких фло-мастеров и капельных ручек позволяло максимально точно скопировать изображение. Однако способ копирования с помощью пленки, безусловно, лучший из всех перечисленных, не всегда позволяет передать все тонкости, присущие оригиналу, особенно если это сложное, многофигурное изображение. Кроме того, последующий перевод копии на бумагу при подготовке публикации чреват очередными неточностями, да и само воспроизведение копий рисунков в виде черных заливок на белом фоне, конечно же, не передает изображение адекватно.

Одним из лучших способов документирования наскальных изображений является фотофиксация [Шер, 1980, с. 71–78; Дэвлет Е.Г., 2002, с. 83–92], особенно с помощью современной цифровой техники. Блестящие примеры фотофиксации петроглифов демонстрируют члены Российско-американо-монгольской экспедиции, многие годы работающие в Западной Монголии и издавшие великолепный двухтомник многочисленных изображений [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001]. Важно, тем не менее, чтобы фотография была дополнена графической копией. Качество фотофиксации часто зависит от уровня освещенности и угла падения света, аппаратуры, мастерства фотографа и т.д. К сожалению, некоторые изображения на скалах расположены так, что их просто невозможно сфотографировать.

Все чаще исследователи прибегают к видеосъемке. Этот способ, предполагающий последующее сканирование, оцифровку, позволяет получить точные изображения и хранить информацию на электронных носителях.

Таким образом, мы должны признать, что сегодня при копировании наскальных изображений наиболее эффективно сочетать фото- и видеофиксацию с параллельной съемкой изображений на полиэтилен. Перед публикацией важно провести сверку полученных копий.

Важно, на мой взгляд, обсудить вопрос о том, какой объем информации можно считать достаточным для формирования адекватного представления о па-

мятнику наскального искусства. Казалось бы, ответ на него очевиден: исследователь должен максимально полно фиксировать изображения, обнаруженные на пункте их концентрации. Однако часто это сделать непросто в силу разного рода обстоятельств. Встречаются, например, комплексы, где количество изображений столь велико, что для их качественной съемки требуется не один, а несколько полевых сезонов. Часто исследователь, не обладая таким временным ресурсом, выбирает из массива наиболее значимые, с его точки зрения, изображения и концентрирует на них свое внимание. В результате проявляется заведомо субъективный подход к оценке памятника при введении его материалов в научный оборот. При таком подходе “за кадром” остается контекст самого памятника. Однако следует учитывать, что древние люди, создавая те или иные изобразительные полотна, возможно, придавали размещению рисунков и композиций на скалах, как и их сочетанию, определенное значение, смысл, и именно это исследователю следует попытаться понять.

Использование современных средств фиксации объекта в пространстве позволяет картографировать выявленные рисунки, нанося полученную информацию на карты и планы. В этом отношении особенно эффективен метод исследования с помощью системы навигационных приборов [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1997, с. 213], он дает возможность предельно точно представить пространственное положение каждого рисунка и найти его на объекте.

Примером образцового подхода к изучению масштабных сосредоточений петроглифов можно, по моему мнению, считать проект Гейдельбергской академии, руководимый проф. Х. Хауптманом. Блестящие работы проф. А.Х. Дани на массиве петроглифов в бассейне р. Инд в Пакистане открыли для научного сообщества, да и всего человечества, гигантское скопление разновременных и разнокультурных изображений. А.Х. Дани опубликовал очень хорошую и полезную монографию, в которой были введены в научный оборот лучшие, с его точки зрения, композиции и дан их всесторонний анализ [Dani, 1983], однако очевидно, что в ней представлен весьма ограниченный корпус источников. Принципиально по-иному подошли к проблеме изучения этого гигантского массива изображений германские исследователи во главе с проф. Х. Хауптманом. Они разработали многолетнюю программу целенаправленного изучения этого скопления петроглифов в Пакистане, начало которого было положено еще в конце 1970-х гг. Германо-пакистанской экспедицией, возглавляемой проф. К. Йегмаром [Zwischen Gandhāra..., 1985]. Конечно, проект стоит дорого, однако он демонстрирует, с моей точки зрения, почти идеальный подход к изучению источника. К настоящему времени издано уже

шесть томов материалов этого массива петроглифов (см., напр.: [Bemmann, König, 1994; Fussman, König, 1997]). В них каждая прорисовка сопровождается фотографией, каждое изображение представлено в контексте композиции, а та, в свою очередь, в контексте крупного массива петроглифов. Очень хотелось бы, чтобы нашим немецким коллегам удалось завершить эту работу, хотя политическая ситуация, сложившаяся в настоящее время в регионе, препятствует этому. Объем накопленных материалов позволяет исследователям не только публиковать источники, но и проводить глубокие аналитические исследования (см., напр.: [Bandini-König, Bemmann, Hauptmann, 1997]).

Важной проблемой, связанной с изучением наскальных изображений, является подготовка высококачественных публикаций источников. Здесь уместно упомянуть крупный российско-французский проект, инициаторами которого выступили проф. Я.А. Шер и А.-П. Франкфор. Опубликовано серия прекрасных монографий, посвященных наскальным изображениям азиатского субконтинента (см., напр.: [Blednova et al., 1995; Kubarev, Jakobson, 1996]). К сожалению, нередко тщательно подготовленные для публикации материалы полевых исследований, проводившихся в соответствии с современными требованиями фиксации, не получают адекватного отражения в печати ввиду плохой полиграфической базы.

Вообще, мы порой совершенно недооцениваем важность этой проблемы. Следует иметь в виду, что если даже хорошо подготовленный специалист не бывал на памятнике, то из некачественного издания он может получить лишь искаженную информацию. «Знакомство с наскальными изображениями на месте, — подчеркивал Ю.А. Савватеев, — должно стать обязательным условием их научного изучения, ибо даже лучшая публикация не обладает тем “эффектом присутствия”, без которого невозможно понять памятник» [1969, с. 90].

По моему мнению, издание наскальных изображений должно быть максимально приближено к оригиналу. Прорисовка композиции и каждого рисунка должна сопровождаться качественной фотографией. При составлении корреляционных таблиц и сравнении рисунков следует учитывать реальные размеры изображений. При этом не должна искажаться информация о реальных размерах фигур.

Современные полиграфические возможности позволяют воспроизводить рисунки в цвете. Это особенно важно при публикации писаниц, нанесенных, как правило, красным или черным красителем (иногда цветовая палитра может быть более богатой). Образцовыми изданиями, с моей точки зрения, являются тома материалов Российско-американо-монгольской экспедиции, работающей в Монгольском Алтае

[Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001], а также Германо-пакистанской экспедиции, которая занимается изучением петроглифов в Северном Пакистане [Bemmann, König, 1994; Fussman, König, 1997].

Мультидисциплинарный подход к изучению петроглифов

Изучение наскальных изображений требует мультидисциплинарного подхода. Как показывает опыт, интеграция усилий специалистов в разных областях знаний помогает решить многие проблемы гуманитарных наук и, что самое главное, получить принципиально новую научную информацию (см.: [Молодин, 2001, с. 788–796]). Примеры плодотворного сотрудничества ученых разного профиля имеются в практике изучения наскальных изображений. Один из них – сравнительно недавние комплексные исследования Игнатьевской пещеры, проведенные под руководством В.Т. Петрина [Петрин, 1992; Petrine, 1997].

Сегодня достаточно широко используется метод контактного датирования наскальных рисунков при помощи модифицированного метода радиоуглеродного датирования (AMS, ^{14}C) красителя, содержащего уголь и органику [Bahn, 1994, p. 128]. Благодаря ему были получены хронологические определения для таких памятников, как Альтамира [Valladas et al., 1992, p. 68–70] и Куньяк [Lorblanchet, 1990, p. 93–193]. Подробная сводка абсолютных дат памятников с древнейшей живописью введена в научный оборот [Rock Art Studies..., 1993] и ежегодно пополняется.

Среди методов прямого датирования, не нашедших пока широкого применения и именуемых экспериментальными [Дэвлет Е.Г., 2002, с. 64], следует назвать метод лихенометрии, основанный на анализе показателей скорости годового прироста талломов лишайников [Beshel, 1961]; он успешно использовался при определении относительной хронологии петроглифов Южного Алтая [Седельникова, Черемисин, 2001, с. 479–481; Черемисин, Седельникова, Баринава, 2003, с. 118–124]. Р. Дорном для датирования петроглифов был предложен CR-метод, который позволяет определить количество и отношение изменяющихся катионов калия и кальция к стабильным катионам титана по образцам пустынного загара на поверхности выбитых изображений [Dorn et al., 1986]. Между тем, безальтернативное применение этих экспериментальных методов, вне всякого сомнения перспективных, является дискуссионным [Вайсброд, 1993]. К числу экспериментальных нужно отнести, по-видимому, и метод датирования петроглифов при помощи данных неотектоники [Панкрушев, 1966, с. 5–43; Савватеев, 1969, с. 91].

Получение принципиально новых возможностей для интерпретации наскальных изображений следует связывать с химическими анализами состава крас-

телей, которыми наносились рисунки. Так, интересные результаты дало изучение пигментов, входивших в состав красок, которыми выполнена роспись в пещерах Нио и Резо Кластр. В ходе исследований, проведенных с помощью электронной микроскопии, дифракции рентгеновских лучей, протон-индуцированного рентгеновского излучения, было установлено, что существовало четыре рецепта приготовления краски [Clottes, 1993, p. 223–235]. В обеих пещерах, находящихся в единой толще и соединенных почти 400-метровым коридором, который в древности остался непреодоленным людьми, рисунки выполнены краской одного состава. Использование газовой хроматографии и масс-спектрологии позволило определить органические связывающие вещества красителей – масло, вероятно, животного [Pepe et al., 1991, p. 929–934] и растительного [Menu, Walter, 1991] происхождения.

Уместно процитировать П. Бана, который подчеркивает, что “анализ красителя дает нам революционные по значению результаты, которые позволяют установить, что за видимым стилистическим единообразием скрывается техническая неоднородность. Стили фигур могли существовать дольше, чем было принято считать, и могут использоваться для датирования лишь весьма ограниченно. У нас появляются доказательства того, что при приготовлении красителей смешивались минеральные и органические вещества, причем в разное время и в разных местах использовались разные рецепты” [Bahn, 1994, p. 130–131].

Изучение древних красителей ведется и у нас в стране [Астахова, 1966; Федорович, 1967; Бирштейн, 1982]; например, в Сибирском отделении РАН уже несколько лет творческий коллектив археологов и химиков успешно занимается изучением химического состава пазырыкских красителей [Полосьмак, Малахов, Ткачев, 2003, с. 230–232], результаты которого позволяют сделать принципиально значимые научные выводы [Полосьмак, 2001].

Особое значение имеет проблема определения инструментов, которыми наносилось изображение (см.: [Киселев, 1930]). От ее решения во многом зависит точность датирования выбитых на скалах изображений. Если петроглифы были выполнены металлическим инструментом, то их нельзя отнести к эпохе камня. Мне представляется, что методы трасологического изучения артефактов из камня и кости уже сегодня могут быть адаптированы к исследованию петроглифов. Во всяком случае в настоящее время позитивное решение этой важнейшей методической проблемы не кажется чем-то нереальным.

В ходе изучения наскальных изображений специалисты привлекают палеозоологов, которые помогают определить виды запечатленных животных, их по-

ловую принадлежность (см., напр.: [Lasota-Moskalewska, Hudjanazarov, 2000]). Нельзя согласиться с исследователями, которые принципиально отказываются давать видовые определения изображенных животных. Например, в новейшей монографии, посвященной петроглифам Онежского озера, эстонские коллеги, стремясь быть максимально объективными при описании, предпочитают использовать такие определения, как “орниноморфный”, “гидроорниноморфный” (“elaphomorph” – лосеподобный, “alcomorph” – оленеподобный, “ichthyomorph” – рыбоподобный и т.п.) [Poikalainen, Ernits, 1998, p. 7–8 и др.].

У отечественных специалистов, занимающихся изучением петроглифов, имеется опыт использования в исследовательской процедуре математических методов [Подольский, 1970; Шер, 1977].

Приведенные примеры доказывают, что мультидисциплинарные подходы к исследованию памятников наскального искусства заключают в себе огромные возможности и перспективы. Вообще изучение наскальных изображений должно носить комплексный характер. Оно предполагает детальное и всеобъемлющее исследование контекста, в котором существуют собственно наскальные рисунки. Имеются в виду прежде всего раскопки культурных слоев, сформированных у скал с изображениями либо имеющих место в пещерах. Благодаря таким исследованиям специалисты получают информацию, которая позволяет обоснованно датировать наскальные изображения. Раскопки возможны в тех редких случаях, когда рисунки перекрыты культурным слоем, содержащим культурные остатки. Подобное зафиксировано во французской пещере Ла Мут, где изображения частично перекрыты слоем, относящимся к граветту, в австралийском Еарли Мен Шелтер. В Фарисеу (Португалия), где скальная плоскость с изображениями перекрыта палеолитическим культурным слоем [Aubry et al., 2001], в ходе раскопок удалось получить результаты, позволявшие подвести итог острейшей дискуссии о палеолитическом возрасте изображений на открытых плоскостях Фош Коа.

С учетом содержания этих изучаемых слоев (если они синхронны рисункам) можно более обоснованно говорить о семантической нагрузке изображенных на скалах персонажей и отдельных сцен, рассматривая их в контексте всего памятника. Иногда в исследуемых слоях встречаются обломки скал с петроглифами, в таких случаях, датировав слой, можно относительно датировать и сами изображения. В качестве примера можно привести памятник Кучерла-1 (Куялю) в Горном Алтае, где разновременным изображениям соответствуют мощные многослойные напластования, образование которых связано с ритуальной деятельностью. Благодаря комплексному изучению этого памятника была получена доказательная база для

хронологических определений, в частности петроглифов [Деревянко, Молодин, 1991, с. 3–7], и семантических интерпретаций всего комплекса [Молодин, Ефремова, 1997, с. 233–238]. Эффективность такого подхода подтверждают и материалы комплексного изучения, например, Каповой пещеры. Здесь в культурном слое, возраст которого (дата определена по углю) $14\,680 \pm 150$ и $13\,930 \pm 300$ лет, Е.В. Щелинским была обнаружена глыба известняка с фрагментом изображения мамонта, анализ которой помог обосновать дату изображений в пещере [Щелинский, 1997, с. 31–32].

Раскопки, проведенные В.Т. Петриным в глубинных залах Игнатьевской пещеры, выявили набор верхнепалеолитических орудий и позволили определить радиоуглеродным методом даты культуросодержащего слоя – от $10\,400 \pm 465$ до $14\,240 \pm 150$ л.н. и на этой основе предположительно отнести изображения к эпохе палеолита [Петрин, 1992, с. 106–138, 163]. Однако дискуссия о возрасте рисунков не закончена, поскольку недавно контактным способом были установлены даты, свидетельствующие о голоценовом возрасте одного из изображений мамонта [Широков и др., 2003, с. 67–72].

С наскальными изображениями нередко связаны такие археологические памятники, как жертвенники, которые устраивались в скальных нишах и на прилегающих к изображениям участках. Материалы поиска и изучения жертвенников дают возможность предметно говорить о хронологии наскальных изображений, времени их почитания, а также в какой-то степени и семантической нагрузке. С моей точки зрения, учеными еще слабо оценены информационные возможности жертвенников, поэтому их целенаправленные поиски, как правило, не ведутся. На плато Укок (Южный Алтай) мной были изучены жертвенники с изображениями, нанесенными в этнографическое время [Молодин, Новиков, Черемисин, 1995, с. 127–131]. Поразительные по своему научному значению результаты получены в ходе изучения жертвенников, сопутствующих наскальным изображениям, которые были обнаружены А.И. Мазиным в бассейне восточно-сибирских рек (см.: [Мазин, 1994, с. 36–65]). Представляется, что для поисков жертвенников следует использовать приборы, предназначенные для распознавания металлов (см.: [Булгак, Осипов, Степанов, 2003]). По крайней мере, привлечение такой аппаратуры поможет получить информацию, которая выведет исследователя на обнаружение предметов из кости, дерева, керамики.

Проблема датирования петроглифов

Одна из главных, как правило, остро дискуссионных проблем, связанных с изучением наскального искусства, заключается в определении хронологической

принадлежности рисунков. К сожалению, точность датирования естественными методами (хотя за ними, вероятно, будущее) пока не может нас удовлетворить; для памятников эпохи голоцена слишком велика погрешность в результатах радиоуглеродного анализа.

Конечно, для датировки мы должны максимально использовать информационные возможности жертвенников, сопутствующих скоплениям петроглифов, но при этом следует иметь в виду, что даты предметов из них не обязательно должны совпадать с моментом создания изображений, эти вещи указывают лишь время совершения определенных обрядов около скал с рисунками.

Разумеется, замечательно, если культурные слои с артефактами, дата которых четко устанавливается, например, по морфологическим признакам, перекрывают изображения, в этом случае мы имеем возможность, по крайней мере, относительно датировать наскальные рисунки. Хронологическую принадлежность помогают определить и изображенные на скалах конкретные археологические реалии, уже достаточно надежно датированные специалистами. Общеизвестно, что по запечатленным на т.н. оленних камнях археологическим предметам можно датировать изображения в пределах достаточно устойчивого хронологического диапазона – завершающей стадии эпохи бронзы – начала раннего железного века [Савинов, 1994, с. 113–114]. Анализ изображенных реалий на антропоморфных скифских изваяниях на Северном Кавказе, в Причерноморье и Крыму позволил разработать даже внутреннюю хронологию этих объектов в пределах скифской эпохи [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 188]. Изображения таких предметов встречаются и на скальных поверхностях, что дает возможность для достаточно надежной датировки петроглифов.

Источником исключительно важной информации являются изображения на стенках погребальных камер (ящиков), датированных хотя бы относительно. Так, рисунки на стенках погребальных ящиков на памятниках окуневской культуры позволяют определить хронологическую принадлежность значительного пласта как каменных изваяний, так и наскальных изображений. На это особо обращал внимание А.А. Формозов [1969а, с. 94–95] и др. Принадлежность к каракольской культуре композиций на плитах каменных ящиков в могильниках Озерное [Погожева, Кадиков, 1979] и Каракол [Кубарев, 1988] в Горном Алтае, бесспорно, устанавливается по рисункам в могильнике Каракол (см.: [Молодин, 1993, с. 15–16]), нанесенным специально для погребения, а не сделанным на плитах ранее. Опираясь на эти данные, можно надежно датировать эпохой бронзы целый пласт наскальных изображений Горного Алтая [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 23–24].

Важное значение, по крайней мере, для относительной датировки какой-то группы наскальных рисунков, может иметь анализ т.н. палимпсестов. Однако, привлекая его результаты для решения хронологических проблем, следует помнить, что создание изображений, одно из которых перекрывает другое, могло происходить и в одно время, и с предельно коротким, и, возможно, очень большим интервалом. Общеизвестно, что палимпсесты характерны для определенных эпох, например для палеолита; они отмечены во франко-кантабрийской области в пещерах [Столяр, 1985, с. 24 и др.] и на открытых плоскостях [Baptista, Gomes, 1997, р. 213–405]. Палимпсесты создавали носители, например, каракольской культуры эпохи бронзы [Молодин, 1993, с. 15–16 и др.].

Как видим, для достаточно надежного датирования петроглифов возможности имеются, однако они реализуются не в полной мере (многие методы датирования дорогостоящи и несовершенны), поэтому нередко возникают коллизии: исследователи отстаивают полярные мнения относительно возраста памятников. Разногласия могут проявляться даже в рамках одного коллектива, члены которого имеют разные взгляды на одни и те же объекты (см., напр.: [Цэвэндорж, 1999, с. 95–100, 132; Якобсон, 2000, с. 63; Jacobson, Kubarev, Tseevendordj, 2001, р. 22, 63]).

Видимо, мы должны признать, что сегодня огромные пласты наскальных изображений пока не могут быть обоснованно датированными. По крайней мере, все те надежные способы, о которых речь шла выше, в ряде случаев просто не работают или не могут быть применены.

Значит ли это, что мы должны вообще воздержаться от хронологических определений наскальных изображений? Наверное, нет. Пытаясь найти временные привязки, практически все исследователи стремятся анализировать особенности художественного стиля изображений, а затем связать его (стиль) с более или менее надежно датированными комплексами. Представляется, что исследователь априори должен представлять себе всю уязвимость такого подхода к разработке хронологии, хотя гораздо хуже (подобное случается часто), когда дата памятника просто декларируется. Соотнося те или иные изображения без особой аргументации с какой-либо эпохой: палеолитом, неолитом, бронзовым или железным веком, автор даже не пытается объяснить, почему он датирует то или иное изображение именно так, а не иначе.

Стиль

Если говорить кратко, то под стилем следует понимать особенности выражения изобразительного сюжета. Собственно, распознать эти особенности – главная задача ученого. Во многом успех в решении этой задачи, как справедливо подчеркивал акад. А.П. Ок-

ладников, зависит “от глубины исследовательской интуиции. Чем глубже интуиция (т.е. исследовательский опыт, знания данного материала), тем подробнее разработан список признаков, который неявным образом присутствует в сознании исследователя, а следовательно – тем тоньше итоговая классификация, тем больше особенностей рисунка учитывает исследователь” [1980, с. 5]. Мне представляется, что и сегодня значимость этой “глубины исследовательской интуиции” очень важна. Но можно ли найти объективные показатели стилистических особенностей? Утвердительный ответ на этот вопрос был дан еще в середине 1970-х гг. Я.А. Шером, разработавшим теорию т.н. изобразительных инвариантов [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 68–71; Шер, 1980, с. 25–43]. Эта теория позволяет выделять многократно повторяющиеся особенности стиля, присущие изображениям определенного социума. Выявив изобразительный инвариант, можно объективно определить пласт изображений и его территориальные и временные границы, а также, что особенно важно, уловить изменчивость стиля и на основании этого датировать рисунки, фиксировать развитие изобразительной традиции. Выявление инварианта – дело очень непростое, успех зависит во многом от тщательности и глубины анализа. Весьма эффективно в рамках своей теории работает Я.А. Шер [1980]. Интересные наработки есть у И.В. Ковтуна [1993], хотя не все его построения можно считать вполне обоснованными [2001, табл. 42, 43 и т.д.].

Многие теоретические установки Я.А. Шера были реализованы при изучении стилистики окуневских изображений [Молодин, 1993, с. 11]. Блестящий пример использования метода изобразительных инвариантов продемонстрировал Э. Гюи при анализе изображений Фох Коа [Guy, 2002, р. 65–75]; он аргументированно выделил аналогичные инварианты в изображениях палеолитического времени в пещерах и на открытых плоскостях во франко-кантабрийской области [Ibid., fig. 2, 6, 7]. Кстати, подобное исследование древнейших петроглифов Калгутинского рудника (Горный Алтай) подтверждает, с моей точки зрения, предложенную палеолитическую датировку этого памятника [Молодин, Черемисин, 1999, с. 91–140; Molodin, Cheremisin, 2002, р. 227–234].

Таким образом, рассматриваемый выше исследовательский подход следует признать весьма эффективным.

Семантические реконструкции

Особую сложность в деле изучения памятников наскального искусства представляет разработка семантических реконструкций.

В последние десятилетия появилось немало работ, в которых нашли отражение семантические интерпретации памятников первобытного искусства, созданные на основе математических данных, астрономических наблюдений и т.д. (см., напр.: [Marchack, 1972; Фролов, 1974; Ларичев, 1987, 1998]). Проводились специальные конференции с интригующими названиями по археоастрономии (см., напр.: [Археоастрономия..., 1996]). Кстати, данная методологическая проблема вполне могла бы стать темой особой дискуссии.

Что, с моей точки зрения, должно быть главным при попытках интерпретировать памятники первобытного искусства? Во-первых, исследователь должен иметь дело с безусловным объектом человеческой деятельности, в чем не возникали бы сомнения не только у него самого, но и у его коллег. В противном случае это сразу же дискредитирует идею предлагаемой реконструкции. Весьма подробно гипотезу “простого этапа” разбирал А.Д. Столяр, к его монографии я и отсылаю заинтересованного читателя [1985, с. 69–87]. Следует понимать, что человека привлекали необычные природные формы, например, конкреции или камни. Более того, эти предметы порой активно использовались в обрядовой практике аборигенов. Однако это уже другая проблема. Во-вторых, предлагаемая интерпретация семантики определенных предметов или художественных изображений должна опираться прежде всего на экологические основы существования этноса, обусловившие, в свою очередь, формирование этнографических черт культуры. Важно помнить, что в разное время, казалось бы, очень похожие изобразительные мотивы могли иметь совершенно разную семантическую нагрузку. Можно привести один из примеров семантического анализа орнамента хантов, выполненного профессиональным этнографом и вместе с тем представителем этноса Т.А. Молдановой [1999]. Даже простой набор предлагаемых исследователем вариантов семантической интерпретации ярко демонстрирует не только многообразие построений [Там же, с. 58–118], но и совершенно неожиданные (даже для неплохо осведомленного о сути проблемы читателя) реконструкции [Там же, с. 145–171], казалось бы, очевидного сюжета.

При попытках интерпретации знаковых систем, выявляемых на памятниках первобытного искусства, далеко не всегда учитывается, что у разных этносов существовали (и существуют) разные системы времясчисления [Соколова, 1990, с. 74–103; Конаков, 1990, с. 103–121; Головнев, 1995, с. 295–368] и разные критерии временного отсчета [Соколова, 1990, с. 78], современные календарные системы оказывают влияние на традиционные [Там же, с. 75], имеются различия и в семантической нагрузке самих чисел [Топоров, 1992, с. 629–631; Головнев, 1995, с. 528–558;

Иванова, 2002]; кроме того, у разных народов, даже у ближайших соседей, порой имеются свои, отличные друг от друга календарные системы, созданные на основе солярно-лунарной мифологии (см., напр.: [Березкин, 1996, с. 18–20]). Поэтому уязвима любая реконструкция, не учитывающая хронологии, этнокультурных изменений, происшедших в данном регионе за столетия и тысячелетия с момента нанесения каких-то изображений, а также многолинейности эволюции (см., напр.: [Савватеев, 1969, с. 93]). Я убежден в том, что реконструкции (даже самые очевидные, с точки зрения их автора) следует предлагать не более чем в форме гипотезы. В этой связи интересна статья А.-П. Франкфора “Петроглифы Центральной Азии: между индо-иранскими и шаманистическими интерпретациями”. Исследователь выделяет два направления поиска соответствий наскальных изображений – мифологические сюжеты и культурная среда населения Центральной Азии. Он показывает, что для определенных групп изображений семантические значения привлекаются из мифологии индо-иранцев и материалов о центральноазиатском шаманизме [Francfort, 1998].

Важна проблема соотнесения наскальных изображений с конкретной археологической культурой и этнической средой. В.Н. Чернецов полагал, что совпадение особенностей петроглифов с другими предметами искусства из раскопок (орнамент на керамике, пластика и т.д.), равно как совпадение каких-то черт тех и других с этнографическими материалами, позволяет связать изображения с определенной археологической культурой и этнической средой [1969, с. 110]. Попытка проследить генетические связи между древним и современным искусством и, соответственно, между древними и современными этносами нашла отражение в одной из работ А.П. Окладникова [1969, с. 3–27]. Некоторые исследователи, по существу, исключают возможность соотнесения петроглифов с конкретной археологической культурой (см., напр.: [Мартынов, 1997, с. 18]). С моей точки зрения, истина лежит где-то посередине [Молодин, 1997, с. 224–229], а проблема должна рассматриваться применительно к конкретным материалам.

Заключение

Что же можно сказать в заключение? Наверное, для читателя, у которого хватило терпения дочитать эти строки до конца, главный вывод очевиден. Чтобы изучать первобытное искусство, ученый должен иметь очень высокий уровень знаний и чувство ответственности. Мне думается, подготовкой специалистов должны заниматься археологические кафедры университетов. Система обучения будущих исследователей

наскального искусства сложилась в Кемеровском университете. Здесь школу проф. Я.А. Шера прошли такие молодые ученые, как В.А. Новоженков, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич, И.В. Ковтун, Е.С. Барина и другие, они хорошо известны не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что данная статья, конечно же, не затрагивает всего спектра проблем, связанных с изучением памятников наскального искусства. Например, “за кадром” остались вопросы сохранения и рационального использования таких объектов на государственном уровне. Но я обозначил достаточно широкий круг вопросов, несомненно, нуждающихся в деловом, конструктивном обсуждении.

Благодарности

Я признателен моим коллегам А.В. Бауло, А.П. Деревянко, Е.Г. Дэвлет, Д.В. Черемисину за дружеские советы и пожелания, которые они высказали при обсуждении рукописи этой статьи.

Список литературы

- Археoaстрономия:** проблемы становления: Тез. докл. Междунар. конф., 15–18 окт. 1996 г. – М., 1996. – 159 с.
- Астахов И.Б.** Происхождение и развитие искусства в свете марксистско-ленинской эстетики: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1953.
- Астахова В.** Секреты древних красок // Наука и религия. – 1966. – № 1. – С. 65–69.
- Беднарик Р., Дэвлет Е.Г.** Консервация памятников наскального искусства Верхней Лены // Памятники наскального искусства. – М.: Ин-т археологии РАН, 1993. – С. 7–24.
- Березкин Ю.Е.** Ареальные закономерности в солярно-лунарной мифологии индейцев Латинской Америки и заселение Нового Света // Археoaстрономия: проблемы становления.: Тез. докл. Междунар. конф., 15–18 окт. 1996 г. – М., 1996. – С. 18–20.
- Бирштейн В.Я.** Идентификация минеральных компонентов грунтов и пигментов росписей Кара-Тепе и других среднеазиатских памятников с помощью физико-химических методов // Буддийские памятники Кара-Тепе в старом Термезе: Основные итоги работ 1974–1977 гг. – М.: Наука, 1982. – С. 97–114.
- Бледнова Н.С., Вишняцкий Л.Б., Гольдшмидт Е.С., Дмитриева Т.Н., Шер Я.А.** Первобытное искусство. – Кемерово: Кем. ин-т искусства и культуры, 1998. – 210 с.
- Брюсов А.Я.** К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 94–103.
- Булгак Л.В., Осипов И.Н., Степанов А.С.** Современные электронные металлоискатели. – М.: Родонит, 2003. – 82 с.

Вайсброт Р.Л. Методы датирования наскального искусства // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1993. – С. 21–37.

Варенов А.В., Черемисин Д.В. Международная конференция по первобытному искусству // Гум. науки в Сибири. Сер.: Культура, наука, образование. – 2000. – № 3. – С. 119–120.

Видадь П. Повреждение скальных плоскостей некоторых петроглифических памятников Центральной Азии (Южная Сибирь и Казахстан) // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Изд-во Сиб. ассоц. исследователей первобыт. искусства, 1999. – Т. 1. – С. 60–65.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Гурина Н.Н. Наскальные изображения Кольского полуострова // СА. – 1992. – № 3. – С. 5–18.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучера-1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 3–7.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: Изучение, сохранение, использование. – М.: Науч. мир, 2002. – 239 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII – начало XX в.) – М.: Ин-т археологии РАН, 1996. – 249 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 287 с.

Иванова В.С. О семантике чисел в духовной культуре обских угров. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 35 с.

Камененкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М.: Наука, 1975. – 173 с.

Киселев С.В. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // Техника обработки камня и металла. – М.: Изд-во Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, 1930. – С. 92. – (Тр. секции археологии; Т. 5).

Ковтун И.В. Петроглифы Висящего камня и хронология Томских писаниц. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 140 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов Северо-Западного Саяно-Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.

Конаков Н.Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 103–120.

Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., Киуренко П.С. Первые опыты археоастрономического исследования писаниц Якутии // Археоастрономия: проблемы становления: Тез. докл. Междунар. конф., 15–18 окт. 1996 г. – М., 1996. – С. 83–87.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Кубарев В.Д., Маточкин В.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 123 с.

Кубарев В.Д., Цэвээидорж Д., Якобсон Е. Некоторые итоги работ по изучению петроглифов Монголии // Про-

блемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 213–214.

Ларичев В.Е. Ачинский “жезл” и его знаковая система // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 92–101.

Ларичев В.Е. Проблемы интерпретаций живописных композиций в храмах древнекаменного века Европы (расшифровка “пунктуаций” и семантика связанных с ними образов бизона и лошади) // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1998. – Вып. 1. – С. 62–69.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 241.

Марковин В.И. К методике установления хронологии наскальных изображений по геологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. статей, посвящ. памяти В.Н. Чернецова. – М.: Наука, 1973. – С. 280–283.

Мартынов А.И. Петроглифы Сибири: Анализ конкретных источников и “всемирно-исторический масштаб” // Изв. СО АН СССР. – 1971. – № 11 (191), Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 103–118.

Мартынов А.И. О датировке памятников наскального искусства Сибири // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 17–24.

Молданова Т.А. Орнамент хантов казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 260.

Молодин В.И. Еще раз о датировке Турочанских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 4–25.

Молодин В.И. О датировке сибирских петроглифов (письмо в редакцию) // РА. – 1997. – № 4. – С. 224–229.

Молодин В.И. Археология: итоги и перспективы междисциплинарных исследований // Вестн. РАН. – 2001. – Т. 71, № 9. – С. 788–796.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. К вопросу об обрядах охотничьей магии населения Горного Алтая в эпоху раннего железа: по материалам святилища Кучера-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 233–238.

Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай, плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. пед. ун-та, 1995. – С. 121–160.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – 132 с.

Окладников А.П. Против вулгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства // Вопр. философии. – 1954. – № 2. – С. 232–243.

Окладников А.П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии

(методология и некоторые общие выводы) // Этногенез народов Северной Азии: Материалы конф. – Новосибирск, 1969. – Вып. 1. – С. 3–27.

Окладников А.П. Предисловие // Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – С. 5.

Ольховский В.С., Евдокимов В.Л. Скифские изваяния VII–III в. до н.э. – М.: Наука, 1994. – 187 с.

Панкрушев Г.А. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений // Новые памятники истории древней Карелии. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 5–43.

Пелих Г.И. О методе научной классификации сибирских петроглифов // СЭ. – 1968. – № 3. – С. 68–76.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 205 с.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 80–84.

Подольский Н.Л. Количественные характеристики компактности размещения наскальных рисунков // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. – С. 202–206.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В., Малахов В.В., Ткачев А.В. Древнейший текстиль из “замерзших” могил Горного Алтая // Сиб. отд-ние РАН в 2002 году. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – Т. 1: Основные научные результаты, Ч. 2: Интеграционные проекты. – С. 230–232.

Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – 240 с.

Пяткин Б., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 188 с.

Радлов В.В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях // Зап. Вост. отд-ния Импер. рус. археол. об-ва. – СПб.: [Тип. Импер. Акад. наук], 1892. – Т. 7. – С. 169–181.

Савватеев Ю.А. Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии // СЭ. – 1969. – № 1. – С. 87–104.

Савватеев Ю.А. Залавруга: Археол. памятники низовья реки Выг. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 1: Петроглифы. – 443 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 208 с.

Седельникова Н.В., Черемисин Д.В. Использование лишайников для датировки петроглифов // Сиб. экол. журнал. – 2001. – № 4. – С. 479–481.

Смирнов П.Н., Шер Я.А. Применение полимеризационных пластиков для копирования наскальных рисунков // СА. – 1965. – № 3. – С. 280–282.

Соколова З.П. Время исчисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. – М.: Наука, 1990. – С. 74–103.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.

Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 629–631.

Федорович Е.Ф. Методы исследования окраски археологических и этнографических тканей в приложении к тек-

стильным изделиям Средней Азии прошлых эпох: Автореф. дис. ... канд. хим. наук. – Ташкент, 1967. – 22 с.

Формозов А.А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы Прибайкалья и на Енисее // СЭ. – 1967. – № 3. – С. 68–82.

Формозов А.А. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников? // СЭ. – 1969а. – № 4. – С. 99–107.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения эпохи камня и бронзы на территории СССР // МИА. – 1969б. – № 165. – 254 с.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 238 с.

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух. – Улаанбаатар: Сатта, 1999. – 317 с.

Черемисин Д.В. Международный коллоквиум “Петроглифы Центральной Азии”: методология изучения наскального искусства // Гум. науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – 1996. – № 3. – С. 122–123.

Черемисин Д.В. Петроглифы бассейна р. Чаян: Результаты исследований 2002 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН, декабрь 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 491–496.

Черемисин Д.В., Седельникова Н.В., Баринаева Е.С. Скальные поверхности, лишайники и петроглифы Юго-Восточного Алтая: Изучение в рамках интеграционного проекта СО РАН // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003. – С. 118–24.

Чернецов В.Н. О приемах сопоставления наскальных изображений // СЭ. – 1969. – № 4. – С. 107–113.

Шер Я.А. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах: (К теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в ист.-экон. и ист.-культ. исслед. – М.: Наука, 1977. – С. 127–143.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А. Памяти В.Ф. Капелько // Сиб. ассоц. исследователей первобытного искусства – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2000а. – Вып. 3. – С. 34–35.

Шер Я.А. Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теория // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000б. – № 2 (2). – С. 77–87.

Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнатьевская пещера: первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: АКВА-пресс, 2003. – С. 67–72.

Шумкин В.Я. Опыт применения нового материала при копировании наскальных изображений Кольского полуострова // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л.: Наука, 1985. – С. 15–19.

Шумкин В.Я. Скандинавско-уральско-сибирские параллели в наскальном творчестве: мифы и реальность // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 194–195.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы первобытной культуры: Материалы Междунар. конф. “Пещерный палеолит Урала”. – Уфа, 1997. – С. 31–32.

Якобсон Э. Петроглифы и естественная история, источники реконструкции и экология культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 57–65.

Arte rupestre e pré-história do vale do Côa: Trabalhos de 1995-1996. Relatório científico ao Governo da República Portuguesa elaborado nos termos da resolução do Conselho de Ministros. – 1998. – N 4/96. – 453 p.

Aubry T., Llach X.M., Sampaio J.D., Sellami F. Open-air rock-art, territories and models of exploitation during the Upper Palaeolithic in the Coa Valley (Portugal) // *Antiquity*. – 2002. – Vol. 76. – P. 62–76.

Bahn P.G. New advances in the field of Ice Age art // *Origins of Anatomically Modern Humans* / Eds. M.H. Nitecki, D.V. Nitecki. – N.Y.; L.: Plenum, 1994. – P. 121–132.

Bahn P.G. L'Art Paléolithique de plein air dans le monde Extra-Européen // *L'Art Paléolithique à l'Air libre*. – Carcassonne: Gaep & Géopre, 2002. – P. 209–215.

Bahn P.G., Vertut J. Images of the Ice Age. – Leicester, 1988. – 240 p.

Bahn P., Pettitt P., Ripoll S. Discovery of Paleolithic cave art in Britain // *Antiquity*. – 2003. – Vol. 77, N 296. – P. 227–231.

Bandini-König D., Bemmman M., Hauptmann H. Rock Art in the Upper Indus Valley // *The Indus Cradle and Crossroads of Civilizations*. – Islamabad: Embassy of the Federal Republic of Germany, 1997. – P. 29–70.

Baptista A.M., Gomes M.V. Arte Rupestre // Arte rupestre e pré-história do vale do Côa: Trabalhos de 1995–1996. Relatório científico ao Governo da República Portuguesa elaborado nos termos da resolução do Conselho de Ministros. – 1998. – N 4/96. – P. 213–405.

Ben' narik R.G. Natural line markings on Paleolithic objects // *Anthropologie*. – 1991. – N 29 (4).

Bednarik R.G. Ethics in rock art research and conservation // *RAQ*. – 1992. – Vol. 3 (1/2). – P. 17–21.

Bednarik R.G. The Paleolithic Art of Asia // *Ancient Images, Ancient Thought: The Archeology of Ideology: Proc. of the 23d Ann. Chacmool. Conf.* – Calgary, 1992.

Bednarik R.G. Open Air Petroglyphs of the European Paleolithic // *International Newsletter on Rock Art*. – 1995. – N 11. – P. 9–11.

Bemmman M., König D. Die Felsbildstation Oshibat. – Mainz / Rhein: Philipp von Zabern, 1994. – (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans; Bd. 1).

Beshel R. Dating rock surfaces by lichen growth and its applications to glaciology and physiography (Lichenoatentry) // *Geology of Arctic*. – 1961. – Vol. 11. – P. 1044–1062.

Blechnova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher Ja. A., Smirnov D., Solekhavoup F., Vidal P. Sibérie du Sud 2: Tepsej I–II, Ust'-Tuba I–IV (Russie, Khakassie) // *Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale*. – P. Diffusion de Bocard, 1995. – Vol. 2, fasc. 2. – 68 p. + LXXXIV pl. + 93 p.

Chauvet J.-M., Deschamps B.E., Hillaire Ch. La grotte Chauvet à Vallon-Pont – d'Arc. Seuil. – P.: Éditions du Seuil, 1995. – 120 p.

Clottes J. "Professional vandalism" and "indigenous ownership": an alter note perspective of several ethical issues in rock art research // *RAQ*. – 1992. – Vol. 3 (1/2). – P. 22–24.

Clottes J. Paint analyses from several Magdalenian caves in the Ariège region of France // *J. of Archaeological Science*. – 1993. – N 20. – P. 223–235.

Clottes J., Courtin J. La grotte Cosquer: peintures et gravures de la caverne engloutie. – P.: Éditions du Seuil, 1994. – 197 p.

Clottes J., Lorblanchet M., Beltrán A. Les Gravures de Foz Côa sont elles ou non holocenes? // *International Newsletter on Rock Art*. – 1995. – N 12. – P. 19–21.

Dani A.H. Chilas. The City of Nanga Parvat (Dyamar). – Islamabad: Newfine Printing Press, 1983. – 251 d.

De Behrmann B.R., González I.A., Gómez M.S. Siega Verde: Un art rupestre paléolithique à l'air libre dans la vallée du Douro // *L'Art Préhistorique*. – Dec. 1995 – Jan. 1996. – N 209. – P. 103–105.

Découvertes de l'Art des Grottes et des Abris. – Périgueux: Imprimerie RÈJOV, 1984. – 60 p.

Dorn R.I. Rock varnish dating of rock art: State of the art perspective // *La Pintura*. – 1990. – Vol. 17 (2). – P. 1–12.

Dorn R.I., Bamforth D.V., Cahill T.A., Dohrenwend J.C., Turrin B.D., Jull A.J.T., Long A., Macko M.E., Well E.B., Whitley D.S., Label T.N. Cation-ratio and accelerator – radiocarbon dating of rock varnish on archaeological artifacts and landforms in Mojave Desert, Eastern California // *Science*. – 1986. – Vol. 223. – P. 730–733.

Dossier Côa. Coordenação de Vitor Olivera Jorge. – Porto, 1995. – 592 p.

Francfort H.-P. Central Asian petroglyphs: Between Indo-Iranian and shamanistic interpretations // *The Archaeology of Rock-Art*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 302–318.

Fussman G., König D. Die Felsbildstation Shatal. – Mainz / Rhein: Philipp von Zabern, 1997. – 410 S. – (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans; Bd. 2).

Gai Shanlin. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. – Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1986. – 441 p.

Guy E. Contribution de la stylistique à l'Estimation chronologique des piquetages, paléolithiques de la Vallée du Côa (Portugal) // *L'Art Paléolithique à l'air libre: Le paysage modifié par l'image*. – Carcassonne: Gaep & Géopre, 2002. – P. 65–72.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/ Baga Oigor. – P.: Diffusion de Bocard, 2001. – 481 p. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 6).

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). – P.: Diffusion de Bocard, 1996. – 68 p., 662 fig., 15 pl. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; T. 5, fasc. 3).

Lasota-Moskalewska A., Hudjanazarov M. Petroglyphs of Mammals in the Samnissay, Uzhek Republic. – Warsaw, 2000. – 92 p.

Lorblanchet M. Etudes des pigments des grottes ornées // *Bull. de la Société des Etudes du Lot*. – 1990. – N 111. – P. 93–143.

Rock Art Studies: The Post Stylistic Era or Where Do We Go From Here? / Eds. M. Lorblanchet, P. Bahn. – L.: Oxbow Books, 1993.

Marshack A. The Roots of Civilization: The Cognitive Beginnings of Man's First Art. Symbol and Notation. – N.Y.: McGraw Hill, 1972. – 413 d.

Menu M., Walter P. Les premiers artistes peintres // *La Recherche*. – 1991. – N 22. – P. 1086–1089.

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Les plus anciens pétroglyphes du Plateau D'Ukok (Altai, Russie) et leurs analogies en Asie Centrale et en Europe occidentale // *L'art*

paléolithique à l'air libre : Le paysage modifié par l'image. – Carcassonne: Gaep & Geopre, 2002. – P. 227–234.

Pepe C., Clottes J., Menu N., Walter P. Le liant des peintures paléolithiques ariégeoises // Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Paris. – 1991. – Ser. 2. – P. 929–934.

Petrine V. Le sanctuaire paléolithique de la Grotte Ignatievskaja à l'Oural du Sud. – Liège: Etudes et Recherches Archeologiques de l'Université de Liège, 1997. – 278 p.

Poikalainen V., Ernits E. The Vodla Region. – Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 1998. – 431 p.

Ponti P. The preservation of rock art in Lybia // L'art avant l'histoire. La conservation de l'art préhistorique // 10es journées d'études de la Section française de l'Institut International de Conservation. – P., 2002. – P. 127–133.

Sacchi D. Brèves remarques à propos du site d'Art rupestre de Foz Côa (Portugal), de son importance et de son devenir // Trabalhos de Antropologia e Etnologia. – 1996. – Vol. 36. – P. 1–6.

Valladas N., Cachier N., Maurice P., Bernaldo de Quires F., Clottes J., Cabrera Valdés V., Uzquiano P., Arnold M. Direct radiocarbon dates for prehistoric paintings at

the Altamira, El Castillo and Niaux caves // Nature. – 1992. – N 357. – P. 68–70.

Watchman A. A conservation scientist's perspective on rock art sampling standards // RAQ. – 1992. – Vol. 3 (1/2). – P. 24–25.

Zilhão J. The stylistically Paleolithic petroglyphs of the Côa Valley (Portugal) are of Paleolithic Age: A refutation of their "direct dating" to recent times // Trabalhos de Antropologia e Etnologia. – 1995. – Vol. 35, f. 4. – P. 3–44.

Zilhão J. L'Art rupestre paléolithique de plein air Vallée du Côa (Portugal) // L'Art préhistorique: Dossiers d'Archeologie. – Dec. 1995 – Jan. 1996. – N 209. – P. 114–116.

Züchner Ch. Commentaires sur l'art rupestre de Foz Côa (Portugal) // International Newsletter on Rock Art. – 1995. – N 12. – P. 18–19.

Zwischen Gandhāra und den Seidenstrassen: Felsbilder am Karakorum Highway. Entdeckungen Deutsch-pakistanischer Expeditionen (1979–1984). – Mainz / Rhein: Philipp von Zabern, 1985. – 60 S.

Материал поступил в редколлегию 26.03.04 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.27

В.Д. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su*

ВООРУЖЕНИЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ПО ПЕТРОГЛИФАМ АЛТАЯ

Введение

Наскальные изображения являются полноценным историческим источником по древним культурам Центральной Азии. Они не только позволяют проследить эволюцию изобразительной традиции в одном отдельно взятом регионе, но и дают реальную возможность реконструкции мифологии и обрядов, посвященных культу гор, плодородию природы и космическим объектам всей Вселенной. Оставленные в течение многих тысячелетий разными народами рисунки на скалах привлекали внимание многих исследователей. Работами Г.Н. Потанина [1881], А.П. Окладникова [1980], Э.А. Новгородовой [1984], Н. Сэр-Оджава [1987], Д. Цэвэндоржа [1999] и многих других ученых было положено начало изучению петроглифов Монголии и Алтая. В настоящее время на Алтае работает небольшая Российско-Монгольско-Американская экспедиция, организованная для реализации международного проекта «Алтай» [Кубарев В.Д., Якобсон, Цэвэндорж, 2000; Jacobson, Kubarev V.D., Tseevendorj, 2001; Кубарев В.Д., 2003]. В результате планомерных археологических разведок 1993–2003 гг. открыто и исследовано несколько крупных местонахождений петроглифов (рис. 1) в следующих пунктах: Цагаан-Нуур, Жар-Ямаа, Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур, Арал-Толгой (Улаан Хус сомон), Цагаан-Гол (рис. 2), Хар-Салаа (рис. 3), Бумбугур-Хад (Цэнгэл сомон) Баян-Олгийского аймака Монголии. Крупные скопления наскальных изображений также зафиксированы в долинах рек Тархаты, Кокузек и Ирбисту (Кош-Агачский р-н Республики Алтай) [Кубарев Г.В. и др., 2002; Jacobson, Kubarev G.V., 2003].

Неизвестные ранее святилища с петроглифами не только по числу рисунков, но и по их качеству являются крупнейшими и выдающимися среди других памятников наскального искусства Монголии и Алтая. Новые изобразительные материалы, полученные за последние десять лет, позволяют выделить и рассмотреть одну из главных тем алтайских петроглифов – образ вооруженного героя. На отдельных камнях и скалах, как правило, находящихся вдоль древних троп и дорог кочевников (рис. 4), встречаются многочисленные рисунки, на которых запечатлены воины и охотники с разнообразным оружием (луки, копья, дротики, палицы, кинжалы), нередко изображенным в натуральную величину.

Виды оружия и его применение

Лук и стрелы – самое древнее и эффективное оружие дистанционного действия, которое применялось как на охоте, так и в военном деле кочевников. Судя по выбитым рисункам Цагаан-Салаа, Арал-Толгой (рис. 5), петроглифам Калбак-Таша и росписям на стенках гробниц Каракола (рис. 6), первые изображения охотников с луком, очевидно, появляются в неолите – раннем бронзовом веке. В этот период лук воспроизводился очень схематично – в виде одной изогнутой линии, иногда без тетивы и стрел (см. рис. 5; 7, 1). Но, возможно, по конструкции он был уже сложносоставным, т.к. кибить показана слабоогнутой в центральной части, а плечи выгнутыми. На многих рисунках эпохи бронзы и раннего железного века лук изображен также схематично

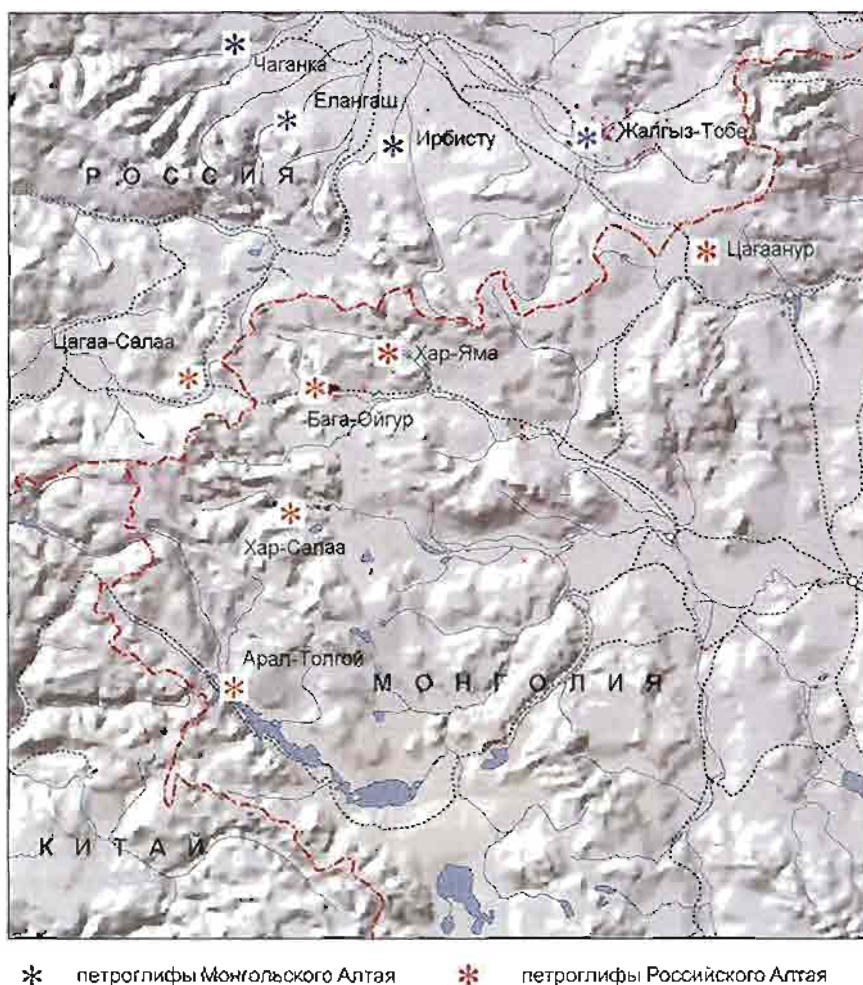

Рис. 1. Местонахождения петроглифов Алтая.

(рис. 8, 9), но с натянутой тетивой и заряженной стрелой (см. рис. 7, 2–4, 7, 11, 12, 17). Можно предположить, что это был лук простой конструкции, т.к. сложносоставной прорисовывался иначе: с круто изогнутыми плечами и концевыми накладками для тетивы (см. рис. 7, 6, 8–10, 14, 18; 10–12).

Стрелы и их полет обозначались одной прямой линией или рядом мелких точек (см. рис. 7, 14; 13, 15, 16; 14, 3; 15, 1, 8). Достаточно часто на древках стрел выделены наконечники и оперение. На отдельных рисунках можно различить подвешенные к поясу воинов гориты и колчаны, по форме идентичные воспроизведенным на многих оленних камнях Алтая и Монголии, датируемых эпохой поздней бронзы и раннескифским временем [Кубарев В.Д., 1981, рис. 4; Волков, 1981, с. 232].

Следует отметить и экспрессивные позы лучников, как правило, изображенных в профиль, стреляющими на бегу или даже с колена (см. рис. 4; 7, 2, 3, 9, 14, 18; 10; 11; 14, 1, 2; 15, 2, 9). Эта характерная художественная особенность находит параллели

не только в наскальном искусстве Центральной Азии, но и во многих петроглифических комплексах Средней Азии и Западной Европы.

В огромном массиве петроглифов Монголии и Алтая найдено единственное изображение охотника на лыжах (см. рис. 7, 15; 12). Монгольский археолог Д. Цэвээндорж, подробно описавший этот сюжет, приводит свидетельства арабского летописца Рашид-ад-Дина о существовании у древних монголов такого редкого средства передвижения. По стилю рисунка, форме колчана и лука исследователь датирует сюжет эпохой бронзы [Цэвээндорж, 2000, с. 324], однако, судя по таким же редким, но аналогичным изображениям вооруженных лыжников в петроглифах Енисея и Белого Июса [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 25; Ларичев, 2002, рис. 5], более реальным представляется отнести его к раннему железному веку. Этому не противоречат присутствующие в рассматриваемой сцене рисунки козла и собаки (волка?), которые выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Несомненно одно: лыжи – изобретение сибирских охотни-

ков – действительно появились в неолите или бронзовом веке, в зависимости от того, как датировать единственное наскальное изображение лыжника на Ангаре [Окладников, 1966, рис. 12] и главную композицию Томской писаницы. На последнем памятнике среди фигур лосей присутствует изображение бегущего лыжника, выполненное в ином стиле и с другими атрибутами. Авторы публикации сравнивают его с подобными рисунками из Хьёма в Норвегии и Залавруги на Белом море, предлагая интерпретировать эту фигуру как иллюстрацию к известному в Сибири мифу о “космической погоне” [Окладников, Мартынов, 1972, с. 214–215].

Копья и дротики применялись кочевниками в военном деле и на охоте во все исторические периоды древней истории Центральной Азии. Но в петроглифах наибольшее число рисунков воинов с копьями и дротиками приходится на бронзовый век и раннее средневековье (см. рис. 13; 14, 9–13; 15, 6, 9). Копья почти всегда изображались с длинным древком, на котором можно различить наконечник треугольной, ромбической или лавролистной формы, а также вымпел или бунчук в виде шара (рис. 16–18). На наш взгляд, возможно, это был кончик хвоста яка (сарлыка). Копье, древко которого украшено аналогичным по форме бунчуком, изображено на одном из оленевых камней Монголии [Волков, 2002, табл. 36, 2].

Рис. 2. Истоки р. Цагаан-Гол.
Монгольский Алтай.

Рис. 3. Вид на долину р. Хар-Салаа с запада.
Монгольский Алтай.

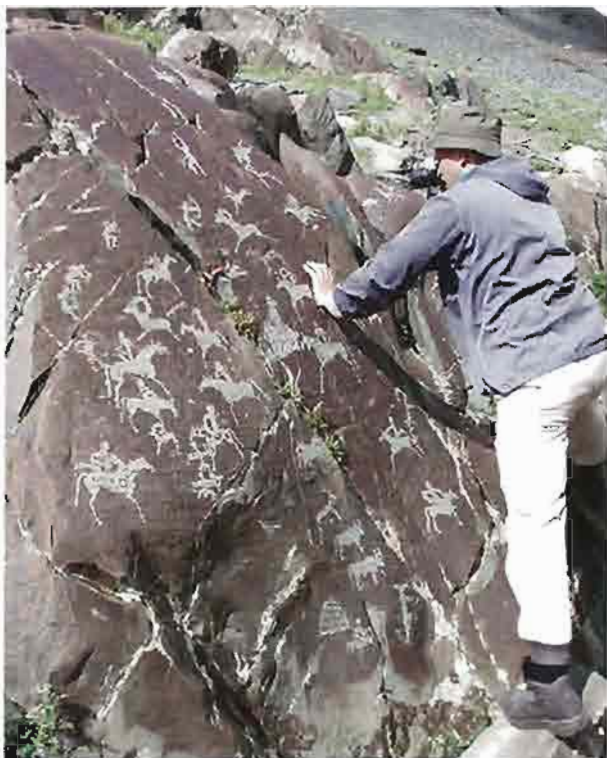

Рис. 4. Петроглифы у древней тропы. Хар-Салаа. Монгольский Алтай.

Рис. 6. Фигура охотника с луком и стрелами. Каракол. Российский Алтай.

Рис. 5. Сцена охоты с луком на оленя. Арал-Толгой. Монгольский Алтай.

Несмотря на то что это единственный рисунок копья, встреченный на оленевых камнях, он, возможно, уточняет время создания центрально-азиатских изображений воинов с копьями, позволяя датировать их эпохой поздней бронзы.

Воины-охотники на петроглифах Алтая обычно изображены держащими копья вертикально, одной рукой за среднюю часть древка, другая рука, согнутая в локте, находится на поясице (см. рис. 13, 2–4,

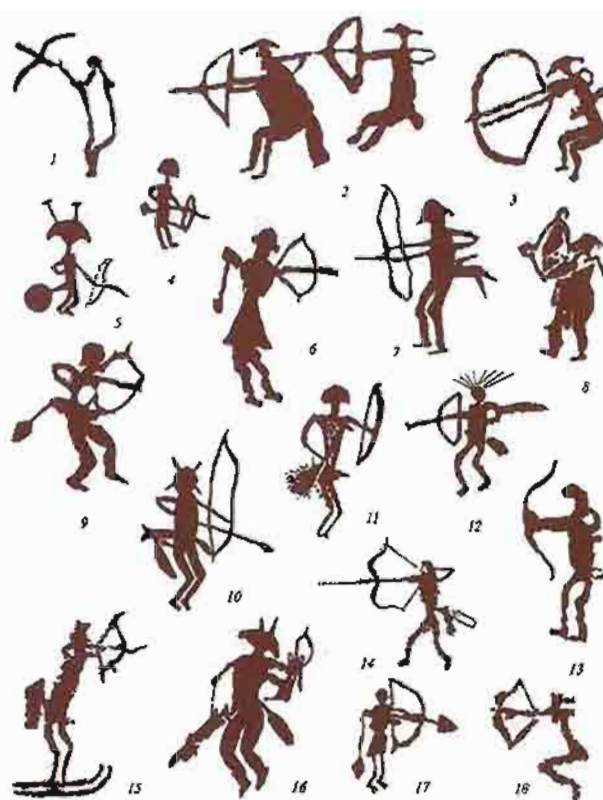

Рис. 7. Изображения воинов с луками. Петроглифы Алтая.

Рис. 8. Фигура лучника. Бага-Ойгур.
Монгольский Алтай.

Рис. 10. Изображение лучника. Бага-Ойгур.
Монгольский Алтай.

Рис. 9. Изображение лучника. Бага-Ойгур.
Монгольский Алтай.

Рис. 11. Фигура лучника. Хар-Салаа.
Монгольский Алтай.

7, 9, 15; 14, 9, 11; 16; 19; 20). Однако существовала и другая изобразительная манера: человек держит копьё двумя руками в горизонтальном положении

(см. рис. 13, 5, 10, 11; 18–20). Оно часто нацелено на врага (см. рис. 13, 15, 17, 18; 14, 7, 9–13; 21) или на диких животных [Якобсон, 2002, рис. 5], сви-

Рис. 12. Изображение лучника на лыжах. Бага-Ойгур, Монгольский Алтай.

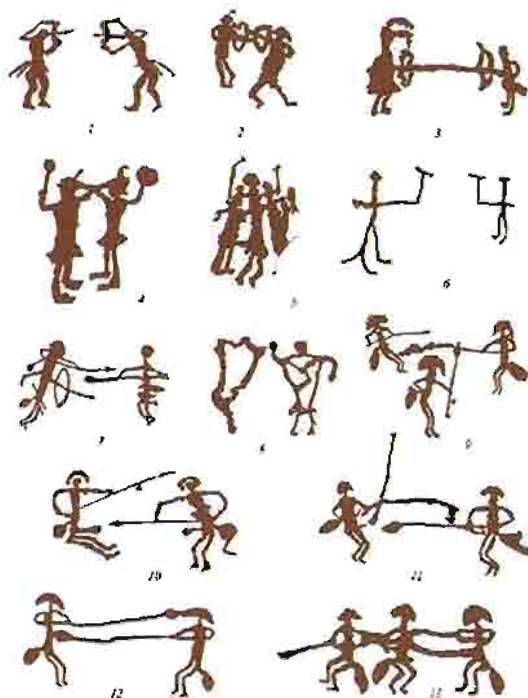

Рис. 14. Изображения воинов, участвующих в поединке с разными видами оружия. Петроглифы Алтая.

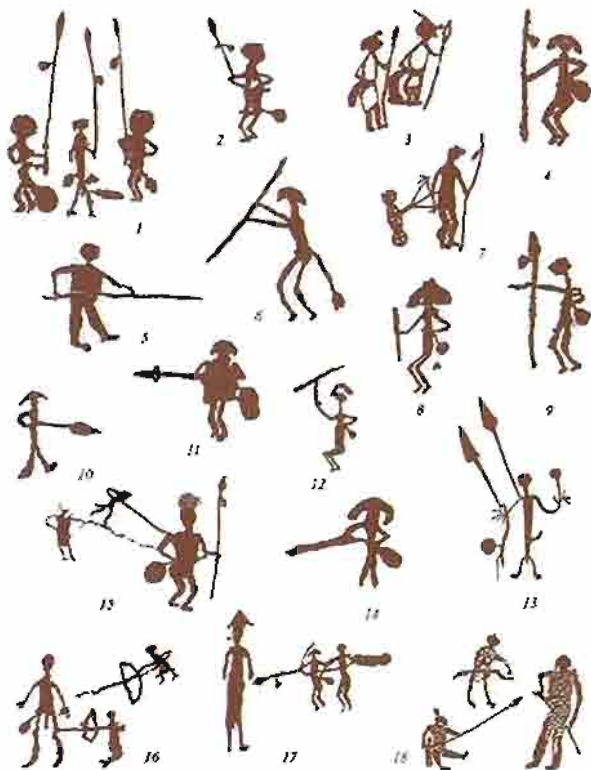

Рис. 13. Изображения воинов с копьями, дротиками и луками. Петроглифы Алтая.

Рис. 15. Изображения воинов, участвующих в поединках (1, 2, 10); колесницы с вооруженными возничими (4-6); пешего воина и всадников с луком и саблей (3, 7-9). Из различных памятников Алтая.

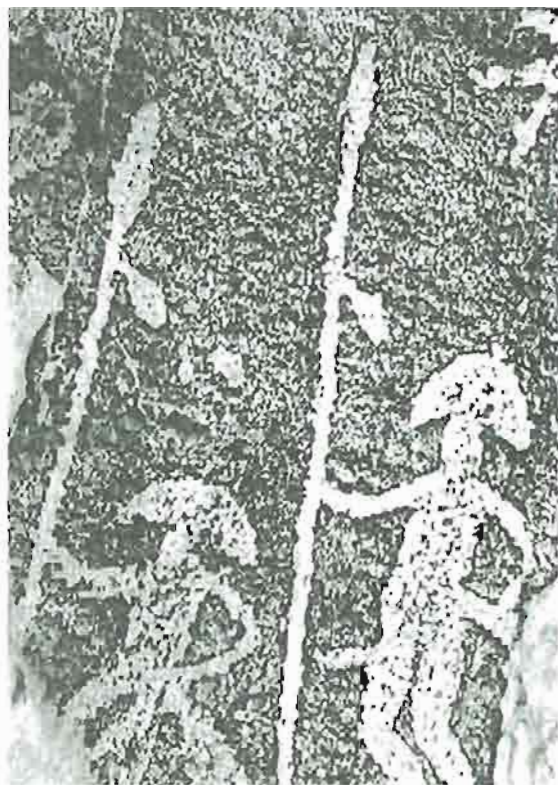

Рис. 16. Фигуры воинов с копьями. Долина р. Чун. Российский Алтай.

Рис. 17. Изображения быка и воина, вооруженного двумя копьями и палицей. Долина р. Елангаш. Российский Алтай.

ренного зверя (см. рис. 19, 20) (см. также: [Кубарев В.Д., 2001а, рис. 1. а]). На отдельных рисунках воины изображены с копьями и дротиками, которые они держат за нижний конец древка, как бы потрясая ими (см. рис. 13. 1, 2. 13: 17), что, может быть, символизирует превосходство и победу над врагом.

Копье в руках человека – редкий мотив в древних петроглифах других регионов Центральной Азии. Но и эти петроглифы, также как и алтайские, могут быть отнесены к эпохе бронзы. Копье, равно как топор и булава, – древний атрибут не только воина, но и первопредка, родоначальника или шамана. Фигура “солнцеголового”, несомненно мифического персонажа, вооруженного топором, например, выбита на стенке каменной гробницы из Каракола [Кубарев В.Д., 1988, рис. 35]. В руках антропоморфных существ, изображенных на этом же памятнике, очевидно, зажаты палицы или булавы с округлым навершием [Там же, табл. V, 1–3].

Палицы-булавы, топоры, чеканы и кинжалы в основном присутствуют на рисунках эпохи бронзы и скифского времени. Как известно, палицы в качестве боевого и охотничьего оружия имели широкое распространение у многих народов Евразии. Их изображения в петроглифах Калбак-Таша на Алтае были идентифицированы в результате сопоставления с со-

Рис. 18. Изображение воина с копьем. Калбак-Таш. Российский Алтай.

ответствующими находками с различных археологических памятников [Кубарев В.Д., 1987а, с. 155–160]. Наскальные рисунки Алтая свидетельствуют, что палица использовалась не только в ближнем бою, но и на охоте. В монгольских петроглифах встречаются фигуры охотников даже с двумя палицами в руках (рис. 22, 1–3. 5, 9). На изображениях у воинов, вооруженных копьями и дротиками, палица при-

Рис. 19. Наскальная композиция. Калбак-Таш. Российский Алтай.

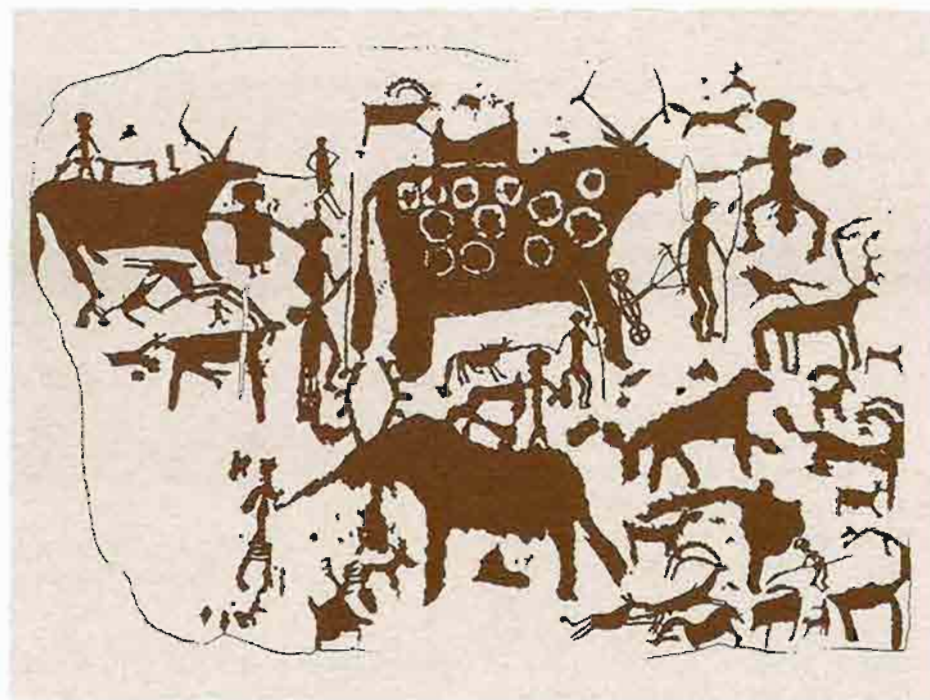

Рис. 20. Прорисовка одной из главных композиций Калбак-Таша. Российский Алтай.

креплена чаще всего на поясе (см. рис. 7, 4, 5; 13, 8, 9, 12, 17) или, как у лучников, свисает вниз с локтевого сгиба руки (см. рис. 7, 6, 17; 14, 7; 15, 1; 22, 4.

8, 12, 17; 23). Многократное повторение в петроглифах Монгольского Алтая последнего мотива, передающего способ фиксирования палицы при стрель-

Рис. 21. Сцена поединка двух воинов. Цагаан-Салаа. Монгольский Алтай.

бе из лука, позволяет считать этот способ традиционным в среде пешеходных воинов эпохи бронзы. Аналогичный прием ношения боевой булавы (на ремесной петле, брошенной на локтевой сгиб руки) во время похода до недавнего времени использовался казахскими «батырами» [Курылев, 1978, с. 6]. Палицы или булавы *мун* (монг.), *шокпар* (каз.) являлись также личным оружием монгольских и казахских пастухов, охраняющих скот. Этот вид оружия, несомненно, был унаследован от их далеких предков, обитавших ранее на территории Алтая и Казахстана.

Булавы-палицы, найденные при археологических исследованиях, имеют наивысшую разнообразную форму и выполнены из разного материала (камень, металл и даже дерево). В национальном историческом музее Монголии хранятся древние каменные наконечники палиц, имеющие округлую, шаровидную, полусферическую, конусовидную форму, а также и в виде многогранных щипов. И сегодня в обиходе населения Монголии используются палицы – *борохой* (монг.), изготовленные из корневищ деревьев. Ими вбивают большие колья, между которыми натягивают ремни для привязывания жеребят. Еще одна функция монгольских палиц – магическая, они хранятся у входа юрты как символическая защита от злых духов.

Интересными представляются в петроглифах и росписях Алтая фигуры вооруженных мужчин с подвешенными к поясу хвостами (см. рис. 6; 7, 2, 11, 12, 16; 10; 13, 1–4, 6, 11, 14–16; 14, 1, 7, 9, 11–13; 15, 1, 2; 16; 18; 22, 16, 17). Впервые это стало ясным после изучения петроглифов Калбак-Таша, где найдена целая серия очень близких по стилю изображений «хвостатых» воинов [Кубарев В.Д.,

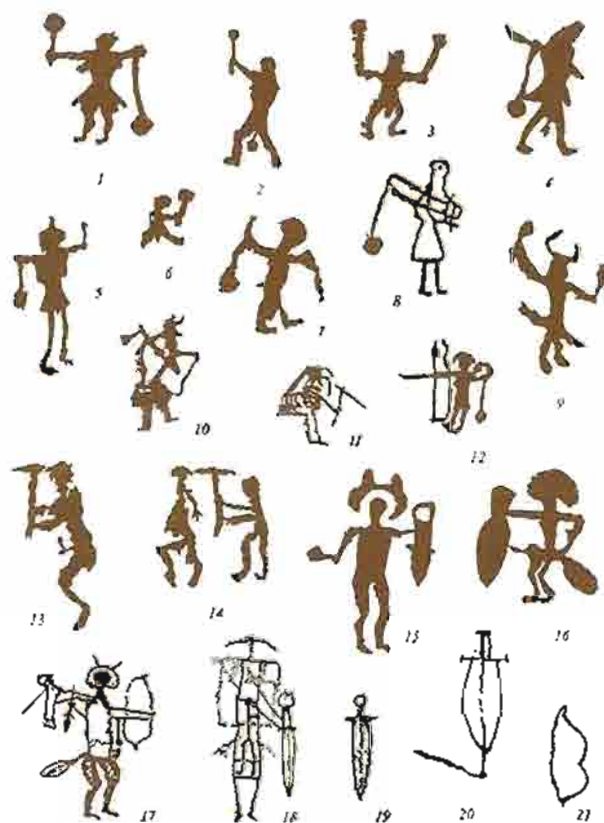

Рис. 22. Изображения воинов с булавами, луками, колчанами, топорами, чеканами и кинжалами. Петроглифы Алтая.

1987а, с. 155–160]. Поскольку они расположены рядом с рисунками быков, имеющих совершенно такой же формы хвосты (см. рис. 19, 20), нет сомне-

Рис. 23. Фигура лучника. Бага-Огур.
Монгольский Алтай.

Рис. 24. Реконструкция шубы из могильника Кальджин
на плато Укок (по: [Полосьмак, 2001]).

ния в том, что изображен действительно хвост, а не какой-либо другой “предмет”*. В достоверности такой трактовки убеждают нас и человеческие фигуры с хвостами на петроглифах Монголии и Тувы [Новгородова, 1984, с. 56; Дэвлет, 1998, с. 161]. Необходимо отметить, что Э.А. Новгородова, правильно определившая изображение бычьих хвостов в руках мужских персонажей, ошиблась, приняв за вторую ногу прямой, заканчивающийся контурным или силуэтным “шариком” хвост, прикрепленный к поясу человека, запечатленного в профиль [1984, с. 53–54]. Если опираться на археологические данные, полученные при исследовании могильника Кальджин, где в одном из курганов пазырыкской культуры найдена меховая шуба оригинального покроя с лопастью в виде хвоста (рис. 24) [Полосьмак, 2001, рис. 94], то ло-

гично допустить существование подобной моды и у древних кочевников Монгольского Алтая. Особенно выразительны в сравнительном плане две фигурки лучников из Цагаан-Салаа, на которых, возможно, показана именно такая верхняя одежда (см. рис. 7, 2). Из этнографических источников также известно, что алтайские воины и шаманы часто поверх одежды надевали шкуры животных или приделывали к поясу сзади хвосты [Потанов, 1991, с. 210–211]. Шкура с хвостом была в древности особым отличительным знаком мужчины-воина и охотника. “В военной терминологии древних характерны отождествления героя со зверем. Волками и псами называли воинов иранцы” [Акишев, 1984, с. 48]. Однако на ряде рисунков хвост можно принять за палицу или булаву, которые, как уже упоминалось, иногда подвешивались на пояс. На отдельных изображениях палиц даже различимы прямая рукоять и форма наверший (ромбовидная, округлая или с острыми шипами). Избежать ошибки в определении близких по форме хвостов и палиц позволяют сцены поединков, когда персонажи, имеющие хвосты, применяют палицы в качестве ударного оружия. Можно привести и еще один, более убедительный пример. Среди петроглифов Монгольского Алтая есть несколько изображений “хвостатых” воинов, имеющих стандартный комплект вооружения: рогатый шлем, лук, колчан или горит, стрелы, кинжал и палицу (см. рис. 22, 17; 25).

* М.А. Дэвлет продолжает настаивать на интерпретации этого “предмета” как сумки, мешка, сосуда или даже бубна [1998, с. 161–162]. Поясной сумкой, похожей на пузырь, называет его и Э. Якобсон [2000, с. 9], но в недавно опубликованной статье она сравнивает подобные изображения уже с *даллуурам* (монг.) – принадлежностью современных монгольских охотников [2002, с. 36]. Представляющий собой все тот же хвост яка (сарлыка) или каких-то пушных зверьков, прикрепленный к короткой палке, *даллуур* применяется для приманивания сурков и лис во время охоты на них. Поэтому нам трудно представить, что с ним могли охотиться в древности на оленей, быков и на других крупных животных.

Рисунки топоров и чеканов — грозного оружия ближнего боя — редко встречаются в алтайском наскальном искусстве, в отличие от настоящего и во-
отивного видов этого оружия, которые представлены во многих погребениях ранних кочевников Российского Алтая (рис. 26) [Кубарев В.Д., 1987б, рис. 23]. В петроглифах топорами и чеканами снабжены в основном одиночные фигуры воинов (см. рис. 14, 5, 6; 22, 10, 11, 13, 14). Их датирование весьма проблематично, но отдельные рисунки и военные сюжеты по сопутствующим изображениям представляется возможным отнести к карасукскому и раннескифскому времени. В одной сцене запечатлен всадник с чеканом или топором в руке и палицей, притороченной за спиной (см. рис. 15, 2). Такое сочетание разных видов оружия дает основание предполагать, что палицы в военном деле древних кочевников продолжали применяться и в скифскую эпоху.

Кинжалы и сабли (см. рис. 13, 18; 15, 3, 7; 22, 15–20) также редко изображались на петроглифах. Их размеры часто гипертрофированы, но форма и пропорции оружия соблюдены. Изображения предельно детализированы. Особенно интересен рисунок кинжала, выбитый на отдельном камне в святилище Хар-Чулун (рис. 22, 20). Он выполнен в натуральную величину (общая длина 42 см) и, очевидно, показан в ножнах с округлым оконечником и портупейным ремнем. Широкий и короткий клинок, рукоять с прямым перекрестием и навершием напоминают отдельные типы карасукских кинжалов, датируемых поздним бронзовым веком. К этому же времени следует отнести еще два рисунка кинжалов с кольцевидным навершием (рис. 22, 18, 19), найденные всего в нескольких километрах от Хар-Чулун вверх по р. Хар-Салаа. Они выполнены техникой точечной выбивки. Следует еще упомянуть об одиночном и редком изображении сложно-составного лука из Хар-Чулун, которое, как и рисунок кинжала, расположено на отдельном камне (рис. 22, 21). Такое внимание к определенным предметам вооружения, возможно, свидетельствует о зарождающемся культе оружия, который в полной мере воплотился в оленных камнях — монументальных памятниках Центральной Азии. Дальнейшее развитие этого культа отражено в традиционной погребальной практике древних кочевников Алтая, когда каждый умерший или убитый на войне мужчина снабжался стандартным комплектом оружия [Там же, с. 54–75], включавшим лук, стрелы, чекан (рис. 26), кинжал (рис. 27) в ножнах и деревянный щит.

В нашей коллекции рисунков только четыре персонажа вооружены саблями: пешие воины, запечатленные на петроглифах Бага-Ойгура (см. рис. 13, 18; 15, 3), и всадник, изображенный в Елангаше (см. рис. 15, 7). Все эти рисунки предположительно могут быть датированы древнепоркской эпохой.

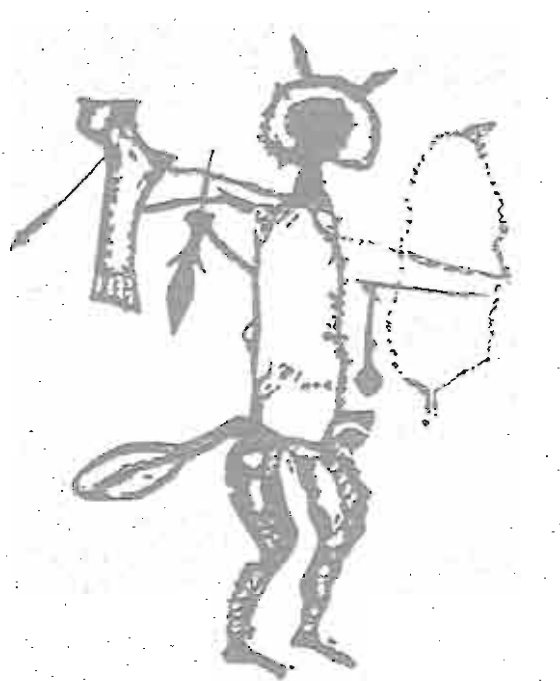

Рис. 25. Изображение “хвостатого” воина с полным боекомплектom: рогатый шлем, лук, колчан (горит?) со стрелой, палица и кинжал. Бага-Ойгур. Монгольский Алтай.

Рис. 26. Бронзовый чекан из кург. I могильника Уландрык IV. Российский Алтай.

Рис. 27. Бронзовые кинжалы IV–V вв. до н.э. из курганов Уляндрыка. Российский Алтай.

Огличительными, возможно этнокультурными, знаками мужчин-воинов служат изображения головных уборов. На петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века преобладают шлемы или шапки своеобразной формы – в виде половинки луны. Они получили в археологической литературе название “трибовидные”, хотя не всегда соответствуют данному определению, т. к. встречаются самые разнообразные варианты этого головного убора: с “рогами”, “антеннами”, “лучами-перьями” и с “плюмажем”. Фигуру великана из Калбак-Таша (см. рис. 13, 17) венчает головной убор треугольной формы с лопастями – шлем или шапка, напоминающая малахай степных кочевников. Над шлемовидным головным убором возникшего, запечатленного на петроглифах Елангаша, изображена миниатюрная фигурка оленя (см. рис. 15, 5). Не исключено, что она могла быть украшением или даже священным (тотемным?) оберегом воина, как, например, покрытые золотом фигурки “небесных” оленей на сакральных головных уборах пазырыкских воинов Алтая [Там же, рис. 40; Молодин, 2000, рис. 128; Полосьмак, 2001, рис. 104].

Колесницы с воинами, вооруженными луком, паллицей и копьем (см. рис. 15, 4–6), также являются вполне традиционным сюжетом в петроглифах Алтая. В настоящее время опубликовано ок. 500 изображений колесниц из этого региона. Ко-

лесницы аналогичного типа в большом числе воспроизведены на петроглифических памятниках Кавказа, Средней и Центральной Азии. Рисунки колесниц известны и в различных районах Внутренней Монголии и Синьцзяна. Большинство из них – плоскостные изображения. Пожалуй, только на Алтае несколько необычно выглядит легкая одноосная колесница, запечатленная на петроглифах Калбак-Таша (см. рис. 13, 7; 20)*, которую одной рукой держит персонаж в грибовидном головном уборе [Кубарев В.Д., 1987а, рис. 2; Kubarev V.D., Jacobson, 1996, fig. 449]. Если масштаб рисунка колесницы по отношению к фигуре человека выдержан точно, то создается впечатление, что древние колесницы были достаточно легкими, мобильными и могли использоваться в условиях алтайских высокогорий. Как отмечают многие исследователи, изображения колесниц часто группируются в местах, связанных с подземным источником или долиной реки, по которой в древности пролегал удобный караванный путь. Так, из долины р. Елангаш (где сосредоточено самое большое на Алтае скопление

изображений колесниц) через высокогорный перевал можно быстро попасть в долину р. Джазатор, на плоскогорье Укок и далее в Китай и Монголию. Через пограничный с Монголией хребет Сайлюгем имеется не менее десяти удобных и невысоких перевалов, по которым в древности проходили наиболее короткие пути из Российского Алтая в пределы Монголии.

Изобразительные материалы Монголии и Алтая не подтверждают использование колесниц в военном деле. В указанных регионах нет ни одной багальной сцены, запечатлевшей сражение на колесницах. Судя по петроглифам, их использовали для охоты с луком на оленей, диких лошадей, быков и козлов. Но невольно возникает вопрос, каким образом в глубоких и труднопроходимых ущельях Алтая можно было охотиться на колеснице, к примеру, на горных козлов, которые отличаются природной чуткостью, необыкновенной ловкостью и при малейшей опасности скрываются в недоступных скалах. Да и другой устойчивый, много раз повторяющийся на алтайских петроглифах канонический сюжет “колесница + олень”,

* Анализ композиции с быками, погонщиками, рожавшей женщиной, оленями, лошадьми, козлами и собаками позволил датировать это изображение колесницы серединой II тыс. до н.э.

Рис. 28. Изображение древнетюркского всадника.
Петроглифы долины р. Хар-Садаа. Монгольский Алтай.

наверное, отображает не реальную охоту на животного, а определенные мифологические представления их создателей. Космическая сущность колесниц и оленей, их связь с солнцем, подтверждается текстами Ригведы и является одной из главных тем в наскальном искусстве Средней и Центральной Азии [Кадырбаев, Марьяшев. 1977, с. 206; Окладников, 1980, с. 85–86; Йеттмар. 1985, с. 48; и др.]. Но, кажется, и такая, по существу, традиционная трактовка ставится под сомнение некоторыми исследователями, полагающими, что рисунки колесниц и повозок дают возможность судить только об использовании их в качестве транспортного средства или боевой техники [Новожинов, 1994, с. 11]; Дэвлет, 1998, с. 84].

Вооруженные всадники – самый распространенный сюжет петроглифов Алтая в эпоху поздней бронзы, ранних и средневековых кочевников (см. рис. 15, 2, 7–9). Именно в этот период лошадь внедряется во все сферы жизни кочевников, а образ мифического коня становится ведущим мотивом в изобразительном искусстве кочевников всей Евразии [Ковалевская, 1977]. Рисунки всадников на петроглифах Алтая хорошо датируются по изображениям чеканов в руках наездников или колчанов, висящих на их поясах [Кубарев В.Д., 2002, рис. 1]. Чаще всего всадники присутствуют в сценах охоты на животных, которым близки по манере воспроизведения копытные, выполненные в т.н. монголо-забайкальском стиле, а также известные по рисункам на оленных камнях Монголии.

Рис. 29. Древнетюркский знатный воин в защитном доспехе.
Реконструкция Г.В. Кубарева (рисунок Д.В. Позднякова)
по материалам погребения из кургана № 11 могильника
Балык-Сок I. Российский Алтай.

В наскальном искусстве древних тюрков Центральной Азии сохраняются все те же темы удачной охоты, единоборства “батыров”, древнего культа коня. Особенно яркий и выдающийся комплекс древнетюркских петроглифов недавно открыт в долине р. Хар-Салаа, у священной горы Шивээт-Хайрхан [Кубарев В.Д., 2001а, б; 2002]. В репертуаре этой оригинальной в художественном отношении галереи наскальных шедевров главенствует образ конного воина (рис. 28): вооруженный луком герой на великолепном породистом скакуне охотится на горных козлов и оленей, и в этом ему помогают ок. 40 всадников и пеших охотников, загоняющих зверей в засаду. Всадников, изображенных на петроглифах Хар-Салаа, очевидно, следует отнести к древнетюркской легковооруженной коннице. Но здесь же есть и редкая сцена поединка тяжеловооруженного воина с лучником и другим противостоящим всадником с длинным копьем (см. рис. 15, 9). В изображении древнетюркского “катафрактария” просматриваются угловатые очертания металлического шлема с плюмажем, длинный бронированный халат, защитная попона на лошади. Подобные изображения конных средневековых “батыров” в доспехах, с тяжелыми копьями известны в Цагаан-Отог и Хар-Хаде (Монгольский Алтай), а также в Жалгыз-Тобе, Кара-Оюке, Бичикту-Боме и на плитах древнетюркского поминального сооружения в долине р. Юстыд (Российский Алтай). Возможно, именно такой знатный военачальник, герой был погребен в доспехах в одном из древнетюркских курганов Балык-Соока на Российском Алтае, реконструкция его облика представлена на рис. 29 [Kubarev G.V., 1997; Кубарев Г.В., 2002].

Изображения из Хар-Салаа и Елангаша в эволюционном плане представляют собой уже сложившийся прототип центрально-азиатского всадника: “летающего” и стреляющего из лука средневекового воина, воплощенного в наскальных рисунках, торевтике, украшениях и предметах утилитарного назначения. Его мифический образ стал каноном в изобразительном творчестве кочевников и был широко распространен в искусстве многих средневековых народов Евразии [Нестеров, 1990].

Поединок героев и сюжеты с великанами

В бронзовом веке в горах Монголии и Алтая, наверное, уже зародился героический эпос, в котором значительное место отводилось образу мужчины-воина и его подвигам. В свое время такую гипотезу выдвинул М.П. Грязнов. Рассмотрев целый ряд памятников изобразительного искусства народов азиатских гор и степей, он пришел к выводу, что героический

эпос тюрко-монгольских народов сложился в эпоху древних кочевников [Грязнов, 1961]. В рисунках на эпические темы М.П. Грязнов выделил несколько канонических сюжетов: “...борьба – поединок богатырей, поединок богатырских коней, смерть и оживление богатыря, охотничьи подвиги богатырей” [Там же, с. 29]. В петроглифах Монгольского и Российского Алтая много сюжетов, которые могут быть интерпретированы как иллюстрации к архаическому эпосу. Наиболее часто встречаются сцены единоборства, где воины противостоят друг другу с одинаковым оружием: луками, палицами, чеканами и копьями (см. рис. 14). Наверное, они передают в лаконичной форме изобразительных цитат образ богатыря (*баатыр*) или охотника (*мерген*) – особого типа культурного героя в эпических произведениях тюрко-монгольских народов. Его подвиги многочисленны: борьба с враждебными богатырями из-за родовых охотничьих и пастбищных угодий; единоборство со злыми духами подземного мира и чудовищами, пожирающими людей; героическая охота на опасных хищных зверей; сватовство с трудными поручениями отца невесты и т.д. К архаическому эпосу “генетически восходят многие сюжеты и мотивы алтайского эпоса: постоянные выезды богатырей на охоту, рождение сына во время пребывания отца на охоте, измена жены или сестры” [Суразаков, 1985, с. 29].

В петроглифах Алтая нет широких батальных картин войны, но есть сцены боя с рядами противостоящих воинов, стреляющих друг в друга из луков (см. рис. 15, 1). По сути, они тиражируют и канонизируют все тот же эпизод единоборства богатырей-силачей, которое в древности происходило на поле битвы непосредственно перед началом военных действий. Такой обычай существовал у многих народов, поединок воинов, по существу, мог предрешить исход сражения. Многочисленные предания алтайцев и соседних тюркоязычных народов очень подробно описывают единоборство богатырей при решении споров и конфликтов между родами и племенами. Так, например, на Алтае сохранилась легенда о богатыре Ирбизеке, победившем монгольских силачей [Там же, с. 70]. В киргизском героическом эпосе “Манас” в соответствии с реальными обычаями глубокой старины массовая битва начинается только после поединка между самыми именитыми бойцами враждующих сторон [Жирмунский, 1974, с. 66]. Надо полагать, что именно такой момент и запечатлен на каменных “полотнах” Алтая и Монголии (см. рис. 14, 21, 30).

Особо следует сказать о нескольких сценах, в которых воины атакуют гротескно преувеличенную фигуру – великана (см. рис. 13, 15–18). Аналогичный сюжет отмечен археологами в древних святилищах

Рис. 30. Сцена поединка лучников. Бага-Ойгур.
Монгольский Алтай.

Монголии, Казахстана, на Алтае и в Хакасии. Так, тагарские “гиганты”, очевидно, близки алтайским великанам по семантике образа, потому что и они часто задействованы в батальных сценах. Но их роль в контексте военных сюжетов не совсем ясна [Советова, 1995, табл. IV], тогда как в алтайской серии гигантских фигур мифологический подтекст явно присутствует. Это нетрудно установить, обратив внимание на каноничность сюжета: два воина (в одиночку не одолеть врага-исполина) преследуют и даже поражают сказочного великана (см. рис. 13, 15–18). Лаконичному повествованию в петроглифах Алтая соответствуют сюжеты борьбы двух героев с одноглазыми великанами-людоедами, описанные в легендах тюркоязычных народов. Например, в киргизском героическом эпосе “Манас” одноглазый великан Малгун «встречается Алмамбету и Сыргаку во время разведки. Малгун неуязвим. Не поранить его мечом, даже пика ему нипочем, не пробьет секира его. Сыргак пронзает его глаз “найзой” (пикой). Глаз единственно уязвимое место чудовища. Шесть дней и ночей гоняются киргизские богатыри за слепым великаном, покуда Сыргак не сбивает с него волшебный шлем, охранявший его жизнь» [Жирмунский, 1974, с. 81].

Сказания об одноглазых великанах широко распространены у многих народов Евразии. Они нашли отражение, например, в наиболее известной древнегреческой “Одиссее”, где описывается эпизод об ос-

леплении героем и его спутниками циклопа Полифема. Вопрос о времени и условиях сложения петроглифического повествования о великанах в алтайских горах достаточно трудный, но следует заметить, что этот изобразительный сюжет гораздо древнее текста о приключениях Одиссея, описанных Гомером. Поэтому надо полагать, что образ великана в Центральной Азии сложился автохтонно, на основе местных архаических сказаний и легенд, а не заимствован из мифологий древних цивилизаций Евразии.

Заключение

Анализ произведений наскального искусства Алтая, объединенных темой войны и военного дела древних кочевников, показал, что петроглифы и в данном случае имеют огромный информационный потенциал. Новые изобразительные материалы прежде всего дают реальную возможность установить комплекс вооружения древнеалтайских воинов, определить хронологию отдельных композиций и локальное своеобразие военных сцен, а также полнее раскрыть семантику некоторых сюжетов и образов.

В заключение можно резюмировать:

1) военные сцены в петроглифах исследованного региона встречаются редко, в отличие от многочисленных и однообразных охотничьих сюжетов;

2) в горах Алтая на скалах нет ни одной панорамы батальных сражений с большим числом воинов, что не позволяет выделить различные рода войск и выявить особенности военного искусства древних кочевников;

3) основные сюжеты с фигурами конных и пеших воинов являются иллюстрациями архаического эпоса и мифов, зародившихся в Центральной Азии, возможно, в III–II тыс. до н.э.

Список литературы

Акишев А. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 176 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: АН МНР, 1981. – 254 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.

Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. – С. 7–31. – (АСГЭ; Вып. 3).

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.

Йеттмар К. Перекрестки путей и святилища в Западной и Центральной Азии // Информ. бюл. МАИКЦА. – 1985. – Вып. 8. – С. 46–58.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. – 230 с.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник (пути и судьбы). – М.: Наука, 1977. – 152 с.

Кубарев В.Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана I памятника Туэкта // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 65–74.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987а. – С. 150–167.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987б. – 301 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Кубарев В.Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ун-т, 2001а. – № 7. – С. 155–159.

Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001б. – № 4 (8). – С. 95–107.

Кубарев В.Д. Всадники из Хар-Салаа // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 3–11.

Кубарев В.Д. Алтай–Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ун-т, 2003. – № 10. – С. 46–61.

Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д. Алтай – заповедная зона (предварительные результаты полевых исследований в 1993–1998 гг.) // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Кем. ун-т, 2000. – Т. 2. – С. 64–77.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 88–112.

Кубарев Г.В., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д. Петроглифы Ирбисту // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 361–365.

Курылев В.П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1978. – С. 4–22. (Сб. МАЭ; № 34).

Ларичев В.Е. Структуры Мироздания и обитателей его в мировоззрении тагарского жречества Южной Сибири // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – С. 217–220.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 86–119.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Новоженков В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. – Алматы: Аргументы и факты, 1994. – 267 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 255 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – С. 336 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии: (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества). – СПб.: Б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Краснояр. ун-т, 1985. – 188 с.

Советова О.С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Кем. ун-т, 1995. – С. 33–54.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Сэр-Оджав Н. Баян-личийн хадны зураг [Наскальные рисунки Баян-лэга]. – Улан-Батор: АН МНР, 1987. – 167 с. (на монг. яз.).

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух [История древнего искусства Монголии]. – Улан-Батор: Гагана, 1999. – 317 с. (на монг. яз.).

Цэвээндорж Д. К истории лыж в Центральной Азии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Цент-

ральной Азии: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 1. – С. 322–325.

Якобсон Э. “Эмблема” и “Повествование” в наскальном искусстве Монгольского Алтая // Вестн. САИПИ. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – Вып. 3. – С. 6–14.

Якобсон Э. К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 32–47.

Jacobson E., Kubarev G.V. Rock art complex on the Irbystu river, Altai Republic // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). – 2003. – N. 36. – P. 12–16.

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – P.: De Boccard,

2001. – Vol. 2 – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; T. V. 6). – (Répertoire des pétroglyphes d’Asie Centrale; N 6).

Kubarev G.V. Der Panzer eines alttürkischen Ritters aus Balyk-Sook // Eurasia Antiqua. – 1997. – Bd. 3. – S. 665–687.

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L’Altai). – P.: De Boccard, 1996. – 45 p., 15 pl., 662 fig. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; T. V. 3). – (Répertoire des pétroglyphes d’Asie Centrale; N. 3).

Материал поступил в редколлегию 20.12.03 г.

УДК 903.2

З.С. Самашев¹, А.П. Бородовский²¹*Институт археологии им. А.Х. Маргулана**ул. Достык, 44, Алматы, 480100, Казахстан**E-mail: Samashev@ nusat.k*²*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bronz@ dus.nsc.ru*

РОГОВЫЕ УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ УЗДЫ И УПРЯЖИ ИЗ БЕРЕЛЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Введение

Резные роговые изделия являются одной из характерных черт кочевых культур (сарматской, тасмолинской, пазырыкской) эпохи раннего железного века в горно-степной части Евразии. В Южном Приуралье [Смирнов, 1976], Казахстане [Кадырбаев, 1966] и на территории Саяно-Алтая [Грач, 1980, с. 77–80, 178, 179; Бородовский, 1999а, с. 24–26] известно более сотни высокохудожественных резных роговых предметов. Эти регионы отличаются достаточно высокой плотностью подобных находок, что, возможно, связано с естественной концентрацией необходимых сырьевых ресурсов (лось, косуля и благородный олень) в рамках достаточно компактных территорий (предгорного и горного ландшафтов). В последнее время на могильнике Берель удалось обнаружить один из самых многочисленных комплектов резных роговых изделий.

Берельский некрополь [Самашев, Мыльников, 2004, с. 7] находится на юго-западе Алтая в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Он состоит из 36 каменных курганов, расположенных на второй надпойменной террасе р. Бухтармы двумя цепочками, вытянутыми по линии северо-запад – юго-восток. Исследование этого могильника было начато В.В. Радловым еще в 1865 г., в конце XX столетия раскопки продолжил З.С. Самашев. В настоящее время изучено несколько захоронений в курганах эпохи раннего железа (пазырыкская культура). Со-

проводительный инвентарь представлен разнообразными высокохудожественными предметами из металла и органических материалов (войлок, кожа, дерево и рог).

Кург. 36, расположенный в 81 м к северо-северо-востоку от кург. 11, исследовался в 2002–2004 г. Он представлял собой сильно задернованную возвышенность высотой ок. 0,2 м, диаметр насыпи 11 м. Наземная часть сооружения состояла из нескольких конструктивных элементов. Курган был окружен поясом из плит и плиточных камней, стоящих вертикально или с наклоном впритык друг к другу в один ряд. В основании конструкции выявлены два концентрических кольца, образованные крупными плитами, блоками и брусковидными камнями, установленными плотно друг к другу вертикально или с наклоном к центру кургана в один-два ряда. С внешней стороны они были укреплены мелкими и средними по размеру, узкими, длинными плитками. На некоторых участках колец плиты и камни установлены внахлест в два ряда со значительным наклоном к центру кургана. Пространство между кольцами было заполнено крупными блоками, камнями, плитами, зафиксированными в различном положении, а также галькой и мелкими плитками, и только в юго-восточной части кургана заполнение состояло из желтой глины со щебнем и большим количеством галечника.

Надмогильная выкладка фиксировалась по сравнению крупным и средним камням и плитам, кото-

рые лежали довольно плотно друг к другу в слое желтой глины с наклоном вниз, в могильную яму, образуя "щетилистое" возвышение над ней.

Внутри могильной ямы до глубины 1,70 м от ее верхнего края располагалось многоярусное каменное сооружение с прослойками земли. Важнейшим системообразующим элементом этой многокомпонентной конструкции является вертикально установленная плита длиной 120 см, которая как бы соединяет куполообразную надмогильную выкладку с горизонтальными ярусами внутримогильной конструкции и которая в мифологическом сознании, скорее всего, была связана с представлениями о мировой оси, пронизывающей все сферы мироздания. Ниже располагалось несколько массивных блоков (весом от 200 до 500 кг) продолговатых и округлых очертаний, перекрывавших погребальную камеру – цисту, облицованную изнутри широкими, вертикально установленными плитами и блоками, верхние концы которых одновременно служили опорой для перекрытия. Складывалось впечатление, что над мощным перекрытием ящика было свободное пространство, технические приемы его создания пока не вполне понятны.

Внутри каменного ящика прослежены остатки трехвенцового сруба, дно которого полностью вымощено галечником, затем покрыто плитами и войлоком. Погребение человека, очевидно являвшегося представителем кочевой аристократии, было разграблено в древности: сохранились лишь разрозненные кости, фрагменты золотой фольги, бусинки в виде трубочек из белой пасты. Судя по остаткам тлена с золотыми нашивками, сруб с погребенным был покрыт войлочным ковром.

В одной стене цисты специально для сопроводительного захоронения коня сооружено ложе, дно которого покрыто плоскими плитами (рис. 1). В восточной части ложа находились высокие ступеньки, на которых лежали кости шеи и череп животного, а основная часть скелета располагалась значительно ниже, в узком пространстве.

Набор украшений узды и упряжи

Убранство верхового коня (рис. 2–6) состояло из 66 предметов, изготовленных из рога марала и представляющих собой выдающиеся произведения косторезного искусства ранних кочевников Великого пояса степей. Такое количество высокохудожественных образцов резьбы по рогу, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, встречено впервые в погребальных комплексах ранних кочевников не только Алтая, но и Евразии. Как правило, в захоронениях верхнеобского бассейна второй поло-

Рис. 1. Захоронение коня в могиле кург. 36 Берельского некрополя.

Рис. 2. Расположение роговых украшений узды на конском черепе из кург. 36 Берельского некрополя.

вины I тыс. до н.э. находили либо единичные резные предметы в составе конской упряжи (псалии, пряжки, бляхи, налобники), либо несколько роговых уздечных украшений [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 37, рис. 1; Бородовский, 1997, с. 97, 98; 1999б].

Рис. 3. Резной роговой псаллий с изображениями голов грифонов. Кург. 36, Берель.

Рис. 4. Резное роговое украшение уздечных ремней из кург. 36 Берельского некрополя.

Рис. 5. Резной роговой нагрудник упряжи из кург. 36 Берельского некрополя.

Основным образом, представленным на украшениях резной узды из Берельского некрополя, является грифон (см. рис. 3, 6). Синкретичность его усилена содержательными элементами в виде лосиных рогов, трактованных как гребешки.

Рис. 6. Резные роговые протомы грифонов (украшения узды и упряжи). Кург. 36, Берель.

Роговые псаллии, украшенные изображениями голов грифонов, из Берели (см. рис. 3) аналогичны сходным по материалу предметам из курганной группы Красный Яр-1 в северо-западных предгорьях Алтая [Сергеев, 1946], а также деревянным псаллиям из Первого Пазырыкского кургана, Ак-Алахи-1, 3 [Грязнов, 1950, табл. VI, 2; Полосьмак, 2001, с. 46, рис. 25, с. 82, рис. 58, с. 86, рис. 62].

Композиционно резные изображения грифонов (см. рис. 6) на узде и упряжи из Берели находят определенные аналогии среди деревянных резных украшений конской сбруи из захоронений плоскогорья Укок [Полосьмак, 1994, с. 50, рис. 55, с. 51, рис. 58] (Ак-Алаха-1, Верх-Кальджин). Однако это сходство имеет общий характер. Изображения грифонов из погребальных комплексов Укока отличаются хохлом и стыкуются друг с другом на участке лба и клюва, берельские же соединены только клювами (см. рис. 6). Среди резных деревянных предметов из кург. 1 Ак-Алахи-3 (украшение нагрудного ремня упряжи пятого комплекта) известен рогатый грифон [Полосьмак, 2001, с. 84, рис. 61]. Однако его рога, в отличие от берельских грифонов, направлены не в одну, а в две стороны. Для изображения лосиных рогов грифонов из кург. 36 характерно сочетание реальных и ирреальных черт. Достаточно реалистично воспроизведено общее строение лосиного рога — спица, лопасть и отростки, но рога развернуты в противоположную сто-

Рис. 7. Изображение рогов лося на окончаниях деревянных псалмов из кург. 11 Берельского некрополя.

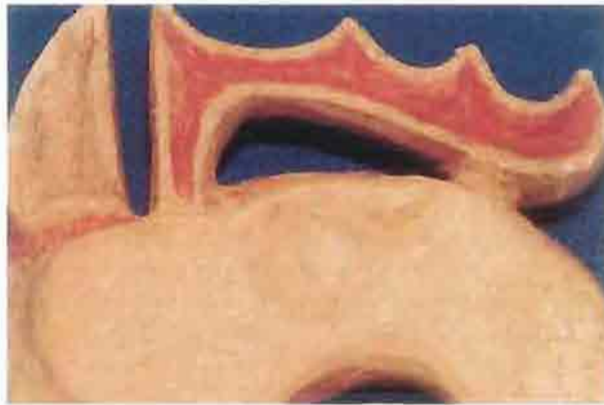

Рис. 10. Расположение рогов у грифона на резных украшениях узды из кург. 36 Берельского некрополя.

Рис. 8. Изображение рогов лося на золотой накладке ножен акшака из кургана Иссык.

Рис. 11. Резные изображения грифонов различных размеров. Кург. 36. Берель.

Рис. 9. Изображение рогов лося на золотых поясных бляхах из кургана Иссык.

рону относительно того, как они расположены в реальности, а роговая лопасть направлена вперед, тогда как у лося — назад. Гребешковидные очертания рогов берельских грифонов явно близки к кожаным аппликациям с петухами из Пазырыкских курганов [Грязнов, 1950. табл. XVII. 3; Руденко, 1948, с. 23. рис. 7. с. 49, рис. 29]. Они находят аналогии и в деревянных резных украшениях конской сбруи из кург. 11 Берельского некрополя (рис. 7), и в металлопластике из кургана Иссык (рис. 8, 9) [Акишев, 1978. с. 100–103]. Изображения рогов лосей из этого погребального комплекса также отличают значительно развитые роговые лопасти, что характерно для животного зрелого возраста. Естественным особенностям строения рога соответствует и гребневидность отростков. У лосиных рогов они менее разветвлены, чем у оленьих, и равномерно распределены на роговой лопасти. Рога у берельских грифонов имеют определенные отличия. Они могли располагаться на одной линии либо под небольшим углом друг к другу. Кроме того, некоторые рога грифонов соединялись с клювом тонкими перемычками (псалми), а друг с другом шарни-

ком (уздечные бляхи с протомами грифонов). В первом случае эта деталь была близка к специальной перемычке-питателю на роговой модели литейной формы из Дубровинского Борка-3 в Верхнем Приобье [Бородовский, 1990, с. 35]. Несколько протом грифонов соединены особой перемычкой на участке клювов.

Структурно-технологический анализ изделий позволил установить, что большинство предметов изготовлено из роговых одинарных пластин различных размеров. Самые длинные (25×2 см) использовались для производства накладок на сбруйные и уздечные ремни, средних размеров (13×11 см) – для изготовления налобника, нагрудника, развилки ремней узды и псалий. Изображения грифонов делали из подквадратных пластин различных размеров: $6,5 \times 5,0$ см, $5,1 \times 4,2$ и 4×4 см (рис. 11). Самые небольшие пластинки ($4 \times 1,4$ см) использовались для изготовления подпрямоугольных подвесок, расположенных между протомами грифонов. Стандарт этих предметов и их декоративное оформление аналогичны основанию изображений грифонов, в декорировании которого явно прослеживаются два этапа. Сначала вырезался ряд рельефных округлостей с углублениями, затем в центре прорезалось сквозное отверстие (см. рис. 6). На развилках для ремней узды, налобниках и нагрудниках отверстия прорезались также после первоначального декорирования предмета (см. рис. 4, 5). Таким образом, часть ранее выполненного рельефного орнамента просто срезалась. Эти отверстия предназначались для каких-то сложносоставных конструкций, возможно, с резными деревянными деталями. В таком случае изделия композиционно становились близки к предметам, состоящим из нескольких элементов, ориентированных в разных плоскостях. Целый ряд таких вещей известен в пазырыкских памятниках плоскогорья Укок и Берельского некрополя. Наибольшую близость украшения узды с изображениями грифонов из Берели имеют с аналогичными деревянными изделиями из кург. 1 Ак-Алаха-1, кург. 1 Ак-Алаха-3, кург. 1 Ак-Алаха-5, Кутургунтас [Полосьмак, 2001, с. 47, рис. 25, с. 49, рис. 26, с. 51, рис. 27, с. 52, рис. 28, с. 81, рис. 56, с. 82, рис. 58, с. 84, рис. 60, с. 88, рис. 65, с. 104, рис. 82].

Вся система роговых украшений берельской узды и упряжи представляет собой своеобразный изобразительный текст, зооморфный код, вероятно понятный и легко распознаваемый в среде кочевой элиты Алтайского субрегиона. “Геральдическая” композиция из противопоставленных протом грифонов с лосяными рогами – основная часть этого текста – подчеркивает особенности мировоззрения населения скифской эпохи. Сущность коня, сопровождавшего в иной мир значимую персону, трансформирована в мифопоэтическом сознании древних в особо по-

читаемый образ мифологического существа. С подобными мифопоэтическими представлениями тесно переплетается, видимо, цветовая символика – сочетание красного, белого и золотистого оттенков (см. рис. 4), присутствующих почти во всех изделиях как декоративно-прикладного, так и культово-магического назначения. Так, все роговые изделия покрыты ярко-красной краской – киноварью, местами оловянными пластинами и золотой фольгой. В последовательности нанесения красок выявлен определенный принцип: сначала красная, затем белая и сакрально значимая золотистая. Вся цветовая гамма призвана символизировать божественную сущность земного владыки – хозяина коня.

Заключение

В каждую историческую эпоху (бронзы, раннего железа) разделка рога отражала основные культурно-хозяйственные приоритеты [Бородовский, 1999б]. В полной мере эта черта проявлялась в изготовлении предметов, связанных с наиболее важной деятельностью. Становление комплексной, производящей экономики в эпоху бронзы потребовало производства разнообразных землеройных орудий (рал, мотыг). Поэтому именно в данной категории вещей нашли отражение основные принципы и особенности раскроя рогового сырья. В дальнейшем эта традиция сохранялась в эпоху раннего железа. Вместе с тем занятие кочевым скотоводством и увеличение подвижности населения в I тыс. до н.э. обусловили то, что разделка рога нашла отражение в наиболее значимых категориях предметов материальной культуры: конском снаряжении, вооружении и поясной гарнитуре [Бородовский, 2001].

По количеству элементов комплект роговых украшений узды и упряжи из Берельского некрополя вполне сопоставим с наборными роговыми панцирями скифского времени, являющимися сложносоставными и достаточно трудозатратными изделиями. Кроме количества комплектующих, берельскую узду сближает с предметами вооружения и основной тип заготовки большинства резных украшений – одинарная пластина [Бородовский, 1997, с. 98–101]. Другие детали узды и упряжи (налобник, нагрудник, распределители) изготавливались из рогового разветвления, как и большие поясные бляхи [Бородовский, 1991, с. 22–24].

Комплект резных роговых украшений конской упряжи из кург. 36 Берельского некрополя, в настоящее время один из самых больших не только в Южной Сибири, но и во всей степной зоне Евразии, безусловно, представляет собой яркий образец косторезного искусства скифской эпохи, центральным образом которого являлся грифон. Изображения грифонов на роговых украшениях узды и упряжи Берельского не-

крополя отличаются оригинальностью и полихромностью, в них сочетаются рог, металл (золото, олово), краска (киноварь). Разнообразие художественных средств (рельефное изображение, раскраска, покрытие металлом) и технических приемов (резьба по рогу, прокрашивание, изготовление металлической фольги и покрытие ею) свидетельствует об интеграции косторезного искусства с технологическим потенциалом других производств древних кочевников Евразии.

Список литературы

- Акишев К.А.** Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 130 с.
- Бородовский А.П.** Роговая модель для культового литья кулайского времени из Новосибирского Приобья // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа. – Омск: Б.и., 1990. – С. 33–35.
- Бородовский А.П.** Интерпретация назначения длинных роговых накладок эпохи раннего железа и технология их изготовления // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: К 100-летию Н.К. Ауэрбаха: Краткое содержание докладов Регион. археол. студ. конф. – Красноярск, 1991. – Т. 3. – С. 22–24.
- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.
- Бородовский А.П.** Новые аналогии роговой резной пластины с лошастью из Саглы-Бажи-2 // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999а. – № 3. – С. 90–91.
- Бородовский А.П.** Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999б. – С. 23–26.
- Бородовский А.П.** Археологические параллели поясной гарнитуры угро-самодийских народов Приобья // Самодийцы. – Тобольск; Омск: Б.и., 2001. – С. 22–24.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Наука, 1950. – 90 с.
- Кадырбасов М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Илим, 1966. – С. 80–96.
- Самашев З.С., Мыльников В.П.** Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая: Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел. – Алматы: Илим, 2004. – 240 с.
- Сергеев С.М.** О резных украшениях конской узды из “скифского” кургана на Алтае. // СА. – 1946. – Т. 8. – С. 290–292.
- Смирнов К.Ф.** Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74–89.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 334 с.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Наука, 1948. – 90 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 183 с.

Материал поступил в редколлегию 17.05.04 г.

УДК 903.5.53

С.Г. Кляшторный¹, Д.Г. Савинов²¹*Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
Тел.: 8(812)3158728*²*Санкт-Петербургский государственный университет
Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия
Тел.: 8(812)3100234*

СВЯТИЛИЩЕ НАРИЙН ХУРУМТА: ДРЕВНИЕ ЕВРОПЕОИДЫ В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Введение

На территории Монголии памятники эпохи бронзы представлены в основном многочисленными бронзовыми изделиями карасукского типа из числа случайных находок, петроглифами и, возможно, некоторыми группами оленных камней (если для них имеются ранние даты). Что касается погребальных комплексов, то здесь их известно немного: два могильника афанасьевской культуры (Алтан-Санда и Шатар-чулуу), погребение в Норовлийн-ууле (скорее всего окуневского времени) и погребение в Тэвш-ууле эпохи поздней бронзы. В разные годы они исследовались В.В. Волковым. Обобщение всех материалов было сделано Э.А. Новгородовой [1989]. К настоящему времени раскопано довольно большое количество херексурсов [Эрдэнэбаттар, 2002], но все они по обряду погребения являются безынвентарными. Признавая значение этих открытий, выведших археологию Монголии эпохи бронзы из состояния *terra incognita*, необходимо все-таки признать, что имеющихся материалов пока явно недостаточно для решения каких-либо культурно-исторических проблем. Поэтому каждый открытый в этом регионе памятник эпохи бронзы, особенно наименее изученного периода (первая половина – середина II тыс. до н.э.), имеет безусловную историческую ценность.

История открытия и общие данные о памятнике

Одним из наиболее ярких памятников эпохи бронзы является комплекс (условно – святилище) вблизи от

горного хребта Нарийн Хурумта, открытый в 1976 г. во время работ археолого-эпиграфического отряда Советско-монгольской историко-культурной экспедиции С.Г. Кляшторным. Памятник расположен в предгорьях Хангая в 20 км к востоку от пос. Сайхан-сомон Булганского аймака Монголии, в 1 км к юго-западу от хребта Нарийн Хурумта, от которого получил свое наименование. В 1976 г. комплекс включал сохранившиеся на местах первоначальной установки четыре каменных изваяния – одно древнетюркского времени и три эпохи бронзы. Через десять лет, в 1986 г., на этом же месте было обнаружено еще одно изваяние эпохи бронзы, скорее всего, перемещенное с места первоначального расположения. Основные данные об изваяниях эпохи бронзы и их общая характеристика были даны С.Г. Кляшторным в 1994 г. [Kliachtornyi, 1994].

Изваяния в Нарийн Хурумте сразу привлекли к себе внимание исследователей. Прорисовка одного изваяния эпохи бронзы приведена в статье Д.Г. Савинова, посвященной антропоморфным изображениям эпохи бронзы и раннескифского времени, происходящим из восточной части евразийских степей [1993, рис. 1, 4]. В монографии Д. Баяра опубликованы схематические прорисовки одного древнетюркского и трех изваяний эпохи бронзы, открытых в 1976 г. [1997, с. 126, № 82–85]. Изображение древнетюркского изваяния со ссылкой на работу Д. Баяра приведено в статье Л.Н. Ермоленко [2002, рис. 1, 5]. Об изваяниях в Нарийн Хурумте писал и В.Д. Кубарев. Он отметил, что изваяние древнетюркского времени было установлено в оградку эпохи бронзы с четырьмя антропоморфными стелами по углам, выполнявшими, возможно,

“охраняющие функции ритуальной площадки, в центре которой находилось изваяние древнего тюрка” [2001, с. 35]. Совершенно очевидно, что комплекс в Нарийн Хурумте, как пока единственный памятник подобного рода на территории Монголии, заслуживает специального анализа, тем более что опубликованные схематические прорисовки ни в коей мере не передают художественной выразительности и своеобразия каменных изваяний.

Археологических раскопок на месте расположения изваяний не производилось, поэтому описание памятника может быть дано только на основании визуальных наблюдений. Первоначальные размеры, а также форму сооружения эпохи бронзы до проведения специальных исследований установить трудно. На поверхности были видны отдельные крупные камни, расстояние между которыми составляло от одного до нескольких метров. Посередине этой площадки находилась каменная вымостка (размеры: ок. 2,5 × 2,5 м) неправильных очертаний из более мелких камней, в центре которой было установлено явно вторичное по отношению к предшествующему сооружению эпохи бронзы древнетюркское изваяние (рис. 1, 2). Место для установки последнего было выбрано не случайно – изваяние буквально “всажено” в середину находившегося здесь ранее сооружения эпохи бронзы, от которого сохранились четыре каменных изваяния. Подобные примеры “дооформления” древних памятников в древнетюркское время, вероятно с целью приобщения к заложенной в них “энергетике”, фиксировались неоднократно. По наблюдениям многих исследователей, средневековые кочевники Горного Алтая часто пристраивали свои оградки с рядами камней-балбалов к концам цепочек курганов скифского времени.

Три сохранившиеся на своих местах изваяния эпохи бронзы вкопаны на глубину 10–15 см, укреплены (или забутованы) крупными камнями и обращены лицевой стороной “наружу”; по-видимому, они были расположены по углам какого-то сооружения. Четвертое изваяние (5), обнаруженное в 1986 г., находилось в нескольких метрах к северо-востоку от трех упомянутых, но первоначально оно было установлено, возможно, как и они, и обозначало четвертый угол.

Описание изваяний. Антропологическая характеристика

Изваяние 1 (древнетюркское). Представляет собой фигуру человека явно монголоидного облика, держащего в двух руках на уровне груди кувшинчик со сферическим туловом. Высота 163 см, ширина 50 см (все высотные отметки даны от уровня современной поверхности). С правой стороны на уровне пояса показан “калачикообразный” предмет – кресало (рис. 3, 1).

Рис. 1. Святилище Нарийн Хурумта. Общий вид.
Фото С.Г. Кляшторного.

Рис. 2. Работы по обмеру памятника.
Фото С.Г. Кляшторного.

По своим иконографическим особенностям (изображение сосуда в двух руках) данное изваяние относится к т.н. уйгурской группе (VIII–IX вв. н.э.) и, несмотря на некоторые стилистические особенности, имеет широкий круг аналогов среди изваяний древнетюркского времени в Монголии, Горном Алтае и Туве.

Изваяния эпохи бронзы представляют собой гермообразные стелы с изображением человеческого лица в верхней части на одной из сторон и с точки зрения техники исполнения, особенностей стиля и степени сохранности, безусловно, образуют единую группу памятников.

Изваяние 2 (рис. 4). Высота 79 см, ширина 28 см. Находилось в вертикальном положении в юго-западной части сооружения. Верх изваяния плоский. Показаны прямой нависающий лоб, близко поставленные выпуклые глаза, очерченные глубокими выбитыми линиями, длинный нос, сбитый в нижней части, с широкими ноздрями. Слабым рельефом переданы скулы. Нижняя часть лица с небольшим, передающим го-

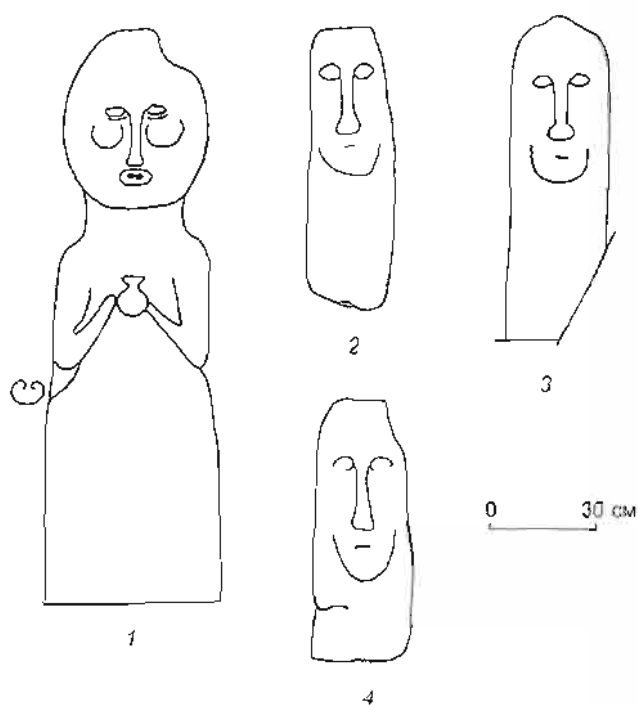

Рис. 3. Схематические прорисовки каменных изваяний. Нарийн Хурумта.

1 — изваяние 1, 2 — изваяние 4, 3 — изваяние 3,
4 — изваяние 2 (по Д. Баяру [1997]).

Рис. 4. Изваяние 2.
Фото С.Г. Кляшторного.

Рис. 5. Изваяние 3. Фото С.Г. Кляшторного.

Рис. 6. Изваяние 4. Фото С.Г. Кляшторного.

горизонтальной черточкой ртом и массивным прямо срезанным подбородком выдвинута вперед и очерчена глубокой выбитой линией.

Изваяние 3 (рис. 5). Высота 90 см, ширина 28 см. Находилось в наклонном положении в северо-западной части сооружения. Верх изваяния заострен. Лицо

вытянутой формы, лоб не выделен. Показаны близко поставленные овальной формы глаза, длинный прямой нос с широкими округлыми ноздрями. Рот обозначен слегка изогнутой черточкой. Нижняя часть лица с округлым подбородком выделена невысоким рельефом и обведена выбитой линией.

Изваяние 4 (рис. 6). Высота 80 см, ширина 24 см. Находилось в слегка наклонном положении в южной части сооружения. Верх изваяния плоский. Справа часть изображения сбитая, однако все его детали “читаются” достаточно легко: удлиненное лицо, низкий выступающий лоб, глубоко поставленные глаза, длинный нос с широкими ноздрями, резко очерченная тяжелая нижняя часть лица с небольшим, переданным горизонтальной черточкой ртом.

Изваяние 5. Найдено в горизонтальном положении в северо-восточной части сооружения. Низ изваяния обломан. Длина сохранившейся части ок. 60 см. Абрис вытянутого лица очерчен глубокой линией. Как и на других изваяниях, показаны близко поставленные глаза, длинный прямой нос, тяжелый округлый подбородок, рот обозначен черточкой.

Изображения на всех изваяниях эпохи бронзы в Нарийн Хурумте, несомненно, передают лицо европеоидного типа и имеют очевидное сходство между собой – близко поставленные глаза, выделенная нижняя часть лица, длинный с широкими ноздрями нос. Вместе с тем они делятся на группы: изваяния 2 и 4 – бесспорно мужские, изображения более рельефно и резко очерченные, лицо с тяжелым нависающим лбом и прямо срезанным подбородком; изваяния 3 и 5 – рисунок более сглаженный, лицо с прямым лбом и округлым подбородком. Изваяния первой группы вызывают ощущение угрозы, второй – покоя. Чем объясняются эти различия – сказать трудно. Или это действительно разные (мужские и женские?) персонажи, или они просто сделаны руками разных мастеров.

Присутствие представителей европеоидной расы среди носителей древних культур Центральной Азии, во всяком случае начиная с эпохи бронзы, в настоящее время является установленным фактом. В наибольшей степени обобщенная характеристика изваяний в Нарийн Хурумте (длинное узкое лицо с выпуклым надбровьем, округлые близко поставленные глаза, длинный нос, мощный выступающий подбородок) соответствует данному И.И. Гохманом описанию антропологических особенностей населения, оставившего могильник Аймырлыг в Центральной Туве. “Череп очень массивные, с развитым рельефом. Черепная коробка крайне длинная, довольно высокая, но даже по абсолютным размерам небольшой ширины. Все черепа долихокранные... Перед нами вне сомнения яркие представители европеоидной расы. <...> Если рискнуть и провести для небольшой

серии черепов более частную диагностику в пределах европейского расового ствола, то можно отнести ее к кругу гиперморфных форм средиземноморской расы” [1980, с. 28].

Могильник Аймырлыг в Центральной Туве относится к памятникам окуневского типа, скорее всего, к середине – началу первой половины II тыс. до н.э. Таким образом, изваяния в Нарийн Хурумте являются первыми известными нам “портретами” древних европеоидов Центральной Азии.

Историко-культурная интерпретация

До сих пор на территории Монголии (Норовлийн-уул) было известно только одно антропоморфное изображение на плоской каменной пластине, относящееся к более раннему времени и по способу оформления отличное от нарийнхурумтинских изваяний. Э.А. Новгорова сравнила эту находку с “антропоморфными изображениями глазковского типа из Прибайкалья, где найдено немало каменных и костяных голов” [1989, с. 80].

По стилистическим особенностям каменные изваяния в Нарийн Хурумте имеют аналоги в мелкой пластике эпохи бронзы из Прииртышья. Одна из подобных находок – известная Туйская голова, которую В.И. Мошинская описывает как изображение мужчины “европеоидного типа с низким черепом, узким длинным лицом и узким лбом... подчеркнуты надбровья, заметно выступающий подбородок и мощная нижняя челюсть” [1976, с. 57]. На голове показана облегающая круглая шапочка (рис. 7, 1). Второе – это Ирский жезл с янусовидным изображением, отличающийся теми же иконографическими особенностями, что и Туйская голова, но с прямо срезанным верхом, возможно, изображающим плоскую шапочку (рис. 7, 2). По мнению некоторых исследователей, это изображение близко “антропоморфной пластике сейминско-турбинского типа” [Бобров, Ковтун, 2002, с. 161]. К этому типу изображений относится миниатюрная (длина 13,8 см) каменная фигурка, случайно найденная на Западном Алтае (рис. 7, 3). Вот как описывает это изображение Ю.Ф. Кирюшин, считающий его навершием жезла: “В верхней части жезла изображена голова человека с длинным вытянутым лицом, широкими скулами, резко выступающим носом, высоким лбом, глубоко посаженными глазами и со слегка оттопыренными ушами... Антропологический тип скульптуры европеоидный и представляет определенное сходство со среднеазиатским типом лица” [1991, с. 67]. По стилистическим особенностям алтайская фигурка сближается с каменной скульптурой Урало-Иртышского междуречья, связанной, в свою очередь, с культурами самусьско-сейминского круга [Там же, с. 69].

Рис. 7. Каменные изваяния эпохи бронзы.

1 – Туйская голова (по В.И. Мошинской [1976]), 2 – Ирский жезл (по В.В. Боброву, И.В. Ковтуну [2002]), 3 – каменная фигурка с Западного Алтая (по Ю.Ф. Кирюшину [2002]), 4 – каменное изваяние из Тувы (по А.Д. Грачу [1980]), 5 – каменное навершие из с. Бея (по Н.В. Леонтьеву, В.Ф. Капелько [Leont'ev, Kapel'ko, 2002]), 6 – каменное изваяние из улуса Асочакова (по Л.Р. Кызласову [1986]), 7 – каменное изваяние из Кызыл-кульского чаа-таса (по Л.Р. Кызласову [Там же]).

В ряд аналогов можно поставить и отдельные находки с территории Саяно-Алтайского нагорья. Так, в Минусинской котловине среди многочисленных изваяний, считающихся сегодня окуневскими, есть несколько вполне реалистичных изображений, которые не имеют ничего общего с окуневскими. Это вотивное изображение головы человека с близко посаженными глазами и крупным прямым носом из с. Бея (рис. 7, 5); изображение лица человека с нависающим лбом и тяжелым прямо срезанным подбородком на торцевой стороне камня из улуса Асочакова (рис. 7, 6); янусовидное, как Ирский жезл, изваяние из Кызыл-Куля, на котором выделена нижняя часть лица и обозначена плоская круглая шапочка (рис. 7, 7). Показа-

тельно, что еще в первой публикации М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера эти и некоторые другие памятники были выделены в отдельную таблицу как нетипичные для основной массы минусинских изваяний [1929, табл. VIII]. Вполне вероятно, что к изображениям этого же круга следует отнести и весьма архаичное по технике исполнения изваяние, зафиксированное в Западной Туве [Грач, 1961, рис. 7, 8]. На нем показаны низкий нависающий лоб, близко посаженные глаза, массивная срезанная снизу нижняя часть лица (рис. 7, 4).

Таким образом, выявляется целый пласт каменных изваяний эпохи бронзы с изображениями лиц европеоидного типа. Эти изображения, несмотря на индивидуальность каждого из них, достаточно близки друг к другу. В Монголии к этому пласту относится комплекс каменных изваяний в Нарийн Хурумте. Отметим, что вотивные изображения на каменном стержне (типа найденных в с. Бея или на Западном Алтае), возможно, служили предметами «домашнего» пользования, репродуцирующими менгириобразную скульптуру из древних святилищ, наиболее полное представление о которых в настоящее время дают нарийнхурумтинские изваяния.

Известно, что каменные изваяния, как и петроглифы, являются важнейшим культурно-историческим источником: в отличие от вещественных находок, которые могут передаваться из рук в руки, они

всегда связаны с перемещением людей, носителей определенной изобразительной традиции. Приведенные выше изображения, подобные обнаруженным в Нарийн Хурумте, Прииртышье и более восточных районах Саяно-Алтая, обычно связываются с распространением сейминско-турбинской традиции. Вероятно, с этой же позиции следует рассматривать вопрос о монгольских каменных изваяниях; правомерность такого подхода подтверждается стилистическим анализом изображений в Нарийн Хурумте.

Восточная часть ареала сейминско-турбинских бронз, в первую очередь наконечников копий, по последним данным, достаточно обширна и включает Северный Алтай [Савинов, 1975, рис. 6; Кирюшин, 2002,

рис. 151–154], Кузнецкую котловину [Бобров, 2000], правобережье Енисея [Леонтьев, 2002] и другие территории. Вне его пределов пока остается, если судить по сводке материалов, составленной С.П. Грушиным [2000], Горный Алтай. “Исходным районом формирования металлургии данного типа, – как отмечают Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, – были районы Рудного (т.е. Западного. – Авт.) Алтая, бассейна Верхнего Иртыша и в меньшей мере Семиречья” [1989, с. 251], т.е. приблизительно те территории, на которых были зафиксированы аналоги каменных изваяний нарийн-хурумтинского типа.

В этом же ареале зафиксированы выделенные Б.Н. Пяткиным и Е.А. Миклашевич петроглифы “сейминско-турбинской” традиции [1990], главным образом, изображения лошадей, выполненные в своеобразной стилистической манере: тяжелая передняя часть туловища, массивная голова, высокая стоячая грива или нависающая челка (рис. 8, 4). Основная область концентрации подобных изображений находится в бассейне верхнего Иртыша на территории Восточного и Центрального Казахстана [Самашев, 1992, рис. 167–168; Новоженнов, 2002, табл. 20, 24, 30 и др.]. Рисунки, подобные сейминско-турбинским, известны и на территории Монголии. По мнению Б.Н. Пяткина и Е.А. Миклашевич, их присутствие здесь объясняется тем, что “какая-то часть населения мигрировала на юго-восток в Синьцзян и Монголию (откуда известны единичные сейминско-турбинские находки)” [1990, с. 152]. Интересно, что в Минусинской котловине найдено пока только одно аналогичное изображение (на каменной плите в могильнике Есино III); его, вероятно, можно связать с приходом на эту территорию какой-то группы населения постандроновского времени из Центрального Казахстана [Савинов, 2000, с. 124, рис. 1]. В многочисленных петроглифических комплексах Горного Алтая подобные рисунки встречаются также крайне редко. Несколько рисунков было найдено одним из авторов настоящей статьи в Сайлюгеме (опубликовано: [Шер, 1980, рис. 53]); их появление здесь, скорее всего, объясняется близостью

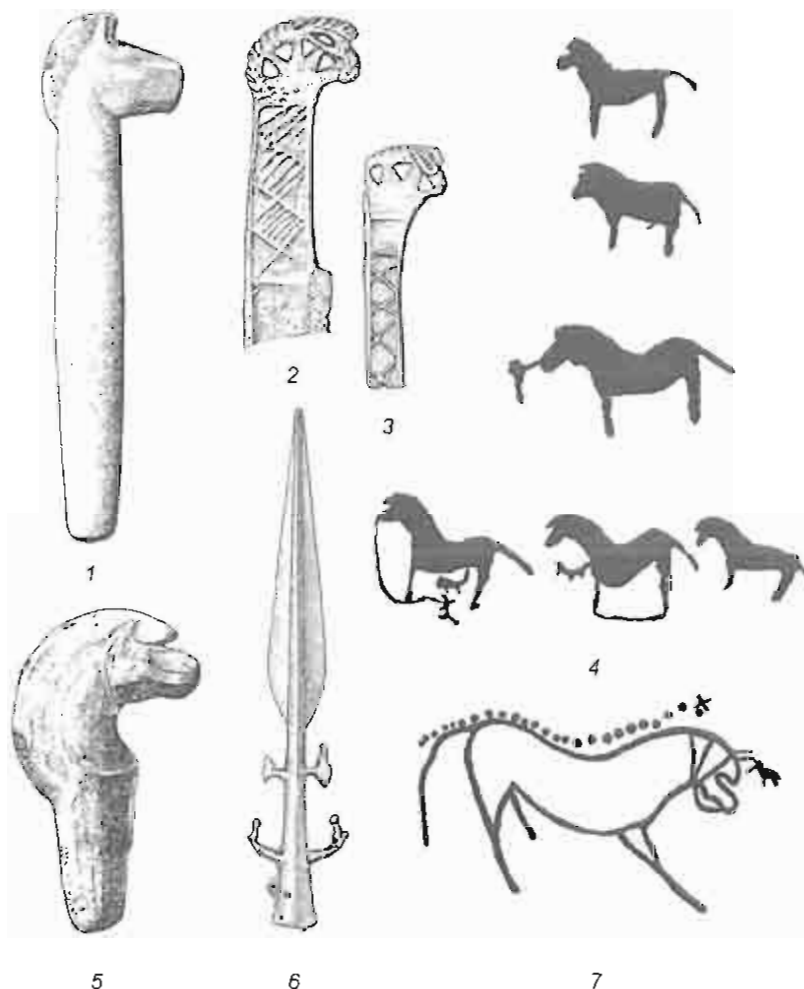

Рис. 8. Фигуративные изображения, выполненные в сейминском стиле (1–3, 5, 6), и петроглифы (4, 7).

1 – каменный нож из могильника Шипуново (по Ю.Ф. Кирюшину [2002]), 2 – наконечник ножа из могильника Елунино (по Ю.Ф. Кирюшину [Там же]), 3 – наконечник ножа из могильника Усть-Мута (по Ю.Ф. Кирюшину [Там же]), 4 – петроглифы Сары-Арки, Центральный Казахстан (по В.А. Новоженнову [2002]), 5 – наконечник с головой коня из Прииртышья (по В.И. Мошинской [1976]), 6 – бронзовый наконечник копья из Кушташского музея (по А.П. Мазниченко [1985]), 7 – изображение лошади из Теректаулие, Центральный Казахстан (по И. Сагын-дак [2001]).

к Монголии. В целом создается впечатление, что носители данной изобразительной традиции двигались из Прииртышья (а возможно, шире – Восточного и Центрального Казахстана) на восток; обогнув горную систему Алтая, они вышли в горно-степные районы Северо-Западной Монголии. В принципе это соответствует картине распространения сейминских бронз.

Мнение Б.Н. Пяткина и Е.А. Миклашевич о сейминско-турбинской атрибуции подобных рисунков основано на сравнительном материале из Казахстана и Прииртышья – изображениях на каменных и бронзовых изделиях эпохи бронзы [1990, рис. 1, 2]. Среди аналогов следует выделить каменные жезлы с наконечниками в виде головок коней (рис. 8, 5). Серия таких

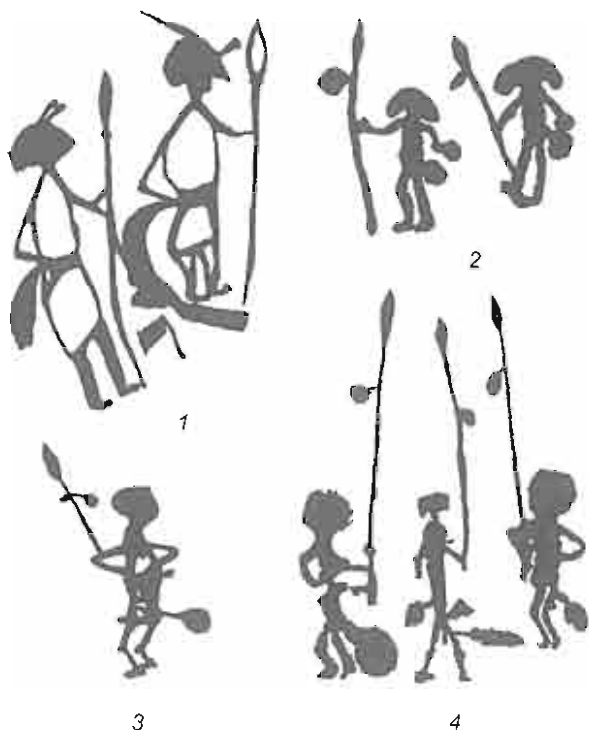

Рис. 9. Изображения воинов с копьями в петроглифах Монголии (1) и Горного Алтая (2–4).

1 – Цаган гол (по Э.А. Новгородовой [1989]); 2 – р. Чуя (по Д.В. Черемисину [1990]); 3, 4 – Горный Алтай (по В.Д. Кубареву [2003]).

жезлов недавно пополнилась великолепной находкой из могильника Шигуново (Северный Алтай) елунинской культуры середины II тыс. до н.э. [Кирюшин, 2002, рис. 127]. В числе бронзовых вещей, уже привлекавших к себе внимание исследователей, можно отметить навершия бронзовых ножей елунинской культуры (рис. 8, 2, 3) и головки коней на бронзовом наконечнике копья сейминского типа из собрания Кустанайского музея (рис. 8, 6).

Высказанное некоторыми авторами мнение о принадлежности подобных изображений к предсакскому и сакскому времени не противоречит выводу об их сейминской атрибуции, т.к. данная изобразительная традиция могла существовать достаточно длительное время, о чем, например, свидетельствует стилистически более позднее изображение из Теректы (рис. 8, 7). Свидетельством длительного сохранения сейминской традиции является опубликованный К.В. Чугуновым бронзовый кинжал из Западной Тувы – он раннескифского типа, но с навершием в виде идущих друг за другом животных [1997, рис. 1], как на классическом ноже из Сейминского могильника.

О приходе на территорию Монголии в эпоху бронзы новых групп населения косвенно можно судить по петроглифам, в частности, по одной из сцен на скалах Цаган гола (Гоби-Алтайский аймак), которую Э.А. Нов-

горова по находящейся рядом, но скорее всего нанесенной позднее, юэчжийской тамге ошибочно отнесла к хуннскому времени [1984, с. 60, 110]. В верхней части плоскости камня здесь изображены фигуры двух стоящих мужчин-воинов, вооруженных копьями (рис. 9, 1). Они одеты в туго подпоясанные длинные (до колен) облегающие кафтаны и, по-видимому, высокие мягкие (кожаные?) сапоги, к поясу сзади подвешены плавно очерченные “хвосты”. Приталенная, плотно прилегающая одежда на этих воинах напоминает одеяние известного “конного лыжника” из Ростовкинского могильника [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66, 2]. Изображения воинов на скалах Цаган гола, вероятно, следует исключить из сводки подобных изображений, составленной В.Д. Кубаревым [2003]. Изображения цагангольских воинов выполнены вполне реалистично и, возможно, представляют вполне реальных лиц или героизированные образы. Левая рука у обоих персонажей согнута в локте и покоится на поясе, в правой отставленной руке – длинное, в рост человека, копьё; форма наконечников этих копий напоминает сейминские образцы. Показаны также округлые низко надетые шляпы с длинными перьями (?). Запечатленные ниже фигуры лошадей в стилистическом отношении соответствуют сейминско-турбинской традиции. Изображения двух таких же стоящих рядом воинов с копьями, но менее выразительные, открыты Д.В. Черемисин на р. Чуе (рис. 9, 2). Рисунки стоящих воинов с копьями имеются и в других местах Горного Алтая, но их немного (рис. 9, 3, 4) и они передают скорее всего уже каких-то мифологических персонажей.

Приведенные разнообразные материалы (мелкая пластика из Прииртышья, статуарные изображения из Южной Сибири, сейминские бронзы, наскальные рисунки, выполненные в “сейминско-турбинском” стиле, наконец, замечательная сцена из Цаган гола, возможно, впервые представляющая внешний облик воинов-“копьемосцев” сейминской эпохи) имеют непосредственное отношение к вопросу об интерпретации каменных изваяний Нарийн Хурумты, т.к. являются “свидетелями” и “участниками” одних и тех же культурно-исторических процессов.

К несколько более позднему времени, чем нарийнхурумтинские изваяния, относится антропоморфная стела, хранящаяся в Туранском краеведческом музее (Северная Тува). Опубликовавшие данное изображение М.Е. Килуновская и В.А. Семенов отмечают его стилистические особенности, знакомые по другим образцам, – массивный нависающий подбородок, прямой длинный нос с широкими ноздрями, овальные глубоко посаженные глаза [1999, с. 141, рис. 12]. Новым приемом, пожалуй, является выделение рельефного валика вокруг рта. Голова изваяния из Туранского музея отделена от остальной части камня поперечным выбитым желобком, что сближает его с оленными камнями (рис. 10, 4).

Наконец, в самой Монголии среди многочисленных оленных камней монголо-забайкальского типа известно несколько памятников с антропоморфными изображениями, по всей видимости, продолжающими традиции нарийнхурумтинских изваяний. В основном они передают тот же изобразительный канон. Это особенно хорошо видно при сравнении с изображением на известном оленном камне в Ушкийн Увэре: тот же нависающий лоб, близко расположенные и глубоко посаженные глаза, удлиненная нижняя часть лица (рис. 10, 1). На оленном камне из Дунд сомона невысоким рельефом выделена нижняя часть лица (рис. 10, 2), а на оленном камне из пос. Агар – глубоко посаженные глаза, крупный прямой нос, также рельефно подчеркнута нижняя часть лица (рис. 10, 3). На оленных камнях из Ушкийн Увэра и пос. Агар, как и на некоторых более ранних изображениях, на голове человека показана круглая облегающая шапочка. Сопоставляя эти памятники между собой, вряд ли можно предположить, что для их изготовления могли использоваться более ранние изваяния, подобные нарийнхурумтинским. Изображения нигде не перекрывают друг друга, а по рисункам на оленном камне из Ушкийн Увэра видно, как вдетая в ухо серьга с подвеской, по времени, несомненно, такая же, как изображение лица на торцевой поверхности камня, четко “вписывается” в отростки рогов расположенного ниже оленя.

Оленные камни монголо-забайкальского типа, в т.ч. с антропоморфными изображениями, по представленным на них реалиям с наибольшей вероятностью могут датироваться не ранее начала I тыс. до н.э., предположительно X (IX)–VIII вв. до н.э. [Савинов, 1994, с. 110], что можно рассматривать как *terminus ante quem* для нарийнхурумтинских изваяний.

Особого внимания заслуживают некоторые восточные аналоги. А.А. Ковалев проводит параллель между антропоморфными изображениями на оленных камнях и бронзовым предметом из Дахуачжуна (Цинхай), украшенным четырьмя головами, в изображении лиц которых явно улавливаются элементы одного и того же изобразительного канона [2001, рис. 2, б]. Однако, по нашему мнению, одна случайно найденная вещь не дает основания

говорить о том, что “формирование культуры оленных камней проходило на территории... Ганьсу – Цинхай” [Там же, 2001, с. 165]. Скорее, антропоморфные изображения, использовавшиеся, по-видимому, в особых случаях, были уже эпизодом для создателей оленных камней.

Мы склонны согласиться с А.В. Вареновым, который выделяет по материалам могильника Кээрмуци в Северном Синьзяне новую культуру конца эпохи бронзы – “XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н.э.” [1999, с. 56]. В числе рассмотренных А.В. Вареновым находок – литейные формы для изготовления кельтов – лопаток сейминского типа, керамика митровидной формы типа найденной в Осинкинском могильнике и в курганах каракольской культуры у с. Озерное на Алтае [1998, с. 60–65]. В одном из разрушенных погребений был найден каменный жезл с антропоморфным изображением [Там же, рис. 1, 8], который исследователь сопоставляет с более западными аналогами – минусинскими (окуневскими) или прииртышскими,

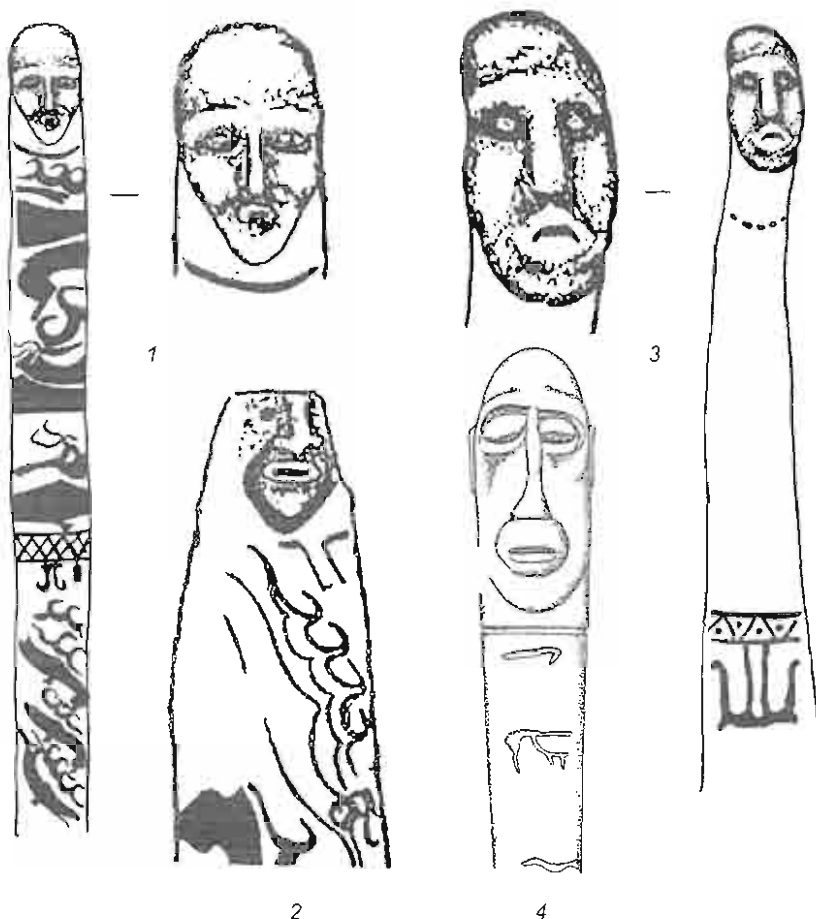

Рис. 10. Антропоморфные изображения на оленных камнях Монголии (1–3) и Тувы (4).

1 – Ушкийн Увэр (по В.В. Волкову [2002]), 2 – Дунд сомон (по В.В. Волкову [Там же]), 3 – пос. Агар (по В.В. Волкову [Там же]), 4 – каменное изваяние из Туранского музея (по М.Е. Килуновской, В.А. Семенову [1999]).

относящимися к сейминскому времени. Можно отметить также сходство между фигурками лошадей на двойных сосудах с одной округлой крышкой [Варенов, 1999, рис. 2, б] и наскальными изображениями “сейминско-турбинской” традиции. Эти материалы являются основанием для предположения о распространении “сейминско-турбинских” традиций вплоть до западных пределов Китая. Но пока это только “узелки” на несохранившейся ткани древних культур Центральной Азии, возможности изучения которых расширяются с открытием каждого нового памятника.

Выводы

Святыни Нарийн Хурумта относится, скорее всего, ко второй половине II тыс. до н.э. Анализ установленных на нем изваяний, впервые открытых на территории Монголии, позволяет выделить пласт памятников с изображениями лиц европеоидного типа, отличающимися общими или близкими стилистическими особенностями. Их западные аналоги – предметы мелкой пластики из Прииртышья, по-видимому, наиболее ранние и могут рассматриваться как “исходные” для формирования подобных изображений. Восточные границы их ареала в общих чертах совпадают с восточными пределами распространения сейминских бронз и наскальными рисунками “сейминско-турбинского” типа. Это дает основание говорить о едином археологическом контексте рассматриваемых памятников и возможности миграции оставившего их населения из районов Верхнего Прииртышья и более глубинных степных районов Казахстана, через Алтайскую горную систему, на восток до Центральной Монголии, а скорее всего и дальше. Возможно, как отражение этого процесса следует рассматривать и наскальные изображения воинов с копьями в Цаган голе, выделяющиеся среди всех остальных петроглифов Монголии. В начале I тыс. до н.э. традиции изваяний эпохи бронзы, подобных нарийнхурумтинским, сохранялись в иконографии некоторых оленных камней с антропоморфными изображениями, отличных в этом отношении от других многочисленных оленных камней монголо-забайкальского типа.

Список литературы

- Баяр Д.** Монголын төв нутаг дахь турэгийн хун чулуу. – Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн туухийн хурээлэн, 1997. – 147 с.
- Бобров В.В.** Бронзовые изделия самусько-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 76–78.
- Бобров В.В., Ковтун И.В.** Иконографические особенности комплекса сейминско-турбинских бронз // Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. трудов к 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 156–162.
- Варенов А.В.** Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гум. науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 60–72.
- Варенов А.В.** Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 53–59.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Москва: Науч. мир, 2002. – 248 с.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – 1980. – Вып. 36. – С. 5–34.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 93 с.
- Грушин С.П.** Проблема изучения сейминско-турбинского феномена на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2000. – С. 37–38.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния Минусинских степей // МАЭ. – 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 63–90.
- Ермоленко Л.Н.** Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология: Человек и искусство: Сб. науч. трудов к 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 188–192.
- Килуновская М.Е., Семенов В.А.** Оленные камни Тувы (Ч. 2.: Сюжеты, стиль, семантика) // Археол. вести. – 1999. – № 6. – С. 130–145.
- Киришин Ю.Ф.** Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // История, филология и философия. – 1991. – Вып. 2. – С. 66–70.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 292 с.
- Ковалев А.А.** О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов к 60-летию Д.Г. Савинова. – СПб.: Филол. ф-т СПб. ун-та, 2001. – С. 160–165.
- Кубарев В.Д.** Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 24–54.
- Кубарев В.Д.** Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. – 2003. – № 11. – С. 23–35.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 294 с.
- Леонтьев С.Н.** К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Ч. 1. – С. 181–183.
- Мазниченко А.П.** Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1985. – С. 152–154.
- Мошинская В.И.** Древние скульптуры Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 131 с.

- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 166 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. – М.: Наука, 1989. – 380 с.
- Новоженков В.А.** Петроглифы Сары-Арки. – Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. – 126 с.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.** Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 146–153.
- Савинов Д.Г.** Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 94–100.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфные изображения эпохи бронзы и раннескифского времени из восточной части евразийских степей // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. – СПб.: ФАРН, 1993. – С. 23–26. – (ПАВ; № 6).
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 208 с.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфная фигура на каменной плите из Есино III // Мировоззрения. Археология. Ритуал. Культура: Сб. статей к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб.: Мир книги, 2000. – С. 119–125.
- Сагындал И.** Изображение коня в петроглифах Теректы аулие (Центральный Казахстан) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 29–32.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Иртыша. – Алма-Ата: Тылым, 1992. – 286 с.
- Черемисин Д.В.** Петроглифы устья р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 162–165.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 319 с.
- Чугунов К.В.** Находка кинжала раннескифского времени из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – С. 85–86.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 397 с.
- Эрдэнэбаатар Д.** О некоторых итогах исследования херексурсов в Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2002. – С. 70–72.
- Kliachtornyi S.** Une “Ile de Paques” clans les montagnes de Mongolie // Les dossiers d’archeologie. 1994. – N 194. – P. 52–53.
- Leont'ev N., Kapel'ko V.** Steinstelen der Okunev – Kultur // Archäologie in Eurasien, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasian Abteilung, – 2002. – Bd. 13. – 110 S.

Материал поступил в редколлегию 22.12.03 г.

УДК 903.5

А.П. Дружинина

*Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
АН Республики Таджикистан
пр. Рудаки, 33, Душанбе, 734025, Таджикистан
E-mail: anjelinad@yahoo.com*

КРЫШКА КАМЕННОЙ ПИКСИДЫ С ЗООМОРФНЫМ ФРИЗОМ С ГОРОДИЩА ТАХТИ-САНГИН Новая находка на территории древней Бактрии

Место находки и ее описание

Городище Тахти-Сангин, на территории которого была обнаружена впервые публикуемая находка, находится на западном берегу р. Амударьи (греч. назв. *Oxos*) недалеко от ее начала, образованного слиянием рек Вахш и Пяндж. В ходе раскопок, проводившихся в 1976–1991 гг., на цитадели городища (рис. 1) удалось раскрыть монументальное культовое сооружение, названное по найденным в нем votivным надписям храмом Окса [Пичикян, 1991, с. 171; Drujinina, 2001, S. 261] и датированное в рамках конца IV в. до н.э. – IV в. н.э. [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 182–183]. Результаты исследований опубликованы в многочисленных статьях и монографиях (библиографию см.: [Там же, 2000, с. 416–452; Litvinskij, Pičikjan, 2002]).

Раскопки на новом этапе* направлены на изучение структуры всего городища методами шурфовки и получение дат для каждой его части [Дружинина, 2000, с. 240–261]. На южной и северной половинах городища были зафиксированы остатки многочисленных сооружений, датируемых по керамическому материалу и аналогиям с керамикой городища Ай-Ханум (Северный Афганистан) эллинистическим временем.

На южной половине городища (участок Юг-2) были исследованы остатки сооружения № 368, общая площадь которого с оградой составляет ок. 625 м². Функциональное назначение объекта может быть рассмотрено только после его полной расчистки. В 2003 г. в северной части этого сооружения раскопано прямоугольное помещение* с заглубленными в землю стенами из бутовых камней, сложенных в три-четыре ряда в высоту. В помещении под практически “чистым” глиняным заполнением найдены многочисленные фрагменты разбитых, полностью собираемых керамических сосудов и гипсовых чаш. В северо-восточном углу сохранились два небольших фрагмента изделия из серо-черного сланца с прорезанными по краю зубчиками, а в западной половине помещения – перевернутая крышка сосуда**, изготовленная также из серо-черного сланца (рис. 2).

Крышка достаточно хорошо сохранилась, но по всему периметру у нее отбит край, частью которого, как сначала казалось, могли являться два фрагмента, о которых говорилось выше. К сожалению, данное предположение не подтвердилось: фрагменты не соответствовали сильно поврежденным краям крышки. Возможно, они принадлежали какому-то другому каменному предмету.

* Работы ведутся с 1998 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан при финансовой поддержке Фонда древнего искусства “МЕЦЕНОС” (Швейцария, Базель).

* В работах на объекте принимали участие: М. Гафуров, А. Абилов, Ф. Алиев, М. Бобомуллоев, С. Шерали.

** Музей Национальных древностей Таджикистана Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан (далее МНДТ), инв. № 15003/1091.

Крышка (максимальный диаметр сохранившейся части 19 см) имеет достаточно заметный прогиб. Ручка крышки почти цилиндрической формы высотой ок. 2 см, диаметром 3,1–3,5 см. Внутренняя и внешняя поверхности предмета отполированы неодинаково: внутренняя имеет следы от инструмента и шероховатости, внешняя более гладкая. При расчистке крышку подняли без ручки и пластинок инкрустации, которые остались в плотной глине. В ходе реставрации положение ручки и всех найденных фрагментов инкрустации было восстановлено на предмете*. Ручка была вырезана вместе с крышкой из одного куска камня (предметы, у которых ручки изготавливались отдельно, найдены на городище Ай-Ханум [Francfort, 1984, p. 23; Guillaume, Rougeulle, 1987, p. 10]).

Внешняя поверхность крышки оформлена инкрустацией из тонких каменных пластин и резьбой (рис. 3). Такое смешение техник характерно для некоторых аналогичных сосудов с Ай-Ханум, хотя большинство находок украшено с применением только одной техники [Francfort, 1984, p. 24]. Борт крышки имеет два узких и одно широкое орнаментальное поле. Узкое внешнее поле образует инкрустация из посаженных встык маленьких прямоугольных пластинок светло-желтого стеатита, сохранившихся только в виде мелких осколков. Узкое внутреннее поле инкрустировано чередующимися треугольниками из красной яшмы, светло-желтого стеатита и синего лянис-лазурита. Пластины были вложены в специально углубленные в камне дорожки. Кроме орнаментальных полей, на участке между ручкой крышки и орнаментальной полосой из треугольников прочерчены три concentрических желобка. Узкими полями обрамлено широкое поле с зооморфным фризом. Фигуры животных разделены

Рис. 1. Городище Тахти-Сангин с цитаделью. Вид с северо-запада. 2003 г.

Рис. 2. Крышка пиксиды с городища Тахти-Сангин.

розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками, которые в таком сложном сочетании на крышках каменных сосудов встречаются впервые. Обычным мотивом зооморфного характера для находок с Ай-Ханум были фигуры трех бегущих или шести стоящих лошадей, повернутых парами друг к другу, либо чередующиеся изображения трех лошадей

* Все работы по очистке предмета от солей и восстановлению орнамента проведены мной.

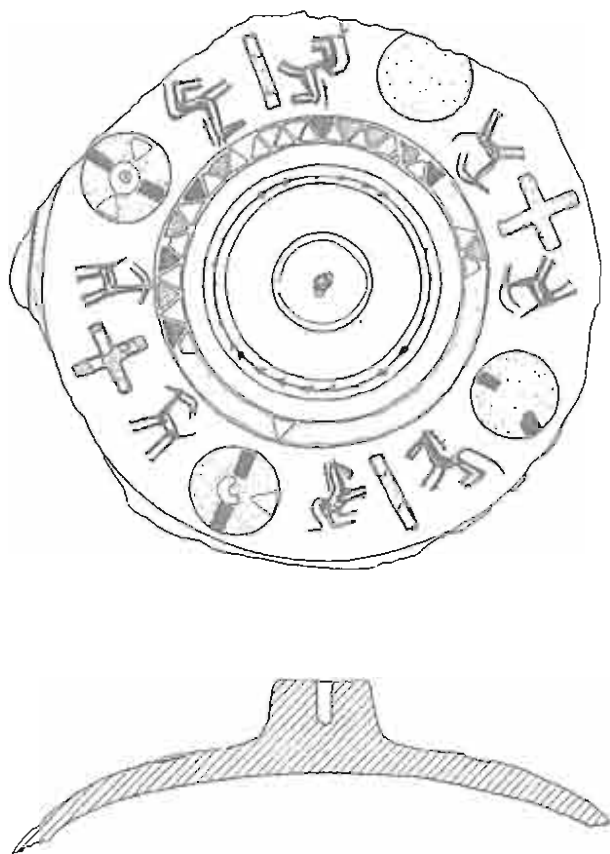

Рис. 3. Крышка пиксиды с городища Тахти-Сангин.
Вид сверху и разрез. Рисунок А. Салиева.

и трех баранов, бегущих по кругу (рис. 4). На оплываемой крышке запечатлены по две пары лошадей и газелей. Каждая пара животных показана в профиль, фигуры повернуты друг к другу и разделены орнаментальным элементом: газели – крестом, лошади – вытянутым прямоугольником (рис. 5). Изображения выполнены в технике линейной резьбы очень аккуратно и профессионально. Хорошо проработаны мелкие детали – хвосты, верхние части конечностей всех животных, а также копыта и гривы лошадей. Одно изображение газели мастерски “посажено” на трещину в камне. Фигуры животных отличаются друг от друга по манере исполнения.

Пары животных отделены друг от друга розетками, состоящими из отдельных каменных пластинок. В центре розеток – круглая вставка с отверстием, которую обрамлял узор из разных по цвету треугольников и прямоугольников. К сожалению, на найденном образце орнамент розеток сохранился лишь частично. Не удалось определить состав красного порошкообразного вещества, закреплявшего инкрустацию на сосуде. По визуальным наблюдениям, это порошок красной сангины, смешанный с каким-либо вяжущим веществом. Большое количество (в одном случае склад) легко размельчаемых палочек-заготовок сангины темно-красного цвета было обнаружено в античных слоях двух поселений на территории г. Душанбе. Окончательное заключение, возможно, будет дано после химических анализов.

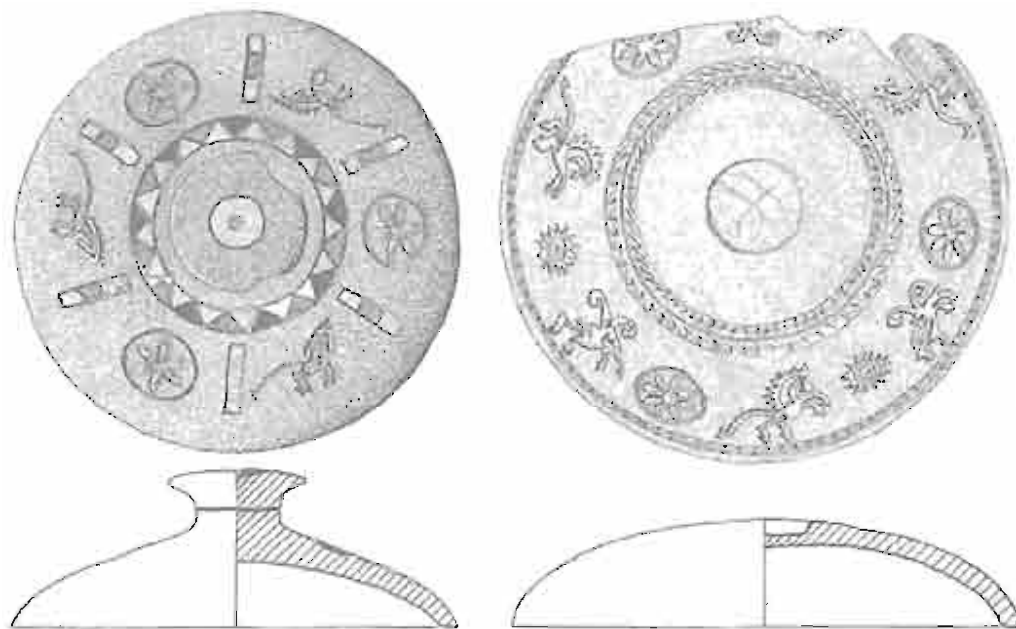

Рис. 4. Крышки пиксид с городища Ай-Ханум
(по: [Guillaume, Rougeulle, 1987, Pl. 6, 1, 4]).

Рис. 5. Фрагменты зооморфного фриза крышки пиксиды с городища Тахти-Сангин.

Назначение предмета и сравнения

Рассматриваемые каменные сосуды с крышками по функциональному назначению были отнесены к группе сосудов-пиксид, которые служили для хранения мазей, пряностей или украшений и изготовлялись в Греции из самых разных материалов [Francfort, 1976, p. 91; Der neue Pauly..., 1998, S. 671]. Подобные сосуды и их фрагменты с территории Центральной Азии были сделаны только из камня и условно отнесены к пиксидам; имеется короткое упоминание об образце из дерева [Боделов, 2003, с. 32]. Первоначально А.-П. Франкфор выделил две группы этих сосу-

дов – пиксиды-катушки и пиксиды-“бонбоньерки” [Francfort, 1976, p. 91]. Первые по форме напоминают греческие пиксиды, которые в эллинистическое время делали, как правило, из глины. Вторые исследователь связал по форме с древней местной традицией и позже назвал шкатулками с отделениями [Francfort, 1984, p. 22]. Не имея возможности привлечь какое-либо другое название из восточно-иранского языка или этнографический термин для определения обсуждаемого сосуда, я использую общее название для сосудов этой группы – пиксиды, которое отражает, как показали отдельные находки, их функциональное назначение. В одном сосуде, найденном в мавзолее

на Ай-Ханум, были обнаружены остатки красного вещества; изделие использовалось, возможно, для хранения косметических средств [Francfort, 1976, p. 92; Grenet, 1984, p. 71]. Крышка с городища Тахти-Сангин также могла быть частью пиксиды, в которой хранились украшения (фрагмент одного из них был найден здесь же, в раскопанном помещении). Это предположение вписывается в представление о таких сосудах как принадлежностях женского туалета, которые сопровождали женщину и в загробном путешествии, что хорошо известно по греческим надгробным изображениям. Однако пока мы не имеем достаточного количества прямых доказательств, позволяющих уверенно говорить о назначении бактрийских сосудов. При рассмотрении этого вопроса важно учитывать не только большой вес (крышка с городища Тахти-Сангин весит ок. 1 кг) и неудобство в обращении с крупными образцами, но и то, что пиксиды данной формы использовались позже в греко-буддийском контексте в качестве сосудов-реликвариев [Francfort, 1976, p. 96–98].

Такие пиксиды, как предполагалось ранее, не были широко представлены на территории Бактрии; они имелись только среди находок из восточной столицы Бактрии – городища Ай-Ханум [Ibid., p. 92]. Однако сегодня можно уверенно говорить о том, что эти сосуды со сложной или с простой орнаментацией получили достаточно широкое распространение и в провинции – в Северной Бактрии. Фрагменты нескольких таких сосудов без крышек с прочерченным желобком по краю (в желобке сохранились остатки красного вещества в виде полоски) были найдены в 1990-х гг. на территории античного городища в центре г. Душанбе*. Целые сосуды с крышками** были случайно найдены местными жителями на юге Таджикистана.

Как уже говорилось, по форме бактрийские сосуды-пиксиды не повторяли греческие образцы, а соответствовали местным традициям [Ibid.]. Даже самое короткое упоминание о многочисленных каменных сосудах эпохи бронзы, украшенных прочерченным орнаментом в виде треугольников, деревьев, змей или волнообразных линий, с территории Бактрии и Маргианы дает общее представление об основе развития этих сосудов [Sarianidi, 1986, S. 44–47, 51, 130; Сарияниди, 2001, табл. 9, 4; 2002, с. 125–126 и др.]. Для изучения ремесла камнерезов очень важны уникальные находки из погребения на городище Гонур в Маргиане. Там был найден полный набор инструментов мастера – нож с широким лезвием, абразивы, кремневое сверло, лекала, свинцовые и костяные стержни.

* МНДТ, коллекция с Душанбинского городища, б/н.

** Судя по фотографии, было не менее шести целых предметов; инкрустация утеряна; зооморфные фризы отсутствуют; вещи не опубликованы.

Они лежали в корзинке вместе с многочисленными кусочками минералов (бирюза, халцедон, горный хрусталь, яшма и др.) [Сарияниди, 2001, с. 71]. Безусловно, проведение параллелей между находками эпохи бронзы и эллинистического периода для территории Бактрии носит относительный характер в силу малой изученности промежуточных исторических периодов и отсутствия антропологического материала для этого времени, подтверждающего континуитет между населением эпохи бронзы и эллинистического времени на этой территории. И только выводы о том, что керамика Бактрии ахеменидского времени сформировалась на основе комплекса эпохи бронзы [Кузьмина, 1994, с. 10; Lyonnet, 1997, p. 118 и др.], позволяют прибегнуть к использованию сравнений с находками эпохи бронзы при исследовании других групп находок.

Необходимо отметить, что на территории Бактрии до сих пор не найдены каменные сосуды с инкрустацией, датируемые от бронзового века и до эллинистического периода. Это говорит не об их отсутствии вообще, а о том, что бактрийские памятники доахеменидского и ахеменидского времени, несмотря на количественный сдвиг в их изучении [Шайдулаев, 2000, библиография; Garden, 1998, p. 111–112, 161], так и остались во многом *terra incognita*. Известна серия произведений искусства, доказывающих использование техники инкрустации в ахеменидское время в Бактрии. Такие предметы зафиксированы среди вещейклада Окса (Амударьинский клад), в коллекции из храма Окса (городище Тахти-Сангин) и среди других находок с территории Бактрии [Амударьинский клад..., 1979, с. 45; Pitschikjan, 1992; Catalogue..., 2002, № 190a, p. 170 и др.]. Одним из ярких свидетельств продолжения традиции применения техники инкрустации в Бактрии во второй половине I тыс. до н.э. является золотая пластинка (размеры: 1,9 × 1,7 см) с перегородками и инкрустацией из камня и пасты из храма Окса*, на которой изображен человек, ведущий верблюда (рис. 6) [Пичикян, 1991, с. 85–86; Литвинский, Пичикян, 1992, с. 94].

Элементы фриза и дата находки

Обратимся к уже предложенным ранее трактовкам отдельных элементов украшения крышки. Например, мотив чередующихся треугольников на крышках пиксид с городища Ай-Ханум А.-П. Франкфор интерпретировал как изображение зубов собаки [Francfort, 1984, p. 24]. Правомерность такого определения, на первый взгляд, подтверждается при рассмотрении находки из храма Окса (рис. 7). Речь идет о намерении из стеатита (размеры: 10,8 × 3,8 см) в виде головы собаки с оск-

* МНДТ, коллекция из храма Окса, инв. № 4202/1091.

Рис. 6. Золотая пластина с инкрустацией из храма Окса.

Рис. 7. Каменное навершие в виде собаки из храма Окса.

Рис. 8. Отпечаток амулета с изображением крылатого коня (по: [Sarianidi, 1986, с. 241]).

Рис. 9. Фрагмент каменной пластины с инкрустацией с городища Тахти-Сангин.

ленными зубами*. Зубы животного обозначены каменными разноцветными треугольниками [Древности Таджикистана..., 1985, с. 93, находка под названием "волк-дракон"; Oxus..., 1989, S. 46, № 15], идентичными тем, которые были использованы при оформлении рассматриваемого нами предмета. Различие состоит только в том, что на навершии, как бы соответствуя двум челюстям, чередуются треугольники двух, а на крышке пиксиды с городища Тахти-Сангин – трех цветов. По публикациям не удалось выяснить, пластинки скольких цветов использовались при оформлении крышек с городища Ай-Ханум. Необходимо отметить, что композиции из треугольников в искусстве Бактрии, Маргяны и Хорезма имеют очень глубокие корни, уходящие в эпоху бронзы: исследователями они трактуются как элементы солярных композиций [Sarianidi, 1986,

S. 51; Трудиновская. 1967, с. 141, табл. 15, 6]. Конечно, выяснение предназначения самих сосудов-пиксид в Бактрии и их принадлежности к погребальным поношениям или к парадным и ритуальным сосудам определит трактовку этого орнамента соответственно как зубов собаки или как солярных символов.

Невозможно не обратить внимания на то, что фигуры тахти-сангинских и ай-ханумских коней при большом сходстве имеют отличительные черты: они различаются по постановке ног, углу наклона корпуса и качеству исполнения рисунка. По стилю изображения тахти-сангинские кони с городища более похожи на крылатого животного на каменном амулете (размеры: ок. 2,0 x 2,5 см) эпохи бронзы из Бактрии (рис. 8). Последний персонаж трактуется как крылатый лев [Sarianidi, 1986, S. 241], что не совсем правомерно; возможно, в этой фигуре воплощен образ крылатого коня. Привлечение в качестве аналога находке бронзового века

* МНДТ, коллекция из храма Окса, инв. № 1183/1091.

из Бактрии крышек пиксид с городищ Тахти-Сангин и Ай-Ханум представляется очень целесообразным: у крышек практически одинаковые мотивы зооморфных фриз, а различия проявляются лишь в нескольких деталях, по которым можно судить о разнице в хронологической принадлежности вещей. К сожалению, крышка с городища Тахти-Сангин, как и крышки с Ай-Ханум, может быть датирована только по общему археологическому контексту (в основном по керамическим комплексам) III–II вв. до н.э. [Francfort, 1976, p. 92, 94]. И только стилистические особенности изображений коней на крышке с городища Тахти-Сангин и их сходство с фигурой на находке эпохи бронзы позволяют предположить, что тахти-сангинская крышка была изготовлена несколько раньше, чем ай-ханумские.

Обращают на себя внимание и некоторые другие каменные предметы из Бактрии, которые можно было бы объединить с пиксидами в одну группу по хронологии и наличию инкрустации каменными вставками. Речь идет о плоских квадратных пластинах со сквозным отверстием, а также с инкрустированными полями вдоль края и большой круглой розеткой в центре. Такие пластины, определенные как пластины-оракулы или игральные доски, были найдены на городищах Ай-Ханум [Francfort, 1984, p. 26, pl. XIV, 15], Тахти-Сангин (рис. 9)* и Душанбинском городище**. Большое сходство этих пластин, изготовленных из местного сырья, по технике инкрустации и размерам свидетельствует об их бактрийском происхождении. Таким образом, рассмотренные в данной работе находки из камня (крышки пиксид, навершие в виде собаки, пластины с отверстием) представляют собой единую группу образцов еще мало изученного бактрийского искусства эллинистического и, возможно, доэллинистического времени.

И последнее, к чему хотелось бы вернуться в связи с рассмотрением тахти-сангинского фриза, – это трактовка А.-П. Франкфора зооморфных изображений на крышках из Ай-Ханум. Предлагая ее, исследователь ограничивается замечанием о том, что мотив можно назвать восточно-иранским или связать его с искусством “степи” [Francfort, 1984, p. 24]. Конечно, исходя из такой трактовки элементы зооморфного фриза на крышке с городища Тахти-Сангин можно рассматривать как композицию из фигур коней, которые символизируют свет, день или перевоплощенных божеств, разделенных Древом жизни [Кузьмина, 2002, с. 59, 187, 226; Литвинский, Пичикян, 2000, с. 315–317], а также газелей, олицетворяющих ночь [Кузьмина, 2002, с. 202], разделенных защитными знаками – крестами [Хлопин, 1962, с. 14–21] и симметрично соединенных между собой солярными

знаками в виде розеток. Можно попробовать трактовать элементы фриза и в эллинистическом ключе, используя символы греческого искусства, однако и в этом случае не станет ясно, что же на самом деле хотели выразить Они – те, кто понимал смысл сочетаний этих элементов на этом “женском” по функции и совершенно “неженском” по символике предмете. Почему именно такие сосуды и их крышки были найдены практически целыми и не только в мавзолее или в храме на Ай-Ханум, а также на юге Таджикистана и на городище Тахти-Сангин? Почему эти сосуды уже без зооморфных фриз использовались в греко-буддийском контексте в кушанское время как сосуды-реликварии? На эти вопросы, как и на многие другие, пока нет ответов. Приходится признать, что сегодня, несмотря на то, что в XX в. на территории Бактрии проводились масштабные исследования, мы хорошо знаем только о том, из чего бактрийцы ели и пили в эллинистическое время, но не имеем представления о том, в кого Они верили и как провожали в последний путь своих сородичей. Возможно, что-то новое о функциональном назначении бактрийских пиксид удастся выяснить после полной расчистки сооружения № 368 на городище Тахти-Сангин.

Список литературы

- Амударьинский клад:** Каталог выставки / Ред. Е.В. Зеймаль. – Л.: Искусство, 1979. – 96 с.
- Болелов С.Б.** Древнехорезмийский керамический комплекс по материалам Калалы-Гыр-2 // Центральная Азия: Источники, история, культура: Тез. докл. конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. – М.: Гос. Музей Востока, 2003. – С. 30–32.
- Дружинина А.П.** Раскопки на городище Тахти-Сангин: Предварительный отчет 1998–1999 года о работах на восточном участке цитадели // Археологические работы в Таджикистане. – 2000. – № 27. – С. 240–261.
- Древности Таджикистана:** Каталог. – Душанбе: Дошир, 1983. – 219 с.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.
- Кузьмина Е.Е.** Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). – М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. – 288 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.** Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 94–112.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.** Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 1. – 504 с.
- Пичикян И.Р.** Культура Бактрии: Ахеменидские и эллинистические периоды. – М.: Наука, 1991. – 344 с.
- Сарианиди В. И.** Некрополь Гонура и иранское язычество. – М.: Мир-медиа, 2001. – 245 с.

* МНДТ, коллекция из храма Окса, инв. № 757/1091.

** МНДТ, коллекция с Душанбинского городища, б/н.

Сарианиди В. И. Маргуш: Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад: Türkmen döwlethabarlary, 2002. – 400 с.

Трундовская С.А. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов // Кой-Крылган-Кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. – М.: Наука, 1967. – С. 132–173. – (Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции; Т. 5).

Хлопин И.Н. Изображения креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении // КСИИА. – 1962. – № 91. – С. 14–21.

Шайдулаев Ш. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. – Ташкент: Изд-во народного наследия им. Абдуллы Кодыри, 2000. – 126 с.

Catalogue of Treasures of Ancient Bactria. – Shigaraki: Miho Museum, 2002. – 253 p.

Drujinina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tadschikistan): Vorbericht der Kampagnen 1998–1999 // Archäologischen Mitteilungen aus Iran und Turan. – 2001. – N 33. – S. 257–283.

Der neue Pauly // Enzyklopädie der Antike. – Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1998. – Bd. 10. – 1278 S.

Francfort H.-P. Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaires et palettes à fards “gréco-bouddique” // Arts Asiatiques. – 1976. – T. 32. – P. 92–98.

Francfort H.-P. Fouilles d’Aï Khanoum III, Le sanctuaire du temple à niches indentées. – P.: Diffusion de Boccard, 1984. – 122 p. – (Mémoires de la Délégation Archéologique Française; T. 27).

Gardin J.-C. Description des Sites et Notes de Synthèse. – P.: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1998. – 371 p. – (Prospections Archéologiques en Bactriane Orientale; T. 3).

Grenet F. La Pratiques funéraires dans l’Asie centrale sédentaire de la conquête grecque à l’islamisation. – P.: Centre National de la Recherche scientifique, 1984. – 348 p.

Guillaume O., Rougeulle A. Fouilles d’Aï Khanoum VII, Les petits objets. – P.: Diffusion de Boccard, 1987. – 145 p. – (Mémoires de la Délégation Archéologique Française; T. 31).

Litvinskij B.A., Pičikjan I.R. Taxt-i Sangin. Der Oxus-Tempel. Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur. – Mainz/Rhein: Philipp von Zabern, 2002. – 158 S. – (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 4).

Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. – P.: Ministère des Affaires étrangères, 1997. – 447 p. – (Prospections Archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978); T. 2).

Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Templ. Achämenidische Kunst in Mittelasien. – Berlin: Akademie Verlag, 1992. – 155 S.

Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus Sowjetrepublik Tadschikistan: Katalog. – Zürich: Museum Rietberg, 1989. – 175 S.

Sarianidi W. Die Kunst des Alteren Afghanistan. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 348 S.

Материал поступил в редколлегию 9.02.04 г.

УДК 903.052

И.А. Дураков¹, Л.Н. Мыльникова²¹Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630028, Россия²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikova@archaeology.nsc.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ С МОГИЛЬНИКА ТАНАЙ-7*

Введение

Курганный могильник Танай-7 находится в Тогучинском р-не Новосибирской обл., на юго-западе Кузнецкой котловины в предгорьях Салаирского кряжа. Это местность с солончаковыми почвами и редкой степной растительностью. Две небольшие котловины с запада на восток разделены гривой. В одной из них расположены курганные могильники и одиночные курганы эпохи средневековья [Бобров, 1997, с. 138], в другой, связанной с оз. Танай, к настоящему времени зафиксировано более 20 археологических памятников разного времени. За последние 15 лет многие из них частично или полностью раскопаны сотрудниками Кузбасской лаборатории археологии и этнографии СО РАН, Кемеровского государственного университета и Тогучинским археологическим отрядом ИАЭт СО РАН; материалы частично опубликованы [Бобров, 1997; Бобров, Горяев, 2001; Бобров, Жаронкин, 1998, 2001; Бобров, Мыльникова, Горяев, 1997; Бобров, Мыльникова, Мыльников, 1999, 2001; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Бобров, Умеренкова, 1998; Мыльникова, Бобров, Горяев, 1998; и др.].

Могильник Танай-7 расположен на невысокой западной террасе оз. Танай (Танаев пруд) в 330 м от береговой линии, в 2,2 км к юго-западу от трассы

республиканского значения Новосибирск – Ленинск-Кузнецкий. Его площадь примерно 20 тыс. м². Из 24 курганов раскопаны 16, обнаружено 58 погребений.

Значительный интерес представляет группа металлических изделий из погребального инвентаря. Серия предметов с выразительными и хорошо сохранившимися следами литейного производства позволила реконструировать некоторые элементы этого процесса. К анализу привлечен и такой вид источников, как литейные пороки (залиты, недоливы, спай, шероховатости, газовые и усадочные раковины и т.д.), при описании которых мы использовали классификацию Г. Энтон, принятую Международным комитетом по литейным порокам [Атлас..., 1957, 1958].

По функциональному назначению весь набор рассматриваемых медно-бронзовых изделий можно разделить на орудия труда, производственные заготовки и украшения.

Орудия труда

Коллекция орудий труда довольно многочисленна, но однообразна и состоит из серии ножей (целых и в обломках) и игольника.

Ножи представлены пятью целыми изделиями и пятью обломками. Они обнаружены в погр. 3 кург. 9 [Мыльникова, Бобров, 1995, с. 90], погр. 7 кург. 23/24 [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2001, с. 226, рис. 2, 17]; погр. 3 кург. 3 [Бобров, Мыльникова,

* Работа выполнена на средства гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (№ НШ-2286.2003.6) при финансовом содействии РГНФ (проект № 02-01-00335а).

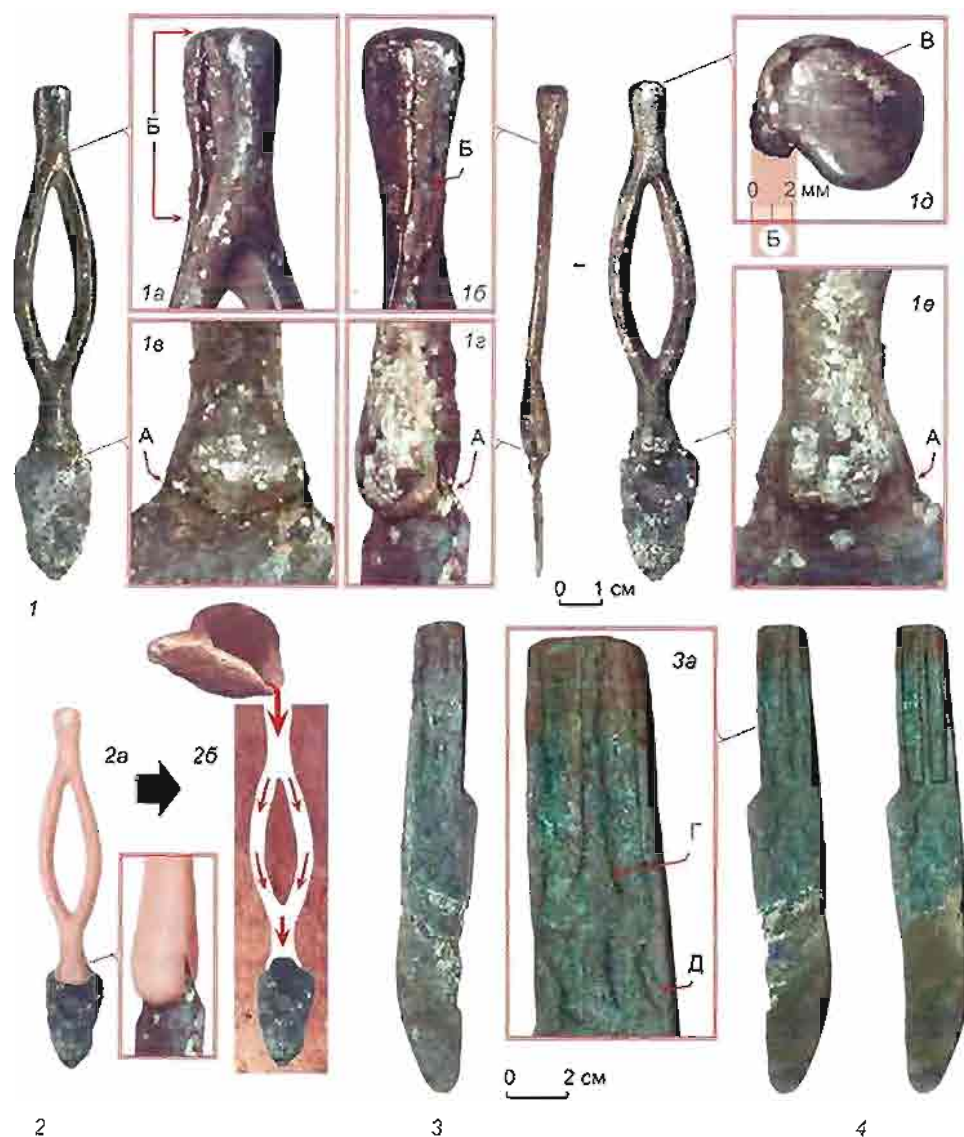

Рис. 1. Ножи. Могильник Танай-7.

1 – нож из погр. 3 кург. 9: 1а – навершие ножа (фронтальный вид), 1б – навершие ножа (вид сбоку), 1с, 1с, 1е – место соединения рукояти ножа и лезвия, 1д – навершие ножа (вид сверху); 2 – реконструкция процесса изготовления этого ножа методом “прилива”; 2а – формовочная модель; 2б – литейная форма; 3 – нож из погр. 7 кург. 23: 3а – фрагмент рукояти ножа со следами деформации рельефа; 4 – реконструкция первоначальной формы ножа, использованного в качестве модели при отливке изделия из кург. 23. А – сварочный шов; Б – литейный дефект в виде перекоса; В – застывшая пленка натяжения металла; Г – деформация рельефа; Д – газовая раковина.

Мыльников, 1999, с. 261, табл. 3, 3]; погр. 1 кург. 2 [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 1999, с. 259, табл. 1, 7]; погр. 10 кург. 14 [Бобров, Мыльникова, Горяев, 1997, с. 146, рис. 1, 5]; погр. 1 кург. 12: погр. 4, кург. 2; погр. 5 кург. 22 и погр. 2 кург. 18. Все ножи, кроме одного, цельнолитые.

Нож (рис. 1, 1), изготовленный методом “прилива”, имеет очень короткое лезвие подтреугольной формы и расширяющуюся к середине прорезную рукоять с небольшим грибовидным навершием.

Изделие отлито в двухчастной форме. На нем прослеживается дефект в виде значительного переко-

са: части отливки как бы сдвинуты относительно друг друга вдоль плоскости разреза на 0,21 см (рис. 1, 1а, 1б, 1д, Б). Как правило, это происходило из-за смещения частей формы в результате их слабого крепления или сильного износа [Атлас..., 1957, с. 152; Головин, 1960, с. 358–360]. Нож составной, его рукоять и лезвие изготовлены с применением разных технологических приемов и соединены методом “прилива”. Лезвие, судя по сохранившимся следам, оформлено ковкой. Рукоять литая и представляет собой прилив к ранее изготовленному лезвию, на что указывает хорошо заметный шов сварки в месте со-

прикосновения поверхности лезвия с горячим металлом прилива (рис. 1, *1в, 1г, 1е, А*).

Процесс изготовления ножа реконструируется следующим образом (рис. 1, 2). Модель рукояти лепили из пластичного материала, вероятно воска. В нее вмуровывали обоюдоострую пластину, в дальнейшем служившую лезвием ножа (рис. 1, *2а*). По готовой модели изготавливали две створки формы. После удаления пластичного материала модели лезвие будущего ножа оказывалось зажатым между створками формы (рис. 1, *2б*). В результате заливаемый металл, заполняя рабочую полость, приваривался к поверхности лезвия, соединяя обе части ножа. Заливка производилась сверху свободным падением через навершие рукояти, использованное в данном случае в качестве литниковой чаши. На это указывает хорошо сохранившаяся в верхней части навершия кристаллизовавшаяся пленка поверхностного натяжения залитого в форму жидкого металла (рис. 1, *1д, В*).

Данный морфологический тип ножей с прорезной рукоятью более характерен для культур бронзового века Урала и Поволжья [Мыльников, Бобров, 1995]. В Сибири кинжалы с подобной рукоятью встречаются на территории Минусинской котловины, однако, по мнению специалистов, широкого распространения они здесь никогда не имели и, видимо, являлись подражанием импортным образцам [Гришин, 1971, с. 16, табл. 2, *18*; 6, *12*]. В технологии изготовления ножа из могильника Танай-7 также чувствуется инокультурное влияние, т.к. сварка деталей изделия методом “прилива” не характерна для литейного производства ирменской культуры, в материалах которой чаще встречаются цельнолитые предметы. Вероятнее всего, описанный нами нож – импортный.

Нож (рис. 1, 3) прямой, рукоять от клинка отделена скошенным вниз выступом лезвия и украшена рельефом в виде двух параллельных желобков. Рельеф хорошо прослеживается в верхней четверти рукояти, а на остальной части сильно деформирован и имеет размытые очертания, выступающие детали на этом участке смяты и расплющены, как при кузнечной проковке (рис. 1, *3а, Г*). Анализ повреждения позволяет утверждать, что оно перешло на отливку с модели. На деформированной части рельефа сохранились перекрывающие его дефекты в виде грубого отпечатка структуры стенки формы и вытянутой открытой газовой раковины, которые при проковке отливки уцелеть не могли (рис. 1, *3а, Д*). Вероятнее всего, литейной моделью послужил настоящий нож, получивший повреждение в процессе хозяйственного использования (рис. 1, *4*). Литейный шов проходит по краю обушка ножа, формовочный уклон односторонний, видимо, отливка производилась в односторонней двухчастной форме. Металл

заливался со стороны рукояти: в ее верхней части прослеживается грубый слом от удаления литника – заполненного металлом канала, через который осуществлялась заливка формы. На всей поверхности изделия “читаются” литейные дефекты в виде шероховатостей и открытых газовых раковин вытянутой и округлой формы (пороки № 2132 и 4120 [Атлас..., 1958, с. 80–82, 152–153]). Открытые раковины могли образоваться вследствие повышенной газообразующей способности формовочного материала [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 128]. Возможно, форма была недостаточно просушена или имела легко выгорающие органические составляющие в формовочной массе.

Нож (рис 2, *1*) однолезвийный, с прямой спинкой, небольшой овальной прорезью в верхней части рукояти и навершием в виде диска с тремя маленькими круглыми отверстиями 0,29–0,4 см в диаметре. Нож уникальный, точные его аналоги нам не известны.

Изделие отлито в двухсторонней двухчастной форме. Заливка металла производилась со стороны рукояти. Литник удален, а место его слома тщательно заглажено. В средней части рукояти прослеживается литейный брак в виде спаев – неглубоких нитевидных канавок с плавно закругленными краями (порок № 3211 [Атлас..., 1958, с. 124]), возникший в результате недостаточной температуры заливки и торможения струи металла о выступы формы, обеспечившие образование отверстий в рукояти отливаемого ножа. На обеих сторонах лезвия прослеживаются пересекающие его симметрично расположенные неглубокие канавки с отвесными неровными краями (рис. 2, *г – е, А*). Так как трещина самой формы оставила бы след в виде выпуклого гребня, то можно с уверенностью утверждать, что этот дефект перешел на изделие с формовочной модели. Наверное, моделью послужил сломанный в процессе использования нож. Во время формовки в щель между неплотно сложенными обломками ножа набилась формовочная масса, в результате чего в рабочей полости формы образовался отпечаток слома, перешедший на отливку. Модель практически наверняка не имела отверстий в рукояти и относилась к обычному для ирменской культуры типу ножей с монетовидным навершием. В пользу этого предположения говорит разное расположение литейных швов на обушке ножа и на отверстиях рукояти. На обушке они проходят посередине боковой стороны изделия (рис. 2, *б, Б*). В отверстиях навершия и прорези рукояти литейные швы и заливки расположены на уровне одной из плоскостей ножа (рис. 2, *б, в, В*). Следовательно, образовавшие эти отверстия выступы были только на одной створке. При наличии отверстий на модели изготовить форму с не имеющи-

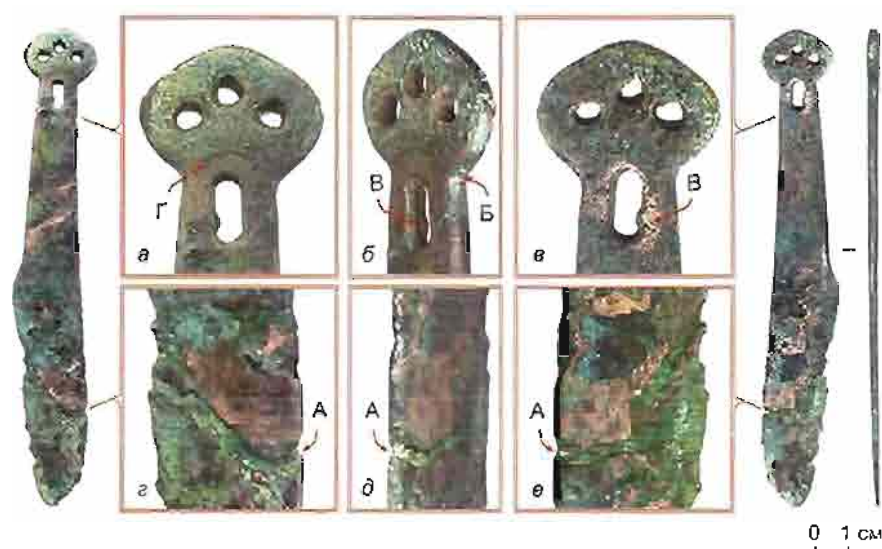

Рис. 2. Нож из погр. 3 кург. 3 могильника Танай-7.

а – в – навершие с сохранившимся литейным швом (Б), заливками (В) и отпечатком основания стержня (Г); г – е – фрагменты лезвия с отпечатком следов повреждения модели (А).

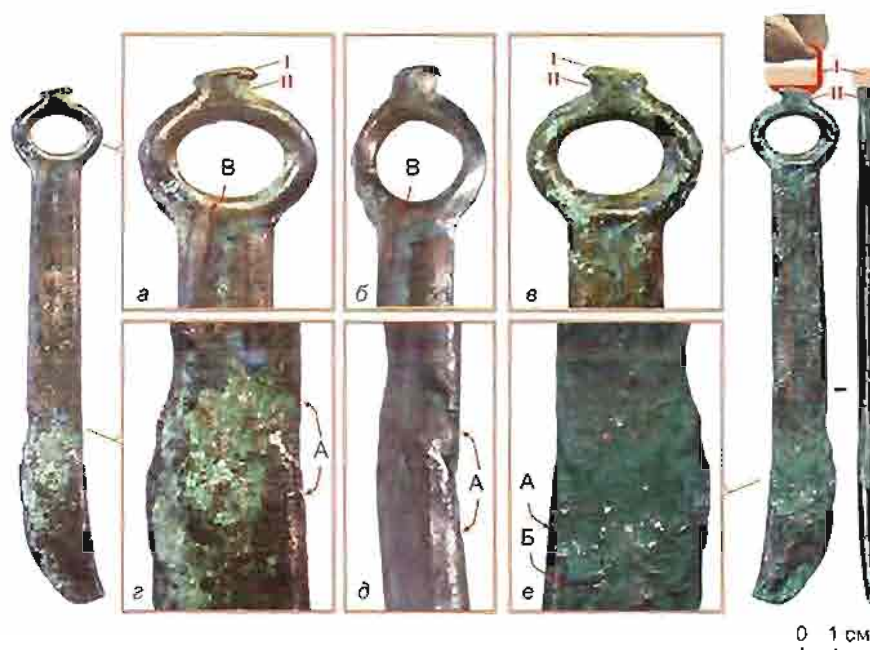

Рис. 3. Нож из погр. 1 кург. 2 могильника Танай-7.

а – в – навершие ножа с литником, состоящим из сохранившегося фрагмента чаши (I) и стояка (II). г – е – лезвие с отпечатками следов разглаживания пластичного материала и повреждения модели (А) и повреждением, образовавшимся в результате использования ножа (Б).

ми формовочного уклона односторонними выступами такого сечения, не повредив при этом створку, практически невозможно. Вероятнее всего, оттикнув в формовочной массе сломанный нож, мастер усложнил литейную форму, вставив в одну створку

стерженьки, послужившие “болванами”. В результате металлопластического удара стерженек “болвана” на рукояти сместился, поэтому в нижней части отверстия образовался затяг, а над отверстием – вмятина, оставленная его основанием (рис. 2, а, Г).

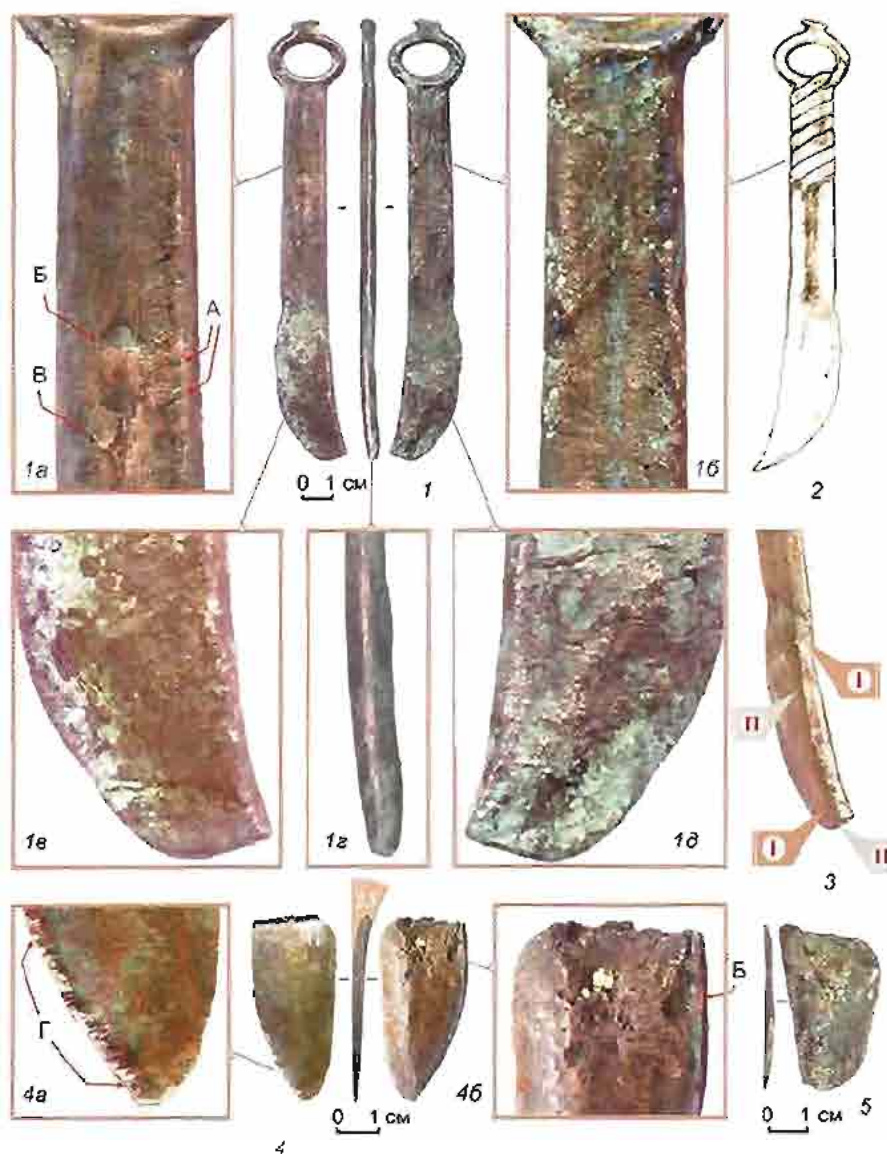

Рис. 4. Ножи. Могильник Танай-7.

1 – нож из погр. 1 кург. 2: 1а, 1б – фрагменты со следами обмотки рукояти (А) и литейными дефектами – раковинной (Б) и просечкой формы (В). 1а – 1б – лезвие со следами повреждения и износа; 2 – реконструкция этого ножа; 3 – расположение зон поломки ножа (II) в его модели (I); 4 – изделие из погр. 4 кург. 2: 4а, 4б – фрагменты лезвия со следами шабрения (Г) и газовыми раковинами (Б); 5 – нож из погр. 1 кург. 12.

Нож (рис. 3, 1) цельнолитой, однолезвийный, с тавровидной в сечении рукоятью и кольцевым навершием. Лезвие слегка изогнуто, а его кончик обломлен. Так как часть этого сломана раскована, можно предположить, что нож некоторое время использовался и после поломки.

Навершие ножа имеет небольшой выступ, представляющий собой остатки небрежно обломленного литника (рис. 3, а – в). Эта небрежность позволяет реконструировать литниковую систему ножа почти полностью. Она состояла из вертикального

канала-стояка и, судя по сохранившемуся в месте сломы расширению, была оснащена воронкой, обычно называемой литниковой чашей (рис. 3, а, в, 1, II). Стояк представлял собой овальный в сечении (площадь $0,32 \text{ см}^2$) вертикальный канал высотой $0,2 \text{ см}$. Литниковая чаша реконструируется как сфероконическая воронка с наклоном стенок $30\text{--}35^\circ$. Площадь ее овального сечения в месте сломы составляет $0,6 \text{ см}^2$.

Неполное удаление литника – явление довольно обычное для ирменских ножей с кольцевым навершием и встречается на целом ряде изделий с поселений Омь-1 и Чекист. могильников Журавлево-4, Староалейка II, Сапогово-1 [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, рис. 39, 17, 18; Илюшин, Ковалевский, 1995, рис. 2; Кирюшин, Шамшин, 1998, рис. 1, 9; Матюшенко, 1974, рис. 1, 4. Мыльникова, Чемякина, 2002, рис. 11, 1; Членова, 1994, рис. 2, 3]. Насколько можно судить по публикациям, литниковая система всех этих изделий идентична. По всей видимости, такая система, состоящая из круглого или овального в сечении канала-стояка и воронкообразной чаши, типична для ирменской культуры.

Расположение литейных швов свидетельствует о том, что нож был отлит в двухсторонней двухчастной форме.

На отливке прослеживаются участки со значительной шероховатостью поверхности, вызванной просечкой формы, и открытой раковинной в виде небольшой полости (рис. 4, 1а, Б, В) (дефекты № 1114 и № 2132 [Атлас..., 1957]). Просечка, видимо, произошла в результате заложения металлом трещин, образовавшихся при высыхании формы. Вероятно, форма была высушена неравномерно, а ее рабочая полость перед заливкой не выравнивалась. На отливке можно проследить многочисленные отпечатки, перешедшие на ее поверхность

с модели. Во-первых, в районе соединения навершия с рукоятью ножа сохранились следы лепки и разглаживания пластичного материала, при помощи которого прикреплялось кольцо навершия (см. рис. 3, а, б, В). Во-вторых, на ноже прослеживается отпечаток трещины, пересекающий его лезвие (см. рис. 3, г – е, А). Похоже, что моделью для изготовления литейной формы послужил собранный по линии слома нож. Таким образом, на изделии одновременно прослеживаются следы использования двух типов моделей: жесткой металлической и пластичной восковой. Исходя из такого сочетания, можно заключить, что моделью для отливки послужил отлитый по восковой матрице и сломанный в процессе использования нож.

На отливке прослеживается негативный отпечаток обмотки рукояти ножа, послужившего моделью при изготовлении формы (рис. 4, 1а, 1б, А). Обмотка с ножа перед формовкой была снята, и в форме отпечатались только оставленная ею потертость, передающая расположение витков ремешка (рис. 4, 2). На то, что след обмотки перешел с модели, указывает перекрывающий его отпечаток стенки формы.

На лезвии ножа заметны следы использования в виде длинных глубоких царапин, расположенных параллельно режущему краю или под острым углом к нему (рис. 4, 1в). Судя по износу и повреждениям, наибольшей нагрузке при работе подвергался изогнутый конец ножа и прилегающий к нему участок лезвия. Об этом же свидетельствуют и следы расковки лезвия для исправления повреждений. Наиболее интенсивной расковке подвергнута концевая часть лезвия, а участок возле рукояти почти не изменен. Основное усилие при работе направлялось вдоль оси лезвия ножа и приходилось на его изогнутый конец. Судя по следам износа, нож мог применяться для раскройки достаточно жесткого материала и работ по дереву или кости. Так как нож и послуживший при его изготовлении формовочной матрицей прототип сломались в одних и тех же местах, можно предположить, что использовались они тоже одинаково.

Обломки ножей: два фрагмента – концы лезвий широких однолезвийных ножей с прямой спинкой, третий – середина лезвия, четвертый – срединная часть ножа (рис. 4, 4, 5). Точнее определить их тип не представляется возможным. Судя по сохранившимся на обухах обломков литейным швам, ножи были отлиты в двухсторонних двухчастных формах. Швы в процессе вторичной обработки были выровнены шабрением (рис. 4, 4а, Г).

Нож из кург. 2 (рис. 4, 4), видимо, был сломан намеренно, на что указывает специфический изгиб металла на месте слома: он слегка отогнут перпендикулярно плоскости ножа, что получается при сгибании холодного металла через упор, он в этом слу-

чае сначала деформируется и только потом ломается. Изгиб лезвия на изломе составлял не менее 23°. Кончик ножа не согнут. Вектор приложения основного усилия, приведшего к поломке ножа, явно был направлен перпендикулярно плоскости лезвия, что исключает возможность его случайного повреждения в процессе работы.

Обломки лезвий сломанных ножей в материалах могильников ирменской культуры встречаются довольно часто [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, рис. 4, 8, 16; 18, 23; 35, 2, 5, 32; 54, 9, 23; Троицкая, 1973, рис. 5, д; Матюшенко, 1984, рис. 2, 4, 5; Зах, 1997, рис. 30, 27; Членова, 1994, рис. 1, 10, 11, 16, 17, 22, 23, 26; 2, 8–11], причем большинство из них имеют следы намеренной поломки, т.е. замена при погребении ножа куском лезвия или поломка ножа во время похорон – устойчивая традиция в этой культуре.

Украшения

Украшения, найденные в погребениях могильника Танай-7, стандартны для ирменской культуры.

Зеркало (погр. 3 кург. 3) [Бобров, Мыльников, 1999, с. 262, табл. 3, 4] представляет собой слегка выпуклый диск диаметром 7,9 см (рис. 5, 1) с небольшой дуговидной петелькой. Лицевая сторона зеркала обработана крупнозернистым абразивом очень небрежно, в результате чего сохранились участки с отпечатками ткани, перешедшими на изделие с поверхности литейной формы при отливке (рис. 5, 1а). Отпечатки нечеткие, расплывчатые, однако можно определить, что ткань была плотного полотняного плетения, толщина нитей не превышала 0,3 см. На оборотной стороне зеркала сохранились перешедшие на отливку с модели следы лепки и разглаживания какого-то пластичного материала (рис. 5, 1б). Вероятнее всего, форма для отливки зеркала изготовлена по модели, вылепленной из пластичной массы, разглаженной для получения ровной поверхности на куске ткани (рис. 5, 2).

Использование ткани при изготовлении формовочных моделей и литейных форм при отливке изделий не известно в более раннее время. Отпечаток ткани встречен на уздечной бляхе с поселения Линево-1, найденной в жилище переходного времени от бронзового к железному веку. Позитивные отпечатки ткани выявлены на золотых пластинах из Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962, с. 26; Миколайчук, 1994, с. 82–85; Завитухина, 1998, с. 145]. Подобная технология применялась и в средние века: авары отливали в такой технике украшения из золота, а викинги – бронзовые фибулы скандинавского типа [Завитухина, 1998, с. 146]. Изделия с от-

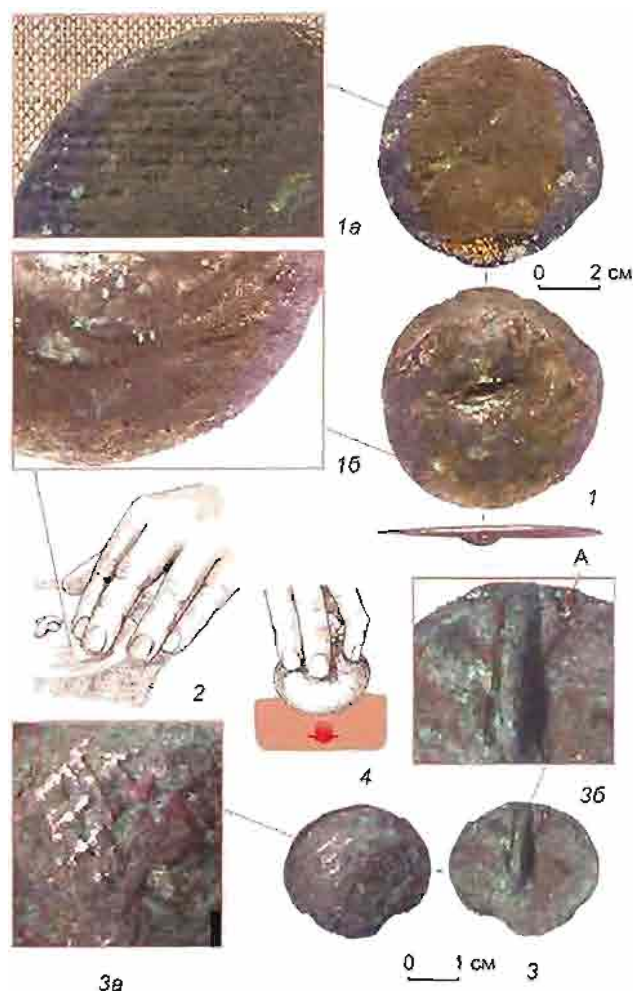

Рис. 5. Изделия с отпечатками ткани. Могильник Танай-7. 1 – зеркало из погр. 3 кург. 3: 1а – негативный отпечаток ткани, 1б – следы разглаживания пластичного материала модели; 2 – изготовление пластичной модели на куске ткани; 3 – бляшка из погр. 2 кург. 2: 3а – позитивный отпечаток ткани, 3б – литниковый слом со скоплением газовых раковин (А); 4 – изготовление формы при помощи шарика из ткани и завернутого в нее сыпучего материала.

печатками ткани из могильника Танай-7 позволяют предположить, что данный метод формовки на территории Сибири был известен уже с эпохи поздней бронзы.

Полусферические бляшки-пуговицы в материалах могильника представлены серией из 23 экз. Лицевая поверхность большинства из них гладкая, только два изделия были украшены рельефом. Бляшка из погр. 1 кург. 14 с лицевой стороны оформлена по краю ритмичными подквадратными выступами, образующими декоративный кант. Изделие из погр. 5 кург. 5 ornamentировано проходящей по краю рельефной окружностью (рис. 6, 1), выдавленной в пластичном материале модели инструментом с коротким полукруглым рабочим краем. Линия рельефа выпол-

нена довольно небрежно (рис. 6, 1а, А). Все остальные бляшки однотипные, отличаются только размерами и петельками, которые представлены двумя типами: в виде планки-перемычки и полукруглой дужки.

Бляшки-пуговицы отливались в трехчастных литейных формах, состоявших из двух створок и сердечника, образующего отверстие петельки. Следы формовки, перешедшие на изделия при отливке, позволяют восстановить часть процесса изготовления литейных форм. На первой стадии работ оттиском пластичной модели формовалась лицевая створка формы. Например, моделью для бляшки из погр. 1 кург. 2 послужил скатанный из пластичного материала шарик (рис. 7, 2, 4). На лицевой поверхности бляшек из погр. 2 кург. 2 (см. рис. 5, 3, 3а) и погр. 1 кург. 12 (рис. 8, 1, 1б) прослеживается отпечаток ткани, т.е. в этом случае шарик был сделан из ткани и завернутого в нее сыпучего вещества. Размеры и форма изделия зависели от диаметра шарика и глубины его погружения в формовочный материал при оттиске. Для получения полый тонкостенной отливки углубление рабочей камеры формы покрывалось слоем воска, после чего оставшееся пространство заполнялось формовочной массой, образующей сердечник. После просушки и удаления воска получалась форма с сердечником, точно повторяющим конфигурацию рабочей камеры. Толщина стенок отливки полностью зависела от толщины восковой прокладки.

Для упрощения формовки использовались стандартные сердечники, изготовленные заранее, без учета формы рабочей камеры лицевой створки. В этом случае сердечник укладывался на поверхность заливочной формы пластичной массы, а иногда с силой вдавливался в нее (рис. 8, 2). В результате часть модельного материала выдавливалась из-под стержня, образуя выступ, повторяющий форму сердечника. После этого вокруг вкладыша лепилась петелька из раскатанного в жгут модельного материала. На ряде отливок прослеживаются отпечатки плохо заглаженных при лепке стыковочных швов, образовавшихся при присоединении петельки к модели (см. рис. 6, 2а, В). На бляшке из погр. 1 кург. 2 сохранились еще и следы ремонта петельки, поврежденной при изготовлении модели (см. рис. 7, 2а, Б). После завершения операции модель покрывалась слоем глины, из которой формировалась вторая створка формы. Заливка металла производилась свободным падением через литниковое отверстие. Температура заливаемого металла, видимо, была довольно низкой, что часто приводило к браку в виде недоливов и сплавов. На низкую температуру заливки указывает и явное стремление литейщиков обеспечить наиболее благоприятный доступ металла

к петелькам бляшек. Для этого от литника до петельки устраивался специальный канал, увеличивающий приток металла (см. рис. 7, 2, 2а), в некоторых случаях петельку располагали ближе к литниковому отверстию, а не по центру бляшки (см. рис. 5, 3).

В форме без применения сердечника изготовлена только бляшка из погр. 4 кург. 23 (рис. 9, 2). Ее петелька представляет собой согнутый в виде дуги шпелек, появившийся в результате неполного удаления литника. Отливка осуществлялась через расположенный под прямым углом к поверхности бляшки канал, заполнение металлом которого привело к образованию литника. Часть его удалили, от чего на петельке сохранился хорошо заметный след слома, а оставшуюся часть согнули, образуя петельку крепления (рис. 9, 3). Отливка бляшек без применения сердечника сильно упрощала формовку. Однако неудачно расположенный литниковый канал часто должен был приводить к браку: струя металла при попадании в рабочую камеру формы поворачивает на 90°, что приводит к потерю половины скорости ее движения даже без учета силы трения. Это объясняет, почему бляшки подобного типа, несмотря на простоту их изготовления, встречаются редко. Нам известен еще только один экземпляр из могильника Камышенка [Членова, 1981, рис. 2, 14].

На некоторых бляшках прослеживаются признаки серийного производства. Наиболее интересными в

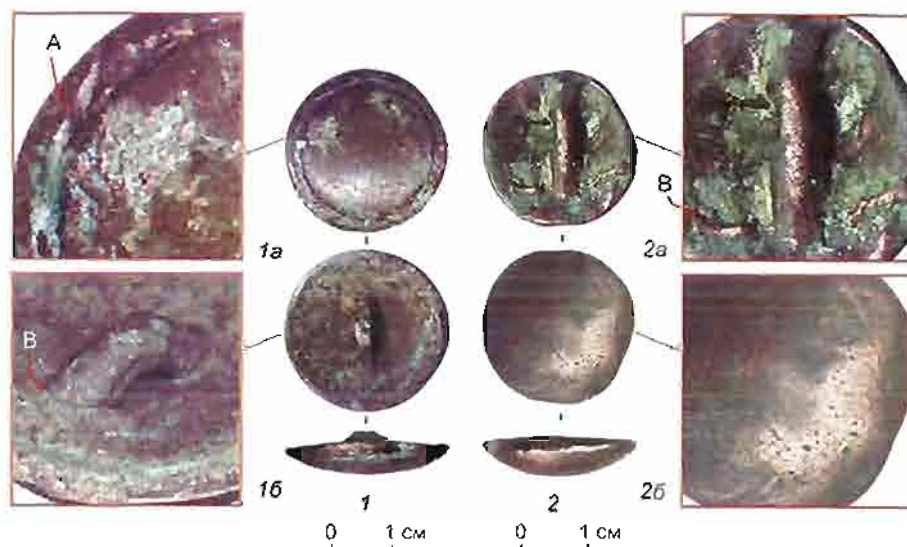

Рис. 6. Бляшки-пуговицы из погр. 5 кург. 5 (1) и погр. 2 кург. 2 (2). Могильник Танай-7. 1а – фрагмент бляшки со следами нанесения рельефа на формовочную модель (А); 1б – петелька с отпечатком стыковочного шва, перешедшего с модели (Б); 2а – петелька с отпечатками швов, образовавшихся при вдавливании сердечника в материал модели (В); 2б – следы лепки, перешедшие на отливку с модели.

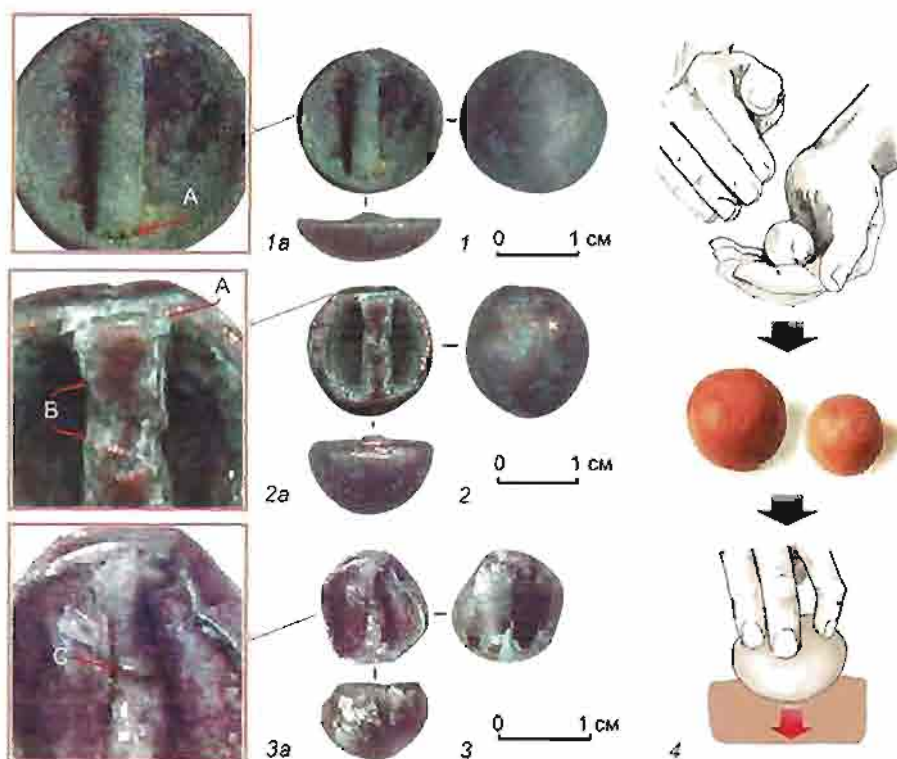

Рис. 7. Бляшки-пуговицы. Могильник Танай-7.

1 – находка из погр. 5 кург. 23; 1а – петелька с отпечатком стыковочного шва (А); 2 – изделие из погр. 1 кург. 2; 2а – фрагмент петельки с отпечатками стыковочного шва (А) и следов исправления повреждения модели (Б); 3 – бляшка из погр. 3 кург. 23; 3а – фрагмент петельки с литейным браком (В); 4 – схема использования глиняного шарика в качестве модели.

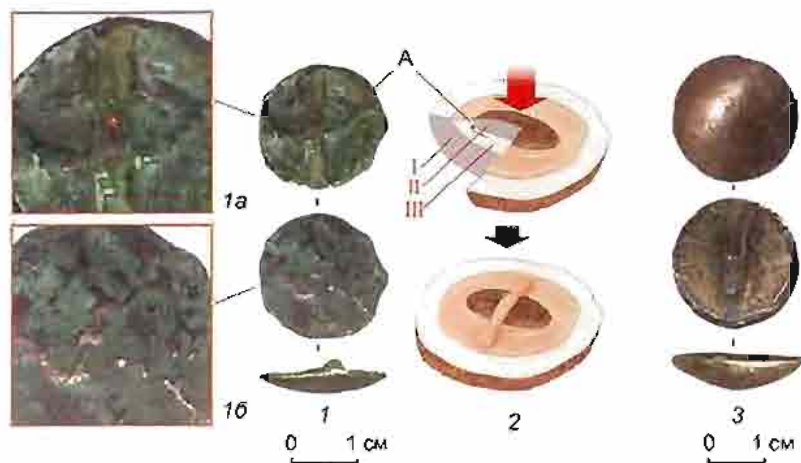

Рис. 8. Бляшки-пуговицы. Могильник Танай-7.

1 – изделие из погр. 1 кург. 12; 1а – фрагмент петельки; 1б – отпечаток ткани на лицевой стороне бляшки; 2 – схема изготовления литейной формы: I – лицевая створка формы, II – сердечник, III – восковая модель, А – выдавленный сердечником воск; 3 – бляшка из погр. 3 кург. 2.

Рис. 9. Бляшки-пуговицы. Могильник Танай-7.

1 – изделие из насыпи кург. 4; 1а – фрагмент петельки со следами лент, перешедшими с модели; 2 – бляшка из погр. 4 кург. 23; 2а – петелька, изготовленная из согнутого литника; 3 – реконструкция процесса изготовления бляшки: а – отливки бляшки (I – литейная чаша, II – стойка, III – рабочая камера формы), б – изделие после удаления части литника; в – сгибание литника в петельку.

этом отношении представляются изделия из погр. 1 кург. 12. Петельки бляшек оформлены в виде выступающих планок, расположенных над подпрямоугольными углублениями (рис. 10, 1, 2). На обоих концах планки прослеживаются хорошо заметные сломы, образовавшиеся при отделении заполненных металлом каналов литниковой системы (рис. 10, 1а, 1б, 2а, 2б). При зативке металл, попав в рабочую полость формы через верхнее отверстие и заполнив ее, уходил через нижнее отверстие в другую полость (рис. 10, 3) Такая подача металла характерна для отливки изделий в кассетных формах с последовательным вертикальным соединением нескольких отлива-

емых изделий. Обращает на себя внимание различие литейных сломов на одной бляшке (рис. 10, 1). Первый тщательно обработан абразивом и заглажен, второй – очень грубый, вместе с литником здесь выломлена даже часть стенки изделия. Создается впечатление, что облом этих литников был произведен не одновременно. Возможно, бляшки поступали со стороны, из более крупного производственного центра, соединенными в кассету по две-три штуки; в таком случае обрабатывались только литниковые сломы на крайних изделиях в кассете. Отделялись бляшки друг от друга уже на месте и дальнейшей доработке не подвергались.

Подвески представлены 8 экз.: три составные лапчатые и четыре гвоздевидные цельнолитые. Лапчатые и одна гвоздевидная происходят из детского погр. 1 кург. 12. Три гвоздевидные подвески найдены в кург. 23: одна – в погр. 6, две – в погр. 5.

Составные лапчатые подвески состоят из проволочного кольца и лапчатой трехпалой привески (рис. 11). Кольца изготовлены из слегка прокованных литых тонких стерженьков (диаметр от 0,2 до 0,29 см). Проковка этих отливок очень незначительна и прослеживается только в виде двух дорожек небольших уплощений, расположенных на противоположных сторонах стержней

(рис. 11, 3а, б). Хорошо заметные на поверхности проволоки характерные дефекты в виде газовых раковин и литейных швов указывают на литейное производство (рис. 11, 2а, в, 3а, а), а грубые неровные сломы на концах проволоки говорят, что на куски нужной для изготовления колец длины ее разламывали вручную без применения режущих инструментов (рис. 11, 1а, г). В кольца заготовку сгибали через упор, точки воздействия которого четко фиксируются на изделиях в этих местах изгиб стержня представляет собой хорошо заметный тупой угол (рис. 11, 2б, 1а, д).

Привески литые по классификации Э.А. Новгородовой относятся к третьему типу трехпалых карасукских подвесок [1970, с. 148]. Литейные швы слабо выражены, однако наличие двухстороннего литейного уклона показывает, что отливка сделана в двухчастной двухсторонней разъемной форме (рис. 11, 2а, 2г, 3б). Крепление створок формы, по всей видимости, было недостаточным, и это привело к их продольному смещению относительно друг друга (рис. 11, 2а, Е). Формовка изделий производилась по пластичной, вероятнее всего восковой, модели, о чем свидетельствуют хорошо заметные следы продавливания рельефа в мягком материале на одной из привесок (рис. 11, 3б).

Украшения данного типа характерны для культур бронзового века Среднееврейского региона [Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997, с. 25]. Лапчатые подвески неоднократно встречались и на территории распространения ирменской культуры [Савинов, Бобров, 1981, с. 133, рис. 3, 12, 13; Иванов, 1982, с. 40, рис. 3, 24; 2000, с. 108; Бородавский, 2002, рис. 70, 3–6]. Они проникали даже далеко на запад в Восточную Европу [Членова, 1973, с. 198–199, рис. 3, 1]. Но исследователи подобные находки, как правило, связывают с импортом с территории Минусинской котловины. Впрочем, не исключена возможность и копирования их по привозным образцам, например, известен случай нахождения лапчатой привески на территории литейного участка ирменского поселения [Зах, 1997, с. 66, рис. 28, 9]. Подвески из могильника Танай-7 могли быть как привозными, так и изготовленными в подражание импортным образцам.

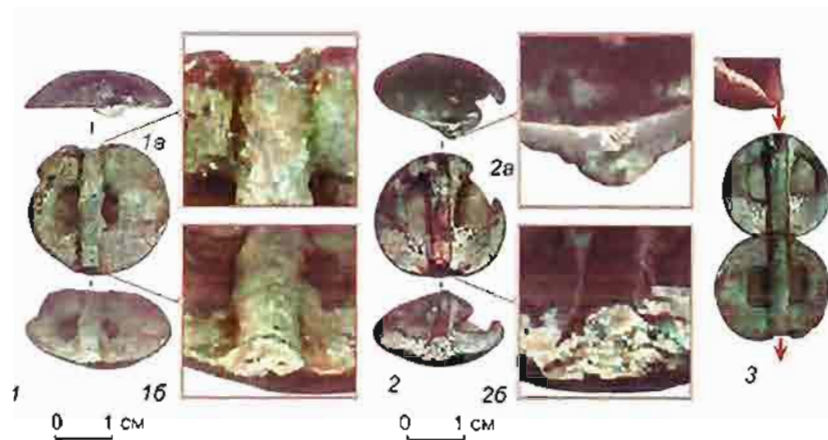

Рис. 10. Бляшки-пуговицы. Могильник Танай-7.
1 – изделие из погр. 1 кург. 12; 1а, 1б – следы отделения литников; 2 – бляшка из того же погребения; 2а, 2б – следы заглаживания шва литника; 3 – схема отливки бляшек в форме с последовательным соединением рабочих камер.

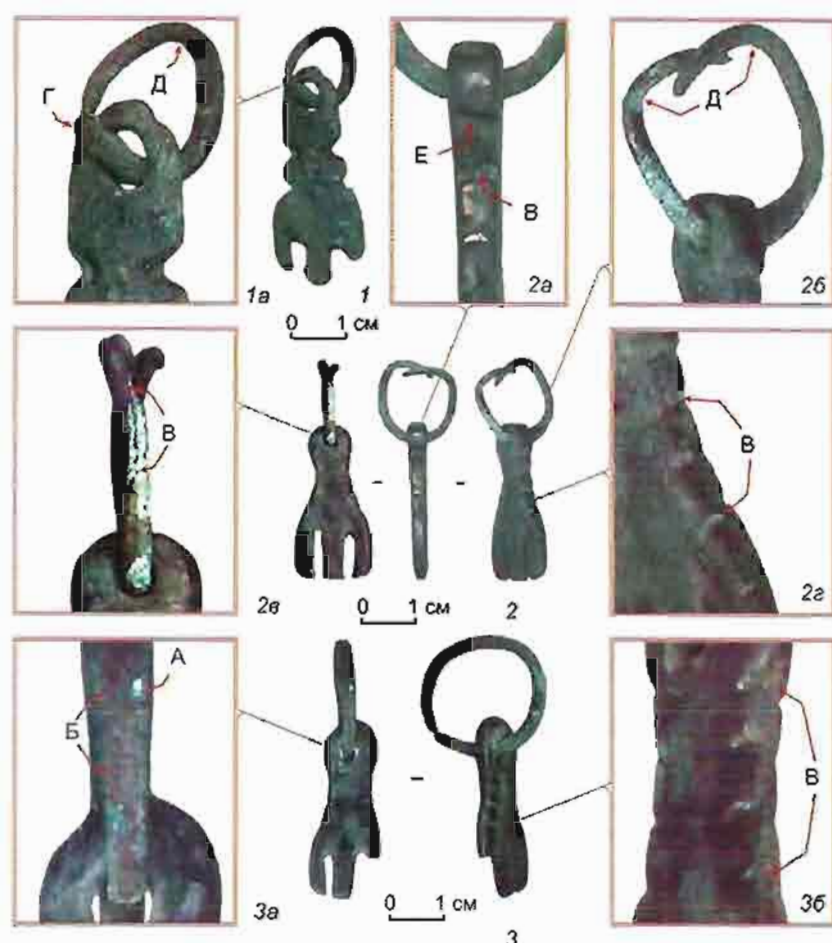

Рис. 11. Лапчатые подвески из погр. 1 кург. 12. Могильник Танай-7.
1а, 2б – кольца со следами удаления литника (Г) и деформации через упор (Д); 2а, 2г, 3б – фрагменты привесок с сохранившимся литейным швом (В) и следами продольного смещения створок формы (Е); 2а – фрагмент кольца с сохранившимся литейным швом (В); 3а – фрагмент кольца подвески с газовой раковной (А) и следами ковки (Б).

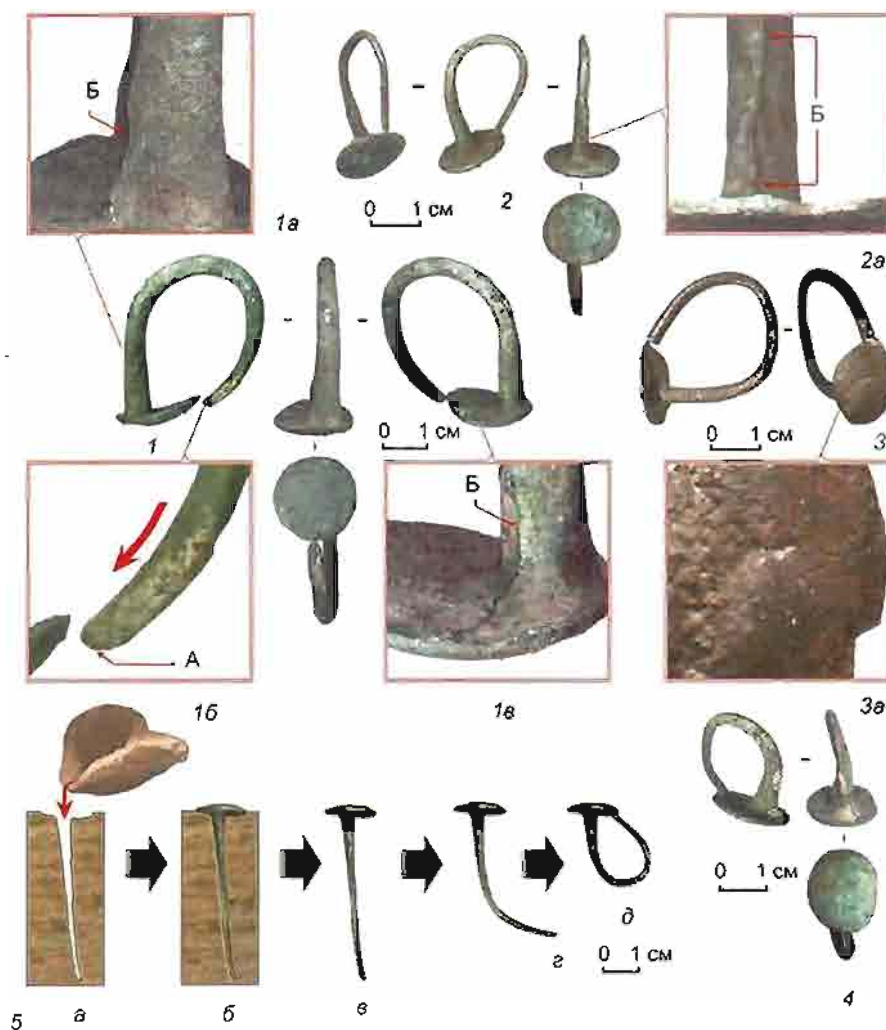

Рис. 12. Гвоздевидные подвески ирменской культуры.

1 – Танай-7, погр. 6 кург. 23 (1а, 1б – фрагменты стержней подвесок с литейными швами (Б). 1б – застывший концевой поток металла (А)); 2, 4 – Танай-7, погр. 5 кург. 23 (2а – фрагмент стержня подвески с литейным швом (Б)); 3 – Черное Озеро (3а – скопление раковин на поверхности шляпки); 5 – схема процесса изготовления гвоздевидной подвески.

Гвоздевидные подвески представляют собой изогнутый по форме ушной раковины стержень, оканчивающийся круглой или овальной слегка выпуклой шляпкой (рис. 12, 1, 2, 4). Данный вид украшений широко распространен в материалах ирменской культуры и, по мнению ряда исследователей, является присущим только ей [Молодин, 1985, с. 126; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 90; Молодин, Бородавский, Троицкая, 1996, с. 131].

Судя по расположению литейных швов, четко прослеживаемых на внутренней стороне шляпок и стержнях подвесок, все они отлиты в двухсторонних двухчастных литейных формах. Процесс формовки реконструируется следующим образом. Сначала модель подвески покрывалась слоем формовочного материала. После подсушивания полученная фор-

ма разрезалась на две части. Неровные извилистые литейные швы со своеобразным гребневидным “рваным” краем (рис. 12, 1а, 2а, Б) в этом случае являются результатом дрожания режущего сырую форму инструмента и выкрашивания на разрезе частичек формовочной массы. Заливка металла в форму, очевидно, производилась со стороны шляпки, которая служила литниковой чашей (рис. 12, 5, а, б), что подтверждается застывшим концевым потоком металла, сохранившимся на конце стержня подвески из погр. 6 кург. 23 (рис. 12, 1б, А). Направление и форма концевой потока указывают на то, что металл в момент затвердевания свободно тек сверху вниз от шляпки к концу стержня. Ровная слегка выпуклая поверхность внешней стороны шляпки обеспечивалась застыванием пленки поверхностного натяжения

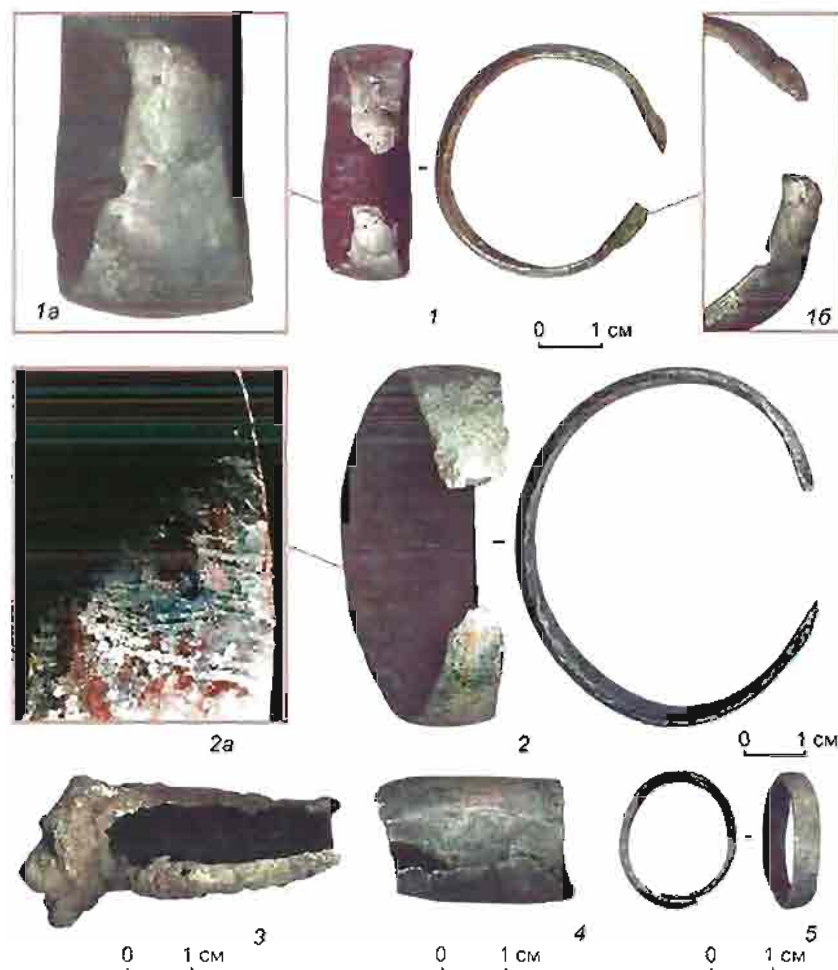

Рис. 13. Кованые украшения, Могильник Танай-7.

1 – браслет из погр. 1 кург. 12; 1a, 1b – следы удаления литника; 2 – браслет из погр. 3 кург. 3;
2a – следы шабрения на внутренней стороне изделия; 3, 4 – обоймы из погр. 1 кург. 2;
5 – пластинчатое кольцо из погр. 1 кург. 22.

жидкого металла (рис. 12, 1). Данный прием значительно упрощал литейную форму, однако имел один недостаток: при усадке неравномерно остывавшего открытого в литейной чаше металла всплывавшие на поверхность пузырьки газа или попавшие в форму неметаллические частицы (шлаки, кусочки формы и т.д.) могли образовывать раковины (рис. 12, 3a). Именно такие литейные дефекты являются наиболее яркими признаками использования этого метода отливки, который в ирменском производстве был, видимо, хотя и не единственным, но довольно обычным. Например, усадочные раковины прослеживаются на шляпках некоторых подвесок с могильников Черное Озеро и Журавлево-4 [Бобров, Чикишева, Михайлов. 1993. рис. 36, 21; 54, 20]. Однако необходимо отметить, что оценить масштабы исполь-

зования такого метода литья можно только после анализа более значительной серии ирменских подвесок.

Полученная вышеописанным способом отливка имела вид длинной прямой гвоздеобразной шпильки (рис. 12, 5, в), которая изгибалась уже после окончания литейных работ в ходе механической доработки отливки (рис. 12, 5, г, д). Данная операция проводилась либо ковкой на шаблоне, в этом случае на поверхности стержня прослеживаются многочисленные вмятины от кузнечной деформации, либо сгибанием вручную через упор.

Браслеты найдены парами в погр. 3 кург. 3, погр. 1 кург. 12 и погр. 12 кург. 14, всего 6 экз. Они выкованы из литых заготовок, представлявших собой прямые линзовидные в сечении овальные пластины

с рельефными “шишечками” на концах. Такие браслеты имели широкое распространение в ирменской культуре и также считаются присущими только ей [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 89–90; Молодин, Бородавский, Троицкая, 1996, с. 131].

Пластины-заготовки отлиты в двухчастных одно-сторонних формах. С одного из узких концов пластин прослеживаются следы удаления литников в виде грубого неровного слома. У браслета из погр. 1 кург. 12 литник частично сохранился и представляет собой линзовидный в сечении воронкообразный канал (рис. 13, 1а, 1б). Судя по сломам, литники обламывались вручную без применения рубяще-режущих инструментов уже после остывания отливки, в результате чего часто повреждалось и само изделие. Например, у браслетов из кург. 3 и 14 при удалении литников отломлена и одна из декоративных концевых “шишечек”, примыкающих к отверстию литникового канала.

При механической доработке отливки пластину-заготовку сгибали при помощиковки на круглом в сечении шаблоне-наковальне (в современных наковальнях для подобной операции служит специальный выступ, т.н. *rog*). Внутренняя сторона браслетов, непосредственно прикасающаяся к телу человека при ношении, имеет следы скобления и шабрения острым предметом (рис. 13, 2а): таким образом удалялись образовавшиеся при отливке изделия неровности, которые могли повредить руку.

Изделия, изготовленные давлением, представлены обоями (7 экз.), бусами (11 экз.), кольцами (24 экз.) и одной бляшкой-нашивкой.

Бляха-нашивка в виде соединенных перемышкой двух полусфер изготовлена из тонкого бронзового листа методом объемной штамповки. Подобные украшения известны главным образом в карасукских материалах Минусинской котловины и по терминологии, предложенной Ю.С. Гришиным, относятся к категории многоярусных блях-нашивок. [Гришин, 1971, с. 31; Киселёв, 1949, с. 78, табл. XII, 12]. Такие нашивки на территории распространения ирменской культуры единичны и, несомненно, связаны с импортом [Новиков, 2001, рис. 1, 10; Ширин, 1999, рис. 1, 10].

Обоймы и бусины представляют собой трубочки, изготовленные из кованого бронзового листа толщиной 0,04–0,10 см (рис. 13, 3, 4). Одна обойма имеет следы сильного термического воздействия, в результате которого она частично расплавилась (рис. 13, 3). Однако это повреждение связано с сожжением покойного при погребении, а не с производственным процессом.

Кольца по типологическим и технологическим параметрам можно разделить на два типа: проволочные и пластинчатые.

Проволочные кольца – свернутые в один–три оборота тонкие круглые или подквадратные в сече-

нии бронзовые стержни. Все они кованые, следов волочения не замечено. Форма сечения напрямую зависела от степени кузнечного обжатия стержня при проковке.

Пластинчатые кольца изготовлены из узких пластинок с гладкой (рис. 13, 5) или рубчатой поверхностью. Исследователи считают, что рубчатая поверхность колец является имитацией проволочных витков [Кирюшин, Шамшин, 1998, с. 109; Ширин, 1999, с. 135].

Основным способом изготовления обойм, бусин и колец являетсяковка. Все они сделаны из хорошо откованных медных или бронзовых пластин. Заготовки обойм и колец сворачивались в трубку внахлест при помощиковки на шаблоне. При изготовлении бусин, как правило, пластины сворачивались в холодном состоянии вручную и без шаблона.

Заключение

Бронзовые изделия с могильника Танай-7 демонстрируют стандартный для погребений ирменской культуры набор, состоящий из ножей, полусферических бляшек, браслетов, колец, височных подвесок. Особенностью коллекции являются импортные изделия: среднеенеисейские лапчатые подвески, ярусная нашивная бляшка и нож с прорезной рукоятью. Значительный интерес представляет использование в литейном деле ирменской культуры приемов формовки с применением текстильной прокладки.

В целом процесс производства изделий с могильника Танай-7 можно реконструировать следующим образом. Он включал три стадии: изготовление форм (формовку), литье металла и вторичную обработку полученных отливок.

Основным методом изготовления форм являлась модельная формовка. Причем моделями часто служили готовые предметы со следами длительного использования или поврежденные и вышедшие из употребления. Широко применялись модели из пластичного материала, вероятнее всего воска.

Литье изделий производилось в двухсторонних двухчастных глиняных литейных формах. Применение односторонней двухчастной формы фиксируется только в одном случае (нож из погр. 7 кург. 23). Литниковая система, где ее удалось проследить, представляла собой короткий вертикальный канал, заканчивающийся в верхней части расширяющейся чашей-воронкой. Встречаются как круглые в сечении, так и щелевидные каналы. Подобная система предполагает заливку металла сверху свободным падением. Применение круглых каналов является значительным усовершенствованием литниковой системы, т.к. стекавший по такому каналу

металл имел наименьшую поверхность соприкосновения со стенками формы и, следовательно, меньше охлаждался от контакта с ними [Шагеев, 1956, с. 261].

Необходимо отметить также тенденцию включения литника в общую композицию изделия, например, использование литниковой чаши в качестве навершия ножа или шляпок гвоздевидных подвесок.

Наиболее часто встречаемые литейные дефекты отливок с могильника Танай-7: недоливы, спай, непролив формы – в комплексе могут свидетельствовать о недостаточной температуре заливки и быстром остывании заливаемого металла, т.к. выявленная литниковая система не должна приводить к таким дефектам.

Вторичная обработка включала обломку литника, заглаживание швов, удаление литейных дефектов и кузнечную проковку отливок. Следы удаления литника во всех зафиксированных случаях представляют грубый неровный слом. Признаков применения режуще-рубящих инструментов не отмечено. По всей видимости, литник просто обламывался вручную. Литейные швы удалялись либо проковкой, либо шабрением.

По способу изготовления все бронзовые изделия с могильника Танай-7 делятся на литые и кованые. Причем заметна определенная специализация. Обоймы, бусины и кольца, как правило, кованые, а ножи, подвески и браслеты преимущественно литые.

Необходимо отметить, что окончательная доработка и оформление части литых изделий, таких как рубчатые кольца, пластинчатые браслеты, производились при помощиковки. Таким образом, из 77 проанализированных предметов коваными являются 32 экз., или 45 % всей коллекции. Анализ технологии производства бронзовых изделий с могильника Танай-7 позволяет предположить, что холоднаяковка цветного металла играла значительную роль в металлообработке ирменской культуры и наравне с литьем была ведущим способом производства.

По всей видимости, металлообработка оставившего могильник населения базировалась на привозном сырье и не включала выплавку металла из руды. На это указывает отсутствие шлаковых раковин в отливках при широком использовании простейших, не способных к шлакозадержанию, литниковых систем. Судя по большому количеству медно-бронзовых изделий преимущественно среднеиранского происхождения, основным источником поступления металла в данном случае следует считать Саянский горно-металлургический центр.

Литье имеет черты домашнего непрофессионального изготовления, однако на фоне уже выделившегося и, видимо, довольно мощного специализированного (ремесленного) производства. Отсюда

явные противоречия, фиксируемые при сравнении технологических следов. С одной стороны, широкое использование в качестве моделей сломанных бытовых вещей указывает на отсутствие у литейщика налаженного процесса и, следовательно, является признаком домашнего непрофессионального производства. С другой стороны, ножи, послужившие моделями, отлиты при помощи профессиональных моделей.

Разница в размерах и форме типовых вещей, таких как, например, бляшки-пуговицы, указывает на то, что они изготавливались индивидуально, каждая в своей специально сделанной форме. А это – признак небольших объемов тиражирования предметов для домашних нужд. Одновременно при литье таких бляшек использовались унифицированные сердечники, применение которых имеет смысл только при крупносерийном производстве.

О специализированной металлообработке говорит и унификация способов изготовления различных категорий изделий. Например, все обоймы-наконечники кованные, нам не известно ни одного литого ирменского предмета данного типа. Изготовление браслетов всегда предполагает сочетание литья с формообразующей ковкой или гнутьем.

По всей видимости, оставившая могильник Танай-7 группа ирменцев широко применяла обработку металла в домашних условиях. Очевидно, бронзовые изделия лили для собственных нужд практически в каждом доме. Но такое домашнее производство базировалось на мощной специализированной металлообработке, заимствуя и используя в качестве моделей изделия сложных форм и, главное, черпая оттуда идеи, навыки и производственные стереотипы.

Список литературы

Атлас литейных пороков: Классификация, пороки общего типа, пороки отливок из серого чугуна. – М.: Центр. бюро техн. информ., 1957. – Т. 1. – 194 с.

Атлас литейных пороков: Пороки отливок из ковкого чугуна, стали и сплавов цветных металлов. – М.: Центр. бюро науч.-техн. информ. тяжелого машиностроения, 1958. – Т. 2. – 228 с.

Бобров В.В. Исследования поселения Танай-4А и некоторые проблемы западно-сибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 4. – С. 138–143.

Бобров В.В., Горяев В.С. Андроновские погребения могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 240–243.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы из раскопок поселения Танай-4А // Проблемы археологии, этногра-

фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 5. – С. 187–191.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы поселения Танай-4А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 231–235.

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 97 с.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Горяев В.С. Новые исследования на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 144–149.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Работы на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 258–262.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Изучение могильника Танай-7 в полевой сезон 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 224–230.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Исследование поселения Танай-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 5. – С. 197–200.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 155 с.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культ. наследия, 2002. – 208 с.

Головин С.Я. Краткий справочник литейщика. – Л.: Машгиз, 1960. – 375 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 108 с.

Завитухина М.П. Золотая пластина из Забайкалья в Сибирской коллекции Петра I // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 143–148.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, 1997. – 130 с.

Иванов Г.Е. К археологической карте рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. – С. 24–52.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. – Мамонтово; Барнаул: Б.и., 2000. – 160 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс вооружения из памятников эпохи поздней бронзы касьминского археологического микрорайона // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – С. 36–43.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Погребения ирменской культуры из могильника Староалейка II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – Вып. 9. – С. 105–110.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 362 с. – (МИА; № 9).

Магницкий О.Н., Пирайнен В.Ю. Художественное литье. – СПб.: Политехника, 1996. – 231 с.

Матюшенко В.И. Этапы развития бронзолитейного производства в лесостепном Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 47–54.

Матюшенко В.И. Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. – С. 63–69.

Миколойчук Е.А. Исследование отпечатков тканей на оборотной стороне изделий из Сибирской коллекции Петра I // Тез. Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии, посвященной памяти Б.А. Колчина. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – С. 82–85.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1996. – 191 с.

Мыльникова Л.Н., Бобров В.В. Раскопки могильника Танай-7 // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г.: Тез. докл. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 90–91.

Мыльникова Л.Н., Бобров В.В., Горяев В.С. Работы на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 319–324.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 191 с.

Новиков А.В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень-1 // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 62–64.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 52 с. – (САИ; Вып. ДЗ-9).

Савиннов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 122–135.

Троицкая Т.Н. Курганный могильник Ордынское-1 // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1973. – С. 84–101.

Членова Н.Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // СА. – 1973. – № 2. – С. 191–204.

Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 100–108.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Наука, 1994. – 170 с.

Шагеев З.А. Историко-технологическое исследование изделий древних сибирских литейщиков // Краеведческие записки. – Барнаул, 1956. – Вып. 1. – С. 256–274.

Ширин Ю.Ф. Древности Алтая в музеях г. Новокузнецка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 134–137.

М.П. Чёрная

Томский государственный университет

пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия

e-mail: mariakreml@mail.ru

РУССКИЙ ГОРОД КОНЦА XVI–XVII века КАК НОВЫЙ СИМВОЛ В КАРТИНЕ МИРА СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА*

Постановка проблемы

В конце XVI – первой половине XVII в. к России была присоединена Сибирь. В ходе колонизации, понимаемой как интеграция окраин в экономическую, культурную жизнь и политическую систему Русского государства, произошли демографические, хозяйственные, социальные, этнокультурные изменения [Макаров, 1997, с. 7]: Сибирь приобретала совершенно новый, не свойственный ей ранее облик. Россия стала “прирастать” сибирскими богатствами, равно как и Сибирь стала укрепляться мощью России и богатеть за счет ее экономического, политического и культурного потенциала. Город играл ведущую роль в колонизационном процессе; именно русскому городу Сибирь обязана своим преобразованием, выходом на новый виток исторического развития. Сам город конца XVI–XVII в. являл собой символ новой жизни и связанного с ней миропонимания.

Структура и многозначность символа города в историческом контексте

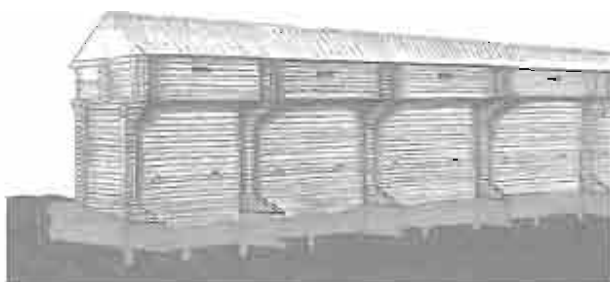
Город изначально символичен как неотъемлемый атрибут цивилизации. Смысл этого символа по своему содержанию многозначен, что обусловлено полифункциональностью, сложной, динамично развивающейся во времени внутренней структурой города. Город,

выполняя административно-политические функции управления, предстает как средоточие власти, социально-экономический и культурно-идеологический центр. Он защищает свои интересы, территорию и вверенную ему округу. Эта функция особенно наглядно проявляется в средневековом городе, который немислим без военно-оборонительных сооружений – его повседневной “одежды”. Можно согласиться с А.М. Кантором в том, что город-символ являет собой макрокосм государства, а в России XVII в. – квинтэссенцию исторического процесса обновления страны [1992, с. 79–80]. Это тем более верно для русского города Сибири конца XVI–XVII в., выступавшего проводником политики государства, его олицетворением в колонизации края.

Символично освоение громадных сибирских просторов в феноменально короткие исторические сроки. Оно диктовалось необходимостью превратить край в неотъемлемую часть России и опиралось на богатый колонизационный опыт. Строительство и развитие городов способствовало освоению территории, втягиванию ее в круговорот общественной жизни страны. Микроистория города неразрывно связана с макропроцессом колонизации, огосударствления Сибири. В отличие от своих европейских собратьев, эволюционировавших постепенно, сибирские города были вынуждены буквально “пробежать” основные стадии развития: от аграрной до развитого города с подчиненной ему округой, которой со временем передавалась сельскохозяйственная функция.

На макроуровне город выступает символом человеческого ландшафта. Если аборигенное население

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 01–04–00379А.

а

б

Рис. 1. Оборонительные стены Томского кремля – символ мощи Русской державы.
а – реконструкция (реконструкция и рисунок автора), б – фрагмент стены, выявленный в процессе раскопок.

ние Сибири, которое вело присваивающее хозяйство или занималось скотоводством, на протяжении сотен лет приспособлялось к природной среде, то русские переселенцы с самого начала изменяли ландшафт, приспособлявая его под свои нужды. Даже сельская округа русского города имела отчетливо преобразенный вид: распаханые земли на местах раскорчеванных лесов, выкошенные луга, высушенные болота, плотины, запруды и т.д. Рукотворен

облик самого города, человек – его создатель, а природа – подмастерье, поставляющий необходимые материалы, сырье. Вписанность сибирского города в природную ситуацию как с точки зрения военно-стратегической, так и живописной ничего не меняет по существу: город остается человеческим творением.

В облике города воплощалась идея государственности. Его композиционная структура, чаще всего двухчастная, с разделением на кремль (административно-политическое, общественно-идеологическое, военно-оборонительное ядро города) и посад (основная селитебная территория) отвечала функции подчинения и управления. Город, раскинувшийся на значительной территории (значительной особенно для аборигенного жителя, не знавшего таких масштабов очеловечивания и заселенности), и его одетый в броню башен и стен кремль, стоявший, как правило, на высокой горе, создавали определенный социально-психологический настрой и у горожан, и у его соседей – друзей и недругов. Город и его ядро – кремль, олицетворявшие государственную власть, должны были демонстрировать силу и нерушимость Русской державы, внушать уважение, заставляя немирных соседей считаться с силой, воплощенной в монументальных и строгих крепостных строениях (рис. 1). Именно такое впечатление производил на современников Томский кремль в середине XVII–XVIII в., который господствовал над обывательской застройкой и подчиненной округой (рис. 2).

Административно-политическая функция города материализовалась также в резиденции воеводы – проводника государственной политики, двор которого являл собой средоточие высшей местной власти, а потому всегда располагался в кремле, пока он сохранял значение городского центра. Примером может служить изученная археологически усадьба томских воевод середины XVII – середины XVIII в. Выявленные особенности характерны для богатой усадьбы, владелец которой занимал высокое общественное и административное положение: высокие обширные хоромы с дорогими изразцовыми печами, комплекс хозяйственно-производственных помещений для удовлетворения господских запросов, дорогостоящие предметы обихода – чернолошная посуда, богатый лисьменный прибор, выполнявший не только утилитарную, но и представительские функции, точеные костяные шахматы, в которые играл в часы досуга воевода (рис. 3, 4).

Особого внимания заслуживают печные изразцы, несущие на себе недвусмысленные символы власти в виде коронованных орлов. На терракотовых изразцах изображен двуглавый орел с развернутыми крыльями и распушенным веером хвостом (рис. 5). Изразцы с двуглавым орлом в геральдической позе, по мнению

Рис. 2. Томский кремль – символ новой Сибири (с панорамы г. Томска И.-В. Люрсениуса (ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/45)).

Д.А. Беленькой, были обязательными для каждой печи, потому что не только отличались декоративностью, но и несли на себе символы силы, власти, приверженности российской государственности [1973, с. 111].

Властную символику имели и зеленые поливные изразцы, напоминавшие по цвету траву-мураву и поэтому называвшиеся муравлеными. Блестящая поверхность усиливала декоративные качества зеленых изразцов. Яркий колорит в интерьер хором вносила муравленая печь, стенки которой выглядели изумрудным ковром, богато украшенным великолепными рисунками; впечатление усиливалось игрой света на глазурованной поверхности изразцов, радужно переливавшихся в причудливых изгибах рельефа.

На изразцах был запечатлен одноглавый коронованный орел, как бы парящий почти фронтально на расправленных крыльях, с опущенным пышным хвостом, мощными лапами с кривыми загнутыми когтями, сжимающими лук со стрелой и натягивающими тетиву; по бокам короны – рельефные буквы “Г” и “Р” (рис. 6). Орел не стрелял и не целился – лук опущен книзу, а голова повернута в обратную от него сторону. Орел, держащий наготове оружие и обозревающий подвластные ему территории, выступал символом защиты государственных интересов, он не нападал и не угрожал, но был готов отразить любую опасность. Сюжет был своего рода иллюстрацией официальной идеологии: царственный орел, корона, олицетворявшая царя, государство, буквы “Г” и “Р”, которые можно прочесть как “Государь Российский”, представляли собой атрибуты высшей власти. Не случайно изразцы с коронованными орлами украшали резиденцию воеводы – первого административного лица, обладавшего в границах своих владений почти неограниченной властью и являвшегося официальным проводником го-

сударственной политики. Печи со столь яркими и выразительными символами власти, государства в воеводских хоромаш выполняли такую же функцию, как государственный флаг в современных административных кабинетах. Весь облик воеводской усадьбы “работал” на то, чтобы показать, кто в городе и округе хозяин, в чьих руках сосредоточивались значительные административно-политические полномочия.

Планировка посадской части соответствовала социально-экономической структуре города: улицы, кварталы, слободы, разделенные по производственному и этническому признакам, усадьбы с комплексом жилых и хозяйственных построек – животноводческих и подсобных, ремесленных мастерских – жилой и служебно-хозяйственный интерьер с набором необходимых предметов обихода, производственного оборудования и инвентаря должны были обеспечить удовлетворение повседневных нужд и функционирование сложного организма города.

Торговля, материализованная в специализированных помещениях, складах, площадях, таможнях, разнообразных товарах как “общественный обмен веществ” (по выражению классиков марксизма), вела к формированию внутригородского, регионального рынков, втягивала Сибирь в складывавшийся всероссийский рынок, причем колонизация стимулировала этот процесс. Создание по мере освоения сибирских пространств сети городов сопровождалось развитием внутригородских коммуникаций и межгородских транспортных путей, которые связывали воедино европейскую и азиатскую части страны.

Городские ворота функционально и символически выступали как “инструмент, посредством которого реализуется диалектика внешнего и внутреннего пространства” [Ястребицкая, 1995, с. 256]. Террито-

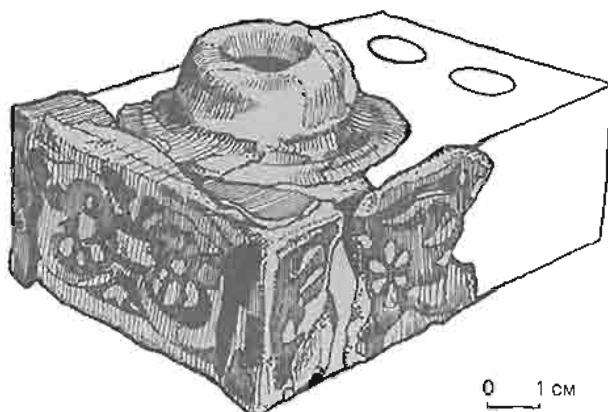

Рис. 3. Настольная чернильница с подставкой для перьев. (из раскопок усадьбы томского воеводы). Реконструкция, рисунок О.Е. Нечаевой.

Рис. 5. Печной терракотовый изразец с геральдическим орлом – символ государственности (из раскопок Томского кремля). Рисунок О.Е. Нечаевой

рия, примыкающая к воротам, особенно к главным, – это сакральное место. Не случайно главные воротные башни во многих сибирских городах, в т.ч. Томске, традиционно назывались Спасскими – над воротами находилась икона Христа Спасителя. Образ Спаса освещал и охранял святая святых – порога, границу, отделяющую и одновременно связывавшую мир замкнутого в кольцо стен города и окружавшую его “большую землю”.

Рис. 4. Костяные точеные шахматы, изготовленные профессиональными мастерами. 1 – король – “воевода” шахматного войска, 2 – слон, 3 – пешка. 1, 2 – из раскопок Томского кремля; 3 – Кузнецкого острога, в натуральную величину

Рис. 6. Печной муравленый изразец с коронованным орлом, натягивающим тетиву лука – символ защиты государственных интересов (из раскопок Томского кремля). Рисунок Е.В. Рыльцевой.

Символами новой идеологии, новой религии были церкви и монастыри, вместе с кремлем они господствовали над застройкой и окружающим ландшафтом. Далеко окрест разносился звон колоколов, присоединявший к зрительному звуковой символ объединения окрести под сенью единого Бога. Церковь, как и город в целом, – это храм, охранявший христиан и несший людям благодать. Местное население, переосмысливая христианские каноны и приводя их в соот-

ветствие с традиционным языческим мировоззрением, охотно принимало атрибуты православного культа – кресты, иконы, свечи, а в языческий пантеон (пусть и не всегда) – русского Бога. “Младенцами христианской веры по пути чествования идолов, выполняющих христианские требы”, назвал томских остояков епископ Томский и Барнаульский Макарий [Плотников, 1901, с. 60]. Официальная церковь не преуспела в деле распространения православной идеологии и не смогла подорвать устои язычества, но христианизация не стала и дезинтегрирующим фактором.

Символично восприятие в автохтонной среде русской культуры и взаимовлияние последней и местных культур. Представляется наиболее перспективным рассматривать проблему взаимодействия народов и их культур не под предметно-аксиологическим или ценностным углом зрения, под которым культура определяется только через результат (достижения, ценности) человеческой деятельности, а через саму эту деятельность, понимаемую как специфически характерный для людей, выработанный человеком способ деятельности [Маркарян, 1983, с. 26, 27, 35 и др.; Краснобаев, 1983, с. 16].

Смысл символа неотделим от его образной структуры и характерен своей многозначностью. Можно выстроить иерархию символов: вещи, будь то фигура короля, возглавлявшего шахматное войско, печной изразец с геральдическим орлом или, например, русские сапоги из селькупского могильника Мигалка в Томской области второй половины XVII в., купленные на городской ярмарке, архитектурно-планировочная среда с ее домами, усадьбами, улицами, кварталами – общий силуэт города, обрисованный городской застройкой, оборонительными сооружениями, шатрами и куполами церквей. Город в своем овеществленном виде особым образом организует пространство и привносит новое содержание в картину мира.

Символичны и действия людей. Обживая, одомашнивая новые земли, русские учитывали конкретно-историческую ситуацию и ее изменение во времени. Так, в 1604 г. первостроители Томска не стали возводить государев город на удобной, выгодной во всех отношениях площадке, потому что там находился татарский могильник. Это поведение – символ понимания и уважения к местному населению. Русский город был построен на месте захоронения спустя десятилетия (и это символизировало коренные перемены в политической обстановке и архитектурно-планировочной среде), когда положение Томска как важнейшего форпоста прочно закрепилось, а память потомков о древнем погребальном месте предков татар-еуштинцев исчезала тем быстрее, чем скорее укреплялся и разрастался русский центр.

Символично для “бунташного” XVII в. строительство нового Томского кремля в 1648 г., в разгар одного из наиболее крупных городских восстаний того вре-

мени. Томский мир раскололся на два враждующих лагеря, которые возглавляли официальный воевода О.И. Щербатый и “воровской” воевода И.Н. Бунаков. Не последнюю роль в восстании сыграло решение князя О.И. Щербатого строить новый городской центр, возложив на население денежную, а не отработочную повинность. Хотя противостояние сторон вылилось в крайние формы, строительство было доведено до конца, что доказало социальную востребованность нового кремля, выступавшего символом будущего замирения.

Исследователи отмечают, что со второй трети – середины XVII в. в недрах старой традиционной зарождаются предпосылки новой культуры, одно из проявлений которой видится в переходе от внеличного к личностному типу культуры, выраженному, в частности, в стремлении личности к деятельному вмешательству в жизнь [Краснобаев, 1983, с. 78; Русская культура..., 1992; Черная, 1999, с. 44]. В переходное время, требовавшее особенно много человеческой энергии, активность людей заметнее всего проявлялась в области “государевой службы”. Своеобразным девизом звучат слова одного из видных практических деятелей второй половины XVII в. А.Л. Ордина-Нащокина: “То мне и радость, штобы больши службы” (цит. по: [Демин, 1976, с. 193]). Активная жизненная позиция побудила воеводу О.И. Щербатого, руководимого честолюбивым желанием отличиться на томском воеводстве в 1644(5)–1649 гг., использовать свой административный ресурс, чтобы переломить противодействие части томского мира строительству нового кремля. Но, пожалуй, наиболее полно черты человека новой культурной ориентации воплотились в характере главы плотничьей артели Петра Терентьева – подлинного вдохновителя и организатора городского строительства в Томске в 1648 г. Незащищенный высоким сословным и должностным статусом, но ведомый авторским самосознанием, любознательностью, стремлением найти, усвоить новое, он сумел внедрить передовые инженерно-строительные идеи и создать один из лучших образцов русского оборонного зодчества в Сибири. В ходе строительства нового городского центра П. Терентьеву пришлось проявить немалое гражданское мужество. Устами своего ближайшего по времени сподвижника И.Т. Посошкова (1652–1726) П. Терентьев мог сказать: “Лучше ми каковую пакость на себе понести, нежели видя, что бесполезно умолчать” (цит. по: [Краснобаев, 1983, с. 78]). В обстановке городского восстания плотники, в первую очередь П. Терентьев, стали заложниками конфронтационной ситуации: нанявшись на строительство города, артельщики автоматически попали в лагерь сторонников О.И. Щербатого, настаивавшего на денежной форме городской повинности, а следовательно, противопоставили себя большинству томского мира, ратовавшего за отрабо-

точную форму. И.Н. Бунаков подверг П. Терентьева жестокому, даже по меркам XVII в., пыткам за его выступление против мирской челобитной о постройке города “головами своими, а не деньгами”. После “стрясок” П. Терентьев едва выжил, даже принимал предсмертное соборование и причащение. Символом мирского раскаяния за причиненные П. Терентьеву мучения и одновременно признания заслуг талантливого мастера, вышедшего из самой толщи народной, стало присвоение ему звания “Петр-Горододел”, с которым он вошел и остался в истории.

Детище П. Терентьева более чем на столетие пережило своего творца. Построенный им кремль просуществовал более 130 лет, став настоящим долгожителем в ряду деревянных кремлей; такой запас прочности был в него заложен. Томский кремль был запечатлен художниками Великой Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) и вызвал восхищение одного из ее руководителей Г.Ф. Миллера. Ученого путешественника, осмотревшего кремлевские укрепления, поразили замысел и качество работ. Почти через 100 лет после возведения кремля компетентный и независимый ученый засвидетельствовал, что у О.И. Щербатого были основания для горделивого отчета в Москву: “И такова, государь, города образцом в Сибири... нет”. Эта хвалебная характеристика подразумевала нечто совершенно особое, чему подобного примера не найти среди сибирских городов и острогов.

Еще одним признаком новой культуры, вызревавшей внутри средневековой, является ее открытость. Эта черта характерна для города как явления нового и неизвестного до прихода русских в Сибирь. Через город состоялось действительное открытие Сибири для русских и России, а через нее и для мира. Открытие русской культуры для местных народов и их культуры для русских способствовало взаимному расширению кругозора и встроенности сибирских народов в общемировой контекст. Город, укореняясь на сибирской земле, создавал новую картину мира, по-своему окультуривая пространство, задавал определенный алгоритм и динамизм. “Врастая” в Сибирь, город становился символом новой эпохи, новых темпов развития и новых исторических перспектив.

В заключение хотелось бы сказать о знаковой находке, обнаруженной автором в особом хранилище Государственного Исторического музея*. Русский

город Сибири как символ новой картины мира материализовался в двух серебряных табакерках последней четверти XVIII в., подаренных сибирскому генерал-губернатору Д.И. Чичерину (ГИМ. ОК. Собрание П.И. Щукина. Ф. 282щ, 285щ. Е.Х. 279, 280). На табакерках выгравированы планы сибирских городов Тобольска, Тюмени, Тары, Томска, Иркутска, выполненные по правилам “регуляторства”. Регулярная застройка с четко очерченными кварталами, площадями, прямыми улицами стала определять городской облик, что символизирует еще один этап в развитии сибирского города.

Список литературы

- Беленькая Д.А.** Красные изразцы из Китай-города // КСИА. – 1973. – Вып. 135. – С. 109–115.
- Демин А.С.** Активность литературных героев и деловая жизнь России второй половины XVII в. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки становления традиции. – М.: Наука, 1976. – С. 190–195.
- Кантор А.М.** Общественный перелом в России конца XVII века: Судьбы городской мысли // Русская культура в переходный период от средневековья к новому времени. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1992. – С. 79–89.
- Краснобаев Б.И.** Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 228 с.
- Макаров Н.А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников Белозерья и Поонежья. – М.: Скрипторий, 1997. – 336 с.
- Маркарян Э.С.** Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 283 с.
- Плотников А.Ф.** Нарымский край. – СПб.: Б.и., 1901. – 366 с.
- Русская культура** в переходный период от средневековья к новому времени. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1992. – 176 с.
- Черная Л.А.** Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени: Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII в. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 257 с.
- Ястребицкая А.Л.** Средневековая культура и город в новой исторической науке. – М.: Интерпракс, 1995. – 416 с.

* Приношу искреннюю благодарность Т.И. Сизовой, заведующей отделом драгоценных металлов ГИМ, за возможность ознакомиться с фондами хранилища и консультацию.

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

СВЯЗЬ ВРЕМЕН И КУЛЬТУР (СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ ВЕРХНЕГО НИЛЬДИНА)

Введение

В 1938 г. на Урале в верховьях р. Лозьвы В.Н. Чернецов записал легенду о серебряном блюде, которое когда-то давно выловили на Оби при неводьбе рыбы и позже доставили в одно из мансийских святилищ. Н.Я. Бахтияров (манси), рассказавший этнографу легенду, увидел это блюдо в селении Верхнее Нильдино: “Меня на жертвоприношение звали. Тогда старик мне и показывал... их *пупых-олнани* (дух-покровитель – серебряная тарелка. – А.Б.), величиной с твой котелок” [Источники..., 1987, с. 265]. Блюдо хранилось в священном ящике, завернутое в платки и специально пошитые для него одежды с медными пуговицами. Во время жертвоприношения его вынимали и вешали вертикально – так, чтобы лицевая сторона была видна присутствующим. По информации В.Н. Чернецова, блюдо не имело отверстий и потому подвешивалось за платок, охватывавший его по краю [Чернецов, 1947, с. 122, 126–129].

В 1985 г. И.Н. Гемуеву и А.В. Бауло удалось обнаружить это блюдо: оно действительно хранилось в качестве одного из главных фетишей на культовом месте, расположенном недалеко от селения Верхнее Нильдино на Северной Сосьве [Гемуев, 1988; Гемуев, Бауло, 1999, с. 111–118].

Диаметр Нильдинского блюда 235–240 мм, высота 29–34 мм, круговой ножки соответственно 97–99 и 4–5 мм (рис. 1). Вес блюда 1103 г. Металлическая петля для подвешивания утеряна, в отверстие для заклепок был продет тонкий кожаный ремешок.

В центре блюда находится изображение крепости (замка?), которую с двух сторон окружают десять всадников. На верхнем ярусе здания показаны фигуры трех воинов, в сторожевых башнях головы еще четырех человек. Двое погибших изображены свешивающимися с верхней части крепости, двое – лежащими у подножия стены. В середине сцены – семь фигур с поднятыми вверх трубами и одна с ящиком на плечах. В окне над входом в крепость изображена женщина с поднятыми вверх руками. Композиция выполнена на позолоченном фоне. Позолочены также изображения солнца и луны, воинов, свесившихся вниз головой, лиц женщины и воинов в башнях, наконечников копий всадников, арки и столба в нижней части блюда. Изделие датируется VIII – началом IX в. и относится к продукции ремесленных мастерских Средней Азии [Гемуев, 1988].

На лицевой стороне блюда рядом с фигурами воинов уже в Сибири были выгравированы два изображения лосей. Не случайно, видимо, верхнее располагается прямо напротив воина с луком, а нижнее – рядом с копьем всадника. Речь может идти об элементах охотничьей магии либо о том, что животные изображены в качестве жертвы, принесенной богатырям-предкам.

Нильдинское блюдо оказалось двойником знаменитого Аниковского блюда из собрания Государственного Эрмитажа (найдено в 1909 г. у д. Больше-Аниковской Чердынского уезда Пермской губернии [Смирнов, 1909; Даркевич, 1976, с. 28–29]). Различия в оформлении фигур на них были подробно разобраны И.Н. Гемуевым [1988, с. 39–48].

Рис. 1. Серебряное блюдо.

Серебряное блюдо – атрибут мансийского святилища

Святилище *Полум-торум-ныга* (“Сын Пелымского бога”) находилось на левом берегу р. Яны-я, правого притока Северной Сосьвы, и принадлежало мансийской семье Вынгелевых. На небольшой возвышенности на четырех опорах стоял амбарчик (за ним на ветках деревьев висело несколько медвежьих черепов), в полутора метрах от него – стол на четырех ножках, еще дальше – кострище (рис. 2). Колья вокруг кострища были увенчаны вырезанными личинами лесных духов.

В задней части амбарчика на низком помосте находилась антропоморфная фигура в черном халате. На голову духа-покровителя были последовательно надеты три островерхие суконные шапки с опушкой из меха ондатры. На жердочках, проходивших вдоль помещения, висели жертвенные платки, у входа лежали пачки папирос и чая, спички, стояла жестяная миска с пятью рюмками.

В сундучке слева от входа находились поднесенные духу платки и фигура духа-покровителя. Ее сердцевиной являлось средневековое бронзовое антропоморфное изображение. В сундучке, стоявшем справа от входа, в двух шапках-чехлах, вложенных друг в друга, находилось серебряное блюдо (рис. 3). Внутренний чехол представлял собой суконный шлем сфероконической формы, состоящий из трех желтых и трех красных клиньев и отороченный по нижнему краю беличьим мехом. Внешний шлемовидный чехол с козырьком был выполнен из сукна темно-зеленого цвета, по нижнему краю и в середине по окружности украшен серебряным шитьем в виде волнистой линии, веточек и арок.

Жертвоприношение коня в честь *Полум-торум-ныга* устраивали зимой. Животное привязывали к специальному столбу и клали ему на спину священное покрывало с изображением Небесного всадника. Из сундука вынимали блюдо и за кожаный ремешок подвешивали на ветку дерева. При этом присутствующие

Рис. 2. Священный амбарчик, в котором хранилось блюдо.

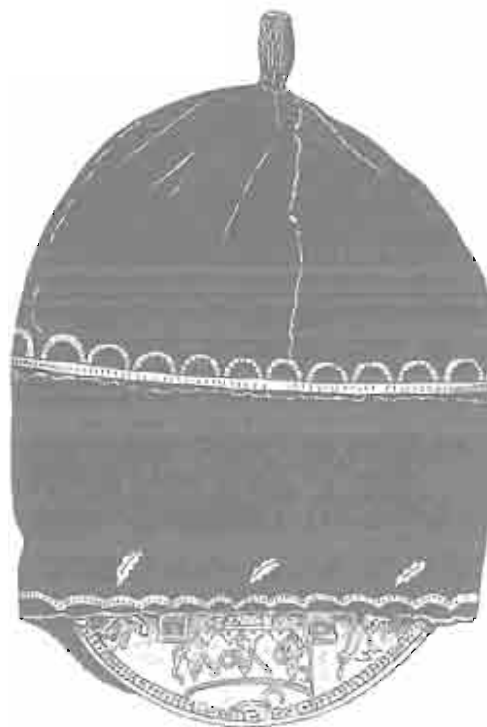

Рис. 3. Серебряное блюдо в шлеме.

говорили: “*Полум-торум*, приходи, тебе лошадь забьем”. Коня, оленя или бычка приносили в жертву и в самом селении, но мясо обязательно полагалось отнести в святилище.

Местное население почитало серебряное блюдо, полагая, что на нем изображены многие видные персонажи пантеона, включая *Полум-торума* (“Пелымский бог”) и его сына. По сведениям В.Н. Чернецова, священное место *Полум-торума* находилось в верховьях р. Пелым. Ряд мансийских патронимий Беткашских, Резимовских, Новинских, Нильдинских и Сурейских юрт считали его сына своим предком [Чернецов, 1939, с. 24].

Нильдинское блюдо уникально не только наличием двойника. Как уже говорилось выше, в 1938 г. В.Н. Чернецов записал подробное предание об обстоятельствах, связанных с находкой, и о том, как сюжет блюда был воспринят местными жителями. По словам рассказчика, Н.Я. Бахтиярова, “серебряная тарелка... Завернута в платки, только половина видна была... Посредине на лошади *Полум Торум*, а по краям еще четыре лошади; на одной *Мир сусне хум*... а на четвертой еще *Хуль отыр*, но он не на лошади, а так внизу” [Источники..., 1987, с. 265]. Не совсем точный рассказ информатора (он явно говорил о фигурах всадников лишь на той половине блюда, которую ему показал) позже попал в статью В.Н. Чернецова “К вопросу о проникновении восточного серебра в При-

обье”. В ней речь вновь шла лишь о пяти всадниках, представленных на блюде: “два – справа, два – слева и один – внизу, а в центре, судя по описанию, вода, из которой высовывается, по-видимому, человеческая фигура” [Чернецов, 1947, с. 122]. Эти строки говорят о том, что В.Н. Чернецов блюда не видел. Иначе он смог бы гораздо раньше заявить о существовании двойника Аниковского блюда, к тому времени неоднократно опубликованного. Приведу предание с некоторыми сокращениями:

Серебряное блюдо из селения Верхне-Нильдинского

По ту сторону Салэ-Харда неницы живут... Однажды... невод забросили... С лодки смотреть стали – невод нолон рыбы... Среди большого количества рыбы смотрят – тарелка. Немного глиной облеплена, Водой немного обмыли, смотрят – серебряная тарелка. Тогда говорят:

– Кому надо, пусть возьмет.

Один человек говорит: “Мне не надо”, другой человек говорит: “Мне не надо”. Тогда один человек говорит:

– Я возьму. Возьму, в свой дом отнесу.

Домой сходил, кусок материи принес. Аршинным куском материи с угла на угол тарелку завязал, домой отнес, в переднем углу к шесту привязал. После внесения на третий день сам заболел. Три дня жид, потом на третий день как заболел – умер. При смерти он детям и жене сказал:

– Если я умру, эту тарелку в другой дом пусть отпесут.

Верно, в тот день, когда сказал... так и умер. Он умер, серебряную тарелку взяли и в другой чум отнесли. Туда внесли, также к шесту дома привязали. В день похорон того

человека в другом доме, куда внесена была тарелка, человек заболел. Как заболел, на третий день и умер. Этот человек умер, тарелку взяли и в третий дом отнесли. В третий дом внесли, также в передний угол к шесту дома привязали. В передний угол привязали, в том доме живущий человек тоже заболел. И также, как заболел, на третий день умер.

После того еще по четырем домам (тарелку) носили. Четыре человека еще умерли. Таким образом, в семь домов заносили, семь человек умерло. Тогда говорят:

– Как дальше иметь (ее) будем? Иметь (ее), видать, нельзя? В семи домах семь человек умерло.

Тогда (один) ненец поворожил и говорит:

– Домой, в помещение, вносить совершенно нельзя. По заднюю сторону седьмого дома маленькая береза есть. На ту маленькую березу, туда привяжите. Там пусть будет.

Тогда вороживший ненец еще сказал:

– Народ пусть весь соберется, хорошенько ворожить надо. Кому хранить (ее), понятным (тогда) станет. Кому хранить можно.

Тогда народ собрался. Шамана выбирать стали. Очень много в бубен бьющих (т.е. способных шаманить) ненцев было. Между собой хоть и выбирали, ради этого (случая) в бубен (никто) не бьет, не соглашаются... Тогда узнали, девушка есть. Та девушка самый первый шаман. Тогда люди говорят:

– Ты в бубен бей.

– Буду бить, мне можно.

Из одной нарты бубен принесли. В дом с огнем занесли. Огонь развели, бубен согрели, бубен согрелся, говорят:

– Теперь девушка пусть идет. Пусть (бубен) возьмет.

Позвали, вошла в дом, где бубен согревали. Бубен ей дали... Взяла, немного погрела... Тогда поколачивать стала, поет.

Петь стала, говорит:

– Эта серебряная тарелка очень дорогая. Очень много духов на ней есть. *Тапал*-отец там есть, затем *Тапал* отца сын там есть. *Тапал* отец на лошади сидит, сын тоже на лошади сидит. На самой середине водяной царь, старик. С одной стороны от него *Мир сусне* хум тоже на лошади сидит, а сбоку от него *Мир сусне* хума сын на лошади сидит. Водяной царь старик по середине тарелки из воды поднялся. Плечи и руки из воды только виднеются. Кисти рук только видны. Пятый человек тоже есть – *Шахэл-торум-ойка* тоже на лошади сидит (жирным шрифтом мною выделено описание фигур, представленных на блюде. – А.Б.). Это духа грома, им затеянное дело. Сыновья его убиты. В поисках сыновей он войско зовет.

Дух грома на юге живет. Там надумал рыбу ловить придти. Ради деления озерной пищи, обской пищи сюда пришел. На Обь сюда пришел, посмотрел: во всю толщу воды – рыба. Множество всяких рыб там есть... То место нашел, там и поселился. (Был) очень теплый день с кучевыми облаками (на небе). Гром тогда загремел, лодка на воду упала. В лодке два человека стоят – духа грома сыновья. Когда он загремел, водяной царь услышал.

– Что это тяжелое такое упало?

Взглянул, двух человек с лодкой увидел... Калданную сеть спустили, вниз по воде плывут. Сами (в лодке) стоят. Однажды слышат, рыба (в сеть) вошла. Подняли ее, рыбу, в лодку сложили. Тогда водяной царь своим сыновьям говорит:

– Пойдите, поймайте их вместе с лодкой.

Два человека пошли, пришли туда, лодку поймали, перевернули. Обоих человек поймали в то время.

Дух грома сверху вниз в то время смотрит, оба его сына двумя человеками пойманы и опрокинуты. Сколько ни гремел... что возьмет? Взять их не мог. Вниз смотрит – **город. Оба (сына) вниз, в город отнесены. Руки у них связаны, ноги связаны. Железными цепями связали, на железную перекладину, чтобы убить повесили. Смотрит, сыновей убили, на железную перекладину повесили.** Тогда он испугался:

– Я что сделаю, его сила!

Отправился к старику *Тапал*. Он тут поблизости живет, знает ведь он, что делать... *Тапал* старик дома сидит. Стал его спрашивать (духа грома):

– Это ты как сюда пришел? Ты никогда здесь не хаживал, сюда не заходил.

– Самые лучшие рыбные места здесь есть, ради промысла рыбы пришел.

– Добыл рыбы?

– Нет. Обоих сыновей своих только что спустил, рыбу промыслить.

– Ловят, а?

– Чего ловят! Два человека на них напали, схватили, лодку перевернули, самих поймали, в подводный город унесли, там убили.

– Вот как! А ты спрашивался? **Водяной царь старик там живет. Со своим городом там находится.**

– Да я и не знал, как спрашивать буду? Я тебя звать пришел...

Тапал старик... говорит:

– Пойду, зачем не пойти, зовешь меня коли.

Сыну своему тогда сказал:

– **Военных коней наших поймай. Уздечками взнуздай, оседлай.**

Взнуздай, оседлай, к отцу пришел.

– Кони наши готовы.

На улицу вышли, на коней сели, поехали. Как тронулись, *Тапал* старик говорит:

– К *Мир сусне* хуму завернем, а оттуда уже прямо поедем.

Отправились, туда приехали.

– Мы, – *Тапал* старик говорит, – на конях посидим, а ты в дом зайди. *Мир сусне* хума позови.

Дух грома в дом вошел.

– Да вон что! – *Мир сусне* хум говорит. – Ты как сюда пришел?

– Я ради рыбного промысла пришел.

– Добыл?

– Чего добыл, оба моих сына убиты. Я тебя с собой зову, пойдешь коли.

– Коли зовешь, почему не пойду, пойду.

Сыну сказал:

– Сходи на улицу, **военных коней** наших поймай.

Сын вышел, обоих поймал, взнуздай, оседлай. В дом тогда вошел, отец уже оделся. Говорит отцу:

– **Коней наших взнуздай, оседлай.**

Наружу вышли. На коней сели. **Пять конных человек едут вместе.** Однажды водяной царь дома был. Дом его (вдруг) шевелиться начал. Дом его туда-сюда просто колышется. Из дома выглянул, оказывается враги идут. **Пять**

конных человек. Их движение настолько тяжело, город его чуть не рушится! Тогда на поверхность воды поднялся. Молить начал. Когда из дома выходил, водяной царь семи сыновьям, семи богатырям сказал:

– Вы духу неба говорите. Семь труб наверх выставляйте. До такого дня дожили! Водяного царя город наш сегодня ведь разнесут. Враги идут! Я их молить стану, вы духа неба молитесь.

Сам наружу появился, над водой показался. На врагов молит. Руки навстречу протянул. Рот раскрылся. Так-то испугался!

Они тогда смилостивились. Дух неба воевать тоже не допустил... Смилостивились, хоть и отправились ради того, чтобы водяного царя убить. *Тапал* старик говорит:

– Водяной царь уже что сделал, то сделал. Зато теперь ты, – духу грома говорит, – порожняком не уходи. Какое количество только можешь, добудь рыбы. Сколько добудешь, в свою землю неси.

Четыре конных человека теперь домой поехали. Завтра дух грома рыбу теперь промысливать стал... Сыновья у него убиты, за них ему рыба назначена была. Водяной царь старик говорит:

– Теперь каждое лето сюда приходи.

Больше они не бранятся, теперь там живут.

Девушка пошаманила, тогда еще говорит:

– Это (блюдо) по семи домам носили, тогда семь человек умерло. Зачем в помещение вносили? На ту березку, туда привязывать вам надо было.

Ненецкая девушка еще пошаманила, говорит:

– Этот день здесь пробудет, на березе. Завтра двух человек выберете, в подводы ехать снарядите. Эту тарелку в шкуру белого годовалого оленя заверните, пусть везут. В Верхне-Нильдинских (юртах) человек с бревенчатым домом... живет. Туда на лодке пусть везут. Туда привезут, тот человек возьмет. Место хранения там.

Ненецкая девушка так ворожила; теперь место хранения нашла. Шаманом оно найдено.

Так подводами (блюдо) повезли. Ни в одном селении так не сказали: “Я не поеду”. Хоть в которое селение не приедут, другие два человека дальше везут. К человеку с бревенчатым домом привезли. Вместе с белой шкурой передали. Теперь в Верхне-Нильдинских юртах хранят [Там же, с. 126–129].

Таким образом, фигуры на блюде были истолкованы ненецкой шаманкой в русле местной мифологической традиции. В изображении женщины она увидела водяного царя, молитвенно поднявшего руки, семь жрецов с трубами оказались его сыновьями. На верхней части крепостной стены, по словам шаманки, были повешены тела убитых сыновей духа грома, а в одной из двух групп всадников предстали персонажи мансийской мифологии: *Тапал-ойка* (*Полум-торум*), *Мир-сусне-хум* (“Мир озирающий человек”), их сыновья и дух грома. Вторая группа всадников, изображенная на блюде, могла быть воспринята манси или ненцами как воины духа неба, к которому обратился за помощью водяной царь. Тогда равное количество всадников с обеих сторон не дало разгореться сражению.

Обратим внимание на то, что в одном предании озвучены сразу две легенды: первая – об обстоятельствах, связанных с нахождением блюда, вторая – об интерпретации ненецкой шаманкой его сюжета. Кажется странным, что ненка видит в фигурах воинов не собственных богов, а мансийских. Скорее всего, перед нами стандартный мифологический ход, опирающийся на обрядовую традицию. Дело в том, что у манси изготовление новых фетишей обставлялось рядом правил. Их должен был сделать *другой* человек, у которого они обязательно “покупались” – будущему владельцу следовало хотя бы символически возместить изготовителю затраты. При этом имелись в виду не столько издержки материального характера, связанные с производством изображения духа, сколько риск наказания со стороны высших сил за возможную невольную ошибку [Гемуев, 1991, с. 7]. В случае с блюдом мы наблюдаем приблизительно ту же ситуацию. Хотя оно не относится к вновь изготовленным фетишам, но, будучи найденным, должно войти в состав уже имеющейся атрибутики с соблюдением процедур, принятых для новой вещи. В данном случае мансийское предание перекладывает ответственность за нахождение блюда на ненцев, косвенно подчеркивая уже свершившийся факт искупительной жертвы (смерть семи человек). Подчеркнута и такая деталь: у манси и хантов запрещено хранить найденные вещи, отнесенные к разряду святых, внутри жилого пространства дома. Нарушившие этот обычай ненцы расплатились своими жизнями. Гнев богов, впрочем, они вызвали и тем, что пытались присвоить вещь, предназначенную другим.

Запись предания о блюде была сделана В.Н. Чернецовым дважды. 22 октября 1938 г. он успел внести в дневник лишь краткие пометки, а полный текст (который приведен выше) записал лишь 4 ноября. В обоих случаях рассказчиком был Н.Я. Бахтияров. При внимательном прочтении двух вариантов между ними заметны некоторые расхождения. В первом случае упомянут *Хуль-отыр* (владыка подземного мира), фигура которого якобы находилась в нижней части блюда; назван район, где обнаружили находку, – побережье Хэ нуйко, а главное, среди рыбы оказались “семь блюд, и все одинаковые”.

После этого рыба не стала ловиться совсем. Один шаман ворожил, сказал: “Одну чашку у себя оставил, а остальные пусть возьмет тот, кто первый придет и захочет их взять”. Так и сделали. Одну он у себя в чуме держал. Остальные в платки завернули и на березу повесили. Немного времени прошло, он умер. Тогда чашку другой брат в свой чум взял и тоже вскоре умер. Семь братьев их было, и все умерли. Была там девушка одна – шаман. Она ворожить стала. Говорит: “Ни одной чашки оставлять нельзя. Эти чашки в другие места назначены. Сейчас их все повесьте на березку в тундре. А потом придет сверху человек,

с Сосьвы-реки с темной водой. Он будет не шаман, не ворожей, но ему надо отдать”. Так и сделали. Действительно, приехал однажды человек, не был он ни шаманом, ни ворожеем, а просто рыбачить приехал. Был он с Сосьвы, из селения Али-нялтанг (мансийское название пос. Верхнее Нильдино. – А.Б.). Стали ему отдавать чашки, но он отказался взять. Уехал. После этого начали умирать люди в этом роду. Тогда снарядили лодку и несколько человек отправились в путь. Долго они ехали, пока добрались... до селения, разыскали человека того и вручили ему чашку. Остальные чашки развезли по другим местам, не знаю куда. С тех пор она и находится в Али-нялтанг [Источники..., 1987, с. 265].

Этот вариант отражает еще одну устойчивую традицию в мансийских воззрениях: святую вещь не ищут, она сама выбирает человека, отказываться от того, что послано свыше, нельзя, иначе человек навлекает на свой род смерть.

Итак, согласно первому варианту было выловлено семь одинаковых блюд. В связи с этим необходимо обратить внимание на две вещи. Во-первых, возможно, из этой же группы было и Аниковское блюдо, поскольку в конце записи говорится о том, что остальные блюда “развезли по другим местам”. Во-вторых, слова “все одинаковые”, может быть, не стоит относить к сюжетам. Речь могла идти об одинаковых размерах, форме, материале и других внешних признаках.

Таким образом, два варианта одного предания отличаются весьма важными деталями. К сожалению, причину этого В.Н. Чернецов не указал.

Через 50 лет после записи легенды В.Н. Чернецовым мы услышали и третью версию: по словам жителя Верхнего Нильдина П.С. Таратова, на “тарелке показана война *Полум-Торума* с *менквами* (лесными духами. – А.Б.), когда царя не было, людей и воды не было, бог только землю начинал” [Гемуев, Бауло, 1999, с. 118].

В ряде мансийских сказаний, возможно, присутствуют фрагменты уже измененной со временем легенды о блюде (что косвенно может указывать на ее достаточно солидный возраст). Так, *Вит-хон* (“Водный царь”) живет в подземном царстве в “золотом доме”; *Куль-отыр* “владеет целым городом и живет... в большом золотом доме” [Гондатти, 1888, с. 36, 40]. В записях А. Каннисто читаем: “Семь сынов *Кепера* начали на озере тянуть свой невод. Образ дочери божества отразился на поверхности вод” [Kannisto, 1958, S. 17]; в другом сказании: “К нашей девице приходят гости с нижнего течения Лозьвы. Долго ли коротко пробыла она и выглянула наружу. Видны кони с железными мордами” [Ibid., S. 158]. В “Священном сказании о возникновении земли” говорится: *Мир-сусне-хум* “долго ехал, коротко ехал, однажды его конь спустился в середину моря. Оказывается, через воду ведет серебряная дверь, золотая дверь... Пришел вниз,

там город водяного царя, серебряный город, золотой город... В маленьком доме сидит женщина... дочь водяного царя” [Мифы..., 1990, с. 267]. Из другой легенды о *Мир-сусне-хуме*: “Такой город возник: стоит он разрезая высоко бегущие облака, высоко идущие облака. Возник серебряный дом, возник золотой дом...” [Ромбандеева, 1993, с. 155]. На медвежьих празднике казымских хантов ряд сакральных сюжетов посвящен *Асты-ики* (“Верховьев Оби мужчина”) – князю Серебряного города в верховьях Оби [Мазур, 1997].

Необходимо подчеркнуть тот факт, что блюдо в последние годы было завернуто не в платки, а лежало внутри двух шлемов. Этому можно найти объяснение. Поскольку само блюдо отождествляли с фигурой предка-покровителя поселка – *Полум-торум-пыга*, то эта фигура и была “увенчана” шлемом.

Таким образом, Нильдинское серебряное блюдо оказало известное влияние на формирование ряда мифологических сюжетов у манси и заняло важную нишу в их обрядовой практике. Вывешенное на ветку березы во время жертвенной церемонии, оно олицетворяло собой присутствие рядом с людьми их богов: *Мир-сусне-хума*, *Полум-торума*, духа грома, водяного царя и др.

К дискуссии об Аниковском блюде

Нильдинское блюдо позволяет вернуться к дискуссии, которая ведется в течение нескольких десятилетий по поводу атрибуции Аниковского блюда и его сюжета. Вначале блюдо считали сасанидским (F. Sarre, 1923; O. Reuther, 1938), а сюжет трактовали как занятие крепости иранцами и внос священного огня; позже И. Соваже (1940 г.) отнес блюдо к концу XI–XII в., пытаясь доказать, что в основе сюжета представление султана своей армии или подавление заговора против султана Санджара в Мерве [Даркевич, 1976, с. 28]. В 1939 г. А.И. Тереножкин высказал мысль о хорезмийском происхождении блюда, т.к. на нем изображен типичный для Хорезма двухэтажный замок VI–VII вв. Отметив сходство находящегося в центре композиции “ковчега” с зороастрийскими погребальными оссуариями Хорезма, он предположил, что на блюде запечатлен вынос оссуария [Тереножкин, 1939]. С.П. Толстов связал сюжет с комплексом представлений о Сиявуше – умирающем и воскресающем божестве растительности у народов средневековой Средней Азии. Он также склонялся к версии о торжественном выносе из замка оссуария. Предводитель, по С.П. Толстову, – это Кей-Хосров, сын Сиявуша; два трупа на зубцах башни – убийцы Сиявуша; простирающая руки женщина – его мать. В целом сюжет рассказывает о победоносном возвращении Кей-Хосрова, его

мести убийцам отца и выносе тела божественного основателя хорезмийской династии [Толстов, 1948, с. 205].

Г.А. Пугаченкова обратила внимание на то, что среднеазиатские замки-кешки, схожие с замком, изображенным на блюде, были не только в Хорезме, но и в Самарканде, Ташкенте, Таразе. По ее мнению, сюжет представляет осаду кешка согдийского владельца воинственными соседями (возможно, турками) и блюдо является памятником доисламской среднеазиатской торевтики VI–VII вв. [Пугаченкова, 1950, с. 52–54]. Тезис о согдийском его происхождении повторен и в совместной работе М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой [1950, с. 99]. М.М. Дьяконов также высказался в пользу среднеазиатской атрибуции блюда, отметив, что облик всадников (и их вооружение), воспроизведенных на нем, точно совпадает с изображениями воинов на согдийских памятниках (щит с горы Муг, росписи Пянджикента) [1954, с. 139].

По мнению А.М. Беленицкого, архитектура двухэтажного замка, изображенного на Аниковском блюде, была характерна для большинства районов Средней Азии. Сопоставив его с замком, представленным в пянджикентской росписи, исследователь выделил одинаковые выносные балкончики, декоративные фризы в виде ряда поставленных на ребро кирпичей, зубцы, венчающие стены и пр. Это сравнение позволило ему отнести блюдо к произведениям искусства Согда [Беленицкий, 1959, с. 52–53]. Среднеазиатским считали Аниковское блюдо В.А. Шишкин [1963, с. 41] и Л.И. Ремпель (который датировал его VII–VIII вв.) [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 235–236].

Б.И. Маршак достаточно подробно обосновал версию о том, что на блюде представлены эпизоды книги Иисуса Навина, видоизмененные в среднеазиатской среде. Изделие отлито в IX–X вв. в государстве христиан-карлуков Семиречья по слепку с оригинала примерно VIII в. Реалии, привнесенные при расчеканке (прежде всего конский убор), относятся к IX–X вв., тогда как реалии, переданные рельефом, восходят к VII–VIII вв. [Маршак, 1971, с. 11; 1996, с. 10]. По мнению Б.И. Маршака, последовательность эпизодов книги Иисуса Навина показана на блюде снизу вверх: внизу – осада Иерихона и блудница Раав в окне, пробитом в городской стене, выше – вынос Ковчега Завета в сопровождении семи жрецов с “семью рогами юбилейными”, еще выше – взятие ханаанского города и Иисус Навин, остановивший одновременно луну и солнце [Маршак, 1971, с. 11]. Версия Б.И. Маршака о сюжете блюда и его датировка были поддержаны В.П. Даркевичем [1976, с. 28–29]. Однако многие исследователи не согласились с этой гипотезой. По наблюдениям Н.В. Дьяконовой, композиция напоминает переосмысленную “осаду Кушинагары” и восходит к буддийскому искусству (см.: [Там же, с. 29]).

Г.А. Пугаченкова также не нашла оснований говорить о несторианско-семиреченском происхождении Аниковского блюда. По мнению исследовательницы, оно, скорее, создано в одном из доарабских центров художественного ремесла в пределах зоны Зерафшана – Амударьи – Мургаба. Ее интерпретация сюжета на блюде сводится к следующему: представлена осада и оборона двухэтажного замка, длящаяся день и ночь (их символы – солнце и луна); воины, атакующие замок, а также и обороняющие его – при оружии; на крыше первого этажа жрецы выносят реликварий и совершают обряд, обращенный к светилам; жрица-оранта перед входом вызывает к милости высших сил [Пугаченкова, 1981, с. 60–61].

Таким образом, большинство исследователей едины в отнесении Аниковского блюда к согдийскому (шире – среднеазиатскому) искусству. По поводу времени его изготовления споры свелись к двум точкам зрения: первую представляют Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель (VI–VII вв.), вторую – Б.И. Маршак и В.П. Даркевич (IX–X вв.). Сюжет блюда также остался предметом дискуссии. Основные варианты его интерпретации: осада крепости или замка и вынос оссуария (А.И. Тереножкин, С.П. Толстов, Г.А. Пугаченкова), эпизоды из книги Иисуса Навина (Б.И. Маршак и В.П. Даркевич), переосмысленная “осада Кушинагары” (Н.В. Дьяконова).

Несмотря на то что Нильдинское блюдо было опубликовано И.Н. Гемевым в 1988 г., его никто не рассматривал в связи с проблемой затянувшегося спора по поводу Аниковского блюда. Вместе с тем даже одного взгляда на эти изделия достаточно, чтобы увидеть разницу в качестве работы: блестящее и выверенное изображение фигур на Нильдинском блюде и весьма грубая проработка деталей на Аниковском. Напомню, что в Аниковском изделии наблюдаются “сглаженные при отливке следы первоначальной гравировки” оригинала (косяки ворот, ошейник одного из коней) [Даркевич, Маршак, 1974, с. 217], а в Нильдинском эти детали проработаны резцом и пунсонами. При отливке Аниковского блюда было утрачено изображение боевого топора у одного из всадников в левом ряду, практически не заметен жест его же левой руки с поднятыми вверх двумя перстами. Все это может свидетельствовать о том, что Нильдинское блюдо старше Аниковского и, возможно, являлось тем образцом, по слепку с которого было отлито последнее. Тогда разница в оформлении обмундирования воинов вполне объяснима; более поздний мастер прорабатывал его детали, исходя из собственных представлений, но при этом искажал первоначальный смысл сцены. Речь идет о том, что ряд исследователей считают воинов, показанных в верхней части блюда, защитниками замка (Г.А. Пугаченкова и др.). На мой взгляд, это нападавшие. Основным

доказательством являются тщательно проработанные на Нильдинском блюде детали их одежды: шлем правого лучника такой же, как у нижнего справа всадника на правой стороне блюда и среднего слева – на левой; шлем воина, находящегося в левой части стены (с флажком), выполнен аналогично шлемам всадников средней группы на правой стороне блюда; меч воина, стоящего в центре верхней части стены, такой же, как и у всадников, а его кольчуга идентична кольчугам всадников нижнего ряда правой стороны блюда. В таком случае интерпретация может быть следующей: лучник в верхней части стены левой рукой с поднятым в ней луком приветствует предводителя нападавших; последний, в свою очередь, поднял в приветствии правую руку; они смотрят друг на друга; левый воин водрузил флаг над взятой крепостью.

Еще одна хрестоматийная деталь описания: по мнению ряда исследователей, вождь нападавших изображен в трехрогом шлеме (С.П. Толстов: “трехрогий шлем, вернее, по обеим сторонам шишака – два рогообразных выступа” [1948, с. 215]). На Нильдинском блюде видно иное: предводитель в обычном шлеме с высоким шишаком. За два крайних рога приняты углы высокого защитного воротника (о высоких воротниках см.: Горелик, 1987, с. 116–117).

Хочется предложить и иную версию относительно самого здания. А.И. Тереножкин [1939], А.М. Беленицкий [1959], Г.А. Пугаченкова [1981] считают, что на блюде представлен двухэтажный замок, по мнению Б.И. Маршака [1971] и В.П. Даркевича [1976] – две разные крепости. Мне кажется, что на блюде художник изобразил переднюю и заднюю башни одной крепости. Кирпичи верхних частей башен имеют наклон в разные стороны (у дальней – наклон влево, у ближней – вправо), и если предположить, что дальняя показана с внутренней стороны, то кирпичи в обоих случаях уложены одинаково: при взгляде снаружи – с наклоном вправо. По-разному изображенные зубцы – еще один аргумент в пользу высказанного предположения о показе башен с разных сторон (дальняя – с внутренней, ближняя – с внешней). Разная величина башен подчеркивает перспективу. В этом случае восемь “жрецов” изображены внутри крепости, а не на крыше первого этажа, как считает Г.А. Пугаченкова. Они, на мой взгляд, относятся к числу защитников (жителей) города: их одеяние выполнено таким же образом, как и одеяние висящего вниз головой человека (справа). Лица всех десяти фигур (восьми “жрецов” и двух над ними) более круглые, чем у нападающих. “Жрецы” с трубами, скорее всего, сопровождают человека, выносящего оссуарий погибшего при штурме властителя города. Его оплакивает и женщина, в скорби поднявшая руки.

Несколько слов необходимо сказать о версии Н.В. Дьяконовой об “осаде Кушинагары”. Напомню, что после смерти Будды его тело было кремировано, а прах и остатки несгоревших костей сложены в золоченую урну. Ее унесли в Кушинагару могущественные маллы и поместили наверху высокой ступы. Но семь царей из других принявших буддизм областей направили послов с требованием уделить им частицы священного праха. Получив отказ, они двинулись в поход. “Город сильных окружили колесницы и слоны...” Маллы, в свою очередь, приступили к обороне, устремив со стен на неприятеля стрелы, камни и огонь. Произошло сражение. Брахман Дрона призвал прекратить войну. Послы вошли в Кушинагару, где священный прах был разделен на восемь частей и помещен в реликварии, которые каждый царь увез в свою страну [Пугаченкова, 1982, с. 143–144]. Интересно, что на рельефе из Ранигата “Раздел реликварий” (Пешевар, Музей) низ крепости напоминает нижнюю часть стены замка на Аниковском блюде [Там же, с. 144, ил. 148]. Скульптурная группа на ступе, именуемая “Сражение за реликвии”, также показывает осаду Кушинагары. Здесь балкончик в верхней части крепости похож на балкончики замка на Аниковском блюде [Grünwedel – Waldschmidt, 1932, kat. 79].

Таким образом, дополнительные детали, которые позволяет увидеть тщательная работа мастера, создавшего Нильдинское блюдо, могут уточнить содержание сюжета. Его основной смысл (тот, который вкладывал мастер или заказчик блюда) не поддается однозначному толкованию. В Средней Азии, где было изготовлено блюдо, сюжет мог рассматриваться по-разному в зависимости от того, в чьи руки оно попадало. Житель Согда или Бухары видел здесь иллюстрацию к популярным легендам об осаде и взятии крепости, приверженец буддизма – осаду Кушинагары, а последователь Нестория – измененные в среднеазиатской среде сцены из книги Иисуса Навина. Возможно, столь явно выраженная полисемантичность характеризует прежде всего заказчика блюда, который являл собой образец человека, сформировавшегося в той среде, где причудливо переплелись различные культурные и религиозные традиции.

И еще об одной важной детали. Вопрос о происхождении и времени изготовления Аниковского блюда исследователи во многом решали на основе суждения об архитектуре здания как среднеазиатской. При этом в стороне осталась интересная деталь: верхняя часть задней башни замка с представленными на ней воинами, на мой взгляд, выполнена по эскизу, в основе которого лежит древний ассирийский батальный сюжет. В 1878 г. при раскопках дворца Салманасара III на холме Балават, неподалеку от развалин Ниневии, были найдены листы бронзовой обшивки ворот дворца или замка (хранятся в Британском музее). Эти листы

Рис. 4. Осада крепости. Фрагмент Балаватских ворот.

покрыты изображениями, расположенными рядами, и снабжены клинообразными надписями. Несколько эпизодов относятся к походам Салманасара III против царства Урарту (860 г. до н.э.). На одном листе изображено ассирийское войско, направляющееся к вражеской крепости, которая расположена на горе и осаждена с двух сторон. Внутри нее показаны защитники – лучники и копейщики. Над изображением пояснительная надпись: “Город Сугуниа, Арама Урартского” [Пиотровский, 1951, с. 74–75] (рис. 4). Какие детали ассирийского сюжета узнаются на Аниковском блюде? Это полукруглые арочки на стене замка; фигуры двух свисающих вниз головами людей и лучника, стоящего справа на крепостной стене; форма доходящего до колен пластинчатого доспеха (у нижних всадников) и мечей. Речь идет не о том, что возраст Аниковского и Нильдинского блюд нужно значительно увеличить, а о том, что искусство Средней Азии насыщено более ранними и южными традициями. Через Иран они уходят в Ассирию. Именно об этом говорил В.Г. Луконин: “Протоиранское искусство целиком лежит в образах и композициях искусства Древнего Востока, преимущественно Ассирии и Элама, но также Урарту и Малой Азии” [1977, с. 3].

Заключение

Обнаруженное в 1985 г. Нильдинское блюдо является не только замечательным памятником средневековой истории Востока, но и уникальным атрибутом сибирского святилища, сыгравшим известную роль в формировании мифологических сюжетов и образов божеств у манси на протяжении II тысячелетия.

Список литературы

- Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента: Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 11–86.
- Гемуев И.Н. Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1988. – № 3: Сер. ист., филол. и филос., вып. 1. – С. 39–48.
- Гемуев И.Н. Религиозно-мифологические представления манси: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1991. – 45 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: Б.и., 1888. – 91 с.
- Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. – М.: Наука, 1987. – С. 110–133.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока: Произведения восточной ювелирки на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.; Л.: Наука, 1976. – 198 с.
- Даркевич В.П., Маршак Б.И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // СА. – 1974. – № 2. – С. 213–222.
- Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 83–158.
- Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 280 с.
- Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. – М.: Искусство, 1977. – 232 с.
- Мазур О.В. Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система: Дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1997. – 218 с.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Наука, 1971. – 157 с.

Маршак Б.И. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж; Формика, 1996. – С. 6–44.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса. – М.: Изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 144 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост., предисл., примеч. Н.В. Лукиной. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Пиотровский Б.Б. Урарту // По следам древних культур. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 71–112.

Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. – 1950. – Т. 2. – С. 8–57.

Пугаченкова Г.А. К датировке и интерпретации трех предметов “восточного серебра” из коллекции Эрмитажа // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1981. – С. 53–63.

Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. – М.: Искусство, 1982. – 196 с.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. – М.: Искусство, 1982. – 288 с.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.

Смирнов Я.И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Изд. Имп. археол. комиссии, 1909. – 18 с., 300 табл.

Тереножкин А.И. К истории искусства Хорезма // Искусство. – 1939. – № 2. – С. 121–126.

Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1948. – 352 с.

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20–42.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.

Шишкин В.А. Варахша. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.

Grünwedel – Waldschmidt. Buddhistische Kunst in Indien. – Berlin: Würfel Verlag, 1932. – 126 S.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen. – Helsinki, 1958. – 444 S. – (MSFOu; Vol. 113).

Материал поступил в редколлегию 20.05.04 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

КЕТЫ ЕНИСЕЯ

Великие реки Северной Азии несут свои воды с юга на север, вбирая потоки времени и человеческие судьбы. В 2003 г. стартовал международный фотопроjekt “Восемь рек Северной Азии”. Его первым этапом стала фотоэкспедиция по Енисею, организованная и проведенная Фондом “Объективная реальность”, Агентством “Открытая Сибирь”, Фондом имени Юрия Кондратюка при поддержке ИАЭт СО РАН и Красноярского культурно-исторического центра.

Речные хроники легли в основу выставки “Река истории – истории реки”, частью которой стал репортаж Андрея Рудакова о современной жизни древнего народа – кетов с р. Елогуй (пос. Келлог Туруханского р-на Красноярского края). Эта хроника о жизни кетов начала XXI в. была отмечена первой премией конкурса Пресс-Фото России 2004 г. Ее появление стало возможно благодаря поддержке главы администрации Туруханского р-на Красноярского края С.Г. Юрченко и глав местных администраций С.Г. Масленникова и В.В. Ирикова, а также всех жителей пос. Келлога и прежде всего В.А. Романенковой.

Кеты – они же остяки, енисейские остяки, или енисейцы – стали известны миру с XVII в., когда на Енисей пришли российские первопроходцы. Собственное имя народа появилось лишь в XX в. как советская административная новация. Слово “кет” – “человек” стало его основой; “кет” – так мужчины обращаются друг к другу. Есть и другое слово – “дээ” – “люди”: люди Елогуя, люди береговые и лесовые, люди низовские и верховские. В XVII в. были известны имбаки – в бассейне Елогуя, земшаки – в низовьях Подкаменной Тунгуски и богденцы – в устье Бахты; эти крупные родовые подразделения, консолидированные в рамках волостных структур, были объединены верой в общих предков, героев и покровителей.

С XVIII в. те, кого позднее называли кетами, являлись объектом специального изучения. Открытие кетов в Европе связано с фотохрониками Ф. Нансена, привезенными из путешествия по Енисею 1913 г. С начала XX в. зона расселения кетов стала полигоном полевых исследований, особенно интенсивных с 1960-х гг.; на Енисее работала комплексная Северная экспедиция Института этнографии АН СССР, велись лингвистические, антропологические и этнографические изыскания.

Проблема происхождения кетов в академических кругах была сформулирована в середине XIX в. Норвежский путешественник Ф. Нансен, знакомый с трудами А. Кастрена, В. Радлова, К. Доннера, Д. Анучина и др., считал кетов потомками народа, некогда широко распространенного в пределах Азии. Он также ссылаясь на гипотезу норвежского ученого А. Ганзена, который причислял кетов (енисейских остяков) к племени, населявшему Скандинавию, а еще раньше, быть может, большую часть Европы. “Впрочем, – писал Нансен, оценивая гипотезы антропологов своего времени, – если даже гипотезы покоятся на шатком основании, народ этот сам по себе в высшей степени интересен и заслуживает более детального изучения, нежели какого удостоивался до сих пор. А главное – енисейские остяки очень быстро вымирают, и общая численность их в наше время всего около 700–900 человек; в лучшем случае не наберется все-таки тысячи” [Нансен, 1982, с. 132–133].

По данным официальной статистики, численность кетов в Енисейской губ. конца XIX в. (на 1897 г.) составляла 988 чел. И хотя эта цифра оставалась стабильной на начало XX в., кетам предрекали скорое исчезновение. Вымирающий народ, исчезающий язык, гибнущая культура – такие мрачные диагнозы витали над кетами все последнее столетие, подстегивая ученых в стремлении разгадать тайну их происхождения, сохранить язык, спасти народ. Казалось, еще немного, еще одна экспедиция – и загадки будут разгаданы. Двести лет ученые бились над проблемой происхождения маленького народа, но слава открытия была завещана будущим поколениям [Алексеев, 1999, с. 12].

Предками кетов называли хеттов, динлинов и гуннов; в их облике выделяли европеоидные (арийские), американоидные, монголоидные черты. Многочисленные антропологические и генетические исследования установили их сходство с народами уральской и южно-сибирской рас. Южное происхождение кетов не вызывало сомнения, однако попытки связать их генезис с какой-либо древней культурой Евразии были неудачными.

Предполагают, что кеты пришли на север с верховьев Енисея в начале новой эры, что на степных просторах Сибири их культура предшествовала культуре

европеоидов бронзового века. Но как и когда появились предки кетов в границах Саяно-Алтайского кольца – эти вопросы остаются открытыми. Считают, что предки современных кетов сформировались в эпоху бронзы на юге междуречья Оби и Енисея в результате смешения европеоидов Южной Сибири с древними монголоидами. Позднее (в I тыс. н.э.) они вступили в контакт с тюрко-, самодийско- и угроязычным населением.

В общей расовой классификации по комплексу антропологических признаков кеты являются монголоидами с ослабленной выраженностью монголоидных черт. В настоящее время сформулировано положение, что уральские черты кеты приобрели достаточно поздно, поэтому енисейский антропологический тип может быть выделен в самостоятельный систематический ранг. Но данная позиция также является дискуссионной. Полагают, что в результате миграций (возможно, нескольких волн) кеты проникли на Енисейский Север, но достоверных памятников, фиксирующих их появление в этом регионе, не известно [Кетский сборник..., 1982].

В ходе историко-этнографических и историко-лингвистических исследований удалось установить, что современные кеты являются частью енисейской языковой общности, включавшей аринов, асанов, яринцев, байкотовцев и коттов, которые в течение XVIII–XIX вв. были ассимилированы окружающими их народами и вошли в состав отдельных групп хакасов (качинцев), тувинцев, шорцев, бурят. Кетский язык (разделенный на имбатский и сымский диалекты) является реликтовым языком Сибири. Он занимает изолированное положение и не входит ни в одну из языковых групп Северной Азии. Лингвисты все чаще обращают внимание на общие черты в основных принципах построения кетского языка и языков народов Кавказа, басков и североамериканских индейцев. С конца XIX в. существует гипотеза о родстве енисейских языков с китайско-тибетскими, но кетский скрывает тайну своего происхождения [Дульзон, 1968].

Древние топонимы Алтус, Дубчес, Сандакчес, Панакачет, Почет, Тропончеть – кетские названия притоков Енисея – обозначают границы прежнего расселения одного из самых загадочных народов Северной Азии.

Ныне кеты проживают в северной части Красноярского края, преимущественно на территории Туруханского р-на, по притокам Енисея – Елогую (пос. Келлог), Сургутихе (пос. Сургутиха), Пакулихе и Курейке. Подкаменная группа кетов (пос. Суломай), согласно современному административному делению, локализуется в Байкитском р-не Эвенкийского автономного округа.

В 1926 г. кетов насчитывалось 1428; в 1970 г. – 1182, в 1979 г. – 1122; перепись 1989 г. зафиксировала 1113 кетов (в границах СССР). Сегодня кеты живут почти в 20 селах по Енисею. По экспертной оценке В.П. Кривоногова, в 1991–1993 гг. население пос. Келлога составляло 405 чел., из них 247 кетов, пос. Суломая – соответственно 243 и 154, пос. Сургутиха – 299 и 91, пос. Мадуйка – 86 и 53. Согласно официальной статистике, в 1993–1994 гг. в России насчитывалось 1089 кетов, 994 из них проживали в Красноярском крае [Кривоногов, 1998, с.10–13].

По данным отдела региональной и муниципальной статистики, на 1.01.2003 г. численность кетов в Туруханском р-не Красноярского края составляет 794 чел.: в Келлогском сельсовете – 216 чел. (119 мужчин, 97 женщин), в Туруханском – 159 (соответственно 61 и 98), в Борском – 64 (23 и 41), в Горошихинском – 57 (28 и 29), в Серковском – 55 (34 и 21), в Сургутихинском – 53 (32 и 21), в Бахтинском – 40 (20 и 20), в Верещагинском – 33 чел. (16 и 17) и т.д.

Во многих селах на Енисее (Ярцево, Ворогово, Верхнеимбатск, Бакланиха, Фарково, Костино, Зотово и др.) остаются лишь отдельные семьи кетов, многие из которых влечат существование люмпенов. Для центральной части этнической территории, на участке Енисея от Туруханска до Верхнеимбатска, в последние десятилетия более всего характерны процессы, ведущие к полному исчезновению коренного населения.

Кеты конца XIX–XX в. оставались охотниками и рыбаками таежных северных рек, но в их культуре отмечали много южных черт. Своеобразие традиционного бытового уклада этого народа определял синтез таежного производственного комплекса (землянка, заготовка продуктов впрок, меховая парка и составная обувь, культы земли, промысловых животных и др.) с элементами культуры центрально-азиатских кочевников (чум, халатообразная одежда, кузнечество и др.).

Исконными занятиями кетов были рыболовство, охота на лося и оленя, водоплавающую и боровую дичь. С введением ясака, а затем с развитием товарных отношений в регионе получила распространение пушная охота (на соболя, белку и др.). В прежние времена кетские луки и холодное оружие славились на Енисейском Севере и были предметом обмена.

Займствованное в XVII–XVIII вв. у самодийцев (ненцев, энцев) транспортное оленеводство получило развитие у кетов, живших по равнинному левобережью Енисея (по Дубчесу, Елогую, Сургутихе, Пакулихе), а также в бассейне Курейки; кеты Подкаменной Тунгуски оленей не держали. До коллективизации самое многочисленное стадо в 250 голов было у курейских кетов. В левобережных районах оленей

использовали исключительно в транспортных целях, при переездах во время охотничьего промысла. Обычно семьи имели 10–20 оленей [Клоков, 2001].

Во время обследования охотничье-промыслового хозяйства Туруханского р-на, которое проводилось в 1973–1976 гг. в рамках программы “Оленеводство и оленеводческие народы Севера России” К.Б. Клоковым, было установлено, что некоторые группы кетов продолжали использовать олени упряжки для охотничьего промысла: на севере кеты из пос. Серково и с Мундуйского озера охотились на оленях в бассейне р. Курейки и на ее притоке Деген; небольшое количество транспортных оленей жители поселков Бакланиха и Сургутиха держали в бассейне Пакулихи; у елогуйских кетов было два небольших стада – одно около пос. Келлюга, другое – на оз. Дынба [Там же]. По данным В.П. Кривоногова 1992 г., в пос. Мадуйка оставалась единственная кетская семья, имевшая пять оленей. К настоящему времени кетское оленеводство полностью утрачено [Кривоногов, 1998, с. 23].

Еще в 1970-х гг. исчезли с притоков Енисея последние берестяные чумы; ушли из жизни последние шаманы; национальная одежда, оружие, утварь превратились в музейные экспонаты; сузилось языковое и культурное пространство этноса. Хозяйственные реорганизации советского периода (создание колхозов и промхозов; перевод на оседлость и ликвидация неперспективных сел) привели к вытеснению коренного населения из промысловой сферы. Последние десятилетия кеты живут в больших многонациональных поселках.

Нынешняя столица кетов Келлог – это таежное село, расположенное на высоком берегу Елогуя: брусовые бараки эпохи социализма, новые рубленые дома крепких промысловиков; спутниковая антенна над администрацией; гудящий почти круглые сутки движок. В поселке летом 2003 г. проживало 350 чел., в т.ч. чуть более 200 кетов; а кроме них есть русские, селькупы, украинцы, буряты, иранцы, татары; на тридцать с лишним полных семей приходится приблизительно столько же неполных.

Различия в промысловом природопользовании между кетами и некоренным населением сnivelированы. Из-за высокой конкуренции и несовершенства законодательной базы сокращаются возможности для ведения традиционных охоты и рыболовства; и хотя среди кетов есть преуспевающие промысловики, в целом уровень жизни большинства кетских семей крайне низок.

В 1980-х гг. на территории компактного проживания кетов создали заказник “Туруханский”. В 1994 г. ему был придан статус эколого-этнического заповедника, на базе которого возникло экспериментальное охотничье-рыболовное хозяйство “Экотайга”, призванное способствовать возрождению традиций при-

родопользования кетов. Однако проблемы сбыта, организационные и финансовые трудности поставили под сомнение эффективность проекта, как и многих других начинаний. В начале 2000-х гг. администрация Красноярского края ввела социальные субсидии для коренного населения – “кетские деньги”, которые не сняли проблемы, а лишь обострили ситуацию в полиэтническом сообществе региона. По данным Красноярской краевой ассоциации кетского народа, на конец 1990-х гг. 80 % кетов были безработными и столько же находились за чертой бедности. Положение кетов последнего десятилетия продолжает оцениваться как критическое. И хотя по данным переписей XX в. их численность оставалась стабильной, об угрозе исчезновения этого народа говорили и говорят всюду на Енисее [Трофимова, 1996]. При анализе этносоциальной ситуации в регионе эксперты обращают внимание на сохранение угрозы алкогольной зависимости северян, ухудшение физического и репродуктивного здоровья, усиление ассимиляционных процессов в среде коренного населения.

Кетский этнос меняет свой облик. По данным этнодемографических исследований, в конце 1930-х гг. кетские однопациональные семьи составляли 88,1 %, смешанные с северными народами – 10, с русскими 1,9 %; в конце 1960-х гг. – соответственно 68,8, 23,7 и 7,5 %. На начало 1990-х гг. однопациональных семей 41,1 %, смешанных с северными народами – 8,7, с европейскими народами – 50,2 %. Эти изменения были квалифицированы как прорыв эндогамии [Кривоногов, 1998, с. 48–68].

Однако за годы вызванного реформами кризиса произошел значительный отток из кетских поселков некоренного населения, а нарушение транспортных связей усилило изоляцию. Это замедлило темпы ассимиляции и создало дополнительные предпосылки для формирования национального самосознания. Но уровень метисации кетов уже очень высок; по мнению исследователей, он коррелирует с утратой языка и отказом от традиционных ценностей. Известно, что в 1959 г. из 1017 кетов на родном языке говорили 786; в 1989 г. лишь половина из 1113 кетов считала родным кетский язык. На начало 1990-х гг., по данным В.П. Кривоногова, родным кетский оставался для 32 % аборигенного населения; при этом идею его преподавания и изучения поддерживали 70,1 % кетов [Там же, с. 32–42].

Проблема возрождения языковой практики кетов возникла в 1980-х гг. Точкой отсчета в становлении преподавания национального языка считают постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера”, в котором, кроме прочего, было указано на необходимость развития письменности на языках народов

Севера. Были созданы букварь и учебные пособия, началось восстановление преподавания кетского языка в школах, прерванного в 30-х гг. XX в. С созданием Ассоциации коренных малочисленных народов Туруханского р-на Красноярского края в 1995 г. эта тема стала широко обсуждаться в районной и краевой прессе. В Туруханске возникла лаборатория кетского языка. Экспериментальные программы были предложены для школ в поселках Суломае и Келлоге. В келлогской школе учатся 72 ученика, 59 из них – кеты; с 2003/04 уч.г. здесь начали преподавать кетский язык. Хотя, по мнению экспертов, процесс забвения приобретает необратимый характер. Как полагает В.П. Кривоногов, кеты при сохранении этнического имени и самосознания неумолимо превращаются в русскоязычных метисов [Там же, с. 84].

Исчезает традиционный образ жизни, меняются мировоззренческие стандарты. Во многих домах кетов все еще хранятся грозные куклы – изображения духов-предков, по-прежнему сохраняются представления о духах природы и героях древности. Но все большее количество кетов принимает крещение. В 1997 г. по кетским поселкам прошел миссионерский рейд Красноярско-Енисейской епархии, в ходе которого только в Келлоге было совершено 30 обрядов крещения. Постоянную заботу о духовном преображении Енисейского Севера проявляет наместник и братия Туруханского Свято-Троицкого монастыря.

Все большее влияние на духовную жизнь обитателей Енисея и его притоков оказывают протестантские общины. В последние годы во многих приенисейских селах, в т.ч. в местах компактного проживания кетов – в Суломае и Келлоге, созданы центры христиан-евангелистов. Красноярское отделение Сибирской христианской миссии милосердия (христиан-евангелистов) проводит большую работу среди коренного населения по утверждению христианских добродетелей, которая сопровождается гуманитарной помощью. Христиане-евангелисты имеют опыт организации летних оздоровительных лагерей для детей коренных народов Севера. Предпринимаются попытки создания малых предприятий, ориентированных на традиционные охотничье-рыболовецкие практики.

В пос. Суломае (на Подкаменной Тунгуске), где сегодня живет ок. 200 кетов (более 2/3 населения) и где в 2000–2002 гг. ледоходом были снесены почти все дома, теперь при поддержке Фонда Ф. Нансена миссия христиан-евангелистов строит новые. Проповедь христианской веры и утверждение новых соционормативных стандартов заполняет лакуны, связанные с утратой традиционных устоев. Перемена веры и образа жизни вызывает тревогу у многих жителей; и вновь в разговорах о судьбе кетов возникают сомнения в настоящем и вопросы о будущем.

Фоторепортаж о кетах Енисея подготовлен Андреем Рудаковым.

Список литературы

- Алексеев Е.А.** Кеты. – СПб.: Просвещение, 1999. – 111 с.
Дульзон А.П. Кетский язык. – Томск: – Изд-во Том. ун-та, 1968. – 635 с.
Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. – Л.: Наука, 1982. – 250 с.
Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. – СПб., 2001. – Ч. 2: Север Средней Сибири. – http://www.rangiter.org/main_ru.shtml
Кривоногов В.П. Кеты на пороге III тысячелетия. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 1998. – 87 с.
Нансен Ф. В страну будущего. – Красноярск: Кн. изд-во, 1982. – 335 с.
Трофимова Л. Дали б кетам пароход, ели б осетров и рябчиков // Красноярский комсомолец. – 1996. – № 70 (6 июля).

И.В. Октябрьская

*Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск,
 630090, Россия*

E-mail: siem405@yandex.ru

А.М. Шубская

*Культурно-исторический музейный центр,
 Красноярск*

E-mail: sacha777@muzey.krsn.ru

А.К. Рудаков

Агентство "Newsweek", Москва

E-mail: rudakov@msx.ru

1. Виктор Харлампьевич Бальдин, пос. Келлог.

Виктор Харлампьевич Бальдин летом живет один на берегу Елогуй в нескольких километрах от Келлога. Плетет из ивовых прутьев морды (ловушки для рыбы), продает их в поселке. Ловит рыбу. За очередным поворотом Елогуй возникает на белом песке речного плеса его маленький шалаши (тунгус) с каркасом из гнутых прутьев; дремлют собаки, сушатся на шестах сети (пуцальни), горит огонь, жарится на рожнях рыба. Старик живет между водой и небом. За его плечами 78 лет – опыт колхозного строительства, войны, советских пятилеток и тысячелетний опыт предков, для которых домом была река.

2. Полдень на р. Елогуйе.

3. Виктор Харлампьевич Бальдин в ветке на р. Елогье.

Традиционный мир вещей рыбаков и охотников Енисейского Севера, кочующих от берега в тайгу, из тайги к берегу, и прост, и сложен. Вещи не предполагают преобразования мира, они лишь усиливают возможности человека. Соразмерные ему, они конструируются в антропометрическом измерении. Чтобы создать лодку-долбленку средних размеров (для человека с собакой), нужно найти осину длиной в три маха; объем ее должен быть таким, чтобы при обхвате дерева правой рукой можно было коснуться середины тыльной стороны ладони левой. Само название лодки-долбленки – дылти – в кетском языке буквально означает “ребенок-долбленка”. Вещи находятся в родственных отношениях с создавшими их людьми.

4. Юрий Михайлович Сутлин плетет морду на берегу Елогья.

5. Леня Бальдин на плесе Елогуя у родового стойбища.

Леня Бальдин, как и все промысловики Келлога, знает каждый поворот, каждый излучина на Елогуе. Время от времени он возвращается на место семейной стоянки в бору над рекой, где проходило его детство. Последние чумы исчезли в здешних местах в 1970-х гг. Семь главных шестов каркаса – основы основ бытия – до сих пор стоят среди деревьев, висит на сучке уже ржавая керосиновая лампа, лежит под деревом чайник. Кеты не трогают старых вещей. Нельзя брать чужое, тревожить прошлое, оно может мстить живым.

6. Ульяна Афанасьевна Тыгапова из селькупского рода Ириковых, связанных с кетами давним родством, зажигает в чулане керосиновую лампу перед крошечной тряпичной куклой – дангольс – грозным дедушкой, духом.

7. Михаил Михайлович Иряков играет на пымэле.

Инструмент рождается тут же из щепы березы – поющего дерева. Странная мелодия стелется над водой вслед за дымом костра. В ней шелест человеческого дыхания сливается с вибрацией живого дерева. Кеты считают, что у каждого человека должна быть личная мелодия – собственная, как душа и имя, не то, которое записано в паспорте, а то, что дается при рождении и скрыто от посторонних, – оно свое, кетское.

8. Молодая мама кормит грудью ребенка.

9. На берегу Елогуй.

По утрам на реке проверяет снасти Александр Максимович Котусов – дедик по отцу, мет по матери 48 лет, одинокий, судимый: варит рыбу для себя и для своих собак, коротает дни в ожидании охотничьего сезона и сочиняет песни на родном новгородском языке – они получились очень грустными.

10. На охотничьей фактории пос. Келлога.

Основным средством коммуникации для кетов – жителей Келлога, как и прежде, являются песни.

11. Вера Ивановна Бондарева – учитель средней школы пос. Келлога.

Вера Ивановна хранит старинные кетские вещи, собранные на старых стойбищах. В ее музее – оружие, берестяная утварь, одежда. Вещи хранятся в сундуке, лишь изредка их достают, чтобы показать детям, какой была культура их народа.

12. На улице пос. Келлога.

М.Л. Бутовская^{1,2}, В.В. Левашова²

¹Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 117334, Россия
E-mail: butovsk@ors.ru

²Центр социальной антропологии
Российского государственного
гуманитарного университета
Миусская пл., 6, Москва, 125267, Россия
E-mail: vallev@mail.ru

СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ И ЯЗЫК ТЕЛА ПЕШЕХОДОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ЭТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Введение

Тело является важнейшим объектом исследования современных антропологов. Вопросу о половых различиях во внешнем облике человека посвящено значительное число экспериментальных и полевых наблюдений [Grammer, 1995; Hume, Montgomerie, 2001; Thornhill, Gandestad, 1999]. Движения, позы, мимика человека в русле этологических работ анализировались с эволюционных позиций [Eible-Eibesfeldt, 1989; Бутовская, 1999; Ekman, 1982]. В итоге стало очевидным, что многие характеристики невербальной коммуникации присутствуют в поведении людей самых разных культур и могут считаться универсальными (первичные эмоции; смех и улыбка; ритуалы приветствия и примирения и многое другое) [Hooff, 1972; Бутовская, Козинцев, 2002; Козинцев, 2002; Schiefen-hovel, 1997]. Многие составляющие поведения человека в современном городе становятся более понятными, если обращаться к его эволюционным истокам. В 1990-х гг. возникло и сформирова-

лось целое направление исследований — городская этология [Grammer, 1998; Eible-Eibesfeldt, 1989; Schmitt, Atzwanger, 1995], которая изучает самые разные аспекты жизни человека в городской среде: поведение в транспорте, взаимодействие мужчин и женщин в условиях массового анонимного общества, пространственное поведение в местах отдыха (парки, скверы, кинотеатры, стадионы), взаимоотношения в рабочих коллективах, в семье, с дальними родственниками и многое другое. Объектом изучения для этолога становятся экстремистские группировки футбольных болельщиков и нищие, молодежные субкультуры, группы лиц, увлекающихся экстремальными видами спорта, или рок-группы [Бутовская, 2004; Adang, 1999].

В данной статье мы хотели проиллюстрировать возможности этологического подхода при изучении одного из аспектов языка тела в городских условиях, связанного с походкой и скоростью движения пешеходов, и обсудить применимость эволюционной теории сексуальных стратегий для объяснения гендерных различий языка тела пешеходов в условиях массового анонимного общества. Рассмотрим кратко теорию сексуальных стратегий. Она предполагает, что поведение мужчин и женщин существенно различается вследствие базовых различий между полами в выборе постоянного и кратковременного партнера [Buss, Schmitt, 1993; Buss, 1999]. Мужчины стремят-

* Статья подготовлена в рамках совместного исследования Института городской этологии (г. Вена, Австрия), Института этнологии и антропологии РАН и Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия). Руководитель исследования М.Л. Бутовская.

ся к большому разнообразию, менее избирательны и более склонны к случайным половым связям, чем женщины [Clark, Hatfield, 1989]. В зависимости от стратегии выбора (постоянного и кратковременного партнера) могут различаться его критерии. Поскольку женщины во всех случаях более избирательны, для них важно правильно определить ценность мужчины как партнера и его готовность вносить постоянный или однократный вклад в обеспечение женщины и ее потомков. Мужчины демонстрируют более высокий уровень активности по сравнению с женщинами, причем эти различия проявляются с раннего детства и, очевидно, относятся к категории врожденных [Brislin, 2000; La Freniere et al., 2002]. Для женщины важнейшими критериями при выборе постоянного полового партнера являются активность, умение постоять за себя, напористость, статус и обеспеченность [Бутовская, Смирнов, 2003; Buss, Schmitt, 1993]. Мужчина, чтобы быть избранным, должен демонстрировать хорошие физические качества, которые свидетельствуют о высокой вероятности здорового потомства. Для мужчин важнейшим сигналом служит внешняя привлекательность женщины, ее молодость и здоровье. Эти качества являются первостепенными при выборе постоянной партнерши, тогда как в случае кратковременных связей роль внешности существенно снижается, на первый план выходит доступность женщины. Каким образом теория сексуальных стратегий связана с поведением пешеходов на улицах города? Об этом мы поговорим ниже.

Можно предположить, что в эволюционном прошлом человека женщинам приходилось делать выбор между потенциальными партнерами и от него зависела судьба их детей. В этих условиях они должны были научиться идентифицировать более перспективных и преуспевающих мужчин. Важным критерием служили качества, свидетельствующие об амбициозности и предприимчивости мужчины, его умении находить пропитание и защищать женщину от опасности [Schmitt, Atzwanger, 1995].

Ряд исследователей полагает, что на ранних этапах эволюции человека умение держаться в выпрямленном положении, равно как и передвигаться на большие расстояния, могло являться объектом интенсивного полового отбора [Jablonski, Chaplin, 1993; Lewin, 1993]. В дальнейшем, на этапе формирования современного человека, примерно 35–40 тыс. л.н. мужчина прочно занял ведущее место охотника и стал основным добытчиком мяса для группы. Успешность охоты зависела от умения находить дичь, скорости движения, физической силы, меткости и ряда других качеств. Чтобы получить доступ к мясу, женщины должны были правильно определять возможности потенциальных половых партнеров и делать выбор в пользу лучших охотников [Fox, 1972]. Это остается

актуальным даже при традиции равномерного распределения добытого мяса между семьями в группе. Если такого рода предпочтения имели место, то вполне вероятно, что в популяциях первобытного человека происходил интенсивный отбор на атлетизм и скорость движения мужчин.

В группах охотников-собирателей, практикующих эгалитарные отношения, успешность вождя во многом определяется его активностью, смекалкой, умением искать и находить источники пропитания, а также щедростью и умением развлекать своих подчиненных. Именно такой портрет вождя у намбиквара, индейцев Бразилии, рисует в своей книге К. Леви-Стросс [1999]. А. Шмитт и К. Ацвангер [Schmitt, Atzwanger, 1995] предположили, что в эволюционном прошлом человека скорость движения мужчин могла служить показателем высокого статуса и перспектив в получении ценных ресурсов, поскольку она является индикатором общего уровня активности в первобытном обществе. Молодые, сильные и здоровые мужчины должны были проявлять охотничью и военную доблесть, чтобы получить возможность жениться (или взять еще одну жену). При этом скорость их передвижения служила важным залогом жизненного и репродуктивного успеха. Для женщин было первостепенно важным выявить среди потенциальных женихов самого перспективного: в процессе эволюции более успешно выживали потомки тех, кто делал правильный выбор. Разумеется, скорость движения являлась лишь одним из показателей социально-экономической перспективности мужчины (женщины, по-видимому, должны были обращать внимание на силу, физическую ловкость, интеллект и другие качества), но в своем исследовании А. Шмитт и К. Ацвангер уделяют основное внимание именно этому параметру. По мнению австрийских этологов, в современном индустриальном обществе скорость движения продолжает оставаться важным индикатором социально-экономического успеха мужчины и играть роль “истинного сигнала” для женщин в опознании ценного полового партнера. В отношении женщин аналогичная связь не должна прослеживаться, поскольку этот признак не мог нести никакой ценной информации о партнерше (ведущие критерии – красота, молодость и здоровье).

Здесь следует сказать, что многие эволюционные психологи, этологи и антропологи являются сторонниками теории сексуальных стратегий. Многочисленные исследования последних лет подтверждают ее жизнеспособность и применимость для объяснения поведения человека в современном индустриальном обществе (подробнее об этих исследованиях см.: [Бутовская, 2004]).

Свою гипотезу А. Шмитт и К. Ацвангер обосновали на австрийском материале [Schmitt, Atzwanger, 1995]. Дополнительным доказательством ее спра-

ведливости явилось отсутствие связи между скоростью и статусом для пенсионеров (69 ± 8 лет), ибо, по мнению А. Шмитта и К. Адвангера, мужчины этой возрастной категории уже не стремятся к повышению собственного статуса и, как правило, не участвуют в воспроизводстве.

Насколько данная гипотеза универсальна и каким образом могут изменяться критерии выбора партнера по характеристикам его походки в различных культурах, далеко не ясно. Хотя австрийские исследователи и выявили положительную корреляцию между скоростью движения мужчин и их статусом, возникает вопрос: продолжает ли данный показатель служить надежным индикатором в условиях, когда скорость перемещения определяется наличием и возможностями автомобиля, лодки, самолета и прочих средств передвижения. Гипотеза А. Шмитта и К. Адвангера не учитывает также и характерных особенностей многих традиционных обществ, для которых важным моментом является наследование титула и имущества. Торопливость, порывистость и быстрая ходьба могут расцениваться как признак низкого статуса и малой обеспеченности (например, в традиционных культурах Индии, Китая, Таиланда, арабского Востока и пр.) [Васильев, 1988; Малявин, 1995; Иванова, 1999; Brislin, 2000].

Означает ли это, что по движениям человека и его физическому облику невозможно определить его статус и экономическое благосостояние? Можно ли утверждать, что данные характеристики перестали служить опознавательными сигналами при выборе полового партнера в современном обществе? Вероятно, это также нуждается в проверке. По нашему мнению, на роль универсального признака для идентификации статуса и хороших жизненных перспектив может претендовать выпрямленное положение тела. По данным исследования, проведенного в США в 1980 г., лица, обладающие высоким статусом, держатся прямо и кажутся выше [Weisfeld, Beresford, 1982]. Более того, окружающие склонны расценивать тех, кто держится прямо, как более преуспевающих и социально значимых при прочих равных условиях. Хорошая физическая подготовка (спортивность фигуры) также может оказаться в условиях современного общества надежным индикатором высокого социально-экономического статуса (не случайно в последнее время среди бизнесменов и работников различных коммерческих организаций стало престижным посещать тренажерные залы, занятия по бодибилдингу, теннису, гольфу и пр.). Существенную роль в положительной оценке статуса играет также рост человека (это прежде всего верно в отношении мужчин): высоких мужчин окружающие склонны расценивать как более преуспевающих. Многочисленные исследования психологов и антропологов подтверждают данный тезис [Бутовская, 2004].

Люди обращают внимание не только на телосложение прохожих, но и на их внешность и одежду. Из всех этих характеристик складывается единый образ идущего навстречу человека. Роль одежды и украшений в обществе зависит от разнообразия окружающей среды. Связь между качеством одежды и статусом мужчины прослеживается в 10 % моногамных обществ, среда обитания которых бедна ресурсами, и в 67 % – в условиях изобилия [Low, 2000]. Что касается женщин, то в моногамных обществах, обитающих в бедной экологической среде, одежда вообще не является показателем их статуса, а в 38 % обществ в условиях богатых природных ресурсов одежда и украшения женщин служат индикатором статуса и власти их мужа или отца [Ibid.]. В современных постиндустриальных обществах, переживших сексуальную революцию (особенно в Западной Европе и Северной Америке), отчетливо проявляется тенденция к выраженной эмансипации женщин, росту общей занятости их в производстве и увеличению числа незамужних женщин брачного возраста. В этих условиях одежда у женщин, по-видимому, становится независимым сигналом их собственного экономического благополучия и успеха.

Существуют ли универсальные признаки социально-экономического статуса в современном индустриальном и постиндустриальном обществе? Каким образом культура влияет на эти сигналы, ослабляя или усиливая их? Являются ли показатели социально-экономического статуса более однозначными у мужчин, чем у женщин? Эти вопросы послужили отправной точкой для нашего исследования и определили его основные цели: выявить универсальные закономерности и кросскультурные различия в характере связи между социально-экономическим статусом пешеходов, с одной стороны, и скоростью движения, качеством одежды и осанкой – с другой.

Материалы и методы исследования

Мы измеряли скорость и общие характеристики передвижения пешеходов в условиях большого современного города в трех разных культурах (армянской, калмыцкой и русской). Армяне, калмыки и русские принадлежат к разным этносам и различаются по вероисповеданию. Полевые материалы были собраны в течение 2001 г. Прямые наблюдения за скоростью движения пешеходов проводились в рабочие дни с 10.00 до 17.00 часов при сухой теплой погоде ($t = 20 \dots 25$ °C) на участках, удаленных от туристических маршрутов и мест массового гуляния, а также от транспортных остановок и витрин магазинов. Все выбранные улицы были сходны по ширине тротуаров и высоте зданий. Плотность пешеходов составля-

ла 5–20 (Москва) и 1–7 (Ереван, Элиста) человек в минуту. Индивидуальную скорость движения измеряли на отрезке тротуара длиной 20 м при помощи секундомера. В качестве объектов наблюдения выбирали людей без багажа и без затруднений в ходьбе. В сборе данных участвовало два человека. Первый проводил этологические наблюдения, второй – анкетирование. Помимо скорости движения, фиксировали также другие предположительные индикаторы статуса пешехода: положение тела и головы, качество одежды, эмоциональное состояние. После того как конкретный человек преодолевал экспериментальный отрезок тротуара, к нему подходил второй наблюдатель с анкетой, составленной с учетом наших предположений о других возможных индикаторах статуса пешеходов, и просил дать небольшое интервью. Со слов респондента фиксировали данные о его возрасте, росте, весе, месте рождения, национальности, образовании, занимаемой должности, уровне доходов, занятиях спортом, семейном положении, месте предполагаемого назначения. По результатам интервью для каждого из опрошенных пешеходов вычисляли социально-экономический статус, представляющий собой сумму баллов по показателям образования, занимаемой должности и уровня дохода (по 4-балльной шкале). Максимальный статус был равен 12 баллам, минимальный – 3. Если человек отказывался беседовать с нами, информация по наблюдению не использовалась в дальнейшем анализе результатов.

Нами были собраны данные по 900 пешеходам (по 150 мужчин и 150 женщин в каждом из трех городов). В соответствии с целями нашего исследования в калмыцкую выборку вошли только калмыки, а в армянскую – только армяне. В дальнейшем из массива анализируемых данных были исключены студенты и пенсионеры, потому что возникли затруднения с определением уровня дохода у первой категории горожан и состояния здоровья – у второй. В итоге в анализируемой выборке оказалось 714 чел.: в Москве 122 мужчины и 110 женщин, в Ереване соответственно 130 и 124, в Элисте – 109 и 119; женщины в возрасте от 18 до 55 лет, мужчины – от 18 до 65 лет, потенциально образующие рабочую популяцию каждого из трех городов. Московская выборка содержала 2,7 % безработных, ереванская – 14,7, элистинская – 10 %.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS. Для анализа были использованы методы корреляции Пирсона (R) и ранговой корреляции Спирмена (R_s), которые позволяют определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между двумя признаками. Чем больше различий между признаками, тем R_s (R) ближе к -1 (отрицательная корреляция), чем их меньше, тем R_s (R) ближе к 1 (положительная корреляция) ($-1 \leq R_s \leq 1$). Различия считались достоверными

ми ($p < 0,05$, p – уровень значимости), если вероятность того, что они все-таки недостоверны, составляла 5 %.

Достоверность корреляционного анализа, как правило, оценивалась по двухстороннему критерию, но в тех случаях, когда направленность связи была исходно очевидна, применяли односторонний критерий. Для оценки зависимости между скоростью движения, с одной стороны, социально-экономическим статусом, возрастом, ростом, положением тела, качеством одежды, занятием спортом, направлением движения – с другой, применяли метод частичной корреляции (r) с контролем по росту, весу, возрасту. Для анализа комплексной взаимосвязи между скоростью движения пешеходов и социально-экономическим статусом, с контролем по росту, положению тела, возрасту, применяли множественный регрессионный анализ (B – нестандартизованный коэффициент, $Std\ Error$ – стандартная ошибка, $Beta$ – стандартизованный коэффициент, T – контрольная величина, p – уровень значимости).

Для анализа двух независимых выборок по таким показателям, как положение тела, качество одежды, эмоциональное состояние, скорость движения, применяли тест Колмогорова–Смирнова (Z).

Общие характеристики пешеходов

Анализ общих характеристик внешности пешехода, включая рост, вес, положение тела и головы, качество одежды и эмоциональное состояние, в каждом из трех городов проводили для трех категорий мужчин и женщин, с низким, средним и высоким ростом, с учетом ростовых стандартов данной популяции. Распределение по росту и весу было сходным во всех трех популяциях как для мужчин, так и для женщин.

Осанка. В каждой из исследованных выборок по этому признаку выделены три группы: люди, держащиеся прямо, люди с “нормальным”, средним положением тела, сутулые, сгорбленные индивиды. Женщины держались в среднем более прямо по сравнению с мужчинами во всех трех культурах. Но достоверные различия между полами по этому показателю были получены только для калмыков ($Z = -2,68$, $p < 0,007$) и армян ($Z = -3,70$, $p < 0,000$). Выявлены некоторые культурные различия при сравнении трех выборок. Среди мужчин калмыки и русские держались более прямо, чем армяне ($Z = -4,75$, $p < 0,000$ и $Z = -4,27$, $p < 0,000$ соответственно). Между русскими и калмыками по этому показателю достоверные различия отсутствовали. Сходная тенденция была выявлена и для женской выборки: калмычки и русские, между которыми нет достоверных различий, держались более прямо, чем армянки ($Z = -3,26$, $p < 0,001$ и $Z = -2,09$, $p < 0,036$ соответственно).

Качество одежды. Количество хорошо одетых людей в трех культурах варьировало значительно. По качеству одежды армяне и русские достоверно отличались от калмыков ($Z = -3,93, p < 0,000$ и $Z = -2,36, p < 0,018$ соответственно). Оказалось также, что процент хорошо одетых мужчин и женщин может сильно различаться в рамках одной культуры. Так, например, в Элисте почти 40 % женщин были одеты лучше среднего уровня, тогда как среди мужчин хорошо одетых лишь ок. 16 % ($Z = -4,57, p < 0,000$). У армян и русских мужчины и женщины в равной мере уделяли внимание своим туалетам. Максимальное количество хорошо одетых мужчин отмечено в Ереване, а хорошо одетых женщин – в Элисте.

Эмоциональное состояние. Во всех трех выборках женщины достоверно чаще, чем мужчины, демонстрировали позитивное выражение лица. У калмыцких мужчин оно было достоверно более позитивным по сравнению с русскими и армянами ($Z = -1,94, p < 0,053$ и $Z = -2,62, p < 0,009$ соответственно), которые по этому показателю не различались. Для женской выборки достоверных различий между культурами не выявлено.

Скорость передвижения, антропологические и поведенческие характеристики представителей разных возрастных групп в трех культурах

Все обследованные пешеходы были разбиты нами на четыре возрастные группы (18–25, 26–35, 36–49, 50–65 лет). Анализировались средние показатели роста, веса, положения тела, качества одежды, скорости движения и эмоционального состояния у мужчин и женщин.

Во всех культурах выявлена отрицательная корреляция роста мужчин и женщин с возрастом и положительная – с весом, а также отрицательная между положением тела и возрастом мужчин и женщин (русские: $R_s = -0,25, p < 0,008$; армяне: $R_s = -0,37, p < 0,000$; калмычки: $R_s = -0,28, p < 0,002$).

Отрицательная корреляция между качеством одежды и возрастом наблюдалась у женщин во всех трех культурах и у армянских мужчин ($R_s = -0,19, p < 0,027$). Ни в одной культуре не выявлена достоверная связь между возрастом и эмоциональным состоянием пешеходов, как мужчин, так и женщин.

Кросскультурные сравнения по возрастным группам выявили ряд культурных различий по скорости движения, качеству одежды, осанке и эмоциональному состоянию пешеходов. Оказалось, что армянские мужчины в возрасте от 18 до 25 лет были одеты достоверно лучше русских, в трех остальных возрастных группах русские мужчины и армяне по качеству одежды не различались. Однако мы выявили достоверные

различия для мужчин в возрасте 26–35 и 50–65 лет по осанке: русские в обоих случаях держались более прямо. По скорости передвижения различались только москвичи и ереванцы второй возрастной группы: армяне двигались достоверно быстрее ($Z = -2,99, p < 0,003, n_1 = 36, n_2 = 37$).

Мужчины московской и элистинской выборки отличались друг от друга лишь в третьей возрастной группе (36–49 лет) по скорости движения и качеству одежды: русские двигались быстрее ($Z = -2,0, p < 0,05, n_1 = 35, n_2 = 33$) и были лучше одеты ($Z = -2,48, p < 0,01, n_1 = 35, n_2 = 33$).

Армяне и калмыки больше всего различались по анализируемым показателям. Ереванцы первой, третьей и четвертой возрастных групп одевались достоверно лучше элистинцев (первая группа: $Z = -2,99, p < 0,003, n_1 = 23, n_2 = 31$; третья: $Z = -2,23, p < 0,03, n_1 = 39, n_2 = 33$; четвертая: $Z = -2,00, p < 0,05, n_1 = 31, n_2 = 21$). Армяне отличались также от калмыков по осанке с 26 лет и старше: калмыки держались более прямо (вторая возрастная группа: $Z = -2,39, p < 0,02, n_1 = 37, n_2 = 24$; третья: $Z = -2,59, p < 0,01, n_1 = 39, n_2 = 33$; четвертая: $Z = -3,46, p < 0,001, n_1 = 31, n_2 = 21$). Для второй возрастной группы выявлены достоверные различия по скорости передвижения и эмоциональному состоянию: армяне двигались быстрее ($Z = -3,51, p < 0,001, n_1 = 37, n_2 = 24$), а эмоциональное выражение лица у калмыков было более положительным ($Z = -3,27, p < 0,001, n_1 = 37, n_2 = 24$).

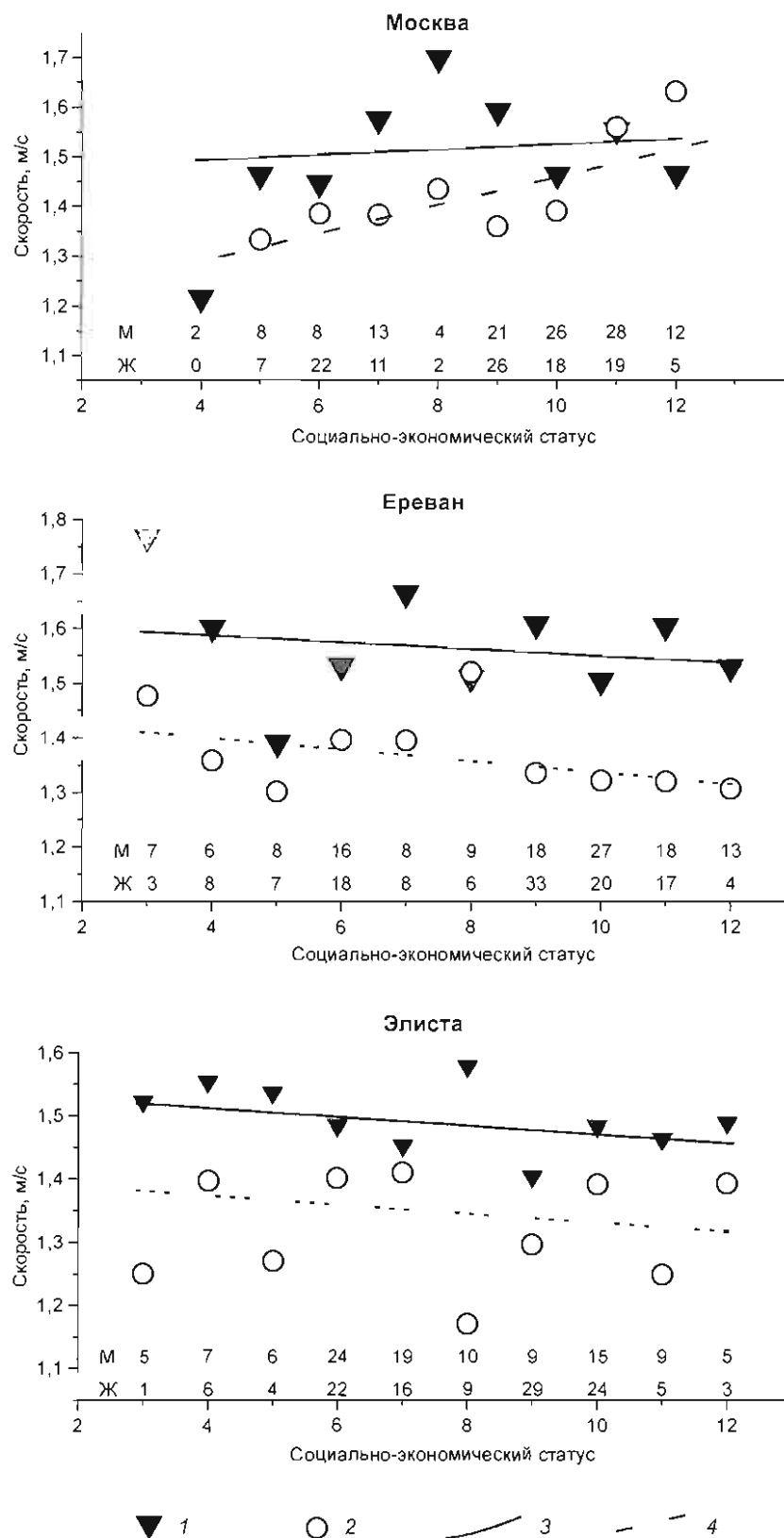
Московские и ереванские женщины в возрасте 26–35 лет достоверно отличались друг от друга по скорости передвижения: русские двигались быстрее ($Z = -2,10, p < 0,04, n_1 = 19, n_2 = 22$). В четвертой возрастной группе были выявлены достоверные различия по осанке: москвички держались более прямо ($Z = -2,64, p < 0,008, n_1 = 27, n_2 = 39$).

Московские и элистинские женщины достоверно отличались друг от друга в третьей возрастной группе по осанке и в четвертой – по скорости передвижения: калмычки держались более прямо ($Z = -2,47, p < 0,01, n_1 = 38, n_2 = 43$), а русские ходили быстрее ($Z = -2,48, p < 0,01, n_1 = 27, n_2 = 20$).

Между армянской и калмыцкой выборками выявлены различия только по осанке женщин в возрасте 36–49 лет: калмычки держались достоверно более прямо ($Z = -2,29, p < 0,02, n_1 = 40, n_2 = 41$).

Скорость движения пешеходов и обобщенный социально-экономический статус

Достоверная положительная корреляция между скоростью движения и социально-экономическим статусом выявлена только у русских женщин (см. таблицу и рисунок).

Связь между скоростью движения пешеходов и социально-экономическим статусом.
 1 – мужчины, 2 – женщины, 3 – линия регрессии для мужской выборки, 4 – то же для женской.
 Для каждой группы индивидов, обладающих конкретным статусом, определена средняя скорость движения.
 М и Ж – количество соответственно мужчин и женщин данного социально-экономического статуса.

Связь между скоростью движения и обобщенным социально-экономическим статусом пешеходов

Показатель	Мужчины			Женщины		
	$\bar{X} \pm SD$	R	p	$\bar{X} \pm SD$	R	p
<i>Москва</i>						
Скорость	$1,52 \pm 0,26$	0,04	0,32	$1,42 \pm 0,23$	0,25	0,004
Статус	$9,18 \pm 2,13$	–	–	$8,57 \pm 2,09$	–	–
<i>Ереван</i>						
Скорость	$1,56 \pm 0,28$	–0,058	0,256	$1,35 \pm 0,24$	–0,103	0,13
Статус	$8,42 \pm 2,62$	–	–	$8,23 \pm 2,33$	–	–
<i>Элиста</i>						
Скорость	$1,49 \pm 0,25$	–0,066	0,247	$1,35 \pm 0,24$	–0,06	0,26
Статус	$7,52 \pm 2,38$	–	–	$8,02 \pm 2,01$	–	–

Примечание: $\bar{X}$ – средняя величина; SD – стандартное отклонение; R – коэффициент корреляции по Пирсону; p – уровень значимости.

На следующем этапе мы провели анализ с учетом возраста пешеходов. Оказалось, что положительная корреляция между статусом и скоростью наблюдается у русских женщин второй и третьей возрастных групп, у армянок второй и калмычек первой. В мужской выборке такая связь обнаружена только у армян 18–25 лет.

Во всех трех культурах у женщин наблюдалась корреляция между скоростью движения и выпрямленным положением тела и отсутствовала между скоростью и качеством одежды. Для мужчин связь между этими показателями не выявлена. Во всех трех культурах обнаружена тесная связь между статусом и качеством одежды как у мужчин, так и у женщин.

У русских мужчин выявлена отрицательная корреляция скорости движения с возрастом ($r = -0,26$, $p < 0,002$) и положительная – с ростом ($r = 0,14$, $p < 0,054$); у армянских отрицательная с возрастом ($r = -0,27$, $p < 0,001$). У калмыков связь между скоростью и другими показателями вообще отсутствует. В женской выборке картина иная. У русских женщин выявлена положительная корреляция скорости с социально-экономическим статусом ($r = 0,25$, $p < 0,004$), положением тела ($r = 0,23$, $p < 0,009$) и качеством одежды ($r = 0,21$, $p < 0,012$), у армянок и калмычек скорость не зависела от статуса, но была положительно связана с ростом ($r = 0,21$, $p < 0,01$; $r = 0,22$, $p < 0,008$ соответственно) и положением тела ($r = 0,22$, $p < 0,007$; $r = 0,36$, $p < 0,000$ соответственно) и отрицательно – с возрастом ($r = -0,17$, $p < 0,026$; $r = -0,25$, $p < 0,003$ соответственно).

Однако зависимость между социально-экономическим статусом и скоростью может носить не линейный, а более сложный характер. Чтобы проверить эту догадку, мы провели регрессионный анализ для каждой из исследованных групп. Для русских мужчин зависимость между социально-экономи-

ческим статусом и скоростью оказалась не прямой, а квадратичной, причем максимальная скорость зарегистрирована у мужчин со средним статусом ($B = 0,179 \pm 0,090$, $Beta = 1,46$, $T = 2,00$, $p < 0,05$). Для русских женщин эта зависимость также квадратичная, но максимальная скорость наблюдалась у женщин с высоким статусом ($B = -0,193 \pm 0,098$, $Beta = -1,74$, $T = -1,98$, $p = 0,05$), а среднему соответствовала минимальная. У армянских и калмыцких мужчин и женщин квадратичная зависимость между скоростью и статусом не обнаружена.

Скорость движения пешеходов могла зависеть от того, куда они направлялись в данный момент времени. Чтобы проверить, так ли это на самом деле, мы вычисляли коэффициент ранговой корреляции Спирмена между скоростью и направлением движения. Достоверная положительная корреляция была получена только для москвичек ($R_s = -0,29$, $p < 0,003$, $n = 104$) и армянок ($R_s = 0,15$, $p < 0,04$, по одностороннему критерию). Далее вычислялась частичная корреляция между скоростью движения и статусом пешеходов с контролем по возрасту, росту, весу и направлению движения. Она оказалась достоверной только для москвичек ($r = 0,23$, $p < 0,02$, $n = 104$).

В каждой из трех культур мы анализировали зависимость между социально-экономическим статусом и занятием спортом для мужчин и женщин, вычисляя частичную корреляцию с контролем по возрасту, росту и весу. Она оказалась достоверной только для русских ($r = 0,22$, $p < 0,07$, $n = 122$) и калмыцких ($r = 0,19$, $p < 0,06$, $n = 109$) мужчин.

Обсуждение результатов

Специалист по городской антропологии Р. Левайн предполагает, что культуры существенным образом разли-

чаются между собой по скорости жизни [Levine, 1997]. В качестве основных ее индикаторов автор использовал скорость движения пешеходов, скорость работы почтовых служащих при отправке посланий и пунктуальность в соблюдении времени назначенных встреч. Левайн проводил исследования в 31 стране, из них он выделил девять с максимальной (Швейцария, Ирландия, Германия, Япония, Италия, Англия, Швеция, Австрия и Нидерланды) и восемь с минимальной (Болгария, Румыния, Иордания, Сирия, Сальвадор, Бразилия, Индонезия, Мексика) скоростью жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что самые высокие показатели отмечены в высокоиндустриальных странах Европы и Северной Америки, а низкие – в слабо развитых в этом плане странах Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Впрочем, в пределах одной страны не всегда наблюдалась положительная связь между скоростью движения пешеходов и пунктуальностью или производительностью труда. К примеру, в девятку стран с максимальной скоростью движения пешеходов вошла Кения, а в Сингапуре и Китае этот показатель был одним из наиболее низких в мире. Таким образом, скорость движения пешеходов, возможно, является индикатором не общего ритма жизни в данной культуре, а каких-то характеристик самих людей и пространства, в котором они обитают.

Результаты нашего исследования показали, что средняя скорость движения пешеходов была самой высокой в Москве ($1,47 \pm 0,25$ м/с), средней в Ереване ($1,46 \pm 0,28$ м/с) и минимальной в Элисте ($1,41 \pm 0,26$ м/с). Такое распределение вполне согласуется с предположением о связи между размерами города и скоростью движения пешеходов [Wirtz, Ries, 1992]. Скорость движения в Москве была выше, чем в Вене ($1,43 \pm 0,19$ м/с) и в странах Центральной Европы ($1,44$ м/с). Однако, если бы мы провели исследование по двум другим показателям, использованным Р. Левайном, результаты наверняка оказались бы малоутешительными. Русские, а тем более калмыки и армяне, не отличаются пунктуальностью, свойственной немцам, или производительностью труда, как у японцев.

Аналогично данным А. Шмитта и К. Адвангера, скорость движения у мужчин в Москве, Ереване и Элисте была выше, чем у женщин, даже с учетом роста (он в среднем выше у мужчин, чем у женщин). По меньшей мере, эти данные свидетельствуют в пользу предположения о большей значимости скорости движения для лиц мужского пола. Случайно ли то, что мужчины ходят быстрее женщин, и каким образом это связано с гипотезой о корреляции между скоростью и жизненным успехом мужчин – однозначно ответить на данный вопрос в рамках настоящего исследования невозможно.

Важным представляется тот факт, что во всех трех исследованных нами культурах отсутствует линейная зависимость между высокой скоростью движения мужчины по улице и его статусом. У москвичей связь носила квадратичный характер: максимально быстро передвигались мужчины со средним статусом, а с низким и высоким – медленнее. Эти данные не могут быть интерпретированы однозначно. Одно из возможных объяснений лежит в русле теории А. Шмитта и К. Адвангера. Мужчины с низким статусом двигаются медленнее, т.к. не стремятся к экономическому успеху либо в силу определенных философских установок, либо полагая, что этот успех для них маловероятен. Мужчины с высоким статусом осознают свою значимость и стараются вести себя спокойно и неторопливо (они вообще редко ходят по улице пешком на большие расстояния, а если ходят, то в сопровождении провожатых). Мужчины со средним статусом часто достаточно амбициозны и проявляют отчетливое стремление к продвижению по социальной лестнице. В эту категорию попадают молодые люди, стремящиеся сделать карьеру. Таким образом, теория австрийских исследователей, по крайней мере, на русском материале находит подтверждение: скорость служит индикатором перспектив жизненного успеха мужчины.

Возможно, эти данные свидетельствуют в пользу существенного сходства между современным развитым индустриальным обществом и обществом охотников-собирателей по целому ряду параметров [Butovskaya et al., 2000]. И в том и в другом случае мужчины имеют все шансы добиться высокого социально-экономического статуса своими силами в течение собственной жизни. Поэтому вполне возможно, что связь между скоростью движения и статусом (или перспективой высокого статуса) у современных мужчин идентична комплексу успешности мужчин-охотников в первобытном обществе [Jablonski, Chaplin, 1993; Lewin, 1993; Fox, 1972]. Парадоксально, но факт: традиционные общества земледельцев и скотоводов существенно больше (по сравнению с охотниками-собирателями) отличаются от современных по многим параметрам социальной структуры, иерархической организации и наследованию власти.

Единственная положительная линейная корреляция между скоростью и статусом была установлена нами для русских женщин. Она противоречит данным аналогичного исследования, проведенного в Вене. В чем причина этого несоответствия? По нашему предположению, полученные результаты объяснимы в русле представлений о женской эмансипации. В России, в отличие от Австрии, большинство женщин работает, домохозяйек в Москве относительно мало, и в нашу выборку они просто не попали. Женщины с высоким

статусом из русской выборки в подавляющем большинстве относились к категории “бизнес-леди”, они оценивали свой статус по собственным достижениям, а не по успехам мужа или отца. Данные для Москвы входят в противоречие с эволюционной психологической моделью, согласно которой связь между скоростью и статусом у женщин должна отсутствовать. Лишь отчасти они могут свидетельствовать в пользу эгалитарной социокультурной модели, т.к. она предполагает корреляцию между статусом и скоростью для обоих полов.

В армянской и калмыцкой выборках скорость не зависела от статуса как у женщин, так и у мужчин, что было предсказано нами изначально. Казалось бы, это противоречит эволюционной гипотезе. По-видимому, одно из объяснений кроется в частичном сохранении традиционности в данных патрилокальных культурах [Эрдниев, 1980; Тер-Саркисянц, 1998]. Хотя личная активность и целеустремленность мужчины оказывает значимое влияние на его жизненный успех, большую роль здесь продолжают играть статус семьи и ее влияние в обществе. Как следует из полученных нами данных, и в той и в другой культуре с высоким статусом мужчины ассоциируются достоинство, неторопливость, важность, уверенность и твердость походки. Чем выше статус мужчины, тем вероятнее, что он станет перемещаться более степенно.

По некоторым данным, скорость движения человека может зависеть от его эмоционального состояния: люди, страдающие от депрессии, ходят медленнее [Atzwanger, Schmitt, 1997]. В силу того что у мужчин самооценка зависит от его социально-экономического статуса в большей мере, чем у женщин, безработные мужчины могут ощущать себя более подавленно и тревожно, а скорость их движения порой падает ниже средней для женской выборки [Schmitt, Atzwanger, 1995]. В наших исследованиях достоверная связь между эмоциональным состоянием и скоростью движения обнаружена только у калмычек: чем положительнее был их эмоциональный настрой, тем быстрее они перемещались по городу.

Разумеется, в плане скорости передвижения в городе во всех трех культурах основная ставка делается на автомобиль. Индикатором высокого социально-экономического статуса в современной России, Армении или Калмыкии, в первую очередь, служит престижная марка машины и большая скорость езды.

Свидетельствуют ли результаты нашего исследования о том, что внешние индикаторы социально-экономического статуса у пешеходов отсутствуют или что в современных условиях язык тела (энергичность движений у мужчин или плавность у женщин, прямое положение тела, высоко поднятая голова и пр.) перестал играть значимую роль в выборе сексуального партнера? По-видимому – нет. Они выявили ряд об-

щих закономерностей, касающихся связи социально-экономического статуса с поведением и внешним обликом человека. Во всех трех культурах обнаружена достоверная корреляция между статусом и качеством одежды. Для мужчин, таким образом, качество одежды продолжает служить индикатором статуса и финансового благополучия, как это отмечается в 60 % культур, проанализированных Б. Лоу [Low, 2000]. Аналогичная связь в нашем случае выявлена также у женщин, что типично лишь для менее 40 % культур из списка Б. Лоу. Такая ситуация объяснима прежде всего тем, что во всех трех исследованных нами культурах браки в настоящее время заключаются по личному решению жениха и невесты, а не по договору между их родственниками, и доходы женщины зависят не только от состоятельности ее отца или мужа, но и от ее собственных заработков.

Ни в одной из трех культур не выявлено каких-либо внешних индикаторов брачного статуса в одежде или причёске. Единственным опознавательным знаком служили обручальные кольца (которые женщины носили чаще, чем мужчины).

Атлетизм и физическое здоровье мужчины в современном мире в значительной мере определяют его привлекательность для женщин [Buss, 1999; Mealey, 2000]. Это вполне объяснимо с точки зрения эволюционной адаптивности: здоровый и сильный мужчина может лучше обеспечить едой женщину и ее детей, равно как и защитить их в случае необходимости. Желание выглядеть привлекательным для женщин отчетливо проявляется в современном постиндустриальном обществе: доказательством тому является массовая спортивная культура, увлечение утренним бегом и занятиями в тренажерных залах. Мужчины с более высоким социально-экономическим статусом более склонны следить за своей физической формой, чем их менее успешные собратья. Неслучайными поэтому выглядят наши данные о том, что русские и калмыцкие мужчины с высоким статусом больше занимались спортом. Для женщин же корреляция между социально-экономическим статусом и занятиями спортом не была обнаружена. Последнее может быть связано с тем, что все женщины, независимо от статуса, хотят быть привлекательными физически и больше следят за своей внешностью, чем мужчины.

Список литературы

- Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // Этология человека на пороге XXI века. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. – С. 12–71.
- Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. – М.: Науч. мир, 2004. – 438 с.

- Бутовская М.Л., Козинцев А.Г.** Этологическое исследование смеха и улыбки у младших школьников: роль пола и социального статуса в невербальной коммуникации // *Смех: истоки и функции* / Под ред. А.Г. Козинцева. – СПб.: Наука, 2002. – С. 43–61.
- Бутовская М.Л., Смирнов О.В.** Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ // *Этнографическое обозрение*. – 2003. – № 1. – С. 141–163.
- Васильев Л.С.** Этика и ритуал в трактате «Ли Цзи» // *Этика и ритуал в традиционном Китае*. – М.: Наука, 1988. – С. 173–201.
- Иванова Е.В.** Тайский этикет // *Этикет у народов Юго-Восточной Азии*. – СПб.: Петербург Востоковедение, 1999. – С. 42–108.
- Козинцев А.Г.** Об истоках антиповедения, смеха и юмора // *Смех: истоки и функции* / Под ред. А.Г. Козинцева. – СПб.: Наука, 2002. – С. 5–42.
- Левин-Стросс К.** Печальные тропики. – Львов: Инициатива, 1999. – 568 с.
- Малыгин В.В.** Китай в XVI–XVII веках: Традиция и культура. – М.: Искусство, 1995. – 287 с.
- Тер-Саркисяни А.Е.** Армяне: история и этнокультурные традиции. – М.: Вост. лит., 1998. – 400 с.
- Эрднеев У.Э.** Калмыки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – 302 с.
- Adang O.** Systematic observations of violent interactions between football hooligans // *In-group/out-group behaviour in modern societies* / Ed. by K. Thienpont, R. Cliquet. – Brussel: Vlaamse Gemeenschap, 1999. – P. 211–222.
- Atzwanger K., Schmitt A.** Walking speed and depression: Are slow pedestrians sad? // *New Aspects of Human Ethology* / Eds. K. Atzwanger, A. Schmitt, K. Grammer. – N. Y., 1997. – P. 190.
- Brislin R.** Understanding cultures influence of behaviour. – N. Y.: Harcourt College Publishers, 2000. – 468 p.
- Buss D.M.** Evolutionary psychology: The new science of the mind. – Boston: Allyn and Bacon, 1999. – 456 p.
- Buss D.M., Schmitt D.P.** Sexual strategies theory: An evolutionary perspective on human mating // *Psychological Review*. – 1993. – Vol. 100. – P. 204–232.
- Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A.** Multicultural view of peacemaking among young children // *Natural Conflict Resolution* / Eds. F. Aureli, F. de Waal. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – P. 423–450.
- Clark R.D., Hatfield E.** Gender differences in receptivity to sexual offers // *Journal of Psychology and Human Sexuality*. – 1989. – Vol. 2. – P. 39–55.
- Eible-Eibesfeldt I.** Human ethology. – N. Y.: Aldine de Gruyter, 1989. – 848 p.
- Ekman P.** Emotion in the human face. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 432 p.
- Fox R.** Alliance and constraint: Sexual selection in the evolution of human kinship systems // *Sexual selection and the descent of man, 1871–1971* / Ed. by B.G. Campbell. – Chicago: Aldine, 1972. – P. 282–331.
- Grammer K.** *Signale der Liebe*. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1995. – 558 S.
- Grammer K.** Sex and gender in advertisements // *Indoctrinability, ideology and warfare* / Eds. I. Eible-Eibesfeldt, F.K. Salter. – N. Y.: Berghahn Books, 1998. – P. 219–240.
- Hooff J.A.R.M., van A.** A comparative approach to the phylogeny of laughter and smile // *Nonverbal communication* / Ed. by R.A. Hinde. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – P. 209–241.
- Hume D., Montgomerie R.** Facial attractiveness signals different aspects of “quality” in women and men // *Evolution and Human Behavior*. – 2001. – Vol. 22. – P. 93–112.
- Jablonski N.G., Chaplin G.** Origin of habitual terrestrial bipedalism in the ancestor of the Homnidae // *Journal of Human Evolution*. – 1993. – Vol. 24. – P. 259–280.
- La Freniere P., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M., Atzwanger K., Schreiner S., Montross R.** Cross-cultural analysis of social competence and behavior problems in preschoolers // *Early Education and Development*. – 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 133–139.
- Lewin R.** Human evolution. – 3rd ed. – Oxford: Blackwell, 1993. – 526 p.
- Levine R.** A geography of time: the temporal misadventures of a social psychologist, or how every culture keeps time just a little bit differently. – N.Y.: Basic Books, 1997. – 258 p.
- Low B.** Why sex matters: A Darwinian look at human behavior. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 432 p.
- Mealey L.** Sex differences: Development and evolutionary strategies. – San Diego: Academic Press, 2000. – 480 p.
- Schieffenhovel W.** Universals in interpersonal interactions // *Nonverbal communication: Where nature meets culture* / Eds. U. Segerstrale, P. Molnar. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. – P. 61–79.
- Schmitt A., Atzwanger K.** Walking fast – ranking high: A sociobiological perspective on pace // *Etology and Sociobiology*. – 1995. – Vol. 16. – P. 451–462.
- Thornhill R., Gangestad S.W.** The scent of symmetry: A human sex pheromone that signals fitness // *Evolution and Human Behavior*. – 1999. – Vol. 20. – P. 175–201.
- Weisfeld G., Beresford J.** Erectness of posture as an indicator of dominance or success in humans // *Motivation and Emotion*. – 1982. – Vol. 6, N 2. – P. 113–131.
- Wirtz P., Ries G.** The pace of life reanalyzed: why does walking speed of pedestrians correlate with city size? // *Behaviour*. – 1992. – Vol. 123. – P. 77–83.

Материал поступил в редколлегию 01.03.04 г.

«ЦВЕТУЩИЕ ПЕРСИКИ И СЛИВЫ» ПРОФЕССОРА АНЬ ЧЖИМИНЯ

К 80-летию со дня рождения

Сложившаяся в ученом сообществе традиция отмечать круглые даты в жизни своих наиболее выдающихся членов имеет большое историографическое значение, поскольку позволяет подвести некоторые промежуточные итоги исследовательской деятельности юбиляров, зафиксировать личный вклад каждого в разработку наиболее актуальных вопросов науки, обозначить характеристики созданных научных школ.

5 апреля 2004 г. исполнилось 80 лет старейшему археологу Китая проф. Ань Чжиминю*. Он родился в историческом городе Яньтай восточной провинции Шаньдун. В древности на территории этой провинции находилось знаменитое царство Лу, с которым связаны имена великих мыслителей: Конфуция, Лао-цзы.

Мэн-цзы, Мо-цзы, идеи которых в значительной степени определили становление китайской цивилизации. Как говорится, происхождение обязывало, и в 1948 г. Ань Чжиминь успешно окончил Китайский университет, а в 1952 г. – археологическую аспирантуру Пекинского университета. Еще в годы учебы он начал научно-преподавательскую деятельность: с сентября 1948 г. по сентябрь 1950 г. был ассистентом исторического факультета Яньцзиньского университета, а с октября 1950 г. – одним из первых сотрудников открытого 1 августа того же года Института археологии АН КНР (с 1977 г. – АОИ КНР), верность которому Ань Чжиминь сохранил на всю свою долгую жизнь, пройдя путь от лаборанта

до заместителя директора. Ань Чжиминь активно участвовал в полевых изысканиях, руководил работой ряда масштабных археологических экспедиций, в т.ч. работавшей в ложе Хуанхэского водохранилища и Дунбэйской, в 1959–1960 гг. он был начальником отряда, занимавшегося раскопками Аньяна. В 1978 г. Ань Чжиминь становится главным редактором журнала "Каогу" [Археология]. Кроме того, проф. Ань Чжиминь постоянно участвует в подготовке квалифицированных кадров, ведет очень большую научно-организационную работу. В течение пяти лет он читал лекции (по неолиту Китая и методике полевых исследований) на курсах подготовки специалистов, организованных Министерством культуры, АН КНР и Пекинским университетом, был деканом археологического факультета Института аспирантуры АОИ КНР, а в 1982 г. возглавил подготовку докторантов. С самых первых дней образования Археологического общества КНР Ань Чжиминь – неперменный член правления; он становится также чле-

* Биографический очерк и обзор основных направлений деятельности юбиляра написаны на основе публикаций [Жэнь Шинань, 1986; Ань Чжиминь, 1998; Тао Личэн си цзи, 2004] и материалов личного архива проф. Чэнь Сицуня, ученика Ань Чжиминя.

ном правлений Исторического общества Китая и Китайского общества по изучению центрально-азиатских культур, заместителем председателя подкомиссии по голоцену Комиссии по изучению четвертичного периода Китая, заместителем председателя Общества по исследованию керамики и фарфора Китая, советником Общества по изучению чуской культуры. Его избирают ученым членом правления Международного объединенного общества доистории и протоистории, член-корреспондентом Германского археологического института, приглашенным профессором Токийского университета. Начиная с 1956 г. Ань Чжиминь регулярно работает в составе оргкомитетов многочисленных всекитайских и международных научных форумов, например, 11-й Конференции стран Азии и Северной Африки по гуманитарным наукам (Токио – Киото, 1983), Конференции по древней цивилизации Китая (Венеция, 1985), Всекорейской исторической конференции (Сеул, 1995), Конференции по изучению населения восточной части Центральной Азии в эпоху бронзы и железа (Филадельфия, 1996), трех конференций по изучению древних культур побережья Южного Китая и сопредельных территорий (Гонконг, 1991, 1994, 1998) и др. Он также участвует в проекте ЮНЕСКО по изданию “Истории цивилизаций Центральной Азии” и “Истории человечества”.

Ань Чжиминь относится ко второму поколению национальной археологической школы. Он слушал лекции и проходил практику под непосредственным руководством представителей блестящей плеяды китайских археологов “первого призыва” – Пэй Вэньчжуна, Лян Сыюна, Ся Ная – и передал их традиции нынешней генерации ученых. Находясь у самых истоков формирования археологии нового Китая, Ань Чжиминь участвовал в обследовании и раскопках самых известных памятников разных периодов – от палеолитических пещер Чжоукоудяня до гробниц минских императоров. Прекрасный знаток материалов по всем эпохам древней истории Китая, он является автором статей и докладов, посвященных очень широкому кругу проблем.

Особую известность Ань Чжиминю принесли работы в зоне затопления на Хуанхэ, районе Саньмэнься. Крупномасштабные раскопки на сложном по стратиграфии поселении Мяодигоу позволили выделить новый вариант в составе культуры расписной керамики яншао – мяодигоу и новую луншаньскую культуру мяодигоу-2. Итоги исследований, опубликованные отдельной монографией, подтвердили идеи одного из учителей Ань Чжиминя – Лян Сыюна о генетических связях между яншао и луншанем, с одной стороны, и луншанем и культурой ранней Шан – с другой. Благодаря этим открытиям Ань Чжиминь становится непререкаемым автори-

тетом среди исследователей неолитических культур, в т.ч. на раннем этапе их развития (культуры пэйлиган – цышань); особое внимание он уделяет изучению керамических комплексов. Известны также работы проф. Аня по проблемам других археологических эпох.

Для ученых Сибири и Дальнего Востока особую важность имеют публикации Ань Чжиминя, посвященные культурам эпохи раннего металла Северо-Западного и Северо-Восточного Китая. В обзорной статье по культурам бронзового века Синьцзяна проф. Ань выделил десять больших районов, в рамках которых сгруппировал сходные между собой памятники и предложил рассматривать данные группы в контексте культурного развития сопредельных территорий – Северного Китая, Средней Азии и Южной Сибири (прежде всего Алтая). При изучении доисторических памятников Ганьсу-Цинхайского района он обосновал сосуществование таких культур поздней бронзы – раннего железа, как синьдянь, сыба, каяо и шацзин, а также выделил две новые культуры – танван и сыба. В составе последней наряду с оригинальной расписной керамикой были выявлены бронзовые изделия, имеющие ближайшие аналоги среди позднеандроновских, карасукских и даже раннескифских находок. Большой интерес вызвала также публикация материалов из мог. № 102 в Наньшаньгэнь (Внутренняя Монголия), которая относится к культуре верхнего слоя Сяцзядянь (VIII–VII вв. до н.э.). По найденной в погребении уникальной костяной пластине с изображением боевых колесниц и лошадей были разработаны новые хронологические определения для стилистически близких сюжетов петроглифов и оленевых камней.

Следует подчеркнуть значительный вклад Ань Чжиминя в укрепление международных позиций археологии КНР. Профессор Ань Чжиминь неоднократно посещал с рабочими визитами Японию, Германию, Гонконг (Сянган), США, Великобританию, Италию, Румынию, Албанию, Эфиопию, Иран, Республику Корея и Тайвань. Следует отметить его заслуги в развитии отношений с российскими учеными; в 1985 г. Ань Чжиминь принимал в Пекине главного редактора нашего журнала акад. А.П. Деревянко. Участвуя в международных совещаниях и совместных проектах, Ань Чжиминь устанавливал прочные деловые контакты с организациями и специалистами, которые занимаются исследованиями в смежных областях. Прекрасное знание японского языка позволило ему быть в курсе всех последних достижений островной археологии и знакомить с ними своих китайских коллег.

Ань Чжиминь начал печатать научные труды еще будучи студентом. Его первая статья под названием

“Первоначальная форма кубка цзюэ и ее изменения” была опубликована в 1945 г. С тех пор Ань Чжиминем издано примерно 10 монографий и авторских сборников и ок. 300 статей, рецензий и тезисов в периодических изданиях и трудах различных конференций, в т.ч. на иностранных (японский, английский, немецкий) языках. К достижениям юбиляра можно причислить и изданный в Гонконге к его 80-летию сборник под поэтичным названием “Путь среди цветущих персиков и слив” [Тао ли чэн си цзи, 2004]. Этот фразеологизм в китайском языке указывает на множество учеников и последователей, привлеченных высоким умом и талантом наставника. Действительно, статьи в юбилейный сборник представили исследователи со всего материкового Китая (Пекина, Нанкина, Тайюаня, Чжэнчжоу, Сианя, Цзинаня, Синина, Сямэня), а также из Гонконга, Тайваня, Японии, США, Великобритании, Австралии, Канады, Швеции, Кореи и России. Широта географического и тематического (от палеолита до средневековья эпохи Пяти династий) охвата опубликованных работ наглядно свидетельствует о высочайшем авторитете проф. Ань Чжиминя в современной археологической науке.

Список литературы

Жэнь Шинань. Ань Чжиминь // Чжунго дабайкэ цюаньшу: Каогусюэ [Большая китайская энциклопедия: Археология]. – Пекин; Шанхай: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1986. – С. 20.

Ань Чжиминь. Дунъя каогу луньцзи [Сборник статей по археологии Восточной Азии]. – Hong Kong: Centre for Archaeology and Art, The Chinese University of Hong Kong, 1998. – XV, 284 с.

Тао ли чэн си цзи: Циньчжу Ань Чжиминь сяньшэн баши шоучэнь [Путь среди цветущих персиков и слив: К 80-летию учителя Ань Чжиминя] / Под ред. Тан Чуна, Чэнь Сицуня. – Hong Kong: Centre for Archaeology and Art, The Chinese University of Hong Kong, 2004. – XX, 412 с.

В.И. Молодин¹, Чэнь Сицунь², С.А. Комиссаров¹

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17,
Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

² *Институт археологии АОН КНР, Пекин
The Institute of Archaeology,
Chinese Academy of Social Sciences
27 Wangfujing Dajie Beijing, 100710, China*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ – Бурятский научный центр СО АН СССР
ВДИ – Вестник древней истории
ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
ДВО – Дальневосточное отделение РАН
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ – Материалы по этнографии
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства (г. Кемерово)
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН